This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

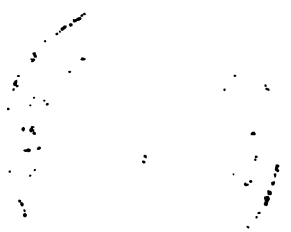
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

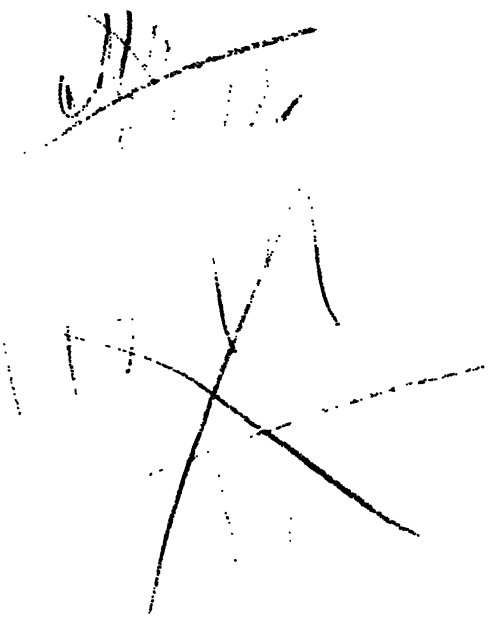
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

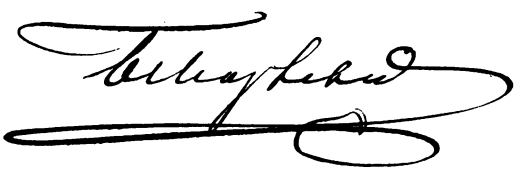


30140
11



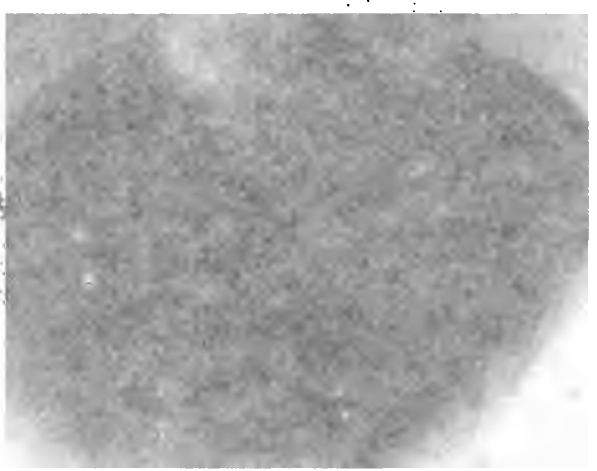
Б. М. МАРКЕВИЧЪ.

Печ со стали Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.



Harkevich, B. M.

[A.



Markevich, B. M.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Б. М. МАРКЕВИЧА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, Фонтанка, д. № 93.
1885.

PG3467
M327
1885
v.1

Содержаніе

ПЕРВАГО ТОМА:

	стран.
Типы прошлаго.	1
Двѣ маски	277

ТИПЫ ПРОШЛАГО.

ТИПЫ ПРОШЛАГО.

РОМАНЪ *).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Möge doch Mancher, in seinen Sünden,
Hievon die Nutzanwendung finden.
Göthe.

I.

Это было восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Я жилъ тогда въ Москвѣ, служилъ довольно прилежно, еще прилежнѣе губилъ время „на разныя забавы“ и велъ вообще, если не веселую, то весьма разсѣянную, чтобы не сказать безтолковую, жизнь. Пора была такая,—1849 годъ! „Разбейтесь силы, вы не нужны!“ говорилось въ одномъ, разумѣется не печатномъ, стихотвореніи той эпохи. И, дѣйствительно, что было дѣлать тогда съ своими силами, куда было дѣть свою молодость?...

Москва въ то время доживала свои послѣдніе беззаботные годы. Желѣзная дорога еще не соединяла ее съ Петербургомъ. Круговоротъ петербургскаго тщеславія и приманки заграничной жизни не успѣли еще обезлюдить ее и измѣнить старинную физіономію московскаго общества. Не мало еще „тузовъ жило и умирало въ Москвѣ“, не мало еще остава-

*) Впервые напечатанъ въ послѣднихъ пяти книжкахъ «Русскаго Вѣстника» за 1867 годъ.

лось тамъ „дверей, открытыхъ для званыхъ и незваныхъ“. Все такъ же гостепріимно и таровато, какъ и во времена Фамусова, жили въ Москвѣ, сладко пили и ѣли, давали шумные праздники, все такъ же плели сплетни, тѣ „милыя“ сплетни, по которымъ вздыхалъ Москвичъ Лермонтовъ, перенесенный въ казенный, не болтливый Петербургъ; все также усердно „спорили и расходились“ въ Англійскомъ клубѣ, проигрывались и закладывали имѣнія въ Опекунскій совѣтъ. Попрежнему, наконецъ, наѣзжали по зимамъ въ Москву, „изъ гвардіи, иные отъ Двора“, искатели богатыхъ невѣстъ, плѣняли тамошнихъ красавицъ своею ловкостью, звѣздами или вензелями и увозили ихъ на берега Невы. Но, вѣрная своимъ преданіямъ, не оскудѣвала ими Бѣлокаменная, и на смѣну отбывшимъ прибывали, по первопутью, все новыя и новыя красавицы и невѣсты изъ близкихъ и далекихъ странъ обширнаго нашего отечества...

Въ числѣ моихъ близкихъ знакомыхъ былъ нѣкто Крусановъ, который къ этимъ новоприбывшимъ питалъ особеннаго рода нѣжность. Это было съ его стороны совершенно безкорыстное чувство. Крусановъ былъ, какъ говорится, обезпеченъ по части сердечной. Онъ любилъ и былъ любимъ и терпѣливо ждалъ смерти стараго брюзги-мужа, страдавшаго одышкой, для соединенія, на законномъ основаніи, судьбы своей съ судьбой любимаго предмета. Для провинціальныхъ дебютантокъ въ московскомъ свѣтѣ онъ исправлялъ должность добрыхъ волшебницъ дѣтскихъ сказокъ. На балѣ, въ пестрой толпѣ, его привычный взглядъ всегда останавливался на какой-нибудь свѣженькой дѣвочкѣ, съ деревенскими красками на кругленькомъ личикѣ, съ невинными и слегка испуганными глазами и блуждающею на устахъ робкою, немножко глупою улыбкой.

„Взгляни, братъ“, бывало скажетъ онъ, издали указывая на нее, „должно-быть изъ степной губерніи прибыла, сидитъ себѣ, новичокъ-новичкомъ, и боязно-то ей, бѣдненькой, и поплясать-то мочи нѣтъ хочется, а хоть бы кто сжалился, подошелъ; непремѣнно надо ее въ ходъ пустить“. И черезъ пять минутъ онъ успѣлъ собрать о ней справки и дѣйстви-

тельно пускаетъ ее въ ходъ все тѣмъ же, не хитрымъ, но никогда не измѣнявшимъ ему способомъ. Подхватитъ перваго попавшагося ему знакомаго и пошепчетъ ему на ухо: „въ углу направо, въ розовомъ платьѣ, на головѣ ландыши,—видишь?“—„Вижу; а что?“—„Ничего“, отвѣчаетъ онъ небрежно, закладывая палецъ за жилетъ,—„ничего, пятьсотъ душъ и двѣсти тысячъ денегъ!“ Тотъ головой только мотнетъ: „знаемъ, братъ, знаемъ, у тебя про всѣхъ одна пѣсня, ты бы хоть цифру-то разочекъ сбавилъ“.—„А я развѣ тебя въ шею толкаю, жениться на ней прошу“, говоритъ Крусановъ, пожимая плечами,—„вѣрь не вѣрь, что мнѣ за дѣло!“ И отвернется все такъ же равнодушно. Тѣмъ не менѣе пущенная имъ утка уже облетѣла всю залу; глядишь, къ юной провинціалкѣ то и дѣло подводятъ танцоровъ. Толстая маменька, сидящая подлѣ нея, съ выцвѣтшимъ изумрудомъ на брусничнаго отлива шеѣ, даже жмурится отъ сердечнаго умиленія, и подъ конецъ бала protégée Крусанова уже такъ увѣрена въ своемъ успѣхѣ, что прыгаетъ не въ тактъ въ мазуркѣ смѣлѣе лучшей варшавской балетчицы, и такъ лукаво надуваетъ губки, и закрывается букетомъ, и пускаетъ изъ-за него косые лучи взглядовъ на своего запыхавшагося кавалера, точно будто научилась она всему этому не у себя дома, въ Алатырскомъ уѣздѣ, а гдѣ-нибудь за рѣшетчатымъ окномъ, подъ темнымъ небомъ Андалузіи. А тайный, невѣдомый ея благодѣтель, все время слѣдившій за ней изъ угла, съ очевидной гордостью уѣзжаетъ съ вечера, на подобіе Тита Милосердаго, довольный своимъ днемъ. „Что же, братецъ“, говоритъ онъ,—„я свое дѣло сдѣлалъ, путь проложенъ, теперь сама она плыви уже какъ знаетъ....“

II.

— Ну-ка, всевѣдущій человѣкъ, а это кто, и откуда? спросилъ я его однажды, на одномъ очень многолюдномъ балѣ, указывая на высокую, черноволосую дѣвушку, въ бѣломъ съ головы до ногъ, которая только что становилась въ кадриль съ однимъ, въ то время весьма моднымъ, гвардейскимъ кирасиромъ.—Тебѣ сегодня, видно, опять предстоитъ забота.

— Гдѣ она, гдѣ? живо спросилъ Крусановъ, наводя на нее свой лорнетъ. Взглянулъ и замолкъ.—Нѣтъ, братъ, сказалъ онъ наконецъ, поворачиваясь ко мнѣ съ презабавнымъ выраженіемъ досады,—это не по моей части!

— Это почему?

— Да потому что эта, милый мой, не съ родни моимъ степнушкамъ. Это, братецъ мой, Европа! Ты ее сейчасъ въ Петербургъ, въ Зимній дворецъ вези, такъ она и тамъ сама себя отрекомендуетъ.

— Эге, да ты смотри, я о тебѣ Ольгѣ Николаевнѣ донесу сейчасъ!

Но Крусановъ уже дерзко пробирался за заповѣдную грань кадрили, чтобы стать поближе къ незнакомой ему дѣвушкѣ.

И, дѣйствительно, она была поразительно хороша, хороша какою-то необычайною прелестью. Высокая, бѣлая какъ чистѣйшій мраморъ, съ идеально тонкими очертаніями головы и бюста, съ блѣдно голубыми, почти неподвижными глазами, въ которыхъ предстоявшіе предметы какъ будто не находили себѣ отраженія, она походила на призракъ какой-то древней

богини „неотразимый и роковой....“ Мнѣ въ жизни уже болѣе не случалось встрѣчаться съ подобною красотой....

— Слыхалъ ты про Чемисарова? Богачъ, помѣщикъ, генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ, въ 12 году еще отличился; такъ это его дочь. Недавно изъ деревни пріѣхали сюда на зиму, доложилъ мнѣ, успѣвшій тѣмъ временемъ все разузнать, Крусановъ.

— Какъ ты думаешь? спросилъ я его: — улыбается она когда-нибудь?

— Повидимому, способности не оказываетъ, отвѣчалъ онъ,—царевна какая-то изъ соннаго царства. Пойду, поищу, нѣтъ-ли тутъ какой-нибудь сиротки изъ Бузулука. Хороша эта, хороша, ни слова, только, воля твоя, душа къ ней не лежитъ.

Но я между тѣмъ успѣлъ замѣтить, что она улыбалась, или старалась улыбнуться любезностямъ своего кавалера, и что даже въ этой улыбкѣ было что-то невыразимо манящее, чему непобѣдимымъ опроверженіемъ, казалось, служили ея безучастные и безнадежные глаза.

„На душѣ у этой Изиды что-то не ладно, или я совсѣмъ уже плохой физіономистъ“, подумалъ я.

А между тѣмъ она производила на свѣтскую толпу самое выгодное впечатлѣніе. Эффектъ былъ всеобщій.

— Mais c'est une reine? торжественно изъяснялъ свое мнѣніе князь Никодимъ Ларіоновичъ: — она отъ Гомеровыхъ боговъ въ прямомъ колѣнѣ происходитъ!

И по этому случаю маленькій сановникъ приподнялся даже на каблучкахъ своихъ, точто будто въ эту минуту чувствовалъ себя самъ и королемъ, и Гомеровымъ богомъ.

— Quelle distinction! удивлялась хозяйка дома, княгиня Марѳа Львовна.

— Sa mère est une princesse Kourliatef, — объясняла ей дочь ея Сашенька, прозванная Церерой за мучную бѣлизну ея блистательныхъ плечъ, Сашенька, для которой идеалъ жизни представлялся чѣмъ-то въ видѣ безконечно-длинной галлереи, съ тѣснымъ рядомъ каріатидъ по обѣимъ сторонамъ ея; каріатиды всѣ безъ исключенія графы и князья; они ровно ни-

чего не говорятъ ей, а только улыбаются, и она также ничего не говоритъ имъ, а только улыбается направо и налѣво, да несетъ высоко свои великолѣпныя плечи, и все идетъ, идетъ и улыбается своимъ милымъ каріатидамъ до самой смерти.

— Па маль, па маль, ме ла Катинка э плю пиканъ, отзывалась пріѣзжая изъ Воронежа Крезъ-старуха, добродушно кивая единственной наслѣдницѣ своей и племянницѣ, молоденькой и еще жиденькой особѣ, съ смѣлымъ и возбудительнымъ монгольскимъ личикомъ, въ которомъ выражалась несокрушимая увѣренность въ будущіе успѣхи на всѣхъ поприщахъ земнаго счастья.

— C'est une autre Bettina pour un autre Göthe, говорила въ то же время пронзительнымъ и картавымъ голосомъ Эвелина Конрадовна Ятаганова, рожденная Ванкухенъ, обращаясь къ своей сосѣдкѣ, Елизаветѣ Григорьевнѣ Границыной, не молодой и миловидной женщинѣ, въ очкахъ, съ поблекшими, но тончайшими, породисто-благородными чертами лица, которая въ эту минуту высыпала на руку табакъ изъ золотаго рожка, къ великому скандалу сидѣвшей тутъ же супруги тайнаго совѣтника Подтяжкина, переведеннаго недавно изъ Петербурга сенаторомъ въ Москву.

— Вы скажите мнѣ прежде, бываютъ-ли счастливы Беттины? отвѣчала Елизавета Григорьевна, медленно нюхая свой табакъ и съ задумчивымъ участіемъ глядя на дѣвушку, которая обращала на себя всеобщее вниманіе.

Но Эвелина Конрадовна, не слушая ея, продолжала восхищаться и картавить.

— Въ ней блескъ Алябьевой и прелесть Гончаровой, восклицала она нараспѣвъ во всеуслышаніе, откидываясь бокомъ на спинку кресла и обдергивая обѣими руками свое хрустящее шелковое платье такъ, какъ будто питала къ нему наслѣдственную вражду. Взгляни на нее мой бѣдный Языковъ, онъ написалъ бы ей дивные стихи въ родѣ тѣхъ, помните, которые онъ меня еще просилъ исправить:

. . . . Еслибъ жили
Вы межъ Грековъ, въ оны дни,

Греки бъ васъ боготворили,
Вамъ построили бъ они
Бѣломраморные храмы,
Золотые алтари,
Гдѣ бъ курились ѳиміамы
Отъ зари и до зари!...

Кадриль кончилась. Видимо млѣющій кирасиръ отвелъ свою даму на мѣсто, но не покидалъ ея и пожиралъ глазами, стоя и наклонивъ къ ней свою гладко обстриженную и лоснящуюся гвардейскую голову.

— Это, сударь мой, тридцатью тысячами дохода пахнетъ, пояснялъ мнѣ безпощадный Крусановъ, набравшійся тѣмъ временемъ новыхъ справокъ;—безвыѣздно въ деревнѣ живутъ, отецъ дока въ хозяйствѣ и скупердяй страшный.

— Извините, вѣжливо произнесъ въ это время подлѣ насъ чей-то голосъ, показавшійся мнѣ знакомымъ. И курчавый морской офицеръ, слегка задѣвъ меня локтемъ, быстро прошмыгнулъ мимо, направляясь въ сторону, гдѣ сидѣла блѣдная красавица.

— Боже мой! чуть не крикнулъ я на всю залу: — ты-ли это, Кемскій?

И предо мной внезапно предстали толпой всѣ дорогія воспоминанія моей молодости и весеннія ночи въ Царскомъ Селѣ, и старикъ Калиничъ, и первые стихи Мея, и слезы, капавшія противъ воли по щекамъ этого курчаваго моряка, когда

Съ лицейскаго порога
Онъ на корабль перешагнулъ шутя,

какъ нѣкогда Матюшкинъ, и мы всѣмъ курсомъ поѣхали въ воскресный день провожать его въ Кронштадтъ.

Морякъ обернулся; радостное изумленіе выразилось на его лицѣ; онъ пріостановился на мгновеніе, дружески махнулъ мнѣ рукой и живѣе прежняго покатилъ по тому же направленію.

— Ишь, какъ его туда тянетъ, что твой компасъ! смѣясь замѣтилъ Крусановъ:—кто это такой?

— Лицейскій мой товарищъ, Владиміръ Кемскій. Мы съ самаго выпуска не видались.

— Изъ Петербурга теперь, стало-быть?

— Не знаю. Мы разстались съ нимъ восемь лѣтъ тому назадъ. Онъ пошелъ тогда вокругъ свѣта, а затѣмъ, я слышалъ, перешелъ въ черноморскій флотъ.

— Хорошій флотъ! одобрительно промолвилъ Крусановъ и кивнулъ головой, съ видомъ знатока, хотя опричь московскихъ сплетенъ онъ ни о чемъ въ мірѣ не имѣлъ никакого понятія.

— Они, видно, старинные знакомые, продолжалъ онъ громко сообщать мнѣ свои заключенія,—не изъ одной-ли губерніи, или даже родня? Гляди-ка, гляди, какъ онъ ее за руку ухватилъ, какъ пожимаетъ здорово; вѣдь онъ ей всѣ пальчики отдавитъ этимъ манеромъ, Лаперузъ-то твой, ей Богу! Те, те, те, да нѣтъ-ли романа какого? Смотри, наша царевна словно просіяла.

Крусановъ былъ правъ. Внезапное появленіе Кемскаго, казалось, оживило этотъ мраморъ. Губы ея побагровѣли, легкій румянецъ проступилъ сквозь тонкую кожу лица. Даже глаза ея, эти нѣмые глаза, казалось, хотѣли заговорить; но мнѣ вообразилось почему-то, что еслибы точно заговорили они, не радостью, а какимъ-то сокровеннымъ смущеніемъ отвѣчалъ бы ея взглядъ на живой, говорящій взглядъ Кемскаго. Но загорѣвшаяся искра погасла, едва сверкнувъ; глаза ея остались также равнодушны и безучастны.

Онъ сѣлъ между тѣмъ подлѣ нея, видимо отдавшись весь счастію нежданной встрѣчи и не обращая никакого вниманія на окружающую ихъ толпу, на балъ, на свѣтскія приличія. Онъ съ жаромъ ей что-то говорилъ, глядя ей прямо въ глаза и по временамъ сжимая свои густыя брови, будто доискиваясь чего-то въ ея лицѣ и недоумѣвая....

Она слушала, обернувшись къ нему и тихо улыбаясь на его рѣчи, улыбаясь, но не весело,—казалось мнѣ опять.

Модный гвардеецъ, такъ изящно занимавшій ее разговоромъ до тѣхъ поръ, изображалъ собой въ эту минуту нѣчто въ родѣ того, какъ еслибъ онъ на войнѣ внезапно наткнулся, въ пылу атаки, на засаду, съ грозящимъ ему изъ-за нея вдесятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ. Онъ, повидимому, намѣ-

ренъ былъ отстоять свою позицію и до трехъ разъ принимался, со всей высоты своей, мѣрять взглядомъ Кемскаго, начиная съ кончика его сапоговъ и до темени. Но все это пропало даромъ. Морякъ мой, очевидно, не видѣлъ его, не подозрѣвалъ его присутствія. Кирасиръ улыбнулся, потянулъ внизъ свои прекрасные длинные усы и, медленно повернувшись на длинныхъ ногахъ, величаво отошелъ прочь, видимо сохранивъ къ себѣ полное уваженіе.

Но Крусановъ былъ иного мнѣнія.

— Обратихся вспять, съ духомъ зѣло сокрушеннымъ, яко втунѣ вознесъ мольбы своя къ кумиру не внемлющу! прогнусилъ онъ дьячкомъ ему вслѣдъ, комически качая головой.—Похѣрили, значитъ, аминь. Теперь, братъ, поплыла она на суденышкѣ оснащенномъ, по морю по окіану, къ славну острову Буяну; вѣтеръ дуетъ поддуваетъ, нашъ корабликъ подгоняетъ. Смотрѣть болѣе ничего не осталось: тѣ же и прежніе. Пойдемъ, сыграемъ пульку отъ скуки. Вотъ къ намъ кстати и третій идетъ, Говорило Стаканычъ сердечный, тараканчикъ запечный.

— Не съ тебя-ли Грибоѣдовъ Репетилова списалъ, осиплая трещотка? отвѣчалъ ему на это, подходя, Гавріилъ Степановичъ Чесминъ, прелысый, презабавный и предобрѣйшій малый, съ которымъ Крусановъ вѣчно вздорилъ, хотя души въ немъ не чаялъ.

— Бѣда отъ нѣжнаго сердца: водевиль безъ начала и конца, сочиненіе майора Чесмина, провозгласилъ онъ опять, помирая со-смѣху и нисколько не оскорбляясь словами пріятеля.—У чьихъ ногъ лежишь въ настоящее время, отвѣчай, плешандасъ?

— Да намѣренъ на твое мѣсто проситься, къ Ольгѣ Николаевнѣ, отвѣчалъ пресеріозно Чесминъ.

— Ну, однако, братъ, пожалуйста, безъ глупыхъ шутокъ, вспыхнувъ, пробормоталъ Крусановъ и надулся.

Онъ былъ ревнивъ и не допускалъ даже мысли о чьемъ-нибудь посягательствѣ на то, что давно уже привыкъ почитать своею неотъемлемою собственностью.

Мы усѣлись за карты въ дальней комнатѣ.

Партія наша кончалась, какъ подошелъ ко мнѣ Кемскій.

— Я тебя ищу по всему дому, сказалъ онъ, крѣпко сжимая мою руку:—ты ужинаешь?

— Никогда.

— И прекрасно. Я предлагаю тебѣ уѣхать вмѣстѣ и не медля.

— Готовъ.

Мы вышли вмѣстѣ на крыльцо.

— Гдѣ ты остановился? спросилъ я.

— На Тверской, тутъ по близости, но мнѣ бы не хотѣлось домой. Съѣздимъ въ Кремль, я еще тамъ не былъ... Что́ за дивная ночь!

— Наша, братъ, русская красавица-ночь, холодная, да здоровая, сказалъ я, усаживаясь съ нимъ въ сани, съ какимъ-то давно неиспытаннымъ удовольствіемъ: такъ весело было мчаться въ эту ясную зимнюю погоду по скрыпучему снѣгу и чувствовать близко себя этого милаго товарища юности....

— Ну, говори, началъ я,—откуда ты,

Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?

— Изъ Камчатки, дружище, прямымъ путемъ. Фрегатъ мы оставили въ Петропавловскѣ, а экипажъ вернулся сухимъ путемъ....

— А сюда пріѣхалъ когда?

— Нынче утромъ. Отъ корридорнаго въ гостинницѣ узналъ, что княгиня Марѳа Львовна даетъ сегодня балъ. Я вспомнилъ, что она мнѣ какою-то тетушкой приходится, переодѣлся и поѣхалъ къ ней съ визитомъ, единственно для того чтобъ она меня на вечеръ свой пригласила,—такъ хотѣлось мнѣ скорѣй людей увидать! Вѣдь я, братъ, одиннадцать мѣсяцевъ выжилъ въ устьяхъ Амура, среди такого дикаго люда, которому географы до сихъ поръ не нашли приличнаго названія.

— И на этомъ балѣ ты уже никакъ не думалъ встрѣтиться....

— Съ тобой? перебилъ меня Кемскій.

— Ни со мной, ни....

— Ни съ Наденькой Чемисаровой, домолвилъ онъ безъ

запинки,—нѣтъ. Мнѣ, говорила она, писали въ Иркутскъ, что они будутъ съ отцомъ въ Москву зимой, но письма этого я не получилъ. И поэтому скажу тебѣ откровенно, я сегодня такъ счастливъ, какъ еще никогда въ жизни не бывалъ. Да къ тому же эта ночь, и Москва.... Послушай, Мумка, воскликнулъ онъ, прицоминая мнѣ мое старое школьное прозвище,—не мѣшай мнѣ только воротникъ шинели, я бы тебя, ей-Богу, укусилъ съ радости!

И онъ залился своимъ добрымъ, поджигающимъ смѣхомъ, отъ котораго, бывало, шелъ гулъ перекатомъ по всѣмъ лицейскимъ корридорамъ.

Мы въѣхали въ Кремль. Сіяющая и безмолвная ночь мягко лежала надъ нимъ, надъ необозримою равниной Замоскворѣчья, одѣтою въ серебряную ризу снѣга. Будто повисшіе въ воздухѣ, сверкали въ вышинѣ кресты церквей, озаренные полною луной....

— Къ Благовѣшенскому собору. Стой! закричалъ Кемскій, выскочилъ изъ саней, снялъ киверъ и сталъ набожно креститься.—Годъ тому назадъ, въ Охотскомъ морѣ, насъ прибило штормомъ къ берегу, началъ онъ затѣмъ,—мы погибали. Три дня и три ночи, подъ страшнымъ прибоемъ, стаскивались мы съ мели. Вѣтеръ не утихалъ, мы потеряли всякую надежду. Матросы надѣли бѣлыя рубахи. Я утомился страшно, опустился у гротъ-мачты и заснулъ какъ убитый. И въ это время мнѣ приснился вотъ этотъ сонъ, промолвилъ онъ, обводя кругомъ рукой,—Кремль съ его святыней, и эта безконечная даль, и въ каждомъ домѣ этотъ огонекъ лампады передъ семейными, старинными иконами.... Я помню, я проснулся тогда весь въ слезахъ; чудныя, братъ, сладкія были эти слезы! Мнѣ не хотѣлось умирать, а въ этомъ снѣ я почерпнулъ какую-то неодолимую надежду въ наше спасеніе. И точно: на зарѣ вѣтеръ перемѣнился противъ всякаго чаянія. И вотъ, какъ видишь, я живу и.... и счастливъ, повторилъ онъ опять.—Оторваться не хочется отсюда, продолжалъ Кемскій, облокачиваясь на рѣшетку,—какая тишь, какая ширь кругомъ! И не правда-ли, кажется, что какое-то таинственное, отъ вѣка жданное слово должно сейчасъ

сказаться тебѣ отъ этого безмолвія и шири необъятной? Вся наша Русь родная сказалась въ этой картинѣ....

— Тебѣ бы не мѣшало съ нашими славянофилами познакомиться, сказалъ я, улыбнувшись,—ты имъ по сердцу придешься.

Онъ обернулся на меня, нахмуривъ брови.

— А они тебѣ смѣшны? Кто же у васъ теперь умникомъ считается?

— По мнѣ умникъ ты, милый мой, сказалъ я, невыразимо завидуя ему въ эту минуту,—для тебя нашлось и дѣло, и смыслъ въ жизни, ты въ свое дѣло вѣришь, вѣришь въ счастіе, въ будущее! Не много, братъ, у насъ такихъ....

— Еще бы не вѣрить! Я во все вѣрю, отвѣчалъ онъ съ своимъ добродушнымъ смѣхомъ,—въ сны, въ примѣты, чуть не въ домоваго, и готовъ въ этомъ на Красной площади передъ всей Москвой сознаться. Вотъ развѣ съ вами поживу, опять выучусь стыдиться этого и краснѣть....

— А долго ты съ нами пробудешь? спросилъ я.

— Ну, это не совершенно отъ меня зависитъ, сказалъ онъ, съ цѣлымъ міромъ блаженныхъ надеждъ въ голосѣ и взглядѣ.

— Дай тебѣ Богъ всякаго успѣха! могъ только сказать я ему.—Скажи пожалуйста, ты давно *ее* знаешь? спросилъ я его на возвратномъ пути изъ Кремля.

— Наденьку? отвѣчалъ онъ.—Я знаю ее съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, и люблю чуть не съ того же времени. Я тебѣ еще въ лицеѣ говорилъ о свѣтлоокой дѣвочкѣ. Мы сосѣди по имѣніямъ и родня; по смерти отца моего, отецъ ея былъ моимъ опекуномъ. Ну, словомъ, возьми нѣмецкій романъ, какіе переводили у насъ въ концѣ прошлаго столѣтія,—вотъ тебѣ моя исторія. Вашему брату романтику не надъ чѣмъ тутъ разгуляться.

— Когда же разстались вы въ послѣдній разъ?

— Два года тому назадъ. Я вернулся тогда изъ кругосвѣтнаго путешествія и провелъ шесть мѣсяцевъ у нихъ въ деревнѣ. Наденькѣ минуло въ ту пору восемнадцать лѣтъ. У насъ еще тогда все было бы, вѣроятно, кончено, какъ вдругъ

неожиданно получаю приказаніе явиться на службу. Нечего было дѣлать. Я поскакалъ въ Николаевъ, куда былъ переведенъ по возвращеніи изъ вояжа. Фрегатъ мой посылали въ Англію. Мы думали вернуться къ зимѣ. Не тутъ-то было. Въ Плимутѣ насъ ожидало новое приказаніе: отправляться къ устьямъ Амура. Признаюсь, я отъ тоски чуть съ ума не сошелъ тогда.... Ну, да Богъ милостивъ! Теперь она отъ насъ не отвертится! заключилъ онъ, весело подмигивая мнѣ и кивая головой.

Странное впечатлѣніе производили на меня его слова; похоже это было на то, когда иной разъ привидится тебѣ что-нибудь необыкновенно-радостное, и ты, во снѣ же, говоришь себѣ, что это, можетъ быть, одинъ только сонъ.

— Замѣчательные глаза у твоего предмета, сказалъ я.

— Не правда-ли, какъ она хороша! воскликнулъ онъ, оборачиваясь ко мнѣ съ сіяющимъ лицомъ.

— Великолѣпна; но долженъ тебѣ признаться, у нея какіе-то непонятные глаза.

Кемскій расхохотался.

— Ты все тотъ же, Мумка, заговорилъ онъ,—какъ въ тѣ времена, когда носился съ своимъ анализомъ какъ съ дорогимъ нещечкомъ и читалъ намъ по субботамъ мрачные стихи, какъ теперь помню:

Не вѣря ни въ людей, ни въ жизнь, ни въ наслажденье,
Я изнемогъ душой подъ бременемъ сомнѣнья

и пр. и пр.... Что же тебѣ такое особенное понять хочется въ Наденькиныхъ глазкахъ?

— Да ничего особеннаго, отвѣчалъ я, признаюсь, съ нѣкоторымъ раздраженіемъ; его насмѣшка задѣла меня за живое:—а самое простое человѣческое выраженіе, радость или печаль, скуку или удовольствіе....

— А они ничего, по-твоему, не выражаютъ? перебилъ Кемскій.

Отступать уже было поздно, хоть я въ то же время успѣлъ уже сказать себѣ, что попалъ по колѣни въ болото и что сухимъ мнѣ изъ него не выйти никакъ.

— Нѣтъ, это не совсѣмъ такъ; по-моему, они не то что ничего не выражаютъ, а то, что не *хотятъ* ничего выражать.

— Это я еще меньше понимаю, сказалъ Кемскій, уже безъ смѣха.—Нельзя-ли объяснить?

Выпутаться не оставалось никакой возможности. Я, что говорится, брякнулъ съ плеча.

— Я, можетъ-быть, ошибаюсь, но мнѣ представляется, что глаза этой дѣвушки какъ будто задернулись для міра и ничего не хотятъ видѣть, что въ немъ происходитъ....

— Даже и меня? воскликнулъ вдругъ Кемскій съ такою тревогой въ голосѣ, что мнѣ стало грустно за него.

— Ты совсѣмъ другое, ты исключеніе, ничего умнѣе не съумѣлъ я возразить для его успокоенія.

Онъ задумался.

— Странно; что за причина?... Я, впрочемъ, не замѣтилъ этого въ ней, промолвилъ онъ и запахнулся плотнѣе въ шинель.

Разговоръ нашъ на этомъ прекратился.

— Прощай, Кемскій, сказалъ я, когда мы остановились у его гостинницы.

Онъ кивнулъ мнѣ головой и молча направился къ дверямъ.

— Когда же мы увидимся?

— Не знаю.... Хочешь завтра пообѣдать вмѣстѣ? предложилъ онъ, какъ бы спохватившись.

— Очень радъ. У Шевалье, въ 5 часовъ.

— Идетъ.

Я уѣхалъ домой весьма недовольный собой, какъ легко можетъ себѣ представить мой догадливый читатель.

III.

Мы съѣхались въ назначенный часъ у Шевалье. Народу было много. Прислуга суетилась. Пока мы составляли menu, изъ большой залы вышелъ гвардейскій кирасиръ съ салфеткой въ рукахъ и, увидавъ Кемскаго, протянулъ ему руку съ самымъ дружелюбнымъ видомъ.

— Vous dinerez ici tout aussi bien que chez Legrand, сказалъ онъ ему, поощрительно взглянувъ при этомъ на вертлявую француженку, засѣдавшую за конторкою, и весьма эффектно проводя по волосамъ длинную бѣлую руку съ вылощенными порошкомъ *ad hoc* ногтями самаго пріятнаго розоваго отлива.

— Давно-ли ты знакомъ съ этимъ франтомъ? спросилъ я Кемскаго, усаживаясь съ нимъ за столъ въ отдѣльной комнатѣ.

— Я сегодня по малой мѣрѣ съ полгородомъ познакомился, отвѣчалъ онъ,—а въ томъ числѣ и съ этимъ господиномъ. Просидѣлъ все утро у Чемисаровыхъ. Сущее нашествіе было у нихъ сегодня. А что вѣстей и сплетенъ наслышался, голова до сихъ поръ трещитъ! Слушаю, да только думаю: ну, ужь народецъ, къ чему это они мнѣ все разсказываютъ?

— Нѣтъ, это въ порядкѣ вещей, замѣтилъ я,—вы здѣсь люди новые, какъ же не познакомить васъ съ нашимъ обиходомъ!

— Про тебя, между прочимъ, слышалъ, промолвилъ, улыбаясь, Кемскій.

— Вотъ какъ!

— Какъ же! Видно у тебя здѣсь не безъ доброжелателей. Разсказывали, что съ барынями у тебя метода Лазаря пѣть и что этимъ ты много у нихъ выигрываешь, а зато на службѣ лютъ аки тигръ: трехъ чиновниковъ уже подъ судъ отдалъ, двухъ вогналъ въ чахотку, а начальство свое такъ осѣдлалъ, что оно и чихнуть не смѣетъ безъ твоего позволенія.

— Только-то?

— А тебѣ мало?

— Ну, конечно. Это, значитъ, такъ кто-то, изъ милости, удостоилъ помянуть. У насъ, милый мой, положеніе человѣка тѣмъ завиднѣе, чѣмъ колоссальнѣе взводится на него сплетня. Вотъ еслибы, напримѣръ, сказали про меня, что совратилъ я съ пути истины старушку изъ Вдовьяго Дома, или утащилъ всю мѣдную монету изъ подваловъ казенной палаты, это еще, куда ни шло, могло бы польстить самолюбію.

— Не жалуйся, сказалъ, разсмѣявшись, Кемскій, — и то, что плетутъ про тебя, принесло уже свою долю пользы. Ты пріобрѣлъ этимъ заочно расположеніе Павла Васильевича Чемисарова, а это достигается не легко. Изъ слышаннаго о тебѣ онъ заключилъ, что ты долженъ быть чѣмъ-то въ родѣ Аттилы, бича Божьяго, насланнаго на ненавистную ему породу чиновниковъ, и на этомъ основаніи возымѣлъ къ тебѣ полное уваженіе. Онъ сказалъ мнѣ, что служилъ когда-то съ твоимъ отцомъ, и желаетъ, чтобъ я тебя ему представилъ.

— Очень лестно. А что за человѣкъ, между прочимъ, твой будущій тесть?

— Сразу отвѣчать на это довольно трудно, отвѣчалъ Кемскій, помолчавъ.—Скажу тебѣ одно на первый случай: человѣкъ онъ далеко не за урядъ, и все рѣже и рѣже попадаются такіе въ наше время. „Чемисаровы литые родятся“, сказалъ онъ мнѣ однажды. И точно, онъ какой-то литой съ головы до ногъ. Случалось мнѣ встрѣчать, хотя бы между нашими старыми моряками, людей съ характеромъ, желѣзныхъ, повидимому, людей. И такъ и смотришь на него, и всѣ смотрятъ; а поразобрать его жизнь поближе, не въ томъ, такъ въ другомъ случаѣ погнулся человѣкъ,—желѣзо-то кряк-

нуло. А Павелъ Васильевичъ какъ родился, такъ и поднесь. Я жизнь его близко знаю, отецъ мой былъ съ нимъ знакомъ сорокъ лѣтъ,—незыблемъ какъ мѣдный памятникъ. Онъ въ продолженіе всей своей жизни ни разу не усомнился въ томъ, что ему слѣдовало дѣлать, не уступилъ ничьему чужому мнѣнію и не измѣнилъ однажды принятому имъ намѣренію, чего бы это ему ни стоило. Анекдотовъ про него я бы могъ разсказать тебѣ бездну. Вотъ, напримѣръ: молоденькимъ мальчикомъ поступилъ онъ въ службу, въ гвардію, и сразу какъ-то пошелъ очень быстро. Онъ былъ уже капитаномъ въ началѣ царствованія Александра Павловича. Единственный сынъ, наслѣдникъ богатаго имѣнія, онъ жилъ разгульно, много тратилъ. Но отецъ его былъ скупенекъ, жилъ безвыѣздно въ деревнѣ и, узнавъ, что сынъ замотался въ Петербургѣ, вытребовалъ его къ себѣ. У нихъ по его пріѣздѣ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Ты хоть и гвардіи капитанъ, говоритъ ему отецъ,—а разворять меня я тебѣ не позволю. Ты, говорятъ, въ долги влѣзъ?

— Есть малое толико, отвѣчаетъ сынъ.

— Какъ же ты смѣлъ? Развѣ того, что получаешь отъ меня, мало тебѣ?

— Мало по роду моему и званію.

Старикъ разсердился.

— А если я тебя и вовсе наслѣдства лишу, какую ты тогда пѣсню запоешь?

— А тогда я буду питаться щами и кашей.

— Какже, разсказывай! Силишки-то на это не хватитъ!

— На другой день, на зарѣ, Павелъ Васильевичъ уѣхалъ изъ деревни, ни съ кѣмъ не простясь, и, вернувшись въ Петербургъ, подалъ просьбу о переводѣ его въ армейскій полкъ, отправлявшійся въ Грузію. Отецъ узналъ объ этомъ, когда сынъ былъ уже на линіи. Съ первою же почтой онъ послалъ ему порядочную сумму денегъ, догадавшись, что все дѣло вышло изъ этого разговора. Но сынъ, получивъ повѣстку, не принялъ денегъ и вернулъ ихъ обратно старику съ письмомъ, въ которомъ говорилъ, что и царскаго жало-

ванья ему довольно, чтобы не умереть съ голоду. И пока отецъ былъ въ живыхъ, не принялъ отъ него ни гроша. Онъ сдержалъ слово, питался щами и кашей изъ солдатскаго котла и, что всего замѣчательнѣе, не зналъ уже потомъ никакой другой пищи во всю свою жизнь. Нѣсколько лѣтъ спустя, отецъ его умеръ, и онъ командовалъ полкомъ въ дѣйствующей арміи. Онъ кормилъ каждый день своихъ офицеровъ отличными обѣдами, а самъ, сидя на хозяйскомъ мѣстѣ, хлебалъ свои солдатскіе щи и запивалъ кашу квасомъ, приговаривая, что отъ хорошихъ привычекъ отставать не слѣдуетъ.

— Онъ въ двѣнадцатомъ году отличился? спросилъ я Кемскаго.

— За Бородино Георгія получилъ. Ему предстояла блестящая карьера, хотя онъ ни съ какимъ начальствомъ ужиться не могъ; но зато вся армія знала о его невозмутимомъ спокойствіи и стойкости въ дѣлѣ, знала его коротенькую нѣмецкую трубку, которую онъ не переставалъ сосать подъ самымъ убійственнымъ огнемъ непріятеля. По возвращеніи изъ Франціи нашихъ войскъ, ему предложили гвардейскій полкъ. Онъ отказался. „Не пойду“, объявилъ онъ наотрѣзъ: „у меня спина безъ позвонковъ.“ Стали настаивать. Онъ отвѣчалъ формальною просьбой перевести его вновь на Кавказъ на службу. На него разсердились и перевели туда просто, безъ всякаго назначенія. Но скоро послѣ того пріѣхалъ на Кавказъ Ермоловъ, который его очень цѣнилъ и умѣлъ употреблять по способностямъ. Въ Петербургѣ продолжали на него дуться и обходили наградами, а ему и горюшки мало: онъ воевалъ съ горцами и былъ совершенно доволенъ своею судьбой. Только разъ какъ-то онъ пріѣзжаетъ въ Тифлисъ, является къ главнокомандующему. Тотъ встрѣчаетъ его веселымъ восклицаніемъ: „ну, братъ, кстати прикатилъ, наконецъ вотъ и тебѣ подарочекъ, насилу выхлопоталъ“. И протягиваетъ ему футляръ.—„А васъ кто просилъ хлопотать?“ отвѣчаетъ на это Павелъ Васильевичъ... „Да съ такимъ лицомъ, точно меня тутъ же живаго съѣсть собирался“, разсказывалъ потомъ смѣясь Алексѣй Петровичъ моему отцу,

встрѣтясь съ нимъ на кавказскихъ водахъ: „подарочковъ мнѣ не нужно! Въ междуцарствіе прадѣдъ мой, Акимъ Чемисаровъ, на свой счетъ рать собралъ и съ княземъ Пожарскимъ рядомъ въ Москву въѣхалъ, такъ ужь мнѣ не приходится принимать подарочки". И вышелъ, хлопнувъ дверью, послалъ за лошадьми и уѣхалъ къ своему мѣсту, въ Дагестанъ.

— Баринъ сердитый, ничего! сказалъ я:—родился только поздно.

— И службу онъ оставилъ такимъ же образомъ, продолжалъ Кемскій. — Въ 1837 году онъ готовился выступить въ экспедицію. Въ это время пріѣзжаетъ изъ Петербурга какой-то гвардейскій полковникъ участвовать въ этой экспедиціи и поступаетъ къ нему въ команду. Наканунѣ выступленія, Павелъ Васильевичъ собралъ начальниковъ частей своего войска и принялся весьма подробно и обстоятельно, по своему обыкновенію, сообщать имъ свои распоряженія. Петербургскому воину, который передъ этимъ цѣлые три дня сряду не пилъ, не ѣлъ, а все сидѣлъ и тыкалъ булавки въ карту Кавказа, показалось вдругъ, что путь, по которому должны были идти войска, выбранъ неудачно. Онъ всталъ и самымъ вѣжливымъ тономъ началъ: „Я бы осмѣлился замѣтить вашему превосходительству, относительно маршрута"... „Что вамъ угодно?" Полковникъ, все также вѣжливо и улыбаясь, изложилъ свое предположеніе. Павелъ Васильевичъ слушалъ его, не перебивая и дергая себя за ухо,—у него это привычка. Когда тотъ кончилъ, онъ его вдругъ спрашиваетъ: „Давно вы на службѣ?"—„Десятый годъ."—„Въ кампаніяхъ бывали?"—„Я въ 1817 году изъ Пажескаго корпуса вышелъ," объяснилъ нашъ стратегикъ, уже нѣсколько озадаченный. „Съ Кавказомъ знакомы?"—„Нѣтъ-съ, я въ первый разъ."—„Ну, такъ вотъ вамъ теперь вѣрный случай махнуть въ фельдмаршалы. Извольте принять команду; я боленъ". Ты можешь себѣ представить, что за кавардакъ изо всего этого вышелъ. Стратегика-то, вслѣдствіе этой исторіи, отозвали въ Петербургъ, но потомокъ Акима Чемисарова не сдался ни на какія увѣщанія, подалъ въ отставку и уѣхалъ съ Кавказа.

— И куда же? въ деревню?

— Разумѣется. Пріѣхалъ, на первыхъ же порахъ влюбился и, замѣть, въ первый разъ въ жизни, и сорока восьми лѣтъ отъ роду женился на восемнадцати-лѣтней дѣвушкѣ красавицѣ, княжнѣ Курлятевой, сиротѣ, съ которою онъ встрѣтился въ нашемъ же домѣ; она матери моей приходилась двоюродною сестрой.

— И, пожалуй, счастливѣй былъ иного помоложе? И это бываетъ иногда, замѣтилъ я, смѣясь.

— И конечно, такъ бы и случилось, возразилъ Кемскій,— еслибъ онъ родился человѣкомъ, а не Александровскою колонной. Жена ему попалась отличная и любила его горячо, несмотря на его тогда уже совершенно сѣдую голову. Черезъ годъ по свадьбѣ у нихъ родились двойни: Наденька и братъ ея, Василій, умершій уже двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Павелъ Васильевичъ, говорятъ, былъ тогда наверху блаженства, бѣгалъ по ночамъ о-босу-ногу къ дверямъ дѣтской прислушиваться, не плачутъ-ли дѣти, и ходилъ весь день, чуть не прыгая, дергая себя за ухо и мурлыча подъ носъ:

„Ты возвратился, благодатный!“

Разговорчивъ онъ никогда не былъ, ласковъ еще менѣе, но въ это время онъ какъ-то разцвѣлъ и разнѣжился. Входитъ онъ однажды къ женѣ въ комнату. Былъ свѣтлый весенній день. Жена его, стоя у открытаго окна, срывала вѣтки сирени и, смѣясь, кидала ихъ въ дѣтей, игравшихъ на коврѣ у ея ногъ. Онъ тихо подошелъ къ ней и въ какомъ-то внезапномъ, не свойственномъ ему порывѣ, обнялъ ее сзади за голову и крѣпко прижалъ къ груди. Она громко вскрикнула. Во-первыхъ, онъ ее испугалъ, а во-вторыхъ, крючкомъ воротника задѣлъ за волосы и очень больно. „Что это за солдатскія ласки!“ вырвалось у ней въ первую минуту. „Я бы дала сейчасъ полжизни, чтобы вернуть эти несчастныя слова!“ повторяла она часто потомъ, горько плача, покойницѣ моей матери. Онъ взглянулъ на нее и весь перемѣнился въ лицѣ. „Извините, сударыня,“ сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты. И съ этой минуты все было кончено. Жена ему чужая стала.

Онъ сохранилъ всѣ приличія, былъ учтивъ, даже предупредителенъ къ ней, но ласки его она уже болѣе не видала до самой своей смерти. Нѣсколько разъ пыталась она объясниться съ нимъ; онъ каждый разъ уходилъ изъ комнаты. Отецъ мой, видя, какъ она тайно томилась и таяла, рѣшился заговорить съ нимъ объ этомъ. Онъ его выслушалъ, глядя на него во всѣ глаза и не поморщившись. „Я ея не обижалъ“, сказалъ онъ, когда отецъ высказалъ все, что у него было на душѣ, и началъ объ другомъ. Зная его характеръ, возобновлять разговора не было уже болѣе возможности. Такъ прожила бѣдная женщина еще три года, заболѣла горячкой и умерла. И странно: въ самую годовщину ихъ размолвки, 25 мая. Во все время ея болѣзни онъ не отходилъ отъ ея постели и не допускалъ никого другаго ходить за ней. Передъ самой кончиной она просила, рыдая, у него прощенія. „Не виновата!“ сказалъ онъ только. Но когда все было кончено, онъ рухнулся всѣмъ тѣломъ на трупъ, приникъ къ ея губамъ и такъ и замеръ. Его подняли безъ чувствъ, синяго. Пустили кровь, она едва пошла. Когда онъ пришелъ въ себя, онъ заперся въ своемъ кабинетѣ, не отзывался ни на чей голосъ и не принималъ никакой пищи. Онъ вышелъ оттуда на четвертый уже день, и то благодаря моей матери, которая придумала привести дѣтей къ дверямъ кабинета и выучила ихъ просить: „папа, папа, выйди къ намъ, не покидай сиротъ“. Онъ отперъ двери и вышелъ, шатаясь, и такъ худъ, что матушка вскрикнула отъ испуга. Онъ пожалъ ей руку, обнялъ дѣтей и спросилъ: „похоронили?“ На утвердительный отвѣтъ матушки онъ кивнулъ головой и молча вышелъ въ садъ. Съ тѣхъ поръ никто никогда не слыхалъ, чтобъ онъ произнесъ имя покойницы.

— А дочь онъ такъ же сильно любитъ? сказалъ я.

— Да, но такъ же молчаливо, такъ же сдержанно, какъ и жену. Такъ какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, Наденька должна пережить его, мы, вѣроятно, на томъ свѣтѣ только узнаемъ, насколько именно онъ любилъ ее здѣсь, отвѣчалъ, усмѣхаясь, Кемскій.

IV.

Въ это время дверь отворилась, вошелъ человѣкъ, неся осторожно на подносѣ бокалъ съ шампанскимъ, и поднесъ его къ Кемскому.

— Что́ это? спросилъ этотъ съ удивленіемъ.

— Господинъ Звѣницынъ изволили вамъ прислать.

— Какой Звѣницынъ? Ахъ да! Гвардеецъ?

— Точно такъ-съ.

— Благодари. Гдѣ онъ сидитъ?

— Вотъ тутъ-съ, отвѣчалъ слуга, подымая оконную стору, и вышелъ.

Мы взглянули въ окно. Оно выходило въ большую залу, величаемую въ гостинницѣ Шевалье зимнимъ садомъ. Посреди ея обѣдала за длиннымъ столомъ веселая разгульная компанія, состоявшая изъ людей всѣхъ возрастовъ, по преимуществу изъ петербургской военной молодежи и московскихъ убѣленныхъ игроковъ. Между ними рѣзко бросался въ глаза высокій, изящный Звѣницынъ, въ эполетахъ какой-то особенной, толстой, формы, небрежно-ловко сваливавшихся на грудь, и въ ослѣпительно-бѣломъ жилетѣ подъ лацканами разстегнутаго свѣтлозеленаго сюртука. Обѣдъ былъ въ полномъ разгарѣ. Среди нестройнаго гама возгласовъ и тостовъ можно было разслышать, какъ чей-то раздирательно-фальшивый теноръ старательно выпѣвалъ:

Пообѣдавъ очень плотно
У мусьё, мусьё Луи,
Ходимъ шумно, беззаботно,
Вдоль по улицѣ любви, и, и...

Цѣлый хоръ подхватилъ за нимъ:

Ахъ! еслибъ школы театральной
Не затворялъ бы намъ Творецъ!
Ахъ! еслибъ въ школѣ те-а-тральной
Начальникъ былъ бы не....

Конца нельзя было понять, его покрылъ общій хохотъ.

— Притворить дверь, сказалъ Кемскій, подымаясь съ мѣста. Раздирательный фальцетъ продолжалъ между тѣмъ:

Вотъ Анюта Прихунова,
Вотъ Макарова-душа,
А ужь Маша Соколова,
Боже мой, какъ хоро....

Оглушительный голосъ прервалъ его:

— За здоровье *нашихъ*, господа! Ура!

— Урра! завопила компанія ему вслѣдъ.

— Эка ихъ разобрало! сказалъ я.

— И что́ ему вздумалось подчивать меня? За что великія милости? примолвилъ съ неудовольствіемъ Кемскій, отодвигая отъ себя рюмку, присланную ему Звѣницынымъ.

— Это, любезный мой, по всѣмъ правиламъ рыцарской науки, сказалъ я, — все равно, какъ когда противники салютуютъ другъ друга рапирами, прежде чѣмъ выпасть другъ на друга.

— А развѣ онъ имѣетъ какія-нибудь намѣренія насчетъ... воскликнулъ Кемскій, вскидывая на меня свои большіе глаза, и весь вспыхнулъ.

— О, милый мой, ты сердцемъ тотъ же все невѣжда! отвѣчалъ я ему, пародируя извѣстный Пушкинскій стихъ о Ленскомъ. И, точно, онъ походилъ на Ленскаго въ эту минуту, еще недоумѣвающій, но уже взволнованный и ревнивый.—Если ты не замѣтилъ до этихъ поръ, что *она* можетъ и не одному тебѣ нравиться, то пойми по крайней мѣрѣ, что это совершенно естественно и что сердиться на это нелѣпо.

— Я и не сержусь, возразилъ онъ,—я нахожу только дикимъ со стороны человѣка, который вчера чуть-ли не въ первый разъ отъ роду увидалъ ее....

— А что говоритъ Ромео, когда въ первый разъ встрѣчается съ Джульетой? Развѣ не помнишь, какъ Англичанинъ нашъ въ лицеѣ завывалъ чувствительно:

Did my heart love till now?› *)

— Помню, сказалъ Кемскій, улыбнувшись лицейскому воспоминанію,—но помню также и италіянскіе стихи, которые гласятъ, что:

Lasciate ogni speranza и пр.

— Ну, конечно. Вотъ видишь, какіе мы съ тобой образованные молодые люди. Можетъ-ли послѣ этого придти кому-нибудь въ голову обидѣть насъ?

Эта шутка окончательно развеселила моего моряка.

— Однако въ долгу у этого Ромео я все-таки никакъ не хочу оставаться, сказалъ онъ.

Онъ позвонилъ. Вошелъ слуга.

— Бутылку шампанскаго!

— Какого прикажете?

— Какого хочешь. Какое пьетъ господинъ Звѣницынъ?

— Они пьютъ лодеръ-съ.

— Редереръ, то-есть?

— Такъ точно, подтвердилъ слуга.

— Ну, такъ редереру; налей стаканъ и отнеси ему отъ меня, а что останется—можешь выпить за его здоровье.

Черезъ нѣсколько времени кто-то постучался къ намъ въ дверь.

— Кто тамъ?

— Peut on entrer? спросилъ чей-то густой и учтивый баритонъ.

— Милости просимъ.

Дверь отворилась. Вошелъ господинъ Звѣницынъ, собственной особой, въ своихъ толстыхъ эполетахъ и ослѣпительномъ жилетѣ и съ стаканомъ въ рукѣ.

Я замѣтилъ, что Кемскаго передернуло.

---

*) Любило-ли сердце мое до этой минуты?

— Je suis venu vous remercier personnellement, объяснилъ изящный офицеръ на томъ своеобразномъ нарѣчіи, которое и понынѣ слыветъ за парижское въ казармахъ и иныхъ салонахъ столичнаго города С.-Петербурга.

— За что же? вы меня предупредили, пробормоталъ Кемскій, показывая на нетронутое имъ до того шампанское на столѣ.

— Permettez moi donc de boire ce verre avec vous, предложилъ Звѣницынъ, присаживаясь къ намъ,—если только я вамъ не помѣшалъ, messieurs....

Кемскій, не отвѣчая, взялъ рюмку. Они чокнулись.

— Et monsieur ne prend pas de vin? спросилъ гвардеецъ, обращаясь ко мнѣ съ самою предупредительною, любезною улыбкой.

— Очень вамъ благодаренъ, я не пью никакого вина, извинился я.

— Скажите! сожалительно произнесъ онъ, покачавъ головой, и затѣмъ обратился къ Кемскому, прося познакомить его со мной.

— Господинъ Звѣницынъ, ***, старый мой товарищъ, официально представилъ насъ другъ другу Кемскій.

— Вы также служили во флотѣ? спросилъ меня вдругъ Звѣницынъ.

— Нѣтъ-съ, я всегда былъ мирнымъ гражданиномъ.

— Мы товарищи по Лицею, объяснилъ ему Кемскій.

— Ахъ! pardon!...

И онъ взглянулъ на обоихъ насъ, но добавивъ на этотъ разъ къ своей заискивающей улыбкѣ извѣстную порцію уваженія во взглядѣ, чего видимо, по его мнѣнію, заслуживало воспитавшее насъ привилегированное заведеніе, изъ котораго молодые люди выходятъ въ свѣтъ съ большими чинами.

— Какъ же это вы, sans indiscrétion, попали вдругъ изъ Лицея въ морскую службу? спросилъ онъ Кемскаго.

— Да такъ же, какъ и вы, вѣроятно, попали въ вашъ полкъ,—по охотѣ, отвѣчалъ ему тотъ довольно спокойнымъ тономъ, въ которомъ мнѣ было, однако, легко угадать едва сдерживаемое нетерпѣніе.

— Вы въ гвардейскомъ экипажѣ состоите? спросилъ опять Звѣницынъ.

— Я служу въ Черноморскомъ флотѣ и въ Петербургѣ семь лѣтъ не былъ.

— Скажите! процѣдилъ гвардеецъ, взглянувъ на пуговицы мундира Кемскаго. Изображенный на нихъ якорь не оставлялъ никакого сомнѣнія въ томъ, что морякъ нашъ не принадлежалъ къ гвардіи. Г. Звѣницынъ еще разъ задумчиво поднялъ на него глаза; видно было, что ему никакъ не давалось, что́ бы за личность такая могъ быть его собесѣдникъ? И изъ такого заведенія вышелъ, изъ котораго набираются дипломаты, статсъ-секретари и свѣтскіе люди, и фамилію старинную носитъ, и наружностію взялъ, пожалуй, и вдругъ забился на службу куда-то въ провинціальный флотъ, и въ Петербургъ не ищетъ перейти....

— Хорошо у васъ производство? пожелалъ онъ узнать наконецъ.

Меня это начинало очень забавлять.

— Да, кстати, Кемскій, вмѣшался я,—мнѣ хотѣлось давно тебя объ этомъ спросить: скоро-ли тебѣ достанется въ адмиралы?

— А тебѣ какая забота? спросилъ онъ, съ удивленіемъ глядя на меня.

— Интересно знать, любезный другъ. Вѣдь, согласись, всѣ мы служимъ для того, чтобы подвигаться впередъ, получать чины, отличія...

— Разумѣется, certainement, одобрительно поддержалъ меня гвардеецъ.

Кемскій понялъ наконецъ.

— Въ лейтенантахъ я второй годъ, началъ онъ вполголоса, какъ бы соображая и принимаясь перебирать на пальцахъ. — До капитанъ-лейтенанта восемь, да шесть... При счастіи, сказалъ онъ громко, — особенно, если будетъ кампанія, черезъ тридцать лѣтъ могутъ произвести въ контръ-адмиралы.

— Черезъ тридцать лѣтъ?!

Звѣницынъ посмотрѣлъ на него такъ, какъ будто гово-

рилъ: „Эге, братъ, да, я вижу, ты такъ швахъ, что съ тобой не стоитъ времени тратить."

И онъ тутъ же прекратилъ всякія объясненія о производствѣ и чинахъ, обратившись ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы не принимаете участія въ здѣшнихъ удовольствіяхъ?

— Напротивъ, отвѣчалъ я, — какъ только въ какомъ-нибудь домѣ зажгутъ двѣ свѣчки, туда, можете быть увѣрены, третьимъ являюсь я.

— Cha-a-armant! Какъ же это мы съ вами по сю пору не встрѣчались?

— Очень просто: вы меня не замѣтили. На балахъ я не танцую, а только смотрю изъ угла и любуюсь вами. Вы положительно первый у насъ танцоръ, и дамы наши не даромъ...

— Mon Dieu, quand la nature vous a donné un talent, vous savez, on vous recherche, прервалъ меня Звѣницынъ этою скромною фразой и небрежно приподнялъ эполетами.— А надо признаться, примолвилъ онъ, — что такую коллекцію красавицъ, какъ у васъ, можно встрѣтить...

— Только у насъ? докончилъ я.

— Такъ точно, подтвердилъ онъ торжественно.—Не знаешь рѣшительно, кому изъ нихъ поднести пальму совершенства.—И началъ высчитывать, приходя мало-по-малу въ паѳосъ:—Графиня Иглова-Донатова, la princesse Marie Levinski, Catherine Molof, княгиня Наталья Шатунская et la charmante débutante d'hier, ваша кузина, досказалъ онъ, обращаясь къ Кемскому.

„Вотъ оно, куда гнуло!" подумалъ я.

Пріятель мой поднялъ голову и взглянулъ ему прямо въ глаза.

— Какая кузина?

— M-lle Чемисарова, которая нынче утромъ доставила мнѣ удовольствіе познакомиться съ вами, поспѣшно объяснилъ Звѣницынъ. И не менѣе поспѣшно спросилъ затѣмъ:—Вѣдь вы родня ей?

— Родня, отвѣчалъ нехотя Кемскій.

— И близкіе? Мнѣ сказали, вы ей двоюродный братъ.

— Троюродный, медленно и внятно произнесъ морякъ.

— Троюродный? повторилъ слегка дрогнувшимъ голосомъ кирасиръ.—Cousin à la mode de Bretagne, почелъ онъ почему-то нужнымъ перевести это родство по-французски, — ска-а-жите!

Но къ чести его свѣтскости должно сказать, что замѣшательство его продолжалось недолго.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ совершенно непринужденно, — вы тѣмъ болѣе способны раздѣлить toute mon admiration de cette beauté si éclatante... et si élégante, домолвилъ онъ и лизнулъ себя языкомъ по губамъ, какъ будто въ награду за то, что такъ ловко выразился.

Кемскій не отвѣчалъ ни полусловомъ; онъ, опустивъ глаза, нервически барабанилъ пальцами по столу.

„Придется еще повозиться съ этимъ Венеціанскимъ Мавромъ изъ Камчатки!“ подумалъ я, мелькомъ окидывая его взглядомъ.

— Вы сегодня въ веселомъ обществѣ обѣдали, сказалъ я Звѣницыну.

— Que voulez vous? товарищи; все это какъ-то разомъ наѣхало сюда изъ Петербурга, отказать нельзя, on se laisse entrainer. Moi je n'aime pas au fond ces compagnies bruyantes, продолжалъ онъ изъясняться на своемъ условномъ французскомъ языкѣ.—Однако я въ вашемъ пріятномъ обществѣ совершенно позабылъ, что они меня тамъ ждутъ, спохватился онъ вдругъ и поднялся со стула.—Au revoir, messieurs, не увидимся-ли мы въ театрѣ?

— Я буду, сказалъ сухо Кемскій.

Звѣницынъ раскланялся и вышелъ.

— Очень тебѣ нужно, едва затворилась за нимъ дверь, напустился я на моего моряка,—очень нужно было объяснять ему степень твоего-родства съ Чемисаровой. Оставь его въ заблужденіи, что ты ей двоюродный братъ и не можешь поэтому претендовать на ея руку,—вѣдь онъ бы тебя въ наперсники избралъ, сталъ бы повѣрять тебѣ свои сердечныя тайны,—понимаешь-ли ты это? Вѣдь это, милый мой, такимъ

бы комизмомъ запахло, что я не понимаю, какъ ты рѣшился лишить себя этого удовольствія.

— Чортъ бы его подралъ! промолвилъ съ сердцемъ Кемскій.—Очень забавны были бы для меня его сердечныя тайны! Меня и такъ всего подмывало, пока онъ объяснялъ свою admiration *de* cette beauté si élégante.... Скажи, пожалуйста, съ новою тревогой обратился онъ ко мнѣ,—неужели есть женщины, которымъ можетъ понравиться этотъ шутъ полосатый?

— Есть, милый мой, и даже очень много, но я, не обмѣнявшись еще ни единымъ словомъ съ твоею красавицей, готовъ сейчасъ головой поручиться, что она не изъ числа ихъ. А вотъ за тебя не поручусь, что ты среди Чукчей и Алеутовъ не позабылъ своего европейскаго происхожденія. Ты въ какой-то первобытной дикости обрѣтаешься, любезный другъ, прими это къ свѣдѣнію.

— Да вѣдь и время нужно, чтобы снова втянуться въ ваши безобразія, отвѣчалъ онъ, но уже совершенно успокоеннымъ голосомъ и поникнувъ головой, какъ виноватый.

Мой добрый Кемскій,—трудовая служба, одиночество, долгое пребываніе подъ далекими небесами сохранили въ немъ всю дѣтскую впечатлительность его сердца. Онъ, я убѣждался, былъ въ настоящую минуту все тѣмъ же ребенкомъ, какимъ мы всѣ любили и баловали его въ стѣнахъ Лицея. И тѣмъ дороже, тѣмъ милѣе былъ онъ для меня. Какъ жалка казалась мнѣ, въ то самое время, когда я пенялъ ему за грѣхи его невѣдѣнія, моя собственная дюжинная и безплодная опытность!

— Поѣдемъ со мной въ театръ! сказалъ онъ мнѣ, выходя отъ Шевалье. Сегодня *Вильгельма Телля* Россини даютъ.

— И даже отвратительно, домолвилъ я. — А впрочемъ поѣдемъ.

V.

Мы пріѣхали въ театръ во-время.

Вильгельма Телля (читай *Карла Смѣлаго*, благонамѣренный читатель,) давали въ пользу пѣвицы, которая въ то время располагала значительнымъ числомъ поклонниковъ.

Театръ былъ полонъ. Въ кассѣ оставалось два билета во второмъ ряду; мы взяли ихъ съ Кемскимъ.

Флейта заливалась трелями въ *andante* увертюры, когда мы вошли въ залу. Вся Москва была тамъ, Москва во всей разнохарактерности ея житейскихъ привычекъ. Въ бельэтажѣ, рядомъ съ барыней въ блондѣ и кружевахъ, съ низко-обнаженными плечами, сидѣла, въ темномъ гродетуровомъ капотѣ, женская личность изъ *купецкаго* званія, съ одутлою щекой, подвязанною чернымъ платкомъ! Подлѣ ложи, заключавшей въ себѣ съ полдюжины отборнѣйшихъ московскихъ львовъ, во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, цѣлая дюжина дѣтей, начиная съ длиннаго всклоченнаго гимназиста и кончая сюсюкающимъ младенцемъ лѣтъ четырехъ, громоздилась живою пирамидой, вытягивая шеи и тыкая наперерывъ руками по направленію занавѣси. Изрѣдка долеталъ оттуда до партера тоненькій визгъ, и затѣмъ въ ложѣ происходило колебаніе, напоминавшее зыбь на морѣ: это значило, нянька выдергивала виновника изъ толпы своихъ питомцевъ и уводила его въ корридоръ для подобающаго наставленія. Въ креслахъ какой-то новоиспеченный гусарикъ, въ мундирѣ съ иголочки, безпрестанно привставалъ и обводилъ залу глазами, исполненными ноющаго выраженія,

какъ бы умоляя зрителей не предполагать, чтобы могло быть что-нибудь общее между нимъ и двумя обширными бородачами въ лисьихъ шубахъ, возсѣдавшими справа его и слѣва. Въ первыхъ рядахъ сидѣли поклонники мѣстной Терпсихоры. Облеченные въ модные клѣтчатые шаровары, сочетанія цвѣтовъ самаго изумительнаго, съ огромнѣйшими булавками въ пестрѣйшихъ шарфахъ, и въ усахъ разнообразнѣйшаго рисунка, всѣ они, молодые и старые, носили на особахъ своихъ то достойное зависти выраженіе независимости, которымъ отличается Москвичъ, состоящій въ пріятельскихъ отношеніяхъ, на ты, со всѣми полицеймейстерами столицы. Патріархомъ ихъ, казалось, былъ нѣкій Голіафъ, въ очкахъ и съ толстою палкой въ рукѣ, господинъ, для котораго снисходительная театральная дирекція согласилась устроить особыхъ размѣровъ кресло, такъ какъ въ обыкновенное онъ вмѣщаться не могъ. Предметомъ его страсти, скажу мимоходомъ, была корифея съ не менѣе его самого монументальнымъ развитіемъ формъ. На его пожирающіе взгляды дѣва эта отвѣчала со сцены невинно-дѣтскими улыбками, добросовѣстно выкидывая въ то же время своими, состоявшими на службѣ, ногами, при чемъ показывала публикѣ пятку величиной въ лошадиную голову. Подлѣ Голіафа юлилъ и мотался, шушукалъ съ сосѣдями нѣкто Вашневъ, Ноздревъ московскихъ салоновъ того времени, невысокій и плотный брюнетъ, съ маленькими, бѣгавшими какъ у озлобленной крысы глазами и совершенно плоскимъ лицомъ, о которомъ Крусановъ, не стѣсняясь, при самомъ его владѣльцѣ, выражался такъ: что-де эта физіономія самою природой на то именно устроена, чтобъ ее можно было прикрыть вплотную ловко пущенною въ нее тарелкой....

Въ ближайшемъ къ сценѣ бенуарѣ, съ правой стороны, почти рядомъ съ занятыми нами креслами, сидѣла, лицомъ къ сценѣ, дѣвушка, которую до сихъ поръ я, передавая слова Кемскаго, безцеремонно называлъ Наденькой; пора назвать ее, согласно съ приличіями, полнымъ ея именемъ: сидѣла Надежда Павловна Чемисарова. Въ глубинѣ ложи стоялъ, опершись о стѣнку, ея отецъ. Наружность его мнѣ

очень понравилась, хотя мало отвѣчала тому образу, который я составилъ себѣ о немъ послѣ разсказовъ Кемскаго. Въ немъ ничего не было генеральскаго, даже военнаго, кромѣ развѣ густыхъ сѣдыхъ усовъ и откинутой нѣсколько назадъ головы,—слѣдъ долгоносимаго высокаго мундирнаго воротника. Черный партикулярный сюртукъ, съ едва замѣтною Георгіевскою ленточкой въ петлицѣ, свободно обнималъ его почти юношескій станъ. Росту онъ былъ средняго, худощавъ, но вся его особа носила печать какой-то сознательной и безпощадной силы. Сухія очертанія его черепа были чрезвычайно благородны. Съ перваго раза чувствовалось въ этомъ человѣкѣ присутствіе того, чему доморощенные наши современные нивелеры придумали названіе *бѣлой кости* и надъ чѣмъ они издѣваются съ ожесточеніемъ весьма сомнительнаго свойства. Онъ глядѣлъ впередъ безцѣльно, съ полнымъ равнодушіемъ, повидимому, и къ музыкѣ, и ко всему окружающему.

Кемскій между тѣмъ тщетно усиливался заставить магнетизмомъ воли обернуться къ нему лицомъ красавицу, одну роскошную косу которой онъ могъ видѣть съ своего мѣста. Онъ не выдержалъ и вышелъ изъ креселъ въ ту минуту, какъ взвилась занавѣсь и послѣдніе аккорды увертюры замирали подъ громомъ рукоплесканій.

Онъ тихо вошелъ въ ложу Чемисаровыхъ. Старикъ слегка повернулъ голову и, узнавъ его, указалъ рукой на остававшееся свободнымъ мѣсто впереди ложи. Это было, видно, сверхъ всякихъ ожиданій Кемскаго; онъ сѣлъ съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ противъ Надежды Павловны.

Прежнею безцвѣтною улыбкой улыбнулась она, увидѣвъ его. Онъ живо наклонился къ ней, что-то шепча и глядя на нее съ безконечною нѣжностью; но это продолжалось не долго. Надежда Павловна приподняла обѣими руками тяжелый бинокль и навела его на сцену.

Кемскій отодвинулся отъ нея, нахмурясь.

Изъ глубины ложи скользнулъ по дочери взглядъ старика Чемисарова и снова безцѣльно заблуждалъ по залѣ. Замѣтилъ ли онъ ея безучастіе къ моему бѣдному пріятелю, извѣстна

ли ему была ея причина,—ничего не сказалъ этотъ взглядъ, холодный и неуловимый, какъ блескъ стали....

Въ началѣ перваго антракта Кемскій вернулся ко мнѣ.

— Пойдемъ, сказалъ онъ,—я тебя представлю Павлу Васильевичу.

— Сдѣлай одолженіе.

Мы вошли въ ложу. Кемскій назвалъ меня. Чемисаровъ подалъ мнѣ руку.

— Я вашего старика зналъ; честный былъ человѣкъ, сказалъ онъ мнѣ съ перваго слова.

Я поклонился.

— Вы, говорятъ, усердствуете на службѣ? спросилъ онъ затѣмъ, съ какимъ-то двусмысленнымъ выраженіемъ и дергая себя за ухо.

— Служу, какъ могу.

— Какъ по-вашему: дѣло дѣлаете?

— Развѣ тѣмъ, отвѣчалъ я смѣясь,—что выйди я, на мое мѣсто сядетъ другой, который, пожалуй, дѣла отъ вздора отличить не сумѣетъ.

— Такъ! сказалъ онъ, одобрительно взглянувъ на меня.— Правды у насъ нѣтъ, да и едва-ли когда будетъ; такъ и на томъ спасибо! Садитесь.

И указалъ мнѣ рукой на мѣсто, оставленное Кемскимъ, противъ дочери.

Я усѣлся. Кемскій занялъ стулъ рядомъ съ дѣвушкой.

— Полюбите его, Nadine, сказалъ онъ ей съ улыбкой, указывая на меня,—онъ хорошій человѣкъ, я его съ дѣтства знаю.

Въ это время сіяющій Звѣницынъ, въ мундирѣ и метя полъ бѣлымъ султаномъ своей каски, подошелъ изъ перваго ряда креселъ къ нашей ложѣ.

— Отъ этого господина на днѣ морскомъ не упрячешься, пробормоталъ Кемскій, откидываясь назадъ, за спину Надежды Павловны.

— Comme c'est beau la musique de Rossini! возгласилъ офицеръ, ловко расшаркиваясь передъ дѣвушкой.

— Bien beau! подтвердила Надежда Павловна.

— Но, увы, надо признаться, les chanteurs russes sont pitoyables. Надо было бы прислать въ Москву, pour qu'ils aient le plaisir d'être applaudis par vous, mademoiselle, примолвилъ онъ съ оттѣнкомъ нѣжной галантерейности,—нашу италіянскую оперу съ Гризи и Маріо.

Кемскій не вытерпѣлъ, всталъ и отошелъ назадъ къ старику Чемисарову.

— Конечно, это было бы хорошо, отвѣчала Надежда Павловна Звѣницыну,—но я въ первый разъ въ оперѣ и совершенно довольна всѣмъ, что слышу.

— Въ первый разъ? Скажите!—И взглянулъ на нее съ сожалѣніемъ.—Впрочемъ, примолвилъ онъ снисходительно,—оркестръ здѣсь хорошъ, и хоры даже очень не дурны; видно, что ведетъ ихъ искусная рука.

— Здѣсь отличный музыкантъ дирижеръ, сказалъ я ему.

— Кто такой?

— Нѣкто Іоганнисъ.

— А! У насъ былъ нѣкоторое время Риччи. Vous savez mademoiselle, Ricci, qui a composé lui même des opéras; un homme très comme il faut; онъ даже дирижировалъ всегда въ желтыхъ перчаткахъ....

— Іоганнисъ? раздался въ глубинѣ ложи голосъ стараго генерала, пока Звѣницинъ распространялся о Риччи и петербургской оперѣ:—Іоганнисъ, имя какъ будто знакомое....

— Да и мнѣ тоже, сказалъ Кемскій.—А! вспомнилъ! у него, кажется, учился вашъ Кирилинъ?

Надежда Павловна вдругъ наклонилась надъ самою рампой ложи и глухо, съ какимъ-то замираніемъ въ голосѣ, спросила Звѣницына:

— Кто эта дама?

— Гдѣ?

— Тамъ.... у оркестра?

— Ахъ, кстати! говорилъ между тѣмъ Кемскій генералу:—я еще и не успѣлъ спросить васъ про Кирилина. Что онъ?

— Переселился, какъ-то странно отвѣчалъ ему тотъ.

— Вотъ какъ! Куда же?

— На тотъ свѣтъ.

— Pardon, mademoiselle, я рѣшительно не понимаю, о какой дамѣ вы говорите. У оркестра нѣтъ никакой дамы и быть не можетъ. Развѣ Вашнева вы приняли за даму? смѣясь спросилъ Звѣницынъ Надежду Павловну.

— Вашнева? повторила она какъ бы съ-просонокъ.

— Сходства однако мало, продолжалъ онъ шутливо.—А вы его знаете?

— Знаю.... нѣтъ.... я совсѣмъ его не знаю, я совсѣмъ о другомъ хотѣла спросить васъ, сказала она, и засмѣялась.— Но мнѣ показалось, что плечи у нея вздрагивали подъ кисеей.

— Vous êtes très distraite, mademoiselle, съ лукавымъ видомъ замѣтилъ гвардеецъ.

А за нами продолжался разговоръ:

— Кирилинъ умеръ, огорченнымъ голосомъ говорилъ Кемскій,—такъ молодъ! Какъ же это случилось?

— Утонулъ, какъ бы нехотя отвѣчалъ старикъ.

— И давно?

—. Прошлымъ лѣтомъ.

— Je vous salue, mademoiselle, началъ раскланиваться Звѣницынъ.

— Вы уже уходите? воскликнула она.

Для всякаго, кто бы онъ ни былъ, и гораздо поскромнѣе нашего петербургскаго льва, зазвучали бы теперь обѣщаніемъ эти встревоженныя, чуть не умоляющія слова.

Но не тѣмъ представлялось для меня ихъ настоящее значеніе. Какая-то таинственная драма несомнѣнно разыгрывалась въ эту минуту предо мной, но я понималъ, что героемъ ея не могъ быть Звѣницынъ. А онъ сіялъ и поводилъ глазами, поднявъ ихъ на блѣдную дѣвушку съ такимъ восторженнымъ и масляннымъ выраженіемъ, съ какимъ никогда влюбленный котъ не взиралъ на свою возлюбленную...

— Я боялся вамъ наскучить, говорилъ онъ, — mais vous devez être bien persuadée, mademoiselle, qu'on ne voudrait jamais vous quitter.

— Кирилинъ утонулъ? переспрашивалъ между тѣмъ Кемскій и примолвилъ:—а его мать все у васъ?

Отвѣтъ замедлился.

— Завтра, говорятъ, будетъ балъ въ собраніи? поспѣшно спросила Надежда Павловна, какъ-то судорожно открывая и закрывая вѣеръ передъ лицомъ.

— Переѣхала въ городъ, отвѣчалъ наконецъ Кемскому генералъ.

— Вы будете? спросилъ въ свою очередь Звѣницынъ тѣмъ особымъ вкрадчивымъ шептаніемъ, для котораго нѣмцы изобрѣли очень выразительный глаголъ: flüstern.

— Да, конечно, я очень хочу; въ собраніи, мнѣ говорили, много бываетъ, и балы такъ хороши всегда, проговорила она скоро, скоро, какъ бы торопясь заговорить себя самое своими собственными словами.

— Вы не откажете мнѣ въ мазуркѣ? еще тише спросилъ офицеръ.

— Мазурка, да, конечно, это очень весело, я очень люблю...

Она положительно уже не знала, что говорила. За этимъ блестящимъ, двигавшимся вѣеромъ можно было уловить лихорадочныя искры въ ея блѣдныхъ глазахъ. Пальцы ея лѣвой руки, лежавшей на бархатной рампѣ ложи, ухватились за бинокль и такъ и закоченѣли на немъ, — я это видѣлъ.

— Я увѣренъ, что вамъ холодно, сказалъ я громко ей.

— Да, немножко... Отчего вы думаете? проговорила она съ усиліемъ.

— Въ этихъ ложахъ бенуара всегда дуетъ изъ маленькой двери подъ сценой, чрезъ которую музыканты проходятъ въ оркестръ, а она именно теперь отворена, объяснилъ я довольно естественно.

— Вы совершенно правы, подтвердилъ Звѣницынъ. — Je vous conseille de vous retirer à l'arrière, mademoiselle, примолвилъ онъ, устремивъ на нее долгій прощальный взглядъ, и удалился.

— Вамъ не мѣшало бы выпить чашку чаю. Я сейчасъ пришлю, сказалъ Кемскій, подбѣгая къ ней.

— Не хочешь-ли домой? спросилъ ее отецъ.

— Нѣтъ, сказала она, вставая съ мѣста. — А чаю я выпью, мнѣ точно холодно что-то.

Я раскланялся.

— До свиданія, сказалъ мнѣ старикъ Чемисаровъ, между тѣмъ какъ дочь его прощалась со мной улыбкой, въ которой сказывалась какъ будто какая-то мимолетная и унылая благодарность....

Во второмъ актѣ вышла бенефиціантка, въ роли Матильды, въ шляпѣ съ перьями и хлыстомъ въ рукѣ. Она была еще молода и свѣжа, съ полными, румяными губами. Цѣлая буря хлопанья и возгласовъ поднялась при ея появленіи. Она кланялась, присѣдала и складывала руки крестомъ къ горлу, и потомъ опять присѣдала и кланялась, при чемъ поклонники ея могли удобно оцѣнить контуры вида самаго пріятнаго, волновавшіеся подъ лифомъ ея темнаго бархатнаго платья. Букетовъ и подарковъ поднесено ей было въ изобиліи. Въ числѣ послѣднихъ была даже дюжина серебряныхъ ложекъ, презентъ практическаго человѣка.

Опера шла своимъ чередомъ. Теноръ возводилъ очи горѣ и прикладывалъ обѣ ладони къ сердцу. Баритонъ пускалъ руки наотмашъ въ пустое пространство. Басъ, съ натуженною досиня шеей, пропускалъ свою ноту въ буфы, нашитые на груди его пейзанскаго костюма, и внушительно тыкалъ внизъ указательнымъ пальцемъ. И все это производилось такъ, какъ будто каждый изъ нихъ говорилъ себѣ въ это время: „а должно-быть изъ этого что-нибудь и выйдетъ!“ И они не ошибались. Богъ великъ, — дѣйствительно выходило что-то. Публика спѣшила апплодировать каждому изъ нихъ порознь и всѣмъ вмѣстѣ взятымъ, для доказательства, вѣроятно, и съ своей стороны, полнаго сочувствія къ такому простодушію воззрѣній на дѣло искусства....

Я обернулся къ оставленному мной бенуару.

На виду въ немъ сидѣла теперь одна Надежда Павловна и слушала, опершись головой на руку и не сводя глазъ со сцены. Въ продолженіе всего акта она не перемѣнила положенія. Чему внимала она такъ безмолвно и прилежно,—страстнымъ-ли звукамъ этой музыки, въ первый разъ касавшимся ея слуха, или глухому ропоту и сожалѣніямъ своего собственнаго сердца,—не знаю, но ея блѣдный и недвижный

обликъ, съ выраженіемъ скорбнаго помысла, какъ бы оледенѣвшаго на ея челѣ, походилъ скорѣе на могильный памятникъ, чѣмъ на живой человѣческій образъ....

Передъ третьимъ актомъ я уѣхалъ изъ театра, не дождавшись Кемскаго. Мнѣ и не хотѣлось видѣть его въ эту минуту.

VI.

Утромъ, на другой день, я получилъ отъ Кемскаго записку. Онъ говорилъ въ ней, что заѣдетъ за мной вечеромъ, чтобъ отправиться вмѣстѣ въ собраніе. Я жилъ оттуда въ двухъ шагахъ.

Онъ явился часу въ десятомъ; ѣхать на балъ было еще рано. Онъ спросилъ чаю и усѣлся въ моемъ кабинетѣ, пока я въ другой комнатѣ приступалъ къ туалету.

— Что Надежда Павловна? спросилъ я его сквозь растворенную дверь.

— Ничего, здорова.

— Ты ее сегодня видѣлъ?

— Мелькомъ. Княгиня Марѳа Львовна заѣхала за ней дѣлать визиты; вернулись только къ обѣду.

— А ты гдѣ обѣдалъ?

— У нихъ же. Сидѣлъ между двумя какими-то сенаторами и разсказывалъ имъ про Японію. Здѣсь, братъ, не деревня, ни въ какое время дня не застанешь ихъ однихъ, примолвилъ онъ съ досадой.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, спросилъ я,—о комъ это вы вчера съ старикомъ генераломъ говорили?

— Когда это?

— Да въ ложѣ. О какомъ-то Кирилинѣ.

— А ты слушалъ нашъ разговоръ, когда въ то же время могъ наслаждаться остроумною бесѣдой господина Звѣницына! Удивляюсь, сказалъ Кемскій.—Что же тебѣ хочется знать?

— Я спросилъ, потому что ты казался огорченнымъ

смертью этого Кирилина. Не родственникъ-ли это твой какой-нибудь умеръ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.—Кирилинъ никому не былъ родня, и мнѣ жаль его потому, что онъ былъ человѣкъ съ замѣчательнымъ талантомъ, и изъ него могъ выйти со временемъ великій артистъ. Онъ былъ сынъ выслужившагося офицера, изъ однодворцевъ, стараго сослуживца Павла Васильвича. Подъ Лейпцигомъ Павелъ Васильевичъ былъ контуженъ тѣмъ же ядромъ, которое, въ двухъ шагахъ отъ него, оторвало ногу старику Кирилину. Когда тотъ вышелъ изъ госпиталя увѣчный, не зная куда дѣться, Павелъ Васильевичъ отправилъ его къ себѣ въ Рай-Воздвиженское, устроилъ его тамъ, а когда самъ вернулся изъ Грузіи, взялъ его въ управляющіе. Кирилинъ женился въ деревнѣ, прижилъ сына и умеръ въ томъ же году, какъ и мать Наденьки. Вдова его осталась экономкой въ домѣ Павла Васильевича. Сынъ ея былъ годами тремя старше Наденьки и ея брата. Онъ въ дѣтствѣ учился съ нами вмѣстѣ, и покойный Вася Чемисаровъ любилъ его до страсти. Мальчикъ съ раннихъ норъ показывалъ необыкновенныя способности къ музыкѣ. По смерти Васи, Павелъ Васильевичъ, согласно его желанію, отправилъ его учиться музыкѣ въ Москву. Тамъ онъ какъ-то поссорился съ учителемъ, у котораго жилъ, захотѣлъ поступить въ университетъ, переѣхалъ въ Петербургъ; потомъ бросилъ и принялся опять за музыку. Въ Рай-Воздвиженское онъ вернулся два года тому назадъ, съ отличными аттестатами. И въ самомъ дѣлѣ онъ игралъ на скрипкѣ великолѣпно.

— Что же думалъ онъ изъ себя дѣлать? спросилъ я.

— Ему въ Москвѣ предлагали мѣсто въ оркестрѣ, но онъ и въ нашей сторонѣ могъ легко заработать себѣ независимый кусокъ хлѣба. Въ нашемъ околоткѣ помѣщики все крупные, много любителей музыки. Тогда же при мнѣ богачъ Грайворонскій предлагалъ ему съ перваго слова большія деньги, чтобъ онъ шелъ къ нему управлять его оркестромъ. Жаль его, бѣднягу...

— А самъ-то онъ что за человѣкъ былъ? спросилъ я опять.

— Я его зналъ ребенкомъ, а когда онъ вернулся въ Рай-Воздвиженское артистомъ, я былъ на отъѣздѣ и мелькомъ видѣлъ его. На видъ онъ былъ невзраченъ, худой, блѣдный, съ длинными нечесаными волосами, глядѣлъ недоучившимся студентомъ. Глаза у него были странные: днемъ просто сѣрые, некрасивые, а вечеромъ, или когда заиграется, потемнѣютъ какъ осенняя ночь, и такъ и искрятся, такъ и горятъ. Не даромъ текла въ немъ цыганская кровь: бабка его по матери взята была изъ табора.

— Русскому артисту пока еще плохое житье въ Россіи. Твой Кирилинъ, пожалуй, и хорошо сдѣлалъ, что умеръ рано, замѣтилъ я.

— Ну, ужь ты философъ! засмѣялся Кемскій:—по-твоему, за что ни взяться, вездѣ неразрѣшимая задача. Поѣдемъ-ка лучше въ Собраніе.

— Блаженъ, кому легко живется! отвѣтилъ бы я ему, еслибы въ то время что-то не говорило мнѣ, что далеко не разрѣшена его собственная жизненная задача.

VII.

Балы въ Собраніи давно уже не походили на тѣ оживленныя сборища былыхъ временъ, куда вперные „изъ глуши степныхъ селеній“ вывезъ Пушкинъ въ свѣтъ свою тоскующую Татьяну. Они рѣдѣли и рѣдѣли съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ постепенно смолкали въ Москвѣ голоса современниковъ двѣнадцатаго года, и на фронтонахъ ея барскихъ домовъ все чаще и чаще сиѣялись старинные гербы именными вензелями новыхъ, никому уже невѣдомыхъ владѣльцевъ. Въ эпоху, къ которой относится мой разсказъ, Собраніе окончательно отжило свою славу, и пустынно и унылю глядѣли теперь тѣ громадныя залы, въ которыхъ тѣсною и шумною толпой ликовало минувшее, беззаботное поколѣніе....

На этотъ разъ впрочемъ было гораздо многолюднѣе обыкновеннаго. За нѣсколько дней предъ этимъ, на какомъ-то вечерѣ, все общество сговорилось ѣхать въ Собраніе, какъ на пикникъ, всѣмъ соборомъ. Всѣ заранѣе дали при этомъ другъ другу слово веселиться во что бы то ни стало и танцовать до зари. Случайный съѣздъ въ Москву множества петербургскихъ кавалеровъ обѣщалъ балъ на славу. И, дѣйствительно, онъ уже гремѣлъ и блестѣлъ въ полномъ своемъ разгарѣ, когда мы вошли съ Кемскимъ.

Гвардейскіе мундиры носились по залѣ, многочисленные и сіяющіе, какъ звѣзды на тверди небесной.

На дамахъ были самые восхитительные туалеты.

Оркестръ Гунгля заливался на хорахъ.

Балъ, однимъ словомъ, такъ и просился въ блаженной памяти литературу графа Соллогуба.

Звѣницынъ велъ его, и велъ такъ, какъ можетъ это дѣлать лишь искусившійся въ этомъ трудномъ дѣлѣ многолѣтнимъ опытомъ, на петербургскихъ паркетахъ, гвардейскій и притомъ кавалерійскій офицеръ. Танцовали pastourelle кадрили, и онъ производилъ въ ней такія эволюціи, совершалъ такіе запутанные переходы и выпутывалъ изъ нихъ своихъ танцорокъ съ такимъ изумительнымъ искусствомъ, что, я полагаю, самъ Фридрихъ Великій, лежа въ гробу своемъ, въ Потсдамѣ, вздыхалъ въ эту минуту о томъ, что не зналъ Звѣницына, когда замышлялъ свой первый походъ въ Силезію.

За кадрилью слѣдовалъ вальсъ.

Мы подошли къ Надеждѣ Павловнѣ. Она была опять вся въ бѣломъ, какъ на первомъ балѣ; только подъ черною косой алѣла одна свѣжая пунцовая роза.

Звѣницынъ подлетѣлъ было къ ней, но Кемскій предупредилъ его и помчался съ нею по залѣ.

Гвардеецъ улыбнулся, слѣдя за ними внимательнымъ и насмѣшливымъ взоромъ. Сознаніе своего превосходства такъ и сіяло на его лицѣ.

Онъ былъ правъ: плохой танцоръ былъ мой пріятель.

— Звѣницынъ! загоготалъ въ это время, стремительно кидаясь къ нему, господинъ, о которомъ я уже имѣлъ случай упомянуть и котораго звали Вашневымъ:—замѣтилъ ты, что всѣ эти моряки на кривыхъ ногахъ? Полагаю, вѣдь это больше отъ рома....

И онъ залился какимъ-то истерическимъ хохотомъ, непріятнымъ и раздражающимъ какъ визгъ пальца по мокрому стеклу.

Кирасиръ толкнулъ его локтемъ въ бокъ, указывая ему на меня глазами.

Вашневъ торопливо провелъ рукой по лицу, какъ бы желая стереть съ него слѣды своего смѣха.

— Надѣюсь, mon cher, продолжалъ онъ впрочемъ громко и нахально,—que vous me présenterez à vôtre belle?

— Кто же такое эта: ma belle? спросилъ Звѣницынъ,

быстро взглянувъ на меня и вперяя затѣмъ въ упоръ Вашневу строговопросительный взглядъ.

Того такъ и покоробило. Ему, видно, давно было вѣдомо значеніе подобныхъ взглядовъ. Крысьи глаза его завертѣлись во всѣ стороны, какъ бы ища вокругъ себя опоры и защиты...

— Votre belle... notre belle à tous, хотѣлъ я сказать, m-lle Tschemissarof, отъ которой вся Москва въ восторгѣ, пробормоталъ онъ наконецъ.

— А!... медленно и съ достоинствомъ произнесъ Звѣницынъ. — Совѣтую вамъ въ такомъ случаѣ, примолвилъ онъ внушительно, — быть осторожнѣе въ выборѣ вашихъ выраженій.

И онъ взглянулъ на меня: ты, молъ, теперь можешь судить, какъ я воспитанъ и какія благородныя чувства въ себѣ питаю.

Вашневъ, сообразивъ, вѣроятно, что за такимъ внушеніемъ прекращается для него всякая дальнѣйшая опасность, поспѣшилъ обнять Звѣницына за талію.

— Ты у насъ, извѣстно, рыцарь! заголосилъ онъ, трепля его легонько и осторожно подъ бока и надрываясь судорожнымъ смѣхомъ:—настоящій Густавъ-Адольфъ: строгъ, но справедливъ!

— Пусти, пожалуйста! сказалъ гвардеецъ, безцеремонно отталкивая его. — Mon général! обратился онъ съ поклономъ и заискивающею улыбкой къ подходившему въ это время Павлу Васильевичу Чемисарову.

Старикъ-генералъ прихрамывалъ и опирался на палку.

Онъ кивнулъ намъ головой и остановился подлѣ, поводя кругомъ слегка прищуренными глазами.

— Екатерининскаго вѣка зала! сказалъ онъ не громко и не обращаясь ни къ кому въ особенности.

— Первая въ Европѣ! поспѣшилъ первый отозваться Вашневъ.

Генералъ не отвѣчалъ.

— Д-да! замѣчательная была у насъ женщина на тронѣ!

отпустилъ въ свою очередь Звѣницынъ. — Вы давно здѣсь не изволили быть? обратился онъ къ Павлу Васильевичу.

— Давно, отвѣчалъ тотъ, и что-то въ родѣ усмѣшки мелькнуло на его холодномъ лицѣ,—съ того самаго вечера, когда Алексѣй Петровичъ Ермоловъ появился сюда въ первый разъ, во фракѣ, послѣ Грузіи, и вся Москва пошла ему на встрѣчу. Я пріѣзжалъ тогда изъ деревни.

— Ска-ажите! сожалительно процѣдилъ по обыкновенію Звѣницынъ.

Вашневъ хихикнулъ, какъ бы несказанно обрадовавшись.

— Вся Москва, какъ вы изволите говорить, вся Москва! Грандіозная была встрѣча! Многимъ не пришлась она по вкусу, можно сказать, очень многимъ...

Генералъ перенесъ молча палку въ другую руку и пристально взглянулъ на него.

Истерическій хохотъ Вашнева замеръ внезапно. Онъ заморгалъ глазами, замоталъ шеей, точно кость засѣла у него въ горлѣ, и отошелъ въ сторону.

— Кто такой? спросилъ Чемисаровъ, обернувшись къ Звѣницыну.

— Нѣкто Вашневъ. Когда-то служилъ у насъ въ дивизіи, отвѣчалъ небрежно гвардеецъ.

— Помѣщикъ К*** губерніи?

— Онъ самый, сказалъ я.

— Обобралъ жену и потомъ на нее же прошенія подавалъ?

Я усмѣхнулся.

— Знаю, проходимецъ! примолвилъ генералъ и отправился дальше, ковыляя своею раненою ногой.

— И этотъ баринъ, обратился ко мнѣ Звѣницынъ, указывая на Вашнева, который въ это время летѣлъ уже въ вальсѣ съ какою-то блондинкой въ желтомъ платьѣ,—ce monsieur воображаетъ, что я его стану представлять à des personnes que je respecte! Mais pour qui, diable, me prend-il donc enfin?

Изящный офицеръ повелъ презрительно плечами и пошелъ своею красивою походкой приглашать на экстратуръ высокую

и стройную княгиню Шатунскую, танцовавшую съ черненькимъ и кругленькимъ артиллеристомъ, котораго она была выше цѣлою головой.

— Ну что, чья верхъ беретъ? почти кричалъ, пробираясь ко мнѣ, Крусановъ, безъ котораго, разумѣется, никакое сборище въ Москвѣ не могло обойтись. — Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ: кичливый всадникъ иль морякъ? продолжалъ онъ, схватывая меня за руку и тряся ее безъ милосердія. — Я, братъ, дюжину шампанскаго держалъ въ клубѣ за твоего Лаперуза; такъ смотри, не заставь проиграть. Или самъ ты того?...

— Чего это?

— Вчера, говорятъ, вся Москва видѣла тебя у нихъ въ ложѣ; видно не промахъ ты, братъ. Меня даже увѣряли, что ты тутъ положительно о себѣ хлопочешь, а морякъ и прочее, все это для отвода глазъ публики. Да. Только этому я ужь никакъ не повѣрилъ; такъ и говорю всѣмъ: это вздоръ, говорю, сущій вздоръ.

— Покорнѣйше тебя благодарю, сказалъ я, расхохотавшись: — только ты напрасно даешь себѣ трудъ передавать мнѣ всю эту чушь.

— Нельзя, братъ, дружба повелѣваетъ. На то и есть друзья на свѣтѣ, чтобы передавать человѣку всякую гадость, какая про него по рынку ходитъ. А то бы онъ такъ и прозябалъ въ невѣдѣньи счастливомъ.

Крусановъ смѣялся, но въ сущности онъ высказывалъ свои самыя задушевныя убѣжденія. И кто изъ моихъ читателей не зналъ Крусановыхъ на своемъ вѣку?

— Однако, вотъ тебѣ мой совѣтъ, продолжалъ онъ уже таинственно: — наставь пріятеля повершить дѣло скорѣй, а не откладывать въ долгій ящикъ. На сладкое вишенье воробьята видимо-невидимо налетитъ, зачнутъ всякія каверзы чинить, пожалуй. Сегодня ужь кое-что до меня дошло. Жаль-вотъ, не дослышалъ только.

— Что тамъ еще?

— Говорю, не дослышалъ. Въ клубѣ было. Про Кемскаго.

Говорилъ Вашневъ. Ну, извѣстно, хорошаго эта шушера ни про кого не скажетъ.

— А у васъ и Вашневу вѣрить готовы?

— Э, братъ, свѣта ты не знаешь, отмолвилъ мой московскій серцевѣдъ. — Мнѣ еще нянька въ дѣтствѣ говорила: на добро сверчка не станетъ, а на пакость станетъ. Захотятъ, всему повѣрятъ, только подавай. А за тѣмъ, мусье, же ву китъ. Родительское мое сердце днесь утѣшено вельми; ишь ты изъ Питера что благодати въ эполетахъ наѣхало! Всѣ мои пташечки пристроены, всѣ гнѣздышки свили, любо-дорого глядѣть на нихъ. Готовъ сейчасъ за каждую отступнаго взять; имъ нынче и безъ меня жить хорошо!

Онъ отошелъ, смѣясь.

Вальсъ замолкъ между тѣмъ, и Надежда Павловна съ своимъ кавалеромъ очутилась снова подлѣ меня.

— Мегсі, сказала она ему.—Я ужасно устала; и вы тоже, кажется?

— Нѣтъ, ничего, увѣрялъ онъ, между тѣмъ какъ грудь его вздымалась словно мѣхъ кузнечный. Я невольно улыбнулся. — Право, ничего, подтвердилъ весело Кемскій, — надо втянуться, и только. Поглядите, какъ въ мазуркѣ стану отличаться. Вы не забыли, что обѣщали мнѣ ее утромъ, Nadine?

— Нѣтъ, отвѣчала она.

Звѣницынъ вдругъ словно изъ земли выросъ.

— Pardon, mademoiselle, сказалъ онъ, сгибаясь предъ ней тѣмъ вычурно почтительнымъ поклономъ, которымъ кланяются французскіе актеры, когда изображаютъ собой виконтовъ и маркизовъ прошлаго столѣтія, — pardon, я имѣлъ счастіе вчера вечеромъ получить ваше согласіе на сегодняшнюю мазурку.

— Вчера? повторила она съ замѣшательствомъ.

— Мазурка обѣщана мнѣ! рѣзко и громко произнесъ Кемскій, поднявъ на Звѣницына сверкающіе глаза.

— Не знаю, когда вамъ, но вчера положительно мнѣ, отвѣчалъ съ полнымъ спокойствіемъ и холодною улыбкой гвардеецъ.

— Я вамъ не уступлю ея! воскликнулъ, вспыливъ, мой морякъ.

Звѣницынъ слегка поблѣднѣлъ, взглянулъ на него и только плечами повелъ.

Нѣкто г. Секкаторовъ, стоявшій подлѣ съ стаканамъ лимонода въ рукахъ, улыбнулся и тоже приподнялъ плечи, какъ бы вторя Звѣницыну.

Я почелъ необходимымъ вмѣшаться.

— Ты не правъ, сказалъ я, схвативъ Кемскаго за руку и крѣпко сжимая ее. — Надежда Павловна, вѣроятно, забыла, обѣщая тебѣ сегодня мазурку, что вчера въ театрѣ, при мнѣ, господинъ Звѣницынъ приглашалъ ее, и....

— Ахъ, Боже мой, что я надѣлала! не давъ мнѣ кончить воскликнула бѣдная дѣвушка, съ умоляющимъ выраженіемъ глядя на стоявшихъ предъ ней соперниковъ.—Простите меня!

— Такъ вамъ остается теперь выбирать между нами, промолвилъ Кемскій, едва сдерживаясь, между тѣмъ какъ рука его лихорадочно дрожала въ моей рукѣ.

— Je suis le premier en date, замѣтилъ Звѣницынъ съ тою же спокойною и учтивою улыбкой.

— И по буквѣ закона уступить долженъ ты! Рѣшено и подписано! сказалъ я Кемскому, стараясь дать всему этому угрожающему разговору шутливое направленіе.

— Mon cousin, сказала Надежда Павловна и прямо глянула въ глаза моему пріятелю,—вы не разсердитесь?

Ледяной взглядъ ея будто растаялъ отъ вспыхнувшаго въ ней тревожнаго, боязливаго участія. Въ голосѣ ея звучала почти нѣжность.

— Ma cousine, отвѣчалъ Кемскій, высвобождая свою руку изъ моей,—этотъ законникъ, конечно, не убѣдитъ меня, и если я уступаю, такъ это единственно вашей волѣ, а не чьему-либо праву.

Онъ повернулся и ушелъ быстрыми шагами.

Звѣницынъ обратился тотчасъ же ко мнѣ съ благодарностью.

— Вы такъ безпристрастны, сказалъ онъ съ торжественною любезностью,—что я отъ всей души желаю вамъ быть

министромъ юстиціи. Я боюсь только одного, продолжалъ изящный офицеръ,—чтобы на меня не разгнѣвались за вашъ справедливый приговоръ.

И онъ еще ниже, еще галантерейнѣе изогнулся передъ Надеждой Павловной.

— Я буду, напротивъ, очень благодарна Monsieur ***, если вы только обѣщаетесь мнѣ забыть все то, въ чемъ виновата одна я, одна моя непростительная вѣтреность, сказала она ему.

— Mon Dieu, mais je suis trop heureux, M-lle, поспѣшилъ онъ воскликнуть, прикладывая руку къ сердцу. Mais voici la seconde contredanse, я танцую ее съ княгиней Ольгой.... pardon de vous quitter....

Онъ выбѣжалъ отыскивать свою даму.

— Благодарствуйте! быстро проговорила дѣвушка, протягивая мнѣ руку:—я такъ боялась.... Ради Бога, уговорите Владиміра Александровича,... онъ такой вспыльчивый....

— Я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ; не безпокойтесь. Но я, въ свою очередь, осмѣлюсь просить васъ,—и я пристально взглянулъ на нее,—не забудьте, какъ вы ему дороги....

Она хотѣла отвѣчать.... и не смогла. Глаза ея подернулись туманомъ. Она отвернулась.... Мнѣ было невыразимо жаль ее въ эту минуту....

Я нашелъ Кемскаго на другомъ концѣ залы. Онъ стоялъ и глядѣлъ на танцующихъ. Еще взволнованный и блѣдный, съ сжатыми бровями, онъ судорожно теребилъ себя за усы.

Я молча пододвинулся къ нему.

По близости отъ насъ стоялъ Вашневъ и казался весь погруженъ въ созерцаніе двигавшейся предъ нимъ кадрили. Но я замѣтилъ, что отъ времени до времени онъ кидалъ искоса на Кемскаго любопытные и насмѣшливые взгляды, какъ бы уже пронюхавъ о перемолвкѣ его съ Звѣницынымъ. И я не сомнѣвался, что онъ уже зналъ о ней. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, до которыхъ вѣсти подобнаго рода достигаютъ тѣми же необъяснимыми, но неизбѣжными путями, какими вороны извѣщаются о падали.

Кемскій наконецъ обернулся ко мнѣ.

— Что ты скажешь? проговорилъ онъ, стараясь улыбнуться.

— Ничего не скажу, пока ты не войдешь въ нормальное состояніе, отвѣчалъ я полушуткой.

— Говори, я совершенно спокоенъ.

— А спокоенъ, такъ мнѣ и говорить тебѣ нечего. Отъ тебя только того и требуется, чтобы ты не кипятился изъ-за пустяковъ.

— Да вѣдь этотъ человѣкъ мнѣ жить мѣшаетъ! воскликнулъ онъ съ новымъ порывомъ.—Зачѣмъ становится онъ поперекъ моей дороги?

— Докажи ему, что эта дорога твоя: нѣтъ сомнѣнія, онъ тотчасъ же отстанетъ.

— Я завтра же все покончу. И тогда.... попадись онъ мнѣ только! примолвилъ онъ громко.

— Тсс.... И я указалъ ему головой на Вашнева, который, видимо, старался подслушать нашъ разговоръ.

— А пусть знаетъ, осторожнѣе будетъ, также громко возразилъ Кемскій.

— Я отъ тебя рѣшительно отказываюсь, сказалъ я съ сердцемъ и отходя отъ него.

Онъ меня нагналъ и схватилъ за рукавъ.

— Ну, полно, полно, Мумка, не буду! Гнѣвъ свой я сорвалъ. Теперь буду тихъ какъ ягненокъ.

— Ты можешь быть увѣренъ, что къ довершенію всего этотъ господинъ передастъ твои слова Звѣницыну, да еще съ такими украшеніями, послѣ которыхъ намъ не избѣжать уже никакъ формальнаго объясненія.

— А чортъ съ нимъ!

— А финалъ какой?

— Эва! засмѣялся Кемскій и беззаботно качнулъ головой.

— Такъ слушай же: Надежда Павловна не на шутку встревожена вашимъ разговоромъ. Меня удивляетъ, какъ ты о ней забылъ! Ступай, бери даму на кадриль, становись такъ, чтобъ она тебя видѣла, будь веселъ. Что бы ни случилось, долгъ твой во что бы ни стало успокоить ее...

— Иду; благодарствуй! поспѣшно проговорилъ онъ и побѣжалъ со всѣхъ ногъ.

„Дай Богъ, чтобъ этимъ все кончилось!“ подумалъ я.

VIII.

И словно нечему было и кончаться. Съ хоровъ загремѣлъ любимый контрдансъ на русскіе мотивы. Живѣе, бойчѣе прежняго сходились и заплетались пары подъ звуки разудалой пѣсни. Одушевленіе было всеобщее. Соперники наши стояли рядомъ въ одной кадрили, и никто, глядя на нихъ, не заподозрилъ бы ихъ во враждѣ. Звѣницынъ танцовалъ съ княгиней Шатунской и, точно полководецъ съ побѣдной высоты своей, обозрѣвалъ ликующимъ взглядомъ предводимыхъ имъ танцоровъ, между тѣмъ какъ ноги его и руки сами собой скользили и округлялись предъ его дамой съ свойственнымъ ему одному небрежнымъ изяществомъ. Кемскій съ веселымъ лицомъ выслушивалъ торопливыя рѣчи быстроглазой особы, извѣстной подъ оригинальнымъ названіемъ Ла-Катеньки. Они стояли vis-à-vis съ Надеждой Павловной. Кавалеръ ея былъ молоденькій, безусый офицерикъ, съ такимъ тоненькимъ станомъ, что о немъ можно было сказать то же, что нѣкій уѣздный франтъ говорилъ про талію своей любезной: комаръ, на что малое насѣкомое, а и тотъ жаломъ на-двое перекуситъ. Красота его дамы видимо производила на него всепожирающее впечатлѣніе. Говоря съ ней, онъ краснѣлъ до самыхъ волосъ и высоко поднималъ брови съ тѣмъ выраженіемъ полуудивленія и полустраха, съ которымъ дѣти смотрятъ на невиданную еще ими затѣйливую игрушку.

Но какъ же и хороша была она въ эту минуту, какою таинственною прелестью сіяли для меня эти нѣмые продолговатые глаза, сколько тоски угадывалъ я теперь подъ ея хо-

лодными, безупречными чертами! А въ мягкихъ складкахъ этихъ блекнувшихъ губъ было между тѣмъ столько требованія, столько правъ на счастіе...

На этомъ вечерѣ мнѣ суждено было видѣть ее въ послѣдній разъ, и я, словно предчувствуя это, глядѣлъ на нее не отрываясь...

Не одинъ разъ поднимались въ это время на меня ея глаза. Я отвѣчалъ имъ успокоительною улыбкой. Тревога ея понемногу стихала. Она могла уже отвѣчать на невинныя рѣчи своего юнаго кавалера, между тѣмъ какъ глаза ея все чаще и чаще останавливались на Кемскомъ.

Подъ конецъ кадрили она еще разъ пристально взглянула на меня.

Я понялъ и подошелъ, едва раскланялся съ ней ея кавалеръ.

— Скажите, быстро промолвила она, наклоняя голову къ букету изъ бѣлыхъ розъ, дрожавшему въ ея рукѣ,—скажите, кончено-ли все?

— Вы сами видите: танцуютъ рядомъ, оба веселы, балъ такъ оживленъ. Оба они, я увѣренъ, уже успѣли все позабыть...

— Вы отвѣчаете мнѣ, что ничего не будетъ?

— Чему же и быть, помилуйте! Будьте совершенно спокойны.

— Я васъ едва знаю, но я вамъ вѣрю, сказала она, даря меня долгимъ, благодарнымъ взглядомъ:—я хочу у васъ просить совѣта...

— Говорите скорѣе, я весь вашъ! воскликнулъ я съ искреннимъ увлеченіемъ.

— Я едва стою, я не могу танцовать мазурки, прошептала она со слезами въ голосѣ.

— Такъ уѣзжайте скорѣе: это лучшее, что вы можете сдѣлать во всѣхъ отношеніяхъ, поспѣшно сказалъ я.

— Но я не смѣю,... этотъ офицеръ не повѣритъ, что мнѣ нездоровится,... онъ подумаетъ, что я не хочу танцовать съ нимъ, что я дѣлаю это для Владиміра...

— Батюшка можетъ увезти васъ независимо отъ вашей воли. Вамъ стоитъ только шепнуть ему объ этомъ.

Брови ея сдвинулись. Она не отвѣчала.

— Погодите, я вамъ это устрою, предложилъ я.

Она еще разъ вскинула на меня глаза.

— Вы мой спаситель, сказала она, слабо усмѣхаясь.

Я пошелъ отыскивать ея отца.

Онъ стоялъ невдалекѣ и съ своего мѣста долженъ былъ видѣть переговоры мои съ его дочерью.

— Вы меня извините, генералъ, я долженъ вамъ сказать два слова.

Лицо его тотчасъ же словно окаменѣло. Эта гордая природа оскорблялась и тѣнью фамильярности.

— Надежда Павловна, продолжалъ я, не смущаясь,—приглашена на мазурку, а она такъ устала, что на нее жаль смотрѣть.

— Уѣхать хочетъ? спросилъ генералъ.

— Ее увезти бы надобно, объяснилъ я,—она совѣстится.

Онъ взглянулъ мнѣ въ лицо.

— А съ кѣмъ танцуетъ, съ Кемскимъ?

— Съ Звѣницынымъ.

— А! Хорошо, произнесъ старикъ по нѣкоторомъ молчаніи, не трогаясь съ мѣста.

Я вернулся къ Надеждѣ Павловнѣ, но ее уже успѣли такъ окружить, что я только могъ увѣдомить ее издалека знакомъ объ успѣхѣ моего посольства.

„Погодимъ, что будетъ,“ сказалъ я себѣ, становясь такъ, чтобъ она, въ случаѣ чего, могла тотчасъ же обратиться ко мнѣ. Признаюсь, въ эту минуту я, настоящимъ эгоистомъ, наслаждался внутренно мыслью, что она можетъ снова прибѣгнуть къ моей помощи.

Съ первыми звуками польки, слѣдовавшей за кадрилью, молодежь подлетѣла къ ней цѣлою стаей, какъ воробьи на сладкое вишенье, по выраженію Крусанова.

Старикъ-генералъ, видно, только и ждалъ этой минуты; онъ очутился подлѣ дочери.

— Устала? обратился онъ къ ней своимъ привычнымъ, короткимъ вопросомъ.

— Немножко, отвѣчала она.

— А у меня нога разболѣлась. Поѣдемъ.

— Mon, général, monsieur! сжальтесь, позвольте только эту польку! голосили, умоляли его со всѣхъ сторонъ.

— Ваше превосходительство, мнѣ была обѣщана Надеждой Павловной мазурка, заявилъ, подбѣгая, встревоженнымъ голосомъ Звѣницынъ.

— Ce n'est pas ma faute, monsieur je vous le jure, mon père est souffrant, сказала ему дѣвушка.

Но старикъ какъ будто не слышалъ ничьихъ рѣчей и не видѣлъ никого изъ окружающихъ.

— Владиміръ! громко сказалъ онъ подходящему Кемскому:—проводи насъ.

Звѣницынъ поклонился и тотчасъ же отошелъ. За нимъ послѣдовали и прочіе.

Надежда Павловна обернулась въ мою сторону и кивнула мнѣ головой.

— Прощайте, сказалъ я, подходя.

Она протянула мнѣ руку.

— Что у васъ: мантилья, шарфъ, бурнусъ? суетясь, спрашивалъ ее между тѣмъ Кемскій.

— Мантилья гдѣ-то тамъ на скамейкѣ.

Кемскій побѣжалъ отыскивать.

— Вы такъ затанцовались, что на васъ лица нѣтъ, сказалъ я ей.

— Дайте ей руку, отвѣчалъ на это старикъ Чемисаровъ,— а то упадетъ, пожалуй.

Она ухватилась за мою руку и такъ и повисла на ней. И точно, она бы, кажется, упала безъ этой поддержки.

Отецъ остановилъ на ней долгій, непроницаемый взглядъ.

— Идти можешь? спросилъ онъ ее наконецъ.

— Конечно, могу, молвила она, бодрясь и не глядя на него.

— Такъ пойдемъ. Въ тѣхъ залахъ можешь сѣсть. Владиміръ насъ нагонитъ.

Мы отправились.

Въ залѣ, ближайшей къ выходу, я усадилъ Надежду Павловну. Генералъ помѣстился рядомъ съ ней, въ углу дивана.

Мы были одни. Глухо долетала до насъ Гунглева Gard-husaren polka съ ея рѣзко очерченнымъ ритмомъ.

Кемскій все еще не являлся.

Вдругъ раздались громкіе шаги и голоса.

Трое мущинъ проходили черезъ залу по направленію лѣстницы.

— И вѣдь все вретъ, готовъ пари бутылку шампанскаго, вретъ онъ, говорилъ Крусановъ. Онъ шелъ подъ руку съ Чесминымъ.

— Да разрази же меня Богъ! увѣрялъ, крестясь и колотя себя въ грудь ладонью, Вашневъ, перебѣгая отъ одного изъ нихъ къ другому и тормозя ихъ на ходу: — чтобы мнѣ сейчасъ на мѣстѣ провалиться! Когда я самъ, своими ушами слышалъ! Я, говоритъ, его на первый разъ изъ окна выброшу, такъ онъ у меня будетъ осторожнѣе...

— На первый разъ! повторилъ, заливаясь смѣхомъ, Крусановъ.—Вѣдь это онъ изъ собственныхъ своихъ воспоминаній намъ читаетъ, а, Чесминъ? Вѣщай! обратился онъ, остановившись, къ Вашневу: — самого-то тебя сколько разъ изъ окна спускали?

— А я говорю тебѣ, продолжалъ наглый господинъ, не обращая никакого вниманія на такое безцеремонное обращеніе къ его собственной біографіи, — я говорю тебѣ, что это ему такъ не пройдетъ, не такой человѣкъ Звѣ...

— Чесминъ! какъ можно громче кликнулъ я.

Всѣ трое обернулись.

Вашневъ, едва завидѣлъ генерала, нырнулъ и исчезъ, какъ мимолетное видѣніе...

— Кому я нуженъ? отозвался Чесминъ, своимъ лѣнивымъ, горловымъ басомъ.

— Ты, я слышалъ, назначенъ со мной въ одну коммиссію, продолжалъ я также громко, подходя къ нему.

— Говорили мнѣ въ канцеляріи. Я вѣдь у него постоянно вмѣсто затычки служу, отнесся онъ этими словами про своего начальника, съ которымъ состоялъ въ такихъ же бранчиво-нѣжныхъ отношеніяхъ, какъ и съ закадышнымъ другомъ своимъ, Крусановымъ.

— Такъ намъ надобно сговориться по этому случаю. Завтра я все утро дома. Заѣзжай непремѣнно и пораньше.

— Заѣду. А хороша-то вѣдь какъ, Господи! примолвилъ нѣжнымъ шепотомъ майоръ, указывая глазами по направленію Надежды Павловны и сантиментально закатывая ихъ затѣмъ подъ самый лобъ, которымъ щедрая природа наградила его до самаго затылка.

— Ну, теперь пошелъ дурить! — И Крусановъ махнулъ рукой на Чесмина. — А вы, съ пріятелемъ, держите ухо востро! сообщилъ онъ мнѣ въ видѣ наставленія.

И оба, взявшись снова подъ руку, вышли на лѣстницу.

Я вернулся къ дивану. Бѣдная дѣвушка взглянула на меня такимъ испуганнымъ взглядомъ, что мнѣ стало страшно за нее. Генералъ, повидимому, ничего не слыхалъ, или не понялъ.

Къ счастію, прибѣжалъ въ это время Кемскій съ мантильей въ рукахъ и презабавнымъ разсказомъ о томъ, какъ на ней сидѣла какая-то злая старуха съ райскою птицей на головѣ, которую онъ никакъ не могъ уговорить привстать, и какъ онъ долженъ былъ наконецъ вытащить мантилью силой изъ-подъ старой упрямицы.

Его беззаботный смѣхъ, его забавныя рѣчи успокоили на время Надежду Павловну.

„Могъ-ли бы быть онъ такъ веселъ, еслибъ ему дѣйствительно грозила опасность?“ хотѣла сказать, казалось, медленная улыбка, складывавшаяся на ея слегка заалѣвшихъ губахъ, пока она слушала Кемскаго всѣмъ своимъ слухомъ, смотрѣла на него во всѣ глаза.

Нѣтъ, не чуждъ ей былъ этотъ человѣкъ. Имя его не пронеслось безотвѣтнымъ звукомъ въ ея жизни. Онъ былъ дорогъ ей, — говорило ея внимающее, болѣзненно-оживленное лицо.

Дорогъ какъ подругѣ дѣтства, какъ сестрѣ, можетъ-быть?...

Все равно: какъ бы ни любила она, сладко быть любимымъ ею, думалъ я въ это время...

— Пора! сказалъ генералъ, подымаясь съ мѣста.

Мы спустились съ лѣстницы.

— Владиміръ, вы будете къ намъ завтра? быстро и задрожавшимъ голосомъ спросила она Кемскаго, пока лакей надѣвалъ шинель генералу.

— Еще бы не быть! воскликнулъ онъ съ сіяющимъ лицомъ.

— Утромъ рано?

— Какъ можно раньше.

— Честное слово?

— Разпречестное! Онъ схватилъ ея руку и страстно приникъ къ ней губами.

Она тихо отвела ее.

— Смотрите же! сказала она. Вздохъ, какъ она ни старалась, невольно вылетѣлъ у нея изъ груди. — Я васъ буду ждать, примолвила она, укутывая голову къ капюшонъ мантильи.

Ей подали шубу. Влюбленный морякъ побѣжалъ безъ шинели сажать ее въ карету.

IX.

— Поѣдемъ ночевать ко мнѣ, предложилъ я Кемскому, когда онъ вернулся. — Или тебѣ еще на балъ хочется?

— Да, очень мнѣ теперь нужно! возразилъ онъ, смѣясь.

— Такъ поѣдемъ.

— Пожалуй!

Кто-то въ это время назвалъ меня по имени.

Я обернулся и увидѣлъ, что на лѣстницѣ, безъ шляпы, закрывая грудь лацканами фрака отъ сквознаго вѣтра, стоялъ г. Секкаторовъ. Г. Секкаторовъ былъ не менѣе пріятеля нашего Крусанова популярнымъ лицомъ въ московскомъ свѣтѣ, но отличался отъ него своимъ тончайшимъ обращеніемъ, достойнымъ временъ красныхъ каблуковъ и причесокъ à l'oiseau royal, голосомъ, имѣвшимъ особенное свойство напоминать вамъ о томъ, что есть на свѣтѣ сладкія вещества, въ родѣ патоки и сдобнаго тѣста, и наконецъ уваженіемъ, самымъ безграничнымъ, къ своей собственной особѣ.

Вотъ этотъ-то самый, безгранично уважавшій себя г. Секкаторовъ стоялъ теперь на лѣстницѣ и звалъ меня. Выраженіе его лица въ эту минуту совмѣщало въ себѣ три оттѣнка: торжественность, таинственность и самоуглубленіе.

Я поднялся къ нему.

— Pardon de vous déranger, началъ онъ полушепотомъ,— я бы хотѣлъ,... не можете-ли вы, однимъ словомъ, сообщить мнѣ адресъ вашего друга?

— Какого друга?

— Господина Кемскаго. Такъ, кажется, правильно?

— Совершенно такъ. А позвольте узнать, на что вамъ этотъ адресъ.

Г. Секкаторовъ нѣсколько замялся.

— Если вы желаете видѣть Кемскаго, продолжалъ я, — такъ можете сейчасъ же; вотъ онъ самъ налицо, внизу стоитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не желаю безпокоить его теперь. Надо вамъ сказать, что я лично не имѣю удовольствія его знать. Я долженъ переговорить съ нимъ по порученію третьяго лица.

Г. Секкаторовъ чрезвычайно отчетливо и протяжно проговорилъ эту послѣднюю фразу.

— По порученію господина Звѣницына? спросилъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня задумчиво и, по многозначительномъ молчаніи, произнесъ также медленно и сжимая губы кружечкомъ:

— Я не нэзываю никёгё.

— Очень хорошо-съ. Такъ я вамъ могу сообщить слѣдующее. Мой адресъ вамъ извѣстенъ. Кемскій ночуетъ у меня. Если вамъ угодно переговорить съ нимъ по порученію вашего таинственнаго незнакомца, милости просимъ ко мнѣ завтра утромъ.

— Въ коо-торомъ часу прикажете?

— Да хоть въ семь часовъ, пожалуй.

— Въ семь? Помилуйте! Наше гиперборейское солнце едва покидаетъ свое ложе въ этотъ часъ! уже игриво возразилъ г. Секкаторовъ. — Я надѣюсь, что наши переговоры съ господиномъ Кемскимъ будутъ та-а-кого рода, что мнѣ было бы по истинѣ совѣстно вызывать его та-а-къ рано изъ сладкихъ объятій сна.

— Къ чему же тогда эти переговоры?

Г. Секкаторовъ учтиво пожалъ плечами и объявилъ, что прибудетъ ко мнѣ завтра утромъ въ девятомъ часу.

— Съ кѣмъ и о чемъ ты тамъ шушукалъ? спрашивалъ меня Кемскій на крыльцѣ, пока хриплый голосъ городоваго вызывалъ мои сани.

— О томъ, что завтра утромъ начинается первый актъ войны мышей съ лягушками, отвѣчалъ я ему шуткой.

— А это былъ самъ премудрый крыса Онуфрій? сказалъ онъ, расхохотавшись, словно только и ждалъ этого случая.

— Ты сказалъ! подтвердилъ я.

— Я тебѣ говорилъ, что намъ не избѣжать объясненій съ господиномъ Звѣницынымъ. Завтра онъ шлетъ къ намъ посланіе. Что же мы ему отвѣтимъ? спросилъ я Кемскаго, когда мы остались дома одни.

— Я право не знаю, молвилъ онъ, — и думать объ этомъ въ эту минуту рѣшительно не въ состояніи. Ты слышалъ, что она ждетъ меня завтра....

— Такъ и думать не станемъ! И точно, нечего загадывать заранѣе; утро вечера мудренѣе. Заляжемъ спать скорѣе.

Но, не смотря на такое мудрое рѣшеніе, заснуть я не могъ. На душѣ у меня было неспокойно и невесело. Я всю ночь проворочался со стороны на сторону, прислушиваясь, не безъ зависти, къ ровному, тихому дыханію Кемскаго, заснувшаго сномъ ребенка, едва курчавая голова его прикоснулась къ подушкѣ.

X.

Я разбудилъ его въ восемь часовъ. Мы одѣлись и вышли пить чай въ кабинетъ.

Черезъ четверть часа человѣкъ мой доложилъ, что пріѣхали двое какихъ-то господъ и спрашиваютъ г. Кемскаго.

— Проси.

Вошелъ г. Секкаторовъ и съ нимъ бѣлокурый офицеръ, съ германскимъ типомъ лица, однополчанинъ Звѣницына.

На устахъ перваго блуждала самая пріятная улыбка, между тѣмъ какъ вся остальная особа его изображала собою официальность, достойную Липпе-Детмольдскаго каммергера.

— Позвольте себя представить, молвилъ онъ, Кемскому, расшаркиваясь:—Секкаторовъ. Et monsieur est le comte de Rabenhorst, указалъ онъ на товарища.

Кемскій вѣжливо поклонился и попросилъ ихъ сѣсть.

— Чему я обязанъ чести васъ видѣть, господа? спросилъ онъ, какъ слѣдуетъ.

Г. Секкаторовъ откашлянулъ. Легкій румянецъ заигралъ на лицѣ молодаго офицера.

— Прежде чѣмъ отвѣтствовать на вашъ вѣпрёсъ, началъ Секкаторовъ,—мнѣ необходимо знать на-а-передъ, въ какой мѣрѣ... считаете вы возможнымъ... дозволить намъ объясниться въ присутствіи господина ***...

Онъ указалъ на меня.

— Я васъ прошу объ этомъ, отвѣчалъ Кемскій.

— Господинъ *** долженъ быть увѣренъ, надѣюсь,... увѣренъ въ моемъ давнишнемъ уваженіи, продолжалъ Секкато-

ровъ,—но вы понимаете, дѣлгъ мой,... я долженъ былъ предварительно освѣдомиться,... потому что... вы понимаете, моя обязанность...

— Совершенно понимаю, сказалъ я,—и вы напрасно извиняетесь.

— Итакъ?... обратился къ нему Кемскій.

— Итакъ, подхватилъ на лету Секкаторовъ,—графъ Рабенгорстъ и я уполномочены войти съ вами въ нѣкоторыя объясненія по порученію господина штабъ-ротмистра Звѣницына.

— Въ чемъ же должны состоять эти объясненія?

Офицеръ посмотрѣлъ на Секкаторова. Секкаторовъ снова кашлянулъ.

— Я долженъ васъ заранѣе предупредить, что наше порученіе имѣетъ двоякое содержаніе. Оно содержитъ въ себѣ, такъ-сказать, два вида, поправился онъ;—то-есть, оно какъ бы подраздѣляется на два различныя порученія, счелъ онъ еще нужнымъ прибавить.

— Прекрасно-съ, такъ не угодно-ли вамъ будетъ передать мнѣ и тотъ, и другой видъ, сказалъ, закусывая губы, Кемскій. Его видимо разбиралъ смѣхъ.

— Первое порученіе, началъ г. Секкаторовъ,—заключаетъ въ себѣ, можетъ-быть, менѣе важности, хотя и оно можетъ быть почитаемо въ нѣкоторой степени достойнымъ вниманія. Оно относится болѣе къ слышанному, то-есть къ дошедшимъ до господина Звѣницына слухамъ о томъ, что вы якобы отзываетесь о немъ, господинѣ Звѣницынѣ, самымъ непріятнымъ для него, и... можно даже сказать, не-е... неблаговиднымъ... образомъ. И потому довѣритель нашъ, господинъ Звѣницынъ, желалъ бы знать, въ какой мѣрѣ... и на сколько эти слухи основательны... и имѣютъ, такъ-сказать, основаніе быть... leur raison d'être, однимъ словомъ?

— На это я вамъ могу сказать, отвѣчалъ Кемскій,—что я четвертый день въ Москвѣ, третьяго дня увидѣлъ господина Звѣницына въ первый разъ отъ роду; кромѣ его,—онъ указалъ на меня,—и еще одного семейства, никого здѣсь не знаю, и потому отзываться о господинѣ Звѣницынѣ неблаго-

виднымъ образомъ не представляется для меня даже никакой физической возможности.

— Нашему довѣрителю, отозвался Секкаторовъ,—переданы были однако такія слова, которыя...

— Какія слова?

— Я полагаю, замѣтилъ на это графъ Рабенгорстъ,—что ихъ лучше не повторять, тѣмъ болѣе что...

— Я и не повторю ихъ, графъ, не повторю, успокоительно прервалъ его опытный товарищъ; — я ограничусь однимъ общимъ... такъ-сказать, общею характеристикой. Слова эти, продолжалъ онъ, — заключаютъ въ себѣ угрозы... относительно господина Звѣницына.

— Если вы мнѣ позволите вамъ замѣтить, сказалъ я, — угроза не есть отзывъ, вопервыхъ, а вовторыхъ, весьма желательно было бы знать, отъ кого слышалъ господинъ Звѣницынъ объ угрозахъ выраженныхъ относительно его Кемскимъ?

— Мы не уполномочены назвать это лицо, съ уклончивою улыбкой отвѣчалъ г. Секкаторовъ.

— Очень хорошо-съ; но вы не откажетесь, надѣюсь, отвѣчать намъ на слѣдующій вопросъ: выражалъ-ли эти угрозы Кемскій тому самому лицу, которое сообщило о нихъ господину Звѣницыну?

— Нѣтъ, сказалъ прямо Рабенгорстъ.

— Такъ откуда можетъ знать это лицо, что Кемскій угрожалъ господину Звѣницыну?

— Это дошло до него случайно, не безъ нѣкотораго замѣшательства отмолвилъ Секкаторовъ.

— Что значитъ дошло? Передано ему какимъ-нибудь еще другимъ лицомъ?

Графъ покачалъ отрицательно головой.

— Такъ, значитъ, слышано имъ самимъ?

— Случайно, повторилъ г. Секкаторовъ.

— То-есть, подслушано?

Г. Секкаторовъ не отвѣчалъ. Офицеръ опустилъ глаза, и живая краска покрыла его честное молодое лицо.

— Мнѣ остается теперь спросить васъ, продолжалъ я,— можете-ли вы сослаться на то лицо, которому Кемскій выра-

жалъ относительно господина Звѣницына тѣ угрозы, какъ вы изволили выразиться, которыя были подслушаны извѣстнымъ вамъ лицомъ?

Графъ Рабенгорстъ съ легкою улыбкой взглянулъ на Секкаторова, потомъ на меня.

Секкаторовъ, нахмурившись, посмотрѣлъ сначала на меня, потомъ на графа.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Нѣтъ, мы не можемъ сослаться на это лицо, рѣшилъ наконецъ г. Секкаторовъ.

— Такъ въ такомъ случаѣ, сказалъ я,—когда вы не можете назвать ни то лицо, которое передало господину Звѣницыну слова Кемскаго, ни то, кому они были сказаны имъ, то не въ правѣ требовать отъ Кемскаго никакого дальнѣйшаго объясненія. Безыменныя сплетни то же что безыменныя письма, на нихъ отвѣта быть не можетъ.

— Однакоже... возразилъ г. Секкаторовъ.

— Я вамъ сказалъ все, что могъ сказать, молвилъ Кемскій,—и затѣмъ буду имѣть честь покорно просить васъ перейти ко второму виду вашего порученія.

Графъ Рабенгорстъ взглянулъ на него одобрительно. Онъ чувствовалъ себя, видимо, въ неловкомъ положеніи до этихъ поръ.

Г. Секкаторовъ пребывалъ между тѣмъ въ молчаніи. По напряженію жилъ на его многодумномъ челѣ можно было догадаться, что въ немъ совершалась борьба. И, точно, обидно было уступить діалектикѣ адвоката противной стороны, когда ему стоило только брякнуть по-просту, безъ затѣй, по родимымъ обычаямъ и преданіямъ: „да Звѣницыну сказалъ Ванневъ, что Кемскій говорилъ вамъ, что онъ Звѣницына изъ окна выкинетъ!...“

Но это значило ввести доморощенную красавицу-сплетню, во всей ея первобытной наготѣ, въ переговоры, поставленные имъ на такую европейскую ногу.

Европеецъ взялъ верхъ надъ человѣкомъ почвы. Онъ вздохнулъ, какъ бы вынужденно сознаваясь, что дѣйствительно выжатъ весь сокъ изъ переговоровъ „по первому виду“.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ наконецъ Кемскому,— вы мнѣ позволите имѣть честь приступить къ тому, что... что составляетъ, если позволено мнѣ будетъ такъ выразиться, существеннѣйшую часть и, какъ бы сказать, основной элементъ нашего порученія...

— Сдѣлайте милость, приступайте, сказалъ морякъ, котораго все это очень забавляло, повидимому.

— Полагаю, что мнѣ не нужно припоминать вамъ, продолжалъ протяжно ораторъ, — что вчерашняго числа, вечеромъ, находясь на балѣ въ Благородномъ Собраніи, вы имѣли встрѣчу съ повѣрителемъ нашимъ, г. Звѣницынымъ, и... вслѣдствіе... одного обстоятельства, или, лучше сказать, недоразумѣнія, причины котораго не.... не входятъ въ кругъ нашего порученія, вы,—г. Секкаторовъ перевелъ дыханіе, — въ разговорѣ съ штабъ-ротмистромъ Звѣницынымъ употребили такія выраженія, которыя могутъ быть охарактеризованы извѣстнымъ французскимъ выраженіемъ: des expressions peu parlementaires, однимъ словомъ, выраженія эти были такого.... рода, что г. Звѣницынъ вынужденъ былъ принять ихъ за личное себѣ оскорбленіе....

И онъ взглянулъ на меня при этомъ такъ, какъ еслибы говорилъ самымъ чистымъ русскимъ языкомъ: а посмотримъ, какъ вы вотъ отъ этой штуки отвернетесь!

— Я васъ попрошу, молвилъ Кемскій, — объяснить мнѣ, что̀ именно въ моихъ словахъ показалось оскорбительнымъ г. Звѣницыну?

— Какъ же, помилуйте, съ нѣкоторою ироніей отвѣчалъ г. Секкаторовъ: — вѣдь вы при свидѣтеляхъ, въ присутствіи дамы.... такъ-сказать торжественно, провозгласили, что не признаете его правъ....

— На мазурку? совершенно справедливо,—подтвердилъ Кемскій,—и повторяю вамъ сегодня, что сказалъ ему вчера. Право танцовать съ тѣмъ или другимъ я признаю только за дамой, и это въ самомъ широкомъ объемѣ. И потому, еслибы сама дама не выразила желанія танцовать съ господиномъ Звѣницынымъ, а не со мной, я бы ни за что не уступилъ ея.

— За нимъ было однако старшинство, возразилъ графъ.

— Въ образованномъ обществѣ существуютъ однако извѣстные заакёны, пропустилъ въ свою очередь г. Секкаторовъ.

— И вы хотите дать мнѣ почувствовать, что я съ ними не знакомъ! Можетъ-быть, отвѣчалъ добродушно Кемскій;—я пошелъ въ море прямо со школьной скамьи и свѣта не знаю, признаюсь въ этомъ безъ стыда. А потому очень можетъ быть, что то, что вамъ кажется чернымъ, кажется мнѣ бѣлымъ и наоборотъ.

Г. Секкаторовъ нѣсколько сконфузился.

— Я никогда не позволилъ бы себѣ сдѣлать вамъ таакёго замѣчанія, заговорилъ онъ, и.... конечно, могутъ быть различные взгляды и, такъ сказать, воззрѣнія.... Но вы согласитесь, главное: это манера, тонъ. Главное тёнъ, съ которымъ вы въ этомъ обстоятельствѣ относились къ штабъ-ротмистру Звѣницыну....

— Это дѣло другое, сказалъ Кемскій и задумался.—Вспоминая въ подробности все, что было вчера, сказалъ онъ по нѣкоторомъ молчаніи,—я скажу вамъ по чистой совѣсти: я былъ золъ на г. Звѣницына, но оскорбить его мнѣ рѣшительно въ голову не приходило.

— Но тёнъ вашъ, вы такъ громко выражались! повторилъ Секкаторовъ.

— Еслибъ я, встрѣтясь съ непріятельскимъ кораблемъ, открылъ по немъ пальбу, я бы заговорилъ съ нимъ еще громче, чѣмъ съ г. Звѣницынымъ, но значило-ли бы это, что я оскорбляю его? нетерпѣливо отвѣтилъ ему морякъ.

И Рабенгорстъ, и я не могли оба не усмѣхнуться при этомъ неожиданномъ сравненіи.

Г. Секкаторовъ въ первую минуту не нашелъ отвѣта.

— Но, продолжалъ Кемскій,—если слова мои или громкій голосъ, какъ выражаетесь вы, показались оскорбительными г. Звѣницыну, я васъ буду просить передать ему мое искреннее сожалѣніе, что я подалъ этому поводъ.

Г. Секкаторовъ тотчасъ же улыбнулся и подарилъ меня искоса торжествующимъ взглядомъ.

— Сколько я могъ уразумѣть изъ того, что вамъ угодно

было сообщить, обратился онъ къ Кемскому, уже нѣсколько свысока, вы выразили ту идею, что сожалѣете о томъ, что произошло между вами и г. штабъ-ротмистромъ Звѣницынымъ?

— Да. Такъ что же?

— Я желалъ бы, извините меня, окончательно уяснить себѣ вашу мысль. Можемъ-ли мы понимать это такъ, то-есть такимъ образомъ, что вы согласны будетъ облечь это.... это сожалѣніе въ.... приличную фёрму?

— Что значитъ: въ приличную форму? спросилъ Кемскій.

— Я хотѣлъ сказать, то-есть.... это значитъ: угодно-ли вамъ будетъ дать вашимъ словамъ, такъ сказать, официальный видъ?...

— Я только что просилъ графа и васъ передать г. Звѣницыну все то, что вы слышали отъ меня.

— Слова ваши будутъ, разумѣется, свято переданы нашему довѣрителю, но я полагаю, что этого недостаточно для его удовлетворенія, возразилъ не безъ нѣкотораго шипѣнія г. Секкаторовъ.

— Что же вамъ еще угодно? спросилъ Кемскій. И темныя брови его сдвинулись.

— Я полагаю,... что письменное доказательство....

— Письменное доказательство! Развѣ вамъ мало моихъ словъ?

— Конечно, я не спорю, ваши слова.... но вы понимаете, что мой дѣлгъ.... въ этомъ случаѣ необходимо.... des excuses écrites....

— Вы ихъ никогда не получите! воскликнулъ морякъ.

— Однако весьма странно, началъ было г. Секкаторовъ. Я остановилъ его.

— Позвольте васъ спросить, графъ, обратился я къ Рабенгорсту,—требованіе, выраженное сейчасъ товарищемъ вашимъ, есть-ли это послѣднее слово г. Звѣницына?

Рабенгорстъ отвѣчалъ по нѣкоторомъ размышленіи:

— Звѣницынъ дѣйствительно говорилъ намъ, что письмо отъ г. Кемскаго было бы лучшимъ средствомъ прекратить всякіе толки по поводу вчерашняго происшествія. Но я не могу также взять на себя утверждать, чтобъ это было выражено имъ какъ его ультиматумъ.

— Я понимаю это иначе! объявилъ г. Секкаторовъ.

Мнѣ кажется, возразилъ ему на это графъ,—что въ нашемъ положеніи мы не имѣемъ права быть различныхъ мнѣній. И потому, если г. Кемскій затрудняется дать намъ письмо къ Звѣницыну, намъ ничего не остается, какъ ѣхать за новыми инструкціями.

— Вы можете передать слѣдующее г. Звѣницыну, сказалъ ему Кемскій.—Одно изъ двухъ. Или онъ желаетъ покончить со мной миролюбиво, и въ этомъ случаѣ совершенно достаточно того, что мной отвѣчено вамъ,—или онъ пылаетъ желаніемъ выйти со мной на барьеръ и ищетъ только приличнаго предлога. Такъ для этого не нужно со мной никакихъ офиціальностей, требованія письменныхъ документовъ и тому подобныхъ уловокъ, которыя, извините за выраженіе, просто претятъ моему характеру. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ я васъ буду просить отнестись уже прямо къ ***,—онъ указалъ на мѣня,—который, надѣюсь, не откажется быть моимъ секундантомъ.

Рабенгорстъ взглянулъ на Секкаторова.

Оба встали.

— Такъ, если позволите, мы съ вами теперь простимся, а черезъ часъ, много полтора, надѣюсь, привеземъ вамъ отъ Звѣницына отвѣтъ, промолвилъ графъ раскланиваясь.

— Вы меня, можетъ-быть, уже не застанете здѣсь въ это время, сказалъ Кемскій,—но я оставляю полную довѣренность *** и заранѣе согласенъ на все, что вами будетъ съ нимъ покончено.

Г. Секкаторовъ готовился возражать на это заявленіе, но Рабенгорстъ взялъ каску, поклонился еще разъ и вышелъ.

Съ крайнимъ неудовольствіемъ, повидимому, послѣдовалъ его примѣру златоустный г. Секкаторовъ. Угрюмый взглядъ, кинутый имъ вслѣдъ товарищу, казалось, говорилъ: „эхъ ты, Нѣмецъ-простота! Вѣдь эдакимъ манеромъ не съ чѣмъ будетъ, пожалуй, въ Англійскій клубъ пріѣхать!“ Въ виду такой консидераціи человѣкъ почвы уже рѣшительно бралъ верхъ надъ Европейцемъ.

XI.

Проводивъ посѣтителей до передней, я вернулся въ Кемскому. Онъ встрѣтилъ меня смѣхомъ.

— Чему ты обрадовался! сказалъ я съ досадой.—Преглупая исторія выходитъ.

— Ваши слова заключаютъ и, мёгу даже сказать, содержатъ въ себѣ неопровержимую истину! отвѣчалъ онъ передразнивая Секкаторова.—А хорошъ этотъ доморощенный Французъ, очень хорошъ!

И онъ пуще разсмѣялся.

— Этотъ доморощенный Французъ подведетъ тебя подъ пулю, вотъ что я предвижу.

— Пуля меня не тронетъ, отвѣчалъ полушутя, полусеріозно Кемскій.—Мнѣ на Суматрѣ ворожея Малайка говорила: бояться августа мѣсяца и чернаго человѣка. Мы въ февралѣ, и г. Звѣницынъ имѣетъ волосы русые. Съ поля чести вернемся цѣлы и невредимы.

— Да выходить-то на это поле изъ-за вздора нелѣпо!

— Объ этомъ не спорю, какъ и о томъ, что горячиться мнѣ изъ-за вздора было нелѣпо. А впрочемъ, я въ этомъ и казнился предъ лицомъ Израиля: самъ ты слышалъ. Совѣсть моя спокойна, а тамъ, какъ эти франты разсудятъ, такъ пусть и рѣшаютъ. Который часъ?

— Десятаго половина.

— Половина десятаго! воскликнулъ онъ, вскакивая съ дивана. — Лечу!

— Куда?

— Еще спрашиваетъ! Гдѣ мой киверъ?

— Онъ выбѣжалъ искать его въ спальню. Въ передней раздался звонокъ.

— Неужели опять они? сказалъ Кемскій, выходя съ кивероиъ на головѣ и перчатками въ рукахъ.

— Вашъ человѣкъ васъ спрашиваетъ, доложилъ ему мой слуга.

— Грызунъ? Это онъ, бѣдняга, меня по городу ищетъ: пропалъ-де мой лейтенантъ! Какъ его только сюда натолкнуло! Подавайте его!

Вошелъ Грызунъ, коренастая, добродушная и какъ бы застывшая въ удивленіи фигура, въ толстой матросской куртвѣ.

— Ты меня всю ночь прождалъ? спросилъ его Кемскій съ улыбкой.

— Есть, ваше благородіе.

— Утопъ, подумалъ?

— Пожалуй, что такъ, отвѣчалъ матросъ, разѣвая ротъ до самыхъ ушей.

— Ну, а сюда какимъ тебя вѣтромъ принесло?

— Да вижу васъ нѣтъ, я утромъ къ адмиралу сходилъ.

— Къ генералу Чемисарову, то-есть?

— Точно такъ.

— Тамъ тебѣ и сказали?

— Чего-съ?

— Гдѣ меня отыскать?

— Я тамъ, значитъ, у людей спросилъ. Говорятъ, нѣтъ васъ. А знаете-ли, говорю, гдѣ они? Не знаемъ, говорятъ, не бывалъ. И самого адмирала, говорятъ, дома нѣтъ, — отчалили въ монастырь Богу молиться. Я съ тѣмъ и пошелъ. Вышелъ за ворота, анъ бѣжитъ за мной человѣкъ: ступай, говоритъ, скорѣй къ барышнѣ, къ адмиральской дочкѣ, значитъ.

— Ты ее самое видѣлъ? воскликнулъ Кемскій.

— Ихъ самихъ. Я вѣдь ихъ знаю, примолвилъ Грызунъ съ своею широкою дураковатою улыбкой.

— Что же она тебѣ сказала?

— Гдѣ твой баринъ? спрашиваютъ. Самъ не знаю, говорю,

ваше превосходительство. Съ вечера, говорю, какъ уѣхали, такъ и не бывали. Онѣ какъ услыхали, такъ и сѣли, даже ручкой глазки свои позакрыли.

— Эко чучело! Вѣдь ты ее перепугалъ?

Грызунъ вытянулся и уперся растерянными глазами въ своего лейтенанта.

— Ну, говори дальше, что же она?

— Только онѣ говорятъ мнѣ: ты, спрашиваютъ, грамотѣ знаешь? — Ученъ, говорю. — Такъ на, говорятъ, я тебѣ на бумажкѣ напишу; господинъ такой есть. Ты въ гостиницѣ вашей спроси, тамъ вѣрно, говорятъ, не безвѣдомо, гдѣ они стоятъ. Къ господину эвтому и ступай. Онъ, значитъ, знаетъ гдѣ баринъ. — Я и пошелъ. А онѣ опять говорятъ мнѣ: — погоди, я напишу къ нимъ, говорятъ, письмо. — Ушли, да потомъ и приносятъ цыдулочку. — На, говорятъ, барина отыщи безпремѣнно, — и все это повторяютъ: безпремѣнно, безпремѣнно, и въ руки имъ самимъ отдай....

— Гдѣ же оно? нетерпѣливо закричалъ на него Кемскій.

Грызунъ полѣзъ толстыми своими пальцами за обшлагъ рукава и вытащилъ оттуда измятое письмо.

— Въ гостиницѣ люди меня сюда и прислали, домолвилъ онъ, пока Кемскій поспѣшно взмламывалъ печать.

— Хорошо, ступай.

Онъ развернулъ тонкій листокъ бумаги и принялся читать.

— Господи Боже! Что же это такое! съ надрывающимъ стономъ воскликнулъ онъ вдругъ, роняя изъ рукъ письмо и схватываясь за голову. Киверъ его съ шумомъ грохнулся о-земь.

— Что случилось, что она тебѣ пишетъ? спросилъ я съ испугомъ.

— Прочти! глухо проговорилъ онъ, отходя къ окну, и припалъ лбомъ къ холодному стеклу.

Я поднялъ письмо. Оно было написано торопливымъ, едва разборчивымъ почеркомъ. Слѣдъ выпавшей крупной слезы виднѣлся въ одномъ мѣстѣ въ формѣ большаго пятна, въ которомъ расплылись чернила. Содержаніе письма было приблизительно слѣдующее:

„Вашъ человѣкъ говоритъ — вы со вчерашняго вечера не возвращались.... Я угадываю, я знаю,—вы должны драться съ этимъ офицеромъ, и я одна виновата въ этомъ.

„Ради Бога, Владиміръ, поймите, вы не должны драться изъ-за меня, подвергать свою жизнь... Я должна вамъ все сказать,—все равно, рано или поздно,—я не могу быть женой ни г. Звѣницына, ни вашею, ничьею женой! Все кончено для меня въ жизни... А вы—вы безъ упрека... Именемъ второй моей матери, именемъ покойной матери вашей, всѣмъ, что вамъ дорого на свѣтѣ, умоляю васъ,—пощадите меня!... Неужели на душу мою должна пасть еще и ваша погибель?..

„Я не знаю, что пишу вамъ,... я не ложилась со вчерашняго вечера, — я предчувствовала... Пощадите! Вспомните хоть о томъ времени, когда ребенкомъ вы называли меня *вашей* Наденькой, когда я могла еще гордиться этимъ...

Н.“

„Вотъ она, развязка-то задачи!“ подумалъ я...

Кемскій внезапно отдѣлился отъ окна и схватилъ меня за обѣ руки.

— Клянись, сказалъ онъ, что объ этомъ письмѣ никто никогда не узнаетъ!... Развѣ когда не будетъ ни ея, ни меня на свѣтѣ, примолвилъ онъ, стараясь улыбнуться, — можешь разсказать дѣтямъ своимъ въ назиданіе, какъ безумно человѣку надѣяться на что-нибудь въ этой жизни.

Онъ взялъ у меня письмо изъ рукъ, смялъ и кинулъ его въ пылавшій каминъ.

— Но скажи, спросилъ,—догадаешься-ли ты: что хочетъ она сказать въ этомъ письмѣ?

— Нѣтъ, я ничего не понимаю... Знаю только, что она напрасно мнѣ объ этомъ писала. Какой бы грѣхъ ни лежалъ на ея совѣсти, она должна знать, что вырвать ее изъ сердца я не могу.—Прощай, сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку.

— Ты къ ней?

— Ужь коли пришлось пить изъ этой чаши, выпьемъ до дна. А затѣмъ на корабль, въ море...

Онъ махнулъ рукой и вышелъ изъ комнаты.

XII.

Я сѣлъ у камина въ печальномъ раздумьи. Послѣдніе слѣды письма Надежды Павловны уносились въ трубу тонкимъ коричневатымъ пепломъ, и огонь трещалъ какимъ-то веселымъ трескомъ, будто радуясь своей летучей, нежданной жертвѣ. А между тѣмъ отъ этого испепеленнаго листка, еще быстрѣе и невозвратнѣе, чѣмъ онъ самъ, сгорѣло разомъ все счастье человѣка! „За что? О судьба! о вѣчно враждебныя, неумолимыя силы!“ думалъ я. „Кто же правитъ вами? Чьимъ верховнымъ неизъяснимымъ цѣлямъ служите вы? Чего требуете вы наконецъ отъ земной жизни? Прозябанія-ли безсмысленнаго и безцѣльнаго, или сознательнаго и безпощаднаго отреченія, во имя инаго, лучшаго, но невѣдомаго намъ жребія?..“

— Здравствуй! раздался надъ самымъ моимъ ухомъ, въ это время, чей-то громкій голосъ.

Я вздрогнулъ невольно и поднялъ глаза. Предо мной, въ мундирѣ и при саблѣ, стоялъ майоръ Чесминъ съ покраснѣвшимъ отъ холода носомъ.

— Здравствуй!

Я протянулъ ему руку.

— Что, братъ, не веселъ, крылья повѣсилъ? спросилъ онъ, присаживаясь къ огню съ видимымъ удовольствіемъ.

— Веселаго мало.

— Ты ужь не того-ли?...

Чесминъ подмигнулъ мнѣ и приложилъ руку къ сердцу.

— Чего?.

— Насчетъ вчерашней красавицы?...

— А ты не съ больной-ли головы на здоровую?

Онъ улыбнулся и, не отвѣчая, уставился въ ярко сверкавшее пламя. Такъ прошло не мало времени. Губы его полуоткрылись, глаза прищурились, по всему лицу распространилось выраженіе какой-то томительной нѣги. Его лысая, мечтательно-раскинувшаяся фигура была презабавна въ эту минуту.

— Не хочешь-ли взглянуть на то, что уже поступило въ нашу комиссію? спросилъ я его, подходя къ письменному столу.

Отвѣта не послѣдовало.

Я принялся разбирать бумаги.

— Правда-ли, что она влюблена въ Звѣницына? вдругъ спросилъ жалобнымъ голосомъ и вздыхая Чесминъ.

— Не думаю...

Онъ занесъ обѣ руки за голову, откинулся на спинку кресла и устремилъ глаза въ потолокъ.

— Божественная она!.. началъ онъ мечтать уже въ слухъ.—Плечи, руки, талія!.. Нѣтъ ей описанія. Одно слово: владычица сердецъ!.. Что захочетъ, то и можетъ съ человѣкомъ сдѣлать... Говорятъ, отецъ хочетъ непремѣнно выдать ее за твоего пріятеля, моряка, примолвилъ онъ чрезъ нѣсколько времени, и опять жалобно.

— Едва-ли!

— Такъ изъ-за чего же они стрѣляться будутъ?

— Кто? спросилъ я съ притворнымъ удивленіемъ.

— Бѣдненькій, слѣпенькій! запѣлъ протяжно Чесминъ, раскрывая глаза и складывая руки свои на животъ. — Объ этой исторіи только что съ Ивана Великаго не трезвонятъ, а онъ ничего не знаетъ, ребенокъ малый! А кто у васъ былъ нынче утромъ? спросилъ онъ вдругъ.

— Какъ кто?

— Да такъ. Двое, съ требованіемъ объясненій отъ Кемскаго, по порученію Звѣницына. Объясненіе происходило здѣсь, на этомъ мѣстѣ, примолвилъ онъ, указывая на отодвинутыя отъ дивана кресла, на которыхъ дѣйствительно сидѣли Рабенгорстъ и Секкаторовъ.

— Могу только удивляться обширности твоихъ свѣдѣній, сказалъ я.

— Не мудрено, когда само начальство уже про то знаетъ и вѣдаетъ, хладнокровно возразилъ Чесминъ.

— Вотъ-на!

— А ты какъ думалъ? Въ мундирѣ-то я на что? Разбудилъ меня отъ *него* посланный въ восемь часовъ, а я въ шестомъ спать легъ. Чего ему еще, думаю, нужно! Однако нечего дѣлать, одѣлся; пріѣзжаю. „Ужиналъ ты вчера въ гостиницѣ Шевалье?“ спрашиваетъ онъ меня съ перваго слова.—„Ужиналъ.“—„Что тамъ происходило?“—„А ничего не происходило, говорю.“ — „Тамъ,“ говоритъ онъ, „совѣщанье было.“—„Какое совѣщанье?“—„Гвардейскій офицеръ хочетъ драться съ флотскимъ.“—„Не мое дѣло.“—„У меня ихъ фамиліи записаны. Взялъ бумажку и читаетъ: штабъ-ротмистръ Звѣницынъ, лейтенантъ Кемскій.“ — „Ну, а я-то тутъ при чемъ?“ спрашиваю я его.—„Объ этомъ у васъ тамъ за столомъ громко разсуждали.“ — „А если и разсуждали, такъ что-жь вы думаете, я вамъ объ этомъ стану разсказывать?“—„Не нужно, безъ тебя все знаю.“—„Такъ зачѣмъ вы меня съ пѣтухами подняли?“ говорю. — „Ничего, тебѣ здорово. А ты съѣзди отъ меня къ ***; говорятъ, онъ съ этимъ флотскимъ пріятель. Скажи ему, чтобъ онъ далъ мнѣ честное слово не вмѣшиваться въ эти глупости. Офицерство, извѣстно, народъ молодой; позволь имъ только, они послѣ каждой вечеринки готовы драться; а онъ такое мѣсто занимаетъ: ему неприлично!“—„Хорошо, говорю, я ему скажу.“—„Скажи,“ говоритъ, „а подыматься рано тебѣ здорово,“ прибавилъ, и смѣется. Разсердилъ-таки онъ меня сегодня порядкомъ, примолвилъ Чесминъ, зѣвая. — Выспаться не даетъ, да еще туда же насмѣшки подымаетъ.

— Такъ ты ко мнѣ съ офиціальнымъ сообщеніемъ пріѣхалъ? спросилъ я.

— Такъ что-жь съ этимъ дѣлать? Приказано, такъ и исполняю.

— А если я не дамъ требуемаго честнаго слова, что тогда? сказалъ я, подумавъ.

— А почемъ я знаю? Полицейскій надзоръ велитъ надъ тобой учредить, а то, пожалуй, арестовать домашнимъ арестомъ.

— Былъ вчера Вашневъ у Шевалье? спросилъ я.

Чесминъ улыбнулся.

— Какъ ему не быть! Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ.

— Неужели же эти господа совѣщались тамъ публично? спросилъ я опять.

— Ну, публично не совсѣмъ. Самая суть-то, главный герой съ наперсниками, ужинали въ отдѣльной комнатѣ. Только, ужь не знаю какъ, а подъ конецъ все это ихъ тайное совѣщаніе стало извѣстнымъ всѣмъ бывшимъ въ залѣ: и что, и какъ, и кому ѣхать къ Кемскому, и что онъ у тебя живетъ, и прочее.

— Ну ужь, Москва-матушка!

— За что же браниться, любезный мой? сказалъ на это Чесминъ, принимая видъ обиженной невинности. У насъ по простотѣ, по-семейному, все сообща. Къ тому-жь и языкъ не на привязи; отчего-жь ему самому не позаботиться и чужу душу не потѣшить?

— Видно, ты недаромъ въ Крусановской школѣ побывалъ, замѣтилъ я ему,—какъ красно выражаешься!

— Только въ насъ и есть хорошаго! отвѣчалъ майоръ съ глубокимъ вздохомъ и поднимаясь съ мѣста.—Прощай!

— До свиданія.

— А что же *ему*-то сказать отъ тебя? припомнилъ онъ уже въ слѣдующей комнатѣ. Вѣдь онъ приказалъ мнѣ вернуться къ нему съ отвѣтомъ.

— Не можешь-ли ты съ этимъ отвѣтомъ до вечера подождать? сказалъ я ему.

— До вечера?... пожалуй! Только ужь намылитъ онъ мнѣ за это голову, молвилъ Чесминъ, почесывая затылокъ. — А впрочемъ, ничего! Я скажу ему, что засыпалъ днемъ за все то время, что онъ у меня утромъ отнялъ. Другой разъ не станетъ изъ-за вздора подымать спозаранка!

— Ну, благодарствуй. Въ пять часовъ я буду къ тебѣ

или пришлю записку съ моимъ отвѣтомъ; можешь ему даже ее показать.

— Покажу. А до того времени стрѣляться не будете?

— Нѣтъ, въ этомъ я могу тебѣ и теперь дать честное слово.

— Ладно. Прощай.

Онъ вышелъ въ переднюю.

— А послушай, ***! крикнулъ онъ мнѣ оттуда.

Я отозвался.

Онъ вернулся въ гостиную въ шинели и каскѣ.

— А вѣдь за нее жизнь положить лестно? объявилъ онъ неожиданно, глядя на меня вопрошающими глазами.

— Право не знаю.

— Лестно, любезный другъ, лестно! Я, съ своей стороны, почелъ бы за первое счастіе....

Онъ вздохнулъ еще разъ и затѣмъ скрылся окончательно.

XIII.

По его уходѣ я принялся было за бумаги, какъ колокольчикъ снова звякнулъ въ передней.

„А! вотъ и посланцы отъ нашего недруга“. Сердце во мнѣ невольно сжалось. „Что-то будетъ“!

Это точно были они, оба съ озабоченнымъ лицомъ. Но Рабенгорстъ былъ спокоенъ по-прежнему. Секкаторовъ принужденно улыбался и какъ-то неестественно потиралъ себѣ поминутно руки.

— Г. Кемскій уѣхалъ? спросилъ графъ, усаживаясь.

— Вы знаете, что я уполномоченъ имъ....

— Оно и къ лучшему, графъ, смѣю васъ увѣрить, не далъ мнѣ досказать г. Секкаторовъ.—Отсутствіе г. Кемскаго предоставляетъ намъ, такъ-сказать, болѣе объема повершить наше дѣло къ обоюдному удовольствію....

„Э! голубчикъ, давно-ли ты такъ мягокъ сталъ?“ подумалъ я.

— Я долженъ вамъ сообщить о весьма непріятномъ обстоятельствѣ, сказалъ мнѣ Рабенгорстъ:—пока мы были у васъ, къ Звѣницыну пріѣзжалъ полицеймейстеръ и потребовалъ отъ него подписки, что между имъ и г. Кемскимъ не произойдетъ.... встрѣчи; въ противномъ случаѣ, онъ имѣлъ приказаніе отвезти товарища моего на гауптхвахту.

— Могу помѣняться съ вами подобнымъ же извѣстіемъ, отвѣчалъ я.—Послѣ васъ пріѣзжали ко мнѣ съ офиціальнымъ требованіемъ моего честнаго слова не вмѣшиваться въ эту исторію.

— И вы дали ваше честное слово? спросилъ Секкаторовъ, задумчиво взглянувъ на меня.

— Я не могъ дать его, такъ какъ оно зависитъ отъ рѣшенія, которое я ждалъ отъ васъ.... Это же лицо, промолвилъ я,—передало мнѣ между прочимъ, какъ вѣдомое его начальству, что послѣ вчерашняго бала, за ужиномъ у Шевалье, предметомъ общаго разговора было то объясненіе, которое вы сегодня должны были имѣть съ Кемскимъ, по порученію г. Звѣницына.

Рабенгорстъ искоса взглянулъ на товарища.

— Къ сожалѣнію, поспѣшилъ объяснить г. Секкаторовъ, пожимая плечами,—у насъ еще такъ мало людей, понимающихъ и.... и сознающихъ всю важность того, что.... что называется дѣлами чести: affaires d'honneur.... Но вмѣшательство начальства, промолвилъ онъ, тономъ ниже,—но цѣль въ этомъ случаѣ офиціальныхъ лицъ, я.... воля ваша... не понимаю и.... и не пойму никогда!

Онъ развелъ руками, вздохнулъ и поникъ головой.

— Оно тѣмъ болѣе досадно, началъ Рабенгорстъ, — что въ настоящемъ случаѣ....

Я перебилъ его.

— Въ настоящемъ случаѣ, я долженъ, по совѣсти, сказать вамъ, господа, съ нашей стороны было бы непростительно допустить дуэль. Если г. Звѣницынъ почелъ себя обиженнымъ словами моего пріятеля, чистосердечное, въ присутствіи свидѣтелей, сознаніе Кемскимъ своей вины должно вполнѣ удовлетворить его. Самый строгій Ehrengericht будетъ согласенъ со мной, ручаюсь вамъ въ этомъ, графъ.

— Признаюсь вамъ откровенно, отвѣчалъ Рабенгорстъ, — я былъ совершенно одинаковаго мнѣнія съ вами до той самой минуты, когда, вернувшись отсюда къ Звѣницыну, узналъ отъ него объ этомъ несчастномъ пріѣздѣ полицеймейстера и о томъ, какъ самъ онъ, вслѣдствіе этого, вынужденъ смотрѣть на дѣло...

— C'est une exagération de sa part, пробормоталъ Секкаторовъ, — voila tout!

— Что же говоритъ г. Звѣницынъ? спросилъ я.

— Онъ признаетъ себя поставленнымъ въ чрезвычайно щекотливое положеніе, и нельзя не согласиться, что это такъ, молвилъ офицеръ. — Теперь въ городѣ уже трубятъ объ этомъ происшествіи. Звѣницынъ много ѣздилъ въ свѣтъ, его всѣ знаютъ, вѣроятно, у него есть и недоброжелатели... Богъ знаетъ, какъ могутъ истолковать такое внезапное вмѣшательство полиціи.... Да довольно уже и того, что это кидаетъ на него какую-то комическую, во всякомъ случаѣ невыгодную, тѣнь...

— И вы полагаете справедливымъ, чтобы за все это отвѣтчикомъ былъ Кемскій? спросилъ я.

На лицѣ добросовѣстнаго молодаго человѣка сказалось почти болѣзненное чувство.

— Мнѣ очень прискорбно, повѣрьте. Но я вижу себя въ необходимости передать вамъ, что Звѣницынъ соглашается на полюбовное окончаніе этого дѣла только въ случаѣ, если г. Кемскому угодно будетъ извиниться предъ нимъ письменно; въ противномъ же случаѣ....

— Въ противномъ случаѣ? машинально переспросилъ я.

— Намъ остается сговориться касательно условій встрѣчи, глухо договорилъ Рабенгорстъ.

— Какъ же вы думаете устроить эту встрѣчу и согласить ее съ подпиской, которую г. Звѣницынъ былъ вынужденъ дать отъ себя? спросилъ я.

— Да вотъ, пойдите, устраивайте теперь! промолвилъ Секкаторовъ и даже кашлянулъ съ какою-то злостью.

— Тамъ, говорилъ мнѣ Звѣницынъ, есть лазейка,—объяснилъ графъ:—не помню въ точности выраженій, но понять можно такъ, что подписка обязываетъ его не драться съ г. Кемскимъ собственно только въ предѣлахъ Москвы и ея губерніи. Поэтому Звѣницынъ полагаетъ, что встрѣтиться они могутъ въ другомъ мѣстѣ, — Россія велика.

— И полиціи въ ней не мало! промолвилъ Секкаторовъ.— Вы какъ думаете, стоглазые алгвазилы не будутъ слѣдить теперь за малѣйшимъ шагомъ каждаго изъ насъ?

— Надо дать пройти нѣсколькимъ днямъ; нѣтъ сомнѣнія, что надзоръ ослабнетъ за это время, и тогда...

— Нѣтъ-съ, далеко намъ до странъ, озаренныхъ солнцемъ просвѣщенія! такъ, неожиданно и даже со вздохомъ, выразился г. Секкаторовъ.

— Я долженъ предварить васъ, молвилъ я на всякій случай, — что Кемскій здѣсь проѣздомъ, и не знаю, насколько воленъ онъ располагать своимъ временемъ. Онъ, кажется, разсчитывалъ уѣхать изъ Москвы очень скоро.

— Если г. Кемскій уѣзжаетъ, сказалъ Рабенгорстъ, — это къ лучшему. Онъ можетъ остановиться гдѣ-нибудь за границей Московской губерніи и ожидать тамъ Звѣницына, который, съ своей стороны, можетъ выѣхать отсюда другою заставой, для большей предосторожности.

— Конечно, заговорилъ Секкаторовъ, — если мы должны прибѣгнуть къ этой крайности, величайшая осторожность представляется, такъ сказать, дѣломъ первой необходимости... Но я все надѣюсь, что достопочтеннный другъ нашъ, г. ***, склонитъ г. Кемскаго къ нѣкоторой уступкѣ. Позвольте, обратился онъ ко мнѣ, — вѣдь пріятель вашъ изъявилъ въ нашемъ присутствіи сожалѣніе свое о томъ, что подалъ поводъ господину Звѣницыну почитать себя оскорбленнымъ его словами... Такъ или нѣтъ?

— Такъ! подтвердилъ я.

— Значитъ, онъ, такъ-сказать, въ душѣ сожалѣетъ?

— Сожалѣетъ.

— Такъ отчего-же, сдѣлайте милость, не написать ему на бумагѣ того, что онъ говорилъ на словахъ и въ душѣ своей чувствуетъ? Развѣ это не совершенно одно и то же?

— Нѣтъ, сказалъ я,—не то же; извинялся онъ свободно, по доброй волѣ своей, добросовѣстно сознавая, что тонъ его рѣчи могъ оскорбить господина Звѣницына. Но съ той минуты, какъ вы ему объявили, что вашъ довѣритель не можетъ удовольствоваться однимъ этимъ искреннимъ сознаніемъ и требуетъ письменнаго документа, вопросъ измѣняется совершенно. Извиненія требуютъ отъ него уже какъ обязанности, подъ угрозой пули! Какъ же вы хотите, чтобъ онъ согласился на такое предложеніе?...

— Не понимаю, рѣшительно не понимаю!... залепеталъ

Секкаторовъ, вставая, и, покраснѣвъ какъ ракъ, отошелъ въ уголъ комнаты.

— Какъ же вы думаете относительно моего предложенія? спросилъ меня Рабенгорстъ.

— Я полагаю, что Кемскій его приметъ. Я увижусь съ нимъ и узнаю, когда онъ думаетъ ѣхать отсюда. Застану я васъ дома, часовъ около пяти?

— Я буду ждать васъ. Я живу въ гостинницѣ Дрезденъ.

— Очень хорошо-съ.

Мы оба замолчали.

— Намъ остается рѣшить насчетъ условій... глухо промолвилъ наконецъ молодой офицеръ.

— За вами рѣчь! сказалъ я:—предложенія идутъ отъ обиженнаго.

— У господина Кемскаго одинъ секундантъ или два?

Услыхавъ этотъ вопросъ, Секкаторовъ быстро обернулся и съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ моего отвѣта.

— Пока я одинъ, но такъ какъ, полагаю, вы оба, господа, будете секундантами у господина Звѣницына, надо будетъ пріискать намъ еще другаго.

— Васъ это не затруднитъ? спросилъ меня графъ.

— Конечно, это нелегко. Кемскій здѣсь никого не знаетъ, а кому охота изъ-за незнакомаго человѣка подвергать себя непріятнымъ послѣдствіямъ?... Впрочемъ, примолвилъ я,— сколько мнѣ извѣстно, равное число секундантовъ не есть безусловная необходимость. Позвольте обратиться къ вамъ, господинъ Секкаторовъ, съ просьбой рѣшить этотъ вопросъ; вы, вѣроятно, болѣе спеціалистъ по этой части, чѣмъ графъ и я.

— Отчего же вы такъ думаете? спросилъ онъ почти гнѣвно.

— On reconnait le coq à ses ergots, отвѣчалъ я, кланяясь ему самымъ изящнымъ поклономъ, на какой была только способна моя неуклюжая фигура.

Господинъ Секкаторовъ улыбнулся довольно двусмысленно, какъ бы не успѣвъ еще сообразить, поднесенъ-ли ему мною пѣтухъ въ видѣ ѳиміама или въ видѣ колкости.

— Два секунданта, по моему мнѣнію, могутъ быть или не быть; это, такъ-сказать, дѣло случая, небрежно проговорилъ

онъ.—Одинъ секундантъ необходимъ, другому обыкновенно нечего дѣлать. Вотъ даже, помните, въ *Героѣ нашего времени* второй секундантъ Грушницкаго выходитъ у Лермонтова совершенно безцвѣтное лицо, примолвилъ онъ, доказавъ намъ этимъ такъ кстати свою начитанность.

— Для соблюденія формальности, я могу остаться одинъ секундантомъ у господина Звѣницына, если вы затрудняетесь пріисканіемъ себѣ товарища, предложилъ мнѣ Рабенгорстъ.

— Я не уступлю вамъ этой чести, графъ, сказалъ господинъ Секкаторовъ такимъ голосомъ, какимъ бы могъ сказать: „а, чтобъ васъ всѣхъ!...“

— Такъ вы будете согласны на то, чтобъ у господина Кемскаго былъ только одинъ свидѣтель, а насъ у Звѣницына двое? спросилъ его офицеръ.

— Какъ вамъ угодно; я на все согласенъ.—И онъ снова отошелъ глядѣть въ окно на улицу.

Объ остальныхъ условіяхъ встрѣчи мы уже сговаривались съ графомъ Рабенгорстомъ безъ просвѣщеннаго содѣйствія господина Секкаторова. Мы рѣшили, что противники будутъ стрѣляться на пятнадцати шагахъ, безъ барьера. Въ случаѣ легкой раны или даже промаха съ обѣихъ сторонъ положено было не допускать возобновленія дуэли. Пистолеты для поединка оказались у меня старые кухенрейтеровскіе. Они лежали въ запыленномъ ящикѣ на каминѣ. Я далъ слово, что Кемскій въ глаза ихъ не видалъ. Рабенгорстъ тотчасъ же вынулъ ихъ и пригласилъ Секкаторова осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ. Но господинъ Секкаторовъ объявилъ, что хотя лучшія воспоминанія его жизни и относятся безспорно ко времени, проведенному имъ въ военной службѣ, но что въ оружіи онъ не знатокъ и потому полагается безусловно на рѣшеніе своего товарища. Пистолеты оказались годными, но аккуратный Нѣмецъ не преминулъ замѣтить мнѣ, что необходимо предварительно прочистить ихъ и слегка смазать маслицемъ курки.

Переговоры казались оконченными, и Рабенгорстъ брался за каску, но господинъ Секкаторовъ остановилъ его вдругъ вопросомъ:

— А вы, господа, кажется, о главномъ-то позабыли?

— О чемъ же это?

— О медицинскомъ пособіи, въ случаѣ, чего Боже сохрани! чего-нибудь такого...

— Мы невольно переглянулись съ графомъ. Это напоминаніе, видно, было ему такъ же непріятно, какъ и мнѣ.

— Я могу привезти доктора, сказалъ я.

— Знакомаго вамъ? спросилъ меня Секкаторовъ.

— Разумѣется.

— И вы въ немъ увѣрены?

— Въ какомъ отношеніи?

— Je veux dire, êtes vous sûr de sa discrétion?

Я не могъ не улыбнуться.

— Будьте покойны, онъ человѣкъ дѣла, въ клубы не ѣздитъ и у Шевалье не ужинаетъ.

Господинъ Секкаторовъ сухо поклонился мнѣ и, обратившись къ графу, предложилъ ему ѣхать.

Рабенгорстъ подалъ мнѣ руку и крѣпко пожалъ мою. Златоустый поборникъ странъ, озаренныхъ солнцемъ просвѣщенія, протянулъ мнѣ два пальца, которые я и стиснулъ съ приличнымъ выраженіемъ почтительной благодарности.

XIV.

Я велѣлъ заложить сани и поѣхалъ къ Кемскому. Не заставъ его дома, какъ и слѣдовало ожидать, я проѣхалъ въ свое присутствіе и вернулся къ нему уже въ исходѣ четвертаго часа.

Я нашелъ въ передней Грызуна, занятаго пришиваніемъ новой пуговицы къ своей курткѣ. Увидѣвъ меня, онъ поспѣшно напялилъ ее въ рукава съ этою недошитою, болтавшеюся на ниткѣ, пуговицей и улыбнулся во всю ширину своего пространнаго зѣва.

— Дома баринъ?

Матросъ отвѣчалъ, что Кемскій только что вернулся, заперся въ „каютѣ“ и никого не велѣлъ впускать къ себѣ.

— Ты меня знаешь?

— Никакъ нѣтъ.

— А сегодня же утромъ ты ко мнѣ приходилъ отыскивать своего лейтенанта.

— Такъ точно; позабымши...

И на этотъ разъ онъ усмѣхнулся уже такъ, какъ будто готовился проглотить меня.

„Акулы должны такъ улыбаться въ счастливыя минуты жизни,“ подумалъ я.

Грызуну, вѣроятно, пришла та же мысль въ голову, потому что онъ закрылъ свой ротъ рукавомъ и кашлянулъ, какъ бы поперхнувшись.

— Ступай же къ своему барину и скажи, что мнѣ необходимо нужно его видѣть.

Матросъ вытянулся въ струнку и уставилъ на меня въ упоръ свои удивленные глаза.

— Не велѣно-съ! проговорилъ онъ испуганнымъ голосомъ.

— Такъ я самъ пойду.

Не знаю, допустилъ-ли бы меня Грызунъ довести до благополучнаго конца такъ дерзко задуманный мною планъ, если-бы самъ лейтенантъ его не появился въ это время на порогѣ своей комнаты.

— Войди, сказалъ онъ.

Я былъ пораженъ его лицомъ. Оно было зеленовато-блѣдно, какъ у больныхъ тифозною горячкой. Черты его вытянулись, глаза потускнѣли, большіе темные круги образовались вокругъ нихъ; онъ, казалось, постарѣлъ пятью годами въ эти пять-шесть часовъ...

— Что съ тобой? воскликнулъ я, когда дверь затворилась за нами, и взялъ его за руку.

Онъ тихо отнялъ ее у меня.

— Ничего, не спрашивай... Съ чѣмъ ты пріѣхалъ?

Я, не откладывая, передалъ ему во всемъ его объемѣ мое свиданіе съ секундантами Звѣницына. Я понялъ, что оказываю ему услугу, отвлекая его хоть на время отъ помысла, въ которомъ онъ погруженъ былъ весь, всѣмъ измученнымъ, изломаннымъ уже страданіемъ, существомъ своимъ.

Онъ слушалъ меня съ замѣтнымъ усиліемъ, заставляя по нѣскольку разъ повторять ту или другую подробность и каждый разъ послѣ этого проводя судорожно рукой по лбу, какъ бы съ намѣреніемъ возбудить непокорную или онѣмѣлую память.

Когда я кончилъ, онъ долго оставался безотвѣтенъ. Наконецъ всталъ, вышелъ въ спальню и вынесъ оттуда шкатулку.

Онъ вынулъ изъ нея нѣсколько писемъ и, выбравъ между ними одно, просилъ меня списать означенный на немъ адресъ.

Я занесъ въ памятную книжку:

„Его Высокоблагородію Петру Ивановичу Пальцыну, по Тульскому шоссе, на станцію ***, оттуда въ село Анциферово“.

— Съ сыномъ этого Петра Ивановича, сказалъ мнѣ Кемскій, отбирая у меня письмо и укладывая его опять въ шкатулку,—мы три года проходили на фрегатѣ *Аврора*. Я оставилъ его больнымъ въ Иркутскѣ и обѣщалъ самъ завести это письмо къ его отцу. Завтра я у него буду...

— Какъ завтра? прервалъ я его.

— Очень просто. Я сегодня отправляюсь. Не ожидать же мнѣ здѣсь до тѣхъ поръ, пока моему противнику не удастся выѣхать....

— Такъ тамъ все кончено? вырвалось у меня невольно.

Онъ дрогнулъ какъ отъ прикосновенія горячаго желѣза, отвернулся и не отвѣчалъ.

— Что же твой Петръ Ивановичъ? поспѣшилъ я скорѣе спросить его.

— Я знаю его лично. Самъ онъ еще не такъ давно во флотѣ служилъ. Старикъ хорошій... Я у него могу пробыть нѣсколько дней, и если г. Звѣницыну угодно...

— А далеко эта станція ***?

— Вторая отъ Серпухова, а имѣніе Пальцына оттуда въ четырехъ верстахъ, не болѣе, говорятъ... Скоро-ли могутъ собраться эти господа, по твоему мнѣнію? спросилъ онъ.

— Не знаю, но, вѣроятно, не замедлятъ. Дня черезъ четыре, полагать можно, навѣрно...

— Такъ когда узнаешь, пошли мнѣ эстафету по этому адресу. А я пришлю отъ Пальцына на станцію письмо на имя, пожалуй, этого молодаго офицера, нѣмца... Когда они пріѣдутъ туда, пусть спросятъ. Въ письмѣ будетъ означено все въ подробности, такъ какъ до тѣхъ поръ я успѣю все разузнать и даже выбрать мѣсто въ окрестности.

— Хорошо, только письмо оставь на мое имя.

— Зачѣмъ, Мумка, зачѣмъ тебѣ пріѣзжать? Это совсѣмъ лишнее. Старикъ Пальцынъ не откажется быть моимъ секундантомъ...

— Если хочешь меня обидѣть, пожалуй! сказалъ я.

Онъ подошелъ ко мнѣ и крѣпко обнялъ.

— Ну что, все? спросилъ онъ спустя нѣсколько времени.

— Кажется, все.

Онъ прошелся по комнатѣ. Лицо его потемнѣло пуще прежняго.

— Не сердись на меня, промолвилъ онъ, внезапно останавливаясь на ходу:—оставь меня одного!

— Кемскій, вскрикнулъ я, испуганный отчаяніемъ, которое выразилось въ его голосѣ, въ его чертахъ,—вспомни...

— Что?

Онъ взглянулъ на меня всею глубиной своихъ черныхъ глазъ.

— Не бойся, сказалъ онъ улыбнувшись какою-то безнадежною улыбкой;—я въ Христа вѣрую!..

— Да подкрѣпитъ же Онъ тебя въ этотъ трудный часъ! молвилъ я, крѣпко сжимая его руку.—Прощай! Въ которомъ часу сбираешься ты уѣхать?

— Не знаю еще. Жду писемъ... Пожалуйста, не пріѣзжай провожать... Мнѣ легче одному, сказалъ онъ глухо.

— Какъ хочешь. Такъ до свиданія у Пальцына?

— Да. Прощай, Мумка, благодарствуй! Ты все прежній, какъ въ лицеѣ...

Я вышелъ на лѣстницу, и,—отчего не признаться? я былъ еще молодъ тогда,—заплакалъ какъ ребенокъ.

XV.

Отъ Кемскаго я отправился къ Чесмину.

Тамъ встрѣтилъ меня слуга совершенно иного покроя, чѣмъ Грызунъ, старый хрычъ съ краснымъ носомъ, постоянно находившійся въ подпитіи и постоянно съ бариномъ зубъ-за-зубъ. Баринъ, какъ водится, состоялъ у него въ полной командѣ.

На вопросъ мой: дома-ли Гавріилъ Степановичъ и что онъ дѣлаетъ? я получилъ такой отвѣтъ:

— А что ему дѣлать! Прошляндалъ всю ночь, а днемъ спать залегъ; съ самыхъ полуденъ и по сей часъ безъ просыпа дрыхнетъ...

— Разбуди его, пожалуйста. Мнѣ нужно съ нимъ видѣться.

Онъ махнулъ рукой.

— Пробовалъ! Не то будилъ, за ноги, то-есть, дергалъ. Куда-те! Храпитъ что твоя попадья!... А еще бариномъ прозывается!... Ноги-то я ему сволокъ, примолвилъ онъ съ какимъ-то торжествомъ.

— Какъ хочешь, а мнѣ его видѣть надобно, сказалъ я, направляясь къ комнаты.

— А мнѣ что?... Мнѣ ничего... Буди себѣ его, пожалуй, заворчалъ старый слуга. И закричалъ мнѣ вслѣдъ: — Вы его подъ мышки-то легонько щекотните, онъ эвтого боится!...

Я, дѣйствительно, нашелъ Чесмина почивающимъ сномъ праведнаго, поперекъ огромной кровати и съ ногами, спущенными на полъ.

Щекотать его подъ мышки не оказалось впрочемъ необходимости: онъ проснулся по первому моему зову.

Раскрывъ глаза, онъ остановилъ ихъ на мнѣ съ умильною улыбкой.

— Только во снѣ счастливъ человѣкъ! сказалъ онъ, лѣниво поднимаясь на локтяхъ и не безъ нѣкотораго удивленія взирая на свои ноги.—Видѣлъ я *ее*, другъ мой любезный, видѣлъ сейчасъ. Блаженство! На балконѣ, майскимъ утромъ, и я тутъ, а она...

Но мнѣ было не до его сновъ.

— Я пріѣхалъ къ тебѣ съ отвѣтомъ, сказалъ я.

— Съ какимъ отвѣтомъ? спросилъ онъ, зѣвая и все глядя на свои ноги.

Въ спальню вошелъ въ это время вышереченный слуга его.

— Жандаръ былъ отъ начальства, приказывалъ, чтобъ вы къ нимъ обѣдать ѣхали.

— Пошелъ вонъ! крикнулъ на него Чесминъ.

— Одѣваться вамъ пора, чего кричать-то! хладнокровно отвѣчалъ тотъ, не трогаясь съ мѣста.

— Это ты мнѣ ноги съ кровати стащилъ?

— А то кому еще?

— Пошелъ вонъ!

— Умываться готово! Слышали: начальство требуетъ? Царское жалованье небось любитъ получать, а отъ службы-то упаси Господи! обратился онъ ко мнѣ, тыкая пальцемъ на барина.

Чесминъ показалъ ему кулакъ и отправился къ умывальному столу.

Баринъ и слуга перебранивались до той самой минуты, когда Чесминъ застегнулъ наконецъ послѣдній крючокъ своего мундира, надѣлъ саблю и взялъ каску въ руки.

— А теперь вонъ! повелительно указалъ на дверь майоръ.

Слуга вышелъ, хлопнувъ этою дверью такъ, что задребезжали окна.

— Да ты помнишь-ли еще, съ чѣмъ пріѣзжалъ сегодня ко мнѣ? спросилъ я чудака.

Онъ стоялъ передъ зеркаломъ, охорашиваясь, и въ зеркало же подалъ мнѣ утвердительный знакъ головой.

— Скажи же ты своему генералу вотъ что: такъ какъ Кемскій уѣзжаетъ изъ Москвы сегодня вечеромъ, то я полагаю, что и надобность въ моемъ честномъ словѣ прекращается съ этимъ отъѣздомъ. Слышалъ?

— Слышалъ... А что же это должно значить по-нашему, по-мужицкому? спросилъ, помолчавъ, Чесминъ.

— То, что здѣшнему начальству нечего болѣе тревожиться по поводу этой исторіи.

— Значитъ, уладилось дѣло?

— Уладилось.

— И морякъ твой дѣйствительно сегодня уѣзжаетъ?

— Можешь справиться самъ въ его гостиницѣ.

— И драться они не будутъ?

Онъ взглянулъ на меня своимъ лукаво-невиннымъ взглядомъ.

— Передай отвѣтъ мой какъ есть: это все, что я отъ тебя прошу, отвѣчалъ я.

— Послушай, любезный другъ, молвилъ Чесминъ, — ты хитеръ, да вѣдь и я не промахъ; садись-ка лучше, да настрочи мнѣ этотъ отвѣтъ на бумагѣ.

— Изволь.

— Вотъ такъ лучше будетъ! сказалъ онъ, когда я кончилъ, засыпая пескомъ мое писанье:—и волки сыты, и овцы цѣлы. А ничего, ловко придумано! замѣтилъ онъ, засмѣявшись и оборачиваясь снова къ зеркалу.

— Да ты что думаешь?

— А что я думаю, того не скажу ни тебѣ, ни *ему*, будь покоенъ! сказалъ онъ, укладывая мою записку въ карманъ.— Самъ я саблю ношу и дворяниномъ родился... Хотя эта картофля ужь нисколько на носъ благороднаго воина не похожа! неожиданно прибавилъ онъ, щелкнувъ себя слегка пальцемъ по носу.

Онъ тяжело вздохнулъ и принялся натягивать перчатки.

— Не подвезти-ли тебя, коли ты къ начальству? предложилъ я ему.

— Окажи милость. Кондратій! крикнулъ онъ, выходя въ переднюю.

Но Кондратій не отозвался. Выскочилъ какой-то казачокъ и объявилъ, что Кондратій Силычъ вышли.

— Куда? грозно воскликнулъ майоръ.

— Не могу знать-съ. Они говорили, что въ погребкѣ тавлинку свою позабыли, отвѣчалъ мальчишка и, не выдержавъ, прыснулъ со-смѣху.

— Вотъ погоди, онъ тебя высѣчетъ, какъ только отыщетъ свою тавлинку, замѣтилъ ему внушительно Чесминъ, надѣвая шинель.

Я довезъ его и поѣхалъ къ Рабенгорсту сообщить о предложеніи Кемскаго.

— Мнѣ кажется, ничего лучше придумать нельзя, сказалъ графъ, выслушавъ меня.—Мы должны обѣдать сегодня съ Звѣницынымъ въ Троицкомъ трактирѣ. Я ему все передамъ и сегодня же вечеромъ, надѣюсь, могу извѣстить васъ, въ какой день и какъ мы рѣшимъ ѣхать. Я долженъ вамъ признаться, что къ нашимъ затрудненіямъ присоединяется еще вотъ какое обстоятельство, примолвилъ онъ.—Отпускъ Звѣницына кончается черезъ три дня. Онъ уже съ недѣлю писалъ нашему полковому командиру, прося отсрочки, но отвѣта нѣтъ до сихъ поръ. На милость коменданта, когда эта исторія получила уже такую гласность, разсчитывать нельзя, такъ что если отсрочка не прибудетъ сегодня или завтра, Звѣницына могутъ выслать изъ Москвы.

— Конечно, въ такомъ случаѣ вамъ терять время нечего. До свиданія, графъ, я буду ждать васъ.

Вернувшись къ себѣ, я опустился на диванъ и пролежалъ на немъ до поздняго вечера, въ совершенномъ изнеможеніи, словно послѣ долгой и тяжкой болѣзни.

Часу въ десятомъ я послалъ узнать про Кемскаго въ его гостиницу; человѣкъ мой вернулся съ извѣстіемъ, что съ полчаса тому назадъ онъ уѣхалъ изъ города.

Я глянулъ въ окно. На дворѣ злилась вьюга. Слабо мерцали фонари изъ-за валившаго нескончаемыми пеленами снѣга.

Ни визга саней, ни лошадинаго топота не слышно было за порывистыми стонами вѣтра.

Мнѣ вспомнилась та недавняя ночь въ Кремлѣ. Бѣдный Кемскій, сколько счастія обѣщала она ему тогда, казалось, сіяя надъ нимъ своимъ безмятежнымъ сіяніемъ!..

А теперь, этотъ грозный мракъ и надрывающій вой метели, и скорбный, одинокій путь...

XVI.

Рабенгорстъ пріѣхалъ ко мнѣ на другое утро съ извѣщеніемъ, что они съ Звѣницынымъ порѣшили выѣхать изъ Москвы черезъ день, причемъ сообщилъ мнѣ слѣдующія подробности:

— Въ среду утромъ двѣ уже нанятыя нами извощичьи тройки выѣдутъ за Серпуховскую заставу съ крѣпостнымъ человѣкомъ Звѣницына, снабженнымъ отъ барина формальнымъ видомъ на проѣздъ въ его орловское имѣніе. Онѣ будутъ ожидать насъ у одного постоялаго двора, онъ отъ заставы всего въ полуверстѣ. Мы выѣдемъ съ Звѣницынымъ изъ дому въ четыре часа пополудни, въ обыкновенныхъ городскихъ саняхъ, и проѣдемъ туда подъ видомъ прогулки за городъ. Вы съ докторомъ, и въ томъ же часу, съѣдетесь съ нами на постояломъ дворѣ. Тамъ мы всѣ пересядемъ въ тройки и немедленно покатимъ по Тульской дорогѣ.

На замѣчаніе мое: не лучше-ли будетъ намъ выѣхать попозже, когда стемнѣетъ, Рабенгорстъ отвѣчалъ, что они избрали именно этотъ часъ потому, что, выѣзжая изъ-дому въ обычное обѣденное время, они возбудятъ менѣе подозрѣнія, а кромѣ того, такъ какъ до имѣнія Пальцына считается 130 верстъ съ хвостикомъ, то, покинувъ Москву въ пятомъ часу, мы только что къ разсвѣту успѣемъ добраться туда.

Я не могъ не согласиться съ основательностью его доводовъ и отвѣчалъ ему, что заранѣе сговорюсь съ докторомъ и въ назначенный день и часъ прибуду съ нимъ къ мѣсту съѣзда.

Рабенгорстъ уѣхалъ, а я отправился къ знакомому мнѣ доктору, Виссаріону Никитичу Латышеву.

Я сошелся съ нимъ случайно у одного общаго пріятеля и пользовался его расположеніемъ, можетъ-быть, потому, что не вѣрилъ ни въ его матеріализмъ, ни въ его безсердечіе, ни въ его брюзгливыя выходки, чѣмъ любилъ онъ щеголять при мало знакомыхъ ему людяхъ.

Еще въ передней его я былъ пораженъ невыносимымъ собачьимъ визгомъ.

— Что это такое? спросилъ я его слугу.

— А вотъ мальчикъ на дворѣ камнемъ собаку пришибъ, такъ лапу ей вправляетъ баринъ.

Я вошелъ въ первую комнату, пыльную, съ мебелью, всю заваленную книгами. Виссаріонъ Никитичъ питалъ страсть къ *букинизму*.

— Гдѣ вы, почтенный Эскулапъ?

— А тамъ кто такой? спросилъ изъ другой комнаты сердитый голосъ. Шт... ты, глупая! шт! дай же себѣ порядкомъ лигатуру навязать.

Собака, какъ бы послушная этимъ словамъ, слабо взвизгнула еще разъ и затѣмъ замолкла.

— Иванъ, отнеси ее въ кухню и смочи ей правую лапу арникой, кликнулъ голосъ: — она цѣла.

— А, вы! что вамъ надо? спросилъ Виссаріонъ Никитичъ, выходя ко мнѣ.

— Давно-ли вы собакъ лѣчить стали? спросилъ я, въ свою очередь, смѣясь.

Онъ нахмурился и взглянулъ на меня исподлобья.

— Живой организмъ, ощущенія также испытываетъ! Не булыжникъ какой-нибудь! проворчалъ онъ, словно извиняясь. — Что вамъ надо? повторилъ онъ свой непривѣтливый вопросъ.

Но меня нисколько не озадачивало это оригинальничанье. Я зналъ, какъ отвѣчать на него.

— Васъ мнѣ надо, сказалъ я прехладнокровно.

— На кой прахъ? Больны вы?

— Богъ миловалъ.

— Такъ на что я вамъ?

— Послѣ завтра, то-есть въ среду, вы должны ѣхать со мной за 130 верстъ отсюда.

Онъ взглянулъ на меня пытливымъ взглядомъ врача, подозрѣвающаго въ своемъ паціентѣ расположеніе къ безумію.

— Что вы меня морочить сюда пріѣхали? фыркнулъ онъ.

— Нисколько. Говорю вамъ безъ всякихъ шутокъ. Въ среду вы должны ѣхать со мной.

— Не поѣду я никуда! отрѣзалъ онъ какъ ножомъ.

— Поѣдете, когда вамъ объяснятъ, въ чемъ дѣло.

— И слушать не хочу!

Но когда я произнесъ слово: дуэль, Латышевъ навострилъ уши. Старая студентская кровь заговорила въ немъ.

— За что дерутся! спросилъ онъ, дослушавъ меня до конца.

Я взглянулъ ему въ лицо.

— А вамъ на что знать? Вы медикъ, а не свидѣтель и не судья.

— Дѣло! сказалъ онъ и кивнулъ одобрительно головой. — Въ среду я не могу, примолвилъ онъ.

— Почему?

— Дежурнымъ въ клиникѣ.

— Можете помѣняться съ товарищемъ.

— А потомъ что? спросилъ онъ, помолчавъ, и все тѣмъ же сердитымъ голосомъ.

— А то, что въ этотъ день слѣдуетъ вамъ пообѣдать пораньше и быть совсѣмъ готовымъ къ четыремъ часамъ. Я заѣду за вами въ четыре часа неотступно. Пожалуйста, не позабудьте.

— Это вѣдь далеко ѣхать, 130 верстъ? замѣтилъ докторъ, который, въ теченіе всего своего тридцати-семилѣтняго существованія, дальше Останкина не ѣзжалъ.

— Богъ дастъ, ничего не случится, такъ черезъ сутки я доставлю васъ домой обратно.

— Сутки, бездѣлица! Даромъ два дня, значитъ, пропадутъ!

— Есть-ли у васъ шуба? сказалъ я ему на это.

— Тулупъ дубленый есть, возразилъ онъ, уже съ нѣкоторою гордостью.

— И прекрасно. Такъ до свиданія?

— До свиданія, пропустилъ онъ сквозь зубы.—Счастливъ вашъ Богъ, что такой день у меня нынче вышелъ; въ другое время ни за что бы не согласился ѣхать!...

— А что у васъ нынче, развѣ праздникъ какой, именины сердца?

Онъ опять фыркнулъ.

— Книжицу сію пріобрѣлъ я нынче, примолвилъ онъ, вытаскивая изъ груды лежавшихъ на диванѣ книгъ сѣроватый и затасканный томъ in 8°, и поднялъ его въ уровень моихъ глазъ. — Могу по этому поводу возгласить съ древнимъ поэтомъ:

Albo dies notanda lapillo.

Въ заглавіи книжки значилось: „*Пансальвинъ, Князь Тьмы. Былъ? не былъ? Однакожъ и не сказка.* Москва 1809. Въ Университетской типографіи.“

— Вѣдь это, батюшка, драгоцѣнность! торжествующимъ голосомъ молвилъ Виссаріонъ Никитичъ и, развернувъ книжку, принялся читать.

„Миранда сама по себѣ не была царица тьмы, но жалости достойно, что Князь Тьмы пріобрѣлъ надъ нею столько власти.

„Миранда не была равнодушною къ мущинамъ. Она ощущала природу, и какая бы женщина ея не ощущала?...“

И Виссаріонъ Никитичъ засмѣялся, какъ смѣются ученые, спеціалисты и вообще люди, преданные какому-нибудь усидчивому и постоянному занятію, какъ-то во-внутрь себя, не громко и не сообщительно и не поднимая глазъ на собесѣдника.

— Однако мнѣ пора, почтеннѣйшій, сказалъ я. — Прощайте. Но не забудьте, въ среду, въ 4 часа.

— Прощайте, разсѣянно повторилъ онъ, не перемѣняя положенія, то-есть стоя посреди комнаты, съ разставленными ногами, держа одною рукой книгу и помахивая другою, точно

будто дирижировалъ оркестромъ. И принялся за чтеніе съ новымъ жаромъ.

„Но не горестно-ли, что она допустила содѣлаться страстью самому тому пункту, о которомъ бы слѣдовало ей важно размыслить, и который, въ разсужденіи соединенныхъ съ нимъ знакомствъ, былъ самый тотъ, который..."

Долго провозился я въ пустой и темной передней, отыскивая шинель свою и калоши, а Виссаріонъ Никитичъ все также громко, стоя одинъ посреди комнаты, продолжалъ забавлять себя пріятнымъ слогомъ похожденій Пансальвина, Князя Тьмы и возлюбленной его Миранды.

Я вернулся домой и написалъ Кемскому письмо, которое и отправилъ ему съ эстафетой.

XVII.

Въ день, назначенный для выѣзда, я проснулся чуть не съ зарей, и едва дождавшись 8 часовъ, послалъ къ Рабенгорсту записку, которою просилъ его извѣстить меня, нѣтъ-ли какого-нибудь измѣненія въ сообщенной имъ мнѣ программѣ? Онъ отвѣчалъ мнѣ двумя словами, по-англійски „all right.“ Я понялъ ихъ, какъ и слѣдовало, въ смыслѣ „все по-старому,“ и не медля принялся за сборы. Къ сожалѣнію, они были не долги, и мнѣ суждено было провести еще не мало времени въ томъ тревожномъ, ноющемъ состояніи духа, знакомомъ всѣмъ тѣмъ, кому хоть разъ въ жизни выпало на долю одинокое и медлительное выжиданіе чаемаго удара, въ сравненіи съ которымъ самый фактъ несчастія представляется чѣмъ-то почти отраднымъ.

Докторъ ждалъ меня, уже заранѣе облекшись въ теплые сапоги и шапку. Преогромный и страшно пахнувшій козломъ тулупъ разстилался во всю свою ширину по столу и дивану, закрывая библіографическія сокровища почтеннаго хозяина. Самъ онъ стоялъ у окна, низко наклонившись надъ лежавшимъ на немъ футляромъ съ хирургическими инструментами.

Послыша за собой мои шаги, онъ быстро свернулъ свои ножи и пилы и сунулъ ихъ въ карманъ пальто.

— Съ кукушкой вмѣстѣ! промолвилъ онъ, оборачиваясь ко мнѣ и указывая рукой на стѣнные часы, которые въ это время дѣйствительно принялись за свое урочное шипѣніе.—Четыре часа! И я готовъ, какъ видите!

Онъ вздѣлъ тулупъ, который оказался только что не въ пору мѣдному изваянію гражданина Минина, и еще не справившись съ его длинными рукавами, изъ которыхъ никакъ не могъ высвободить своихъ коротенькихъ рукъ, выбѣжалъ на крыльцо, восклицая:

— Маршъ въ путь-дороженьку! Погода, кажется, сегодня самая благопріятная!

Онъ собирался точно какъ на какую-то partie de plasilr.

Да и дѣйствительно, о чемъ же ему было печалиться? День стоялъ свѣтлый и тихій; слегка морозило; но въ воздухѣ неслись уже тѣ мягкія струи, что такъ отрадно льются вамъ въ грудь,—предвѣстники вешняго тепла. Весело было въ такой день урваться бѣдному труженику, осужденному черезъ два дня въ третій дышать зараженнымъ больничнымъ воздухомъ...

Но въ ту минуту его довольное лицо показалось мнѣ чуть не звѣрскимъ, и я уткнулся въ воротникъ шинели съ намѣреніемъ не заговаривать съ нимъ.

Виссаріону Никитичу было, впрочемъ, также не до разговоровъ. Онъ пыхтѣлъ подъ своимъ тулупомъ, который, очевидно, надѣвалъ въ первый разъ отъ роду, и то застегивалъ его, то распахивалъ, возясь въ саняхъ самымъ безпокойнымъ для сосѣда образомъ.

Такъ проѣхали мы молча почти всю дорогу, не встрѣтивъ на пути ни одного знакомаго лица.

Не доѣзжая заставы, вынеслась намъ наперерѣзъ изъ какого-то переулка лихая пара вороныхъ и, едва не зацѣпивъ крыломъ нашихъ саней, быстро промчалась впередъ, покрывъ насъ цѣлымъ облакомъ снѣжной пыли. Я узналъ Звѣницына и Рабенгорста по бѣлымъ ихъ фуражкамъ.

За ними вслѣдъ выѣхали старомодныя сани съ круглымъ задкомъ, запряженныя въ дышло двумя сильно храпѣвшими и взмыленными лошадьми. На облучкѣ стоялъ кучеръ, съ жиденькою разноцвѣтною бородой, — очевидно изъ дворовыхъ,— и въ порванной, когда-то синей, бархатной шапкѣ, поощряя кнутомъ своихъ чахоточныхъ коней самымъ прилежнымъ образомъ. Въ саняхъ сидѣлъ г. Секкаторовъ, котораго, впро-

чемъ, можно было скорѣе угадать, чѣмъ узнать подъ медвѣжьею шубой, укутывавшею его вплоть до самаго темени.

— Тише, дай имъ проѣхать! сказалъ я своему кучеру, собиравшемуся уже пустить въ обгонъ проѣхавшихъ, по неизбѣжному въ этомъ случаѣ чувству русскаго возницы, одареннаго благороднымъ честолюбіемъ.

— Ужь не они-ли? спросилъ меня докторъ.

— Кто они?

— Да ваша pars adversa, гвардіоны-стрѣлометатели, объяснилъ Виссаріонъ Никитичъ, у котораго были какія-то свои удивительныя выраженія.

— Вы отгадали, они сами.

— И старичокъ изъ ихъ же компаніи?

— Какой старичокъ?

— А вотъ что сейчасъ въ этомъ арбузѣ проѣхалъ?

— Этотъ старичокъ моложе васъ, почтеннѣйшій, возразилъ я, смѣясь.

— Кто-же онъ по профессіи? Фамилію не спрашиваю, примолвилъ докторъ, указывая глазами на нашего кучера.

— Московскій житель, изъ отставныхъ.

— Того же, значитъ, христолюбиваго воинства цвѣтъ и плодъ, молвилъ Виссаріонъ Никитичъ, качая головой. — Что-же онъ такъ не по-воински въ медвѣдя своего зарылся? Я помню, въ дѣтствѣ, у меня въ прописяхъ значилось: воинъ! не страшись ни глада, ни хлада, ни вражескаго меча, — съ большимъ восклицательнымъ знакомъ.

— Ему, вѣроятно, въ этомъ медвѣдѣ ловчѣе, чѣмъ вамъ въ вашемъ тулупѣ, сказалъ я ему на это, чувствуя чуть не въ двадцатый разъ уголъ его локтя въ моемъ боку.

Виссаріонъ Никитичъ фыркнулъ и замолкъ, продолжая, впрочемъ, толкать меня въ бокъ все такъ же немилосердно.

Тѣмъ временемъ достигли мы заставы. На дорогѣ предъ нею стоялъ длинный рядъ возовъ съ кладью; но въ то же время голосъ караульнаго крикнулъ: подвысь! Шлагбаумъ поднялся, и мы, вслѣдъ за потянувшимся обозомъ, преспокойно выѣхали на шоссе.

— Трогай! закричалъ я кучеру.

Мы не проѣхали и ста шаговъ, какъ вдругъ увидѣли, что къ намъ на встрѣчу мчатся бѣлыя фуражки.

— Они назадъ ѣдутъ! воскликнулъ докторъ.

Я велѣлъ остановиться. Подъѣхавъ къ намъ, офицеры выскочили изъ саней.

Тревога изображалась на ихъ лицахъ.

— Троекъ нашихъ нѣтъ! сказалъ мнѣ по-французски Звѣницынъ дрожавшимъ отъ волненія голосомъ.

— Какъ такъ?

— Нѣтъ, не пріѣхали. Ни ямщиковъ, ни моего человѣка, никого!

— А они должны были ждать насъ здѣсь, на постояломъ дворѣ, съ ранняго утра, добавилъ Рабенгорстъ.

— Человѣка моего я отправилъ къ этимъ подлецамъ ровно въ восемь часовъ. Что могло съ нимъ случиться, непонятная вещь!

— Зашелъ, полагать надо, по дорогѣ, сотворить возліяніе Вакху, да тамъ и по сей часъ, сказалъ хладнокровно Виссаріонъ Никитичъ.

— Mais c'est impossible, il n'ose pas, le coquin! чуть не съ отчаяніемъ возразилъ ему Звѣницынъ.

— Пожалуй; отвѣчать нельзя, молвилъ Рабенгорстъ.

— Какъ же намъ быть однако? спросилъ я его.

— Я сейчасъ справлялся на постояломъ дворѣ: нельзя-ли гдѣ достать лошадей. Говорятъ: нѣтъ.

— Въ Ямской слободѣ можно нанять, сказалъ графу Виссаріонъ Никитичъ.

— Гдѣ это? Близко отсюда? спросилъ тотъ.

— Не знаю, не бывалъ, а только что есть она; въ каждомъ русскомъ городѣ есть ямская слобода, примолвилъ онъ, строго взглянувъ на офицера.

— Нѣтъ, гдѣ тамъ еще искать... Они задатокъ получили, должны пріѣхать! гнѣвно воскликнулъ Звѣницынъ, топая ногой.

— По-моему, теперь остается намъ одно, сказалъ графъ.— Я вернусь въ Москву за нашими троечниками, или найму тамъ другихъ, а вы подождите меня на постояломъ дворѣ.

Мы переглянулись молча. Никому, повидимому, не улыбалась эта перспектива.

— Вотъ, кстати, и г-нъ Секкаторовъ ѣдетъ, промолвилъ Рабенгорстъ.—Онъ тебя подвезетъ, Звѣницынъ. А я отправлюсь въ нашихъ саняхъ.

Измученные кони г. Секкаторова дѣйствительно плелись къ намъ на встрѣчу маленькою рысцой, и самъ онъ выглядывалъ изъ-за спины своего кучера, все такъ же плотно погруженный въ своего медвѣдя, какъ вдругъ какое-то непостижимое волненіе овладѣло имъ. Онъ привсталъ, откинулъ воротникъ шубы, замахалъ намъ рукой. Кучеръ заёрзалъ вожжами, свистнулъ, замоталъ кнутомъ...

— Что тамъ еще такое? воскликнулъ Звѣницынъ.

— Обернитесь! едва могъ проговорить, подъѣзжая, Секкаторовъ.

Всѣ обернулись.

Съ перваго раза можно было замѣтить только необычайную суету въ ряду мирно до этого тащившагося за нами обоза. Извощики какимъ-то перепуганнымъ голосомъ гикали на своихъ лошадей и, подхватывая ихъ подъ усдцы, торопливо сворачивали въ сторону. Полозья скользили по округлости шоссе, угрожая свалить въ канаву громоздкую кладь. Какая-то сконфузившаяся буланка рванула внезапно изъ ряда и очутилась поперекъ самой дороги, со свороченною на бокъ дугой; высокій парень, безъ шапки, кинулся къ ней, задубасилъ ее кулакомъ по челюсти. „Дер-жи, увалень, чо-ортъ!“ ревѣли хоромъ осиплые голоса.

И оглушительнѣе всѣхъ ихъ, звонче военной трубы, слышался несущійся отъ заставы крикъ: „па-ади, па-ади!“

На опроставшейся серединѣ шоссе показались сани съ высокимъ сидѣньемъ, съ котораго зорко глядѣлъ впередъ плечистый и рослый мущина въ каскѣ и шинели, опушенной бобрами. За нимъ скакали двое казаковъ.

— Я васъ предупреждалъ: за нами погоня! воскликнулъ Секкаторовъ.

— Сама Ѳемида въ образѣ полковника Томилы-Буйносова!

молвилъ Виссаріонъ Никитичъ, первый узнавая знакомаго всей Москвѣ полицеймейстера.

Все объяснилось: и волненіе г. Секкаторова, и испугъ проѣзжихъ, и необдуманный поступокъ растерявшейся буланки.

Полковникъ Томило-Буйносовъ, въ свою очередь, давно уже, повидимому, узналъ насъ, но возсѣдалъ въ полицеймейстерскихъ саняхъ своихъ такъ же неподвижно-величественно, какъ на извѣстной картинкѣ:

Несомый бурею на лодкѣ Петръ Великій.

Только чернобородый кучеръ его, Татаринъ, какъ-то свирѣпо косилъ зрачками въ нашу сторону, и темно-гнѣдые кони отбивали ногами по мерзлой землѣ съ какимъ-то глухимъ, зловѣщимъ топотомъ.

— Стой! крикнулъ полковникъ, поровнявшись съ нами.

Татаринъ дернулъ возжами; лошади стали какъ вкопаныя.

По всѣмъ статьямъ былъ полицеймейстеръ полковникъ Томило-Буйсоновъ!

— Господа, позвольте узнать, по какому случаю встрѣчаю я васъ здѣсь? спросилъ онъ пріятнымъ теноромъ, вѣжливо прикладывая руку къ каскѣ и улыбаясь съ самымъ дружелюбнымъ видомъ.

Отвѣчать не нашлось никого. Всѣ, очевидно, чувствовали себя въ преглупѣйшемъ положеніи.

Полковникъ вытащилъ изъ-подъ шинели тончайшій батистовый платокъ и принялся обтирать имъ свои слегка заиндѣвѣвшіе усы, какъ бы съ намѣреніемъ дать намъ время для пріисканія какого-нибудь объясненія.

Звѣницынъ нашелся первый.

— Мнѣ кажется, сказалъ, онъ шутливо, — мы имѣли бы еще болѣе права обратиться съ этимъ вопросомъ къ вамъ, полковникъ.

— Почему же такъ, cher capitaine, отвѣчалъ, впадая въ его тонъ, такъ же привѣтливо-шутливо, полицеймейстеръ.

— Да потому что, полагаю, ваша служба запрещаетъ вамъ выѣзжать за черту города.

— Кромѣ экстренныхъ порученій, любезнѣйшій ротмистръ,

кромѣ экстренныхъ порученій, которыя всегда въ волѣ начальства.

— А!

Полковникъ Томило-Буйносовъ улыбнулся и, упрятывая платокъ свой въ карманъ, примолвилъ:

— И, къ крайнему моему сожалѣнію, въ настоящую минуту имѣю таковое самаго непріятнаго свойства.

— Какое же именно, можно полюбопытствовать? спросилъ Звѣницынъ, бодро глядя ему въ глаза.

— Да вотъ-съ какое, громко и отчетливо отвѣчалъ ему полицеймейстеръ, — мнѣ поручено объявить вамъ, что вы не въ ту заставу выѣхали.

— Что это значитъ?

— Въ Петербургъ на Тверь дорога, а не на Серпуховъ, пояснилъ, любезно улыбаясь, Буйносовъ.

— Я васъ не понимаю!

— Вашъ отпускъ кончается завтрашняго числа, и потому оставаться вамъ долѣе въ Москвѣ значило бы съ вашей стороны...

— Я жду отсрочки изъ полка, перебилъ его кирасиръ, раздувая ноздри.

— Душевно сожалѣю, что такъ поздно. Мнѣ наистрожайше предписано наблюсти, чтобы вы сегодня же изволили выѣхать къ мѣсту службы.

— Это чортъ знаетъ что такое! воскликнулъ взяцный офицеръ. — Я буду жаловаться въ Петербургѣ!

Полковникъ Томито-Буйносовъ взглянулъ на него съ тѣмъ выраженіемъ, съ какимъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ долженъ былъ глядѣть на расходившагося Тентетникова, когда тотъ передавалъ ему о своей размолвкѣ съ генераломъ Бетрищевымъ, а Чичиковъ думалъ это время: дѣйствительно-ли круглый дуракъ Тентетниковъ, или только съ придурью.

— На кого же это вы будете жаловаться, ротмистръ? спросилъ онъ его голосомъ, въ которомъ выражалось самое искреннее сожалѣніе

Звѣницынъ не отвѣчалъ и только взглянулъ на Рабенгорста, какъ бы ожидая отъ него помощи или совѣта.

Но товарищъ его опустилъ глаза въ землю, видимо не находя слова въ его поддержку. И дѣйствигельно, дѣлать было нечего.

— Что же, вамъ поручено и вывести меня изъ Москвы? молвилъ съ ироніей и по довольно продолжительномъ молчаніи Звѣницынъ, обращаясь къ Буйносову.

— Боже сохрани! Помилуйте, развѣ вы арестантъ какой-нибудь, cher capitaine, возразилъ ему тотъ успокоительно. — Поѣзжайте какъ и съ кѣмъ вамъ угодно. Мнѣ приказано только удостовѣриться лично въ томъ, что вы сегодня выѣхали въ Петербургъ. А стѣснять кого бы то ни было не входитъ ни въ кругъ моихъ обязанностей, ни въ образъ моихъ мыслей, промолвилъ съ достоинствомъ полковникъ Буйносовъ, который, дѣйствительно, никоимъ образомъ не сталъ бы дѣлать себѣ врага изъ гвардейскаго офицера, у котораго еще, пожалуй, могли быть связи въ Петербургѣ.

— Очень вамъ благодаренъ, но право не знаю, какъ я успѣю выѣхать сегодня, сказалъ, замолчавъ, кирасиръ, — человѣкъ мой пропалъ съ утра и...

— Человѣкъ вашъ задержанъ сегодня въ двѣнадцатомъ часу, въ пьяномъ видѣ на постояломъ дворѣ, въ Зарядьѣ, объяснилъ полковникъ улыбаясь, — и въ настоящую минуту находится у васъ на квартирѣ, въ гостиницѣ Шевалье.

— Мерзавецъ! воскликнулъ гнѣвно Звѣницынъ. — Такъ это вы чрезъ него узнали?...

— О предполагаемой вами прогулкѣ? досказалъ полицеймейстеръ, лукаво подмигивая глазомъ. — Вы не ошиблись. Впрочемъ, вы должны догадываться, что мы за вами слѣдили; мы третьяго дня еще знали, что вами наняты двѣ тройки до Серпухова, примолвилъ онъ, — очевидно прихвастнувъ.

— Вы мнѣ позволите сказать два слова г. ***? спросилъ его Звѣницынъ.

— Сдѣлайте милость, сколько угодно.

Я вылѣзъ изъ саней и отошелъ съ Звѣницынымъ на нѣсколько шаговъ.

— Скажите г. Кемскому отъ меня, молвилъ онъ, съ едва

сдерживаемымъ бѣшенствомъ, что если онъ не трусъ, онъ пріѣдетъ въ Петербургъ разсчитаться со мной.

— Извините меня, г. Звѣницынъ, отвѣчалъ я ему, раздосадованный, въ свою очередь, такою неимовѣрною претензіей,— этого порученія я на себя не возьму. Кемскій сдѣлалъ все что отъ него зависѣло для вашего удовлетворенія. Онъ же наконецъ не виноватъ, что у васъ болтуны-пріятели и пьяные слуги. Службой онъ точно также связанъ какъ и вы. Если же вамъ непремѣнно хочется помѣняться съ нимъ пулей, такъ за этимъ, по всей справедливости, слѣдутъ отправиться къ нему вамъ, а не ему къ вамъ.

— Хорошо; такъ въ такомъ случаѣ предварите его, что будь онъ на краю свѣта, я сумѣю отыскать недруга, грозно промолвилъ гвардеецъ и отошелъ отъ меня.—Ѣдемъ, Рабенгорстъ! закричалъ онъ товарищу.

— У меня такъ же къ вамъ два слова, cher conseiller,— сказалъ Буйносовъ, маня меня рукой изъ своихъ саней.

— Что вамъ угодно? спросилъ я, нехотя подходя къ нему.

— Приказано вамъ посовѣтовать, заговорилъ онъ, понижая голосъ, не на столько однакоже, чтобы слова его не дошли до ушей находившагося вблизи Секкаторова,—посидѣть у себя дома, пока не замолкнетъ въ городѣ говоръ по поводу этой исторіи.

— Что же это такое: арестъ? сказалъ я.—За что?

— Понимайте какъ знаете. Мое дѣло было передать вамъ, отвѣчалъ полицейместеръ.

Безмолвный до того Секкаторовъ обратился вдругъ къ нему съ вопросомъ.

— Et il n'y a rien pour moi, mon cher Bouinossof?

— Quoi donc? съ искреннимъ или притворнымъ удивленіемъ спросилъ его тотъ.

— Нѣтъ, такъ.... я думалъ, что.... Звѣницынъ! крикнулъ онъ:—я заѣду къ тебѣ на квартиру проститься...

— Сдѣлай одолженіе, сказалъ равнодушно гвардеецъ, усаживаясь въ сани съ Рабенгорстомъ.

— Буйносовъ, вѣдь и ты за ними? молвилъ Секкаторовъ.

— Да. А что?

— Не подвезешь-ли, братецъ, меня? Одры мои чуть ноги волочатъ.

— Садись, пожалуй; поѣдемъ.

— Mercі.—Филиппъ, ступай полегоньку домой. Да смотри у меня, въ питейный домъ не заѣзжать! гнѣвно заключилъ, садясь въ полицейместерскія сани, г. Секкаторовъ, забывая свое столь еще недавнее восхваленіе странъ, озаренныхъ солнцемъ просвѣщенія, и возчувствовавъ, повидимому, съ новымъ удовольствіемъ родную почву подъ ногами.

Они уѣхали.

Виссаріонъ Никитичъ, успѣвшій въ продолженіе всего этого времени окончательно справиться съ своимъ тулупомъ и застегнуть его на всѣ крючки, обернулся ко мнѣ и разразился смѣхомъ,

— Ну, отецъ мой, одолжили вы меня! молвилъ онъ.— Ужь точно, можно съ Федромъ сказать: ex monte nascitur ridiculus mus,—гора мышенкомъ разрѣшилась, все равно что программа иного изъ нашей братіи, ученыхъ. Благо, не долго рожала; вечеръ не пропалъ!.. Одно вотъ скверно,—докторъ указалъ мнѣ рукой сквозь наступавшую мглу на скученный на одной сторонѣ шоссе и застрявшій за нашими санями обозъ, вокругъ котораго похаживали извощики, похлопывая себя рукавицами по плечамъ и нетерпѣливо постукивая валенками по хрустѣвшему снѣгу,—за что мужичкамъ-то лишній часъ мерзнуть приходится изъ-за барскаго вздора? А впрочемъ, промолвилъ онъ беззаботно,—помните Мочалова въ Гамлетѣ:

Оленя ранили стрѣлой,
А лань здоровая смѣется;
Заснулъ одинъ, не спитъ другой,
И такъ на свѣтѣ все ведется!

И докторъ всю дорогу проговорилъ о Мочаловѣ. Я довезъ его и поѣхалъ домой.

XVIII.

Два дня послѣ этого происшествія, я скакалъ по Владимірской дорогѣ въ нижегородскую деревню, куда призывало меня неожиданное извѣстіе о болѣзни матери. Этотъ печальный случай избавилъ меня отъ всякихъ явныхъ и неявныхъ послѣдствій „исторіи“, по поводу которой въ это время гудѣла, какъ водится, вся Москва, отъ Остоженки до Басманной. Я едва успѣлъ, предъ отъѣздомъ, написать къ Кемскому нѣсколько словъ о случившемся, прося его подать о себѣ вѣсть.

Вернувшись въ Москву, въ траурѣ, на Ѳоминой недѣлѣ, я нашелъ у себя отвѣтъ Кемскаго на мое письмо. Оно занимало всего полстраницы. Морякъ извѣщалъ меня о прибытіи своемъ въ Николаевъ и благодарилъ за дружбу. Онъ, очевидно, ограждалъ себя преднамѣренною сухостью этого письма отъ всякой попытки съ моей стороны продолжать съ нимъ переписку.

„Все кончено между нами“, сказалъ я себѣ съ грустью; „онъ не проститъ мнѣ того, чему я былъ невольнымъ свидѣтелемъ, и мысль обо мнѣ неразлучна теперь для него съ мыслью о самыхъ тяжкихъ минутахъ его жизни... Но гдѣ же она, роковая красавица? что̀ ея отецъ?“ думалъ я, припоминая въ первый разъ послѣ двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ отчаянной тревогѣ у постели умирающей, о дѣйствующихъ лицахъ этой необъяснимой драмы.

Чемисаровыхъ не было въ Москвѣ, узналъ я отъ Чесмина. Еще на первой недѣлѣ поста они уѣхали въ деревню совер-

шенно неожиданно, такъ какъ старикъ генералъ былъ довольно серіозно боленъ, и пользованіе его, по словамъ докторовъ, далеко не было кончено. Въ городѣ приписывали этотъ внезапный отъѣздъ размолвкѣ отца съ дочерью, которая, объяснялъ мнѣ Чесминъ, оказывается по уши влюбленною въ Звѣницына, между тѣмъ какъ отецъ прочитъ ее за Кемскаго. Лысый, но чувствительный маіоръ не сомнѣвался въ этомъ.

— Счастливецъ Звѣницынъ! говорилъ онъ своимъ забавно-плаксивымъ голосомъ: — въ ротмистры, слышно, произведенъ, лейбъ-эскадрономъ командуетъ, любимъ этакою царицей, да еще, къ довершенію всего, въ мученики попалъ, только что акаѳистовъ не поютъ ему!

— Какъ, въ мученики?

— Да такъ; съ тѣхъ поръ, когда васъ всѣхъ, дуэлистовъ-то, Буйносовъ на большой дорогѣ какъ перепеловъ накрылъ, помнишь? Вотъ, съ той поры Секкаторовъ и пустилъ въ ходъ фразу: Звѣницынъ—martyr de l'honneur. Женскій полъ и подхватилъ: и вопятъ онѣ теперь всѣ въ одинъ голосъ: Звѣницынъ martyr de l'honneur. Поди ты съ ними, разговаривай.

— Недаромъ, видно, сказалъ я,—Вашневъ его Густавомъ-Адольфомъ звалъ.

— Вашневъ, вотъ еще непроходимая ракалья! воскликнулъ Чесминъ.—Толкнулся было онъ къ Чемисаровымъ. Пріѣхалъ съ визитомъ, непрошенный, нѣгаданный. Старикъ генералъ велѣлъ ему сказать, что онъ незнакомыхъ ему лицъ не принимаетъ. Такъ Вашневъ-то, со злости, сталъ распускать сплетни про нашу божественную, будто Звѣницынъ не первый предметъ ея страсти, и что она, еще въ деревнѣ, хотѣла выйдти замужъ за какого-то музыканта, который, не добившись, разумѣется, согласія отъ отца ея, взялъ да и зарѣзался.

Я навострилъ уши.

— Кто же былъ такой музыкантъ, не слыхалъ?

— Да никакого, вѣроятно, и не было, хотя Вашневъ клянется-божится, что объ этомъ вся К—ая губернія знаетъ.

Что̀ возьметъ какой-нибудь Вашневъ выдумать! Однако Крусановъ на первыхъ же порахъ осадилъ его.

— Крусановъ?

— Ну да, вѣдь это по его части: не смѣй о дѣвушкѣ дурно отзываться. Онъ и пригрозилъ ему написать старику Чемисарову, что вотъ-молъ такой-то Вашневъ распускаетъ про вашу дочь неблаговидные слухи. Такъ тотъ такъ испугался, что цѣлую недѣлю прятался отъ насъ: неравно, думаетъ, и въ самомъ дѣлѣ донесутъ на него. Вотъ ужь по пословицѣ: блудливъ какъ кошка, а трусливъ какъ заяцъ.

— А что̀ Крусановъ? спросилъ я.

— Въ эмпиреяхъ обрѣтается, любезный другъ. Иль ты не знаешь? Вѣдь его Ольга Николаевна овдовѣла; повезъ онъ ее въ деревню. Черезъ годъ свадьба. Я заранѣе шаферомъ приглашенъ.

— Что̀ же, и прекрасно!

— Еще бы! Вѣдь премиленькая, и съ состояніемъ, и сколько лѣтъ толстяка этого любитъ,—поди вотъ!... Нѣтъ, братъ, видно, одного меня обнесли чаркой на жизненномъ пирѣ, объявилъ маіоръ, вздыхая, закатилъ глаза подъ свой нескончаемый лобъ и погрузился въ задумчивость.

— И ты ничего болѣе о Чемисаровыхъ не знаешь? переспросилъ я его.

— Что и откуда мнѣ знать! отвѣчалъ Чесминъ угрюмо,— уѣхали, и концы въ воду.

„И концы въ воду, дѣйствительно,“ подумалъ я. „Видно въ книгѣ судебъ написано, никогда не узнать мнѣ этой тайны...“

Вскорѣ послѣ приведеннаго мной разговора, я навсегда покинулъ Москву.

ТИПЫ ПРОШЛАГО.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Четыре года тому назадъ. *) въ концѣ августа, возвращаясь въ Россію изъ Италіи, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ сряду, я попалъ случайно въ Баденъ.

Сезонъ былъ въ полномъ разгарѣ; подходило время скачекъ. Погода стояла чудесная. Городъ кишилъ, словно расходившійся муравейникъ. Цѣлый день гремѣла музыка у Conversationshaus'a. На улицахъ слышались звуки, принадлежавшіе къ самымъ разнороднымъ нарѣчіямъ земнаго шара; разноплеменная, праздничная толпа неслась на встрѣчу пріѣзжему: Тирольцы въ высокихъ шляпахъ, украшенныхъ лентами, цвѣтами и птичьими чучелами, поселянки изъ Шварцвальда въ своихъ причудливыхъ головныхъ уборахъ, австрійскіе воины, неуклюже приличные, и Пруссаки, похожіе на оловянныхъ куколъ; Мулаты въ нанковыхъ пиджакахъ и голубыхъ галстукахъ; длиннозубыя Англичанки-няньки съ питомцами въ поддевкахъ и плисовыхъ шароварахъ; художники изъ Дюссельдорфа, свѣтлоокіе и стройные, какъ молодой Никколомини Шиллера, и тяжелые филистеры съ во-

*) Писано въ 1865 году.

нючею сигарой въ зубахъ; обывательки изъ Варшавы, въ патріотической „жалóбѣ“ увѣшанныя эмблематическими цѣпями, кольцами, распятіями, съ вызывающимъ взглядомъ изъ-подъ лицемѣрныхъ рѣсницъ, и улыбающіяся на нихъ наши знакомыя, широкія степныя лица. Здѣсь былъ и весь этотъ побродяжный и тунеядный парижскій міръ, что сидитъ каждый день отъ часу до семи на Италіянскомъ бульварѣ, въ Café anglais и maison d'Or, и отъ семи до полуночи въ авансценахъ Оперы, Пале-Рояля и Оффенбаховскихъ Буффовъ, всѣ эти джентльмены сомнительнаго происхожденія и громкія имена съ сомнительною репутаціей, герои baccarat и герои стипль-чезовъ, agents de change'и, литературные сплетники и театральные критики, биржевые игроки и наглыя фрины съ неизбѣжными мецентами своими, boyards russes всѣхъ націй, возрастовъ и видовъ. Весь этотъ людъ умиралъ за рулеткой, объѣдался у Вебера, голосилъ безъ умолку на своемъ циническомъ argot и надрывался смѣхомъ до тошноты, до обморока. Представители французскаго ума, de l'intelligence française, драматурги, романисты, поставщики „mots“ въ *Charivari* и *Figaro*, борзописцы premiers Paris и наполеоновскихъ брошюръ, стучали костяшками домино и поглощали абсентъ отъ ранняго утра до поздней ночи предъ лицомъ и въ назиданіе поучаемой ими Европы. Теккереевскіе Ньюкомы, кептены на полужалованьи, съ женами и цвѣтущими дочерьми, гуляли стадами по Лихтентальской аллеѣ, взбирались на ослахъ на высоты Альтшлосса и прилежно отплясывали на даровыхъ балахъ Conversation'а, въ видахъ все того же полезнаго гимнастическаго упражненія. Старые и юные Durch и Erlaucht'ы изъ *Almanach de Gotha* отличались благонравіемъ, достойнымъ потомковъ благородныхъ предковъ, и, не поддаваясь никакимъ разорительнымъ соблазнамъ, занимались платоническимъ ферлакурствомъ за русскими барынями. Русскія барыни засѣдали подъ особымъ, имъ исключительно посвященнымъ и даже окрещеннымъ въ честь ихъ „русскимъ“, деревомъ, на самомъ видномъ мѣстѣ гулянья, и глядѣли оттуда, какъ съ Монблана, на остальное человѣчество. Онѣ, повидимому, главенствовали въ Баденѣ и

даже безапелляціонно. Осторожно и потупясь, какими-то сконфуженными тѣнями, старались проскользнуть мимо ихъ злополучные кринолины, не признанные ими, и шляпки съ фазановымъ крыломъ, имѣвшія несчастіе подвергнуться, вслѣдствіе какихъ-то невѣдомыхъ соображеній, ихъ безпощаднымъ приговорамъ. Наѣзжіе журнальные хроникеры и изъѣденные золотухой сыны Сенъ-Жерменскаго предмѣстья возглашали хоромъ: „il n'y a plus de grandes dames que les dames russes!“ Торжество было полное. Но, Боже мой, еслибъ знали эти бѣдныя, настоящія и самодѣльныя princesses russes, какимъ анаѳемамъ предавали въ это же время „новые люди“ ихъ родины все это „отжившее сословіе“, котораго онѣ такъ упорно изощрялись явить себя достойными представительницами въ нѣмецкомъ городѣ Баденъ-Баденѣ, предъ лицомъ европейской high life и парижской благодѣтельной гласности! Но баденскія princesses russes не подозрѣваютъ и по нынѣшній день существованія бывшихъ этихъ „новыхъ людей“ въ любезномъ ихъ отечествѣ, какъ не подозрѣваютъ онѣ, впрочемъ, кажется, и того, что у нихъ есть какое-то отечество...

Весь этотъ гамъ и праздничное возбужденіе, и игра кроѳотныхъ людскихъ тщеславьицъ и trente et quarante, въ которую, сказывали, одинъ милый господинъ изъ донскихъ степей, пьяный до положенія ризъ, выигралъ сто тысячъ франковъ въ одинъ присѣстъ, къ великой потѣхѣ присутствовавшей при этомъ галлереи, и бархатные глаза двухъ сестеръ-креолокъ, — все это, пожалуй, могло быть и привлекательно, и забавно. Но я спѣшилъ въ Россію. Къ тому же я ѣхалъ изъ Италіи; тамъ въ это время кишилъ людской муравейникъ въ виду иныхъ интересовъ, иныхъ цѣлей...

Я собирался уже ѣхать изъ Бадена; неожиданная встрѣча измѣнила мои намѣренія. Проходя однажды послѣ обѣда по гулянью, я подошелъ купить сигаръ къ табачной лавкѣ, по сосѣдству стараго каштана, извѣстнаго подъ кличкой „русскаго“ дерева. Въ тѣни его засѣдало, по обыкновенію, довольно многочисленное общество, дамы кружкомъ за небольшимъ столикомъ, мущины рамкой вокругъ дамъ. Къ послѣднимъ примыкалъ какой-то господинъ въ андалузской шляпѣ

и розовомъ галстукѣ, сидѣвшій на балансѣ, на переднихъ ножкахъ своего стула, въ весьма неловкомъ и даже небезопасномъ для него положеніи. Но пододвинуть стулъ свой впередъ, поближе къ кружку, онъ какъ будто не рѣшался, какъ не рѣшался, повидимому, и ввернуть свое слово въ общій разговоръ, а ограничивался какими-то невнятными мычаніями и тѣми блуждающими улыбками, которыя такъ предательски выдаютъ человѣка, чувствующаго себя по той или другой причинѣ *не по себѣ*.

„Гдѣ это я видѣлъ это лицо?“ думалъ я, расплачиваясь съ обязательнымъ лавочникомъ, который, въ видѣ преміи за забранныя мной сигары, предложилъ мнѣ получить даромъ пачку папиросъ Лаферма: Русскаго, извѣстно, этотъ народъ верхнимъ чутьемъ чуетъ.

Розовый галстухъ вскочилъ внезапно съ мѣста, какъ бы несказанно обрадовавшись. Стулъ его будто только того и ждалъ: грохнулся, подломанный, на асфальтъ тротуара. Весь кружокъ всполошился; кто-то вскрикнулъ, всѣ обернулись. Какая-то госпожа, съ библейскимъ типомъ лица, глянула чрезъ плечо на виновнаго, потомъ на свою сосѣдку, крупную блондинку, какъ бы спрашивая: d'où sort-il, ce quidam? Блондинка, дама очевидно петербургскаго происхожденія, презрительно повела губами.

Но виновный ничего уже этого не видѣлъ. Онъ стремился ко мнѣ съ распростертыми объятіями.

— М***, вы ли? Боже мой, сколько лѣтъ, сколько зимъ!

Нельзя было ошибиться: эта мягкая рѣчь, этотъ сдобный баритонъ могли принадлежать единственно просвѣщенному г. Секкаторову.

Дѣйствительно, это былъ онъ, значительно облысѣвшій и потучнѣвшій. Что же дѣлать? Видно и къ Секкаторовымъ безпощадно время.

— Свѣжо преданіе... Давно-ли мы, кажется, съ вами въ Москвѣ... Какъ я, право, радъ!... восклицалъ онъ между тѣмъ, подхватывая меня подъ руку и таща за собой въ сторону противоположную „русскому“ дереву.

„Плохо, видно, приходилось тебѣ тамъ“ подумалъ я, по-

неволѣ слѣдуя за нимъ:—„не изъ чего бы, кажется, приходить въ телячій восторгъ“.

— Вы откуда и куда? спрашивалъ онъ меня и, узнавъ, что изъ Флоренціи, неизвѣстно почему вздохнулъ и сообщилъ мнѣ, что онъ прямо изъ Россіи.

— Что тамъ подѣлывается? спросилъ я.

— Въ Россіи? Помилуйте, громадное событіе совершилось 19-го февраля! Или вѣсти не дошли до вашего прекраснаго далека, любезный другъ? примолвилъ онъ, трепля меня по рукѣ и словно весь расплываясь отъ удовольствія.

— Я ѣду въ деревню уставныя грамоты писать; мнѣ было бы интересно знать, что какъ крестьяне...

— Управляющій мнѣ пишетъ: миръ, тишина и благоденствіе! Да и можно-ли было сомнѣваться? Вѣдь это одинъ князь Петръ Ивановичъ можетъ доказывать, что намъ съ свободой не справиться, какъ мартышкѣ съ очками. За то же вѣдь князь Петръ Ивановичъ...

Отъ него такъ и понесло Сухаревою башней.

Я поспѣшилъ перебить его.

— А сами вы въ деревнѣ не были?

— Не былъ. Признаюсь, рвался въ Европу. Вы согласитесь, что лучшаго момента нельзя было выбрать, потому, согласитесь, до сихъ поръ что мы были? Варвары, Скиѳы-рабы, на которыхъ еще Геродотъ съ презрѣніемъ указывалъ пальцемъ. Вѣдь Скиѳы мы были, вы согласны?

— Конечно, конечно, подтвердилъ я. Я готовъ былъ и не на это согласиться.

— А теперь мы можемъ съ вами смѣло протянуть руку каждому иностранцу и сказать ему: „Любезный мой, не сердись, мы также сыны свободнаго народа; полно давить насъ подъ исполинскою пятой твоей гражданственности!“

„Господи, Боже мой! Давить подъ пятой гражданственности!“ повторилъ я мысленно, глядя на него уже съ нѣкоторымъ страхомъ.

А онъ даже руки разставилъ, точно волчокъ спустилъ. Сколько такихъ волчковъ нашу[illegible] десять-двѣнадцать лѣтъ, въ т[illegible]

Мы подошли между тѣмъ къ Conversationshaus'у.

— Вы во что проигрываетесь: въ рулетку или въ trente et quarante? спросилъ онъ меня.

— Да ни во что; я съ пріѣзда еще и не заходилъ сюда.

— Всѣ добродѣтели! воскликнулъ онъ, насмѣшливо кланяясь мнѣ. — Вашему другу не мѣшало бы, кажется, поучиться у васъ воздержности: онъ болѣе двадцати тысячъ франковъ успѣлъ уже спустить à la rouge.

— Какому это другу? спросилъ я съ удивленіемъ: — у меня здѣсь и хорошихъ знакомыхъ никого не оказывается.

— Развѣ вы и съ нимъ расходитесь? съ паутинно-тонкою ироніей спросилъ г. Секкаторовъ, по старой привычкѣ своей тотчасъ же и обидѣвшійся моими словами.

— Съ кѣмъ же это наконецъ?

— Да съ господиномъ Кемскимъ. Или вы съ нимъ еще не видѣлись?

— Съ Кемскимъ? Онъ здѣсь?

— Здѣсь именно, отвѣчалъ Секкаторовъ, указывая на игорныя залы зданія, предъ которымъ мы стояли, — отъ утренней зари и до вечерней зари. Я его тотчасъ же узналъ, хотя онъ такъ измѣнился, ужасъ.... Вы знаете, что ему подъ Севастополемъ....

Но я его уже не слушалъ и побѣжалъ опрометью отыскивать стараго товарища.

II.

За длиннымъ зеленымъ столомъ, вокругъ котораго тройною галлереей тѣснилась толпа игроковъ и любопытныхъ, сидѣлъ противъ самаго банкомета согбенный и исхудалый человѣкъ съ длинною, почти совершенно бѣлою бородой, падавшею на столъ и по которой онъ съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ то-и-дѣло проводилъ блѣдными пальцами лѣвой руки, отрывая ихъ лишь для того, чтобы забирать въ горсть и за тѣмъ снова разсыпать довольно большую горку золота, лежавшую предъ нимъ. Это былъ Кемскій. Боже мой, что было общаго между этимъ призракомъ и тѣмъ милымъ юношескимъ образомъ, который такъ живо хранился въ моей памяти! Неужели *это* сулила ему его цвѣтущая, богатая дарами молодость? Грустно было глядѣть на его поблекшія, едва узнаваемыя черты, на опустившіяся вѣки усталыхъ глазъ, на безпощадную сѣть морщинъ, глубоко бороздившую лобъ его и виски. Его густые, все еще курчавые волосы безпорядочно распадались во всѣ стороны спутанными сѣдыми прядями. Краснорѣчивѣе всякихъ рѣчей говорилъ мнѣ этотъ всклокоченный лѣсъ сѣдыхъ волосъ Кемскаго о его бездомной, отжитой жизни....

„А вѣдь ему нѣтъ еще и сорока лѣтъ“! думалъ я.

Среди мертвой тишины залы, банкометъ возглашалъ между тѣмъ своимъ звучнымъ напѣвомъ:

— Rouge gagne et noir perd!..

Какой-то французъ-старичокъ, за стуломъ котораго я нашелъ себѣ мѣсто, ткнулъ булавкой въ лежавшую предъ нимъ карточку и прошепталъ: „passera plus“!

Кемскій въ то же время сгребъ все свое золото и поставилъ его на красную.

— Noir gagne et rouge.... запѣлъ, прометавъ снова банкометъ. Сидѣвшій подлѣ него крупье потянулъ къ себѣ лопаткой золото Кемскаго.

— De capitaine russe est en deveine de dix mille francs aujourd'hui, сказалъ старичокъ-французъ своему сосѣду.

Кемскій нетерпѣливо тряхнулъ своими сѣдыми кудрями и поднялъ голову.

Крупье поспѣшно протянулъ свою лопатку къ сверткамъ, лежавшимъ предъ банкометомъ.

— Un rouleau de cinq cents? предложилъ онъ Кемскому.

Игрокъ былъ очевидно коротко знакомъ этой почтенной компаніи.

Я такъ пристально, такъ неотвязно глядѣлъ на него, что заставилъ его, наконецъ, замѣтить себя. Онъ долго вглядывался, наконецъ узналъ. Полурадостная, полусмущенная улыбка пробѣжала по его губамъ; усталые глаза заморгали.

— Mercі, j'ai cessé, сказалъ онъ, вставая.

Я тутъ только увидѣлъ, что правой руки у него не было; пустой рукавъ болтался, небрежно пристегнутый къ пуговицѣ его мѣшковатаго полотнянаго пальто.

Я поспѣшилъ за нимъ.

— Не взыщи, сказалъ мнѣ Кемскій, выходя со мной на террасу,—хотѣлъ бы тебя обнять, да не приходится. И людно, и обнять-то въ сущности нечѣмъ,—онъ указалъ на свой пустой рукавъ.—Откуда ты и куда?

— А ты давно-ли здѣсь? спросилъ я его въ свою очередь.

— Ужь и не помню, право, недѣли двѣ.... Былъ, по обыкновенію, на водахъ,—шестой годъ прохожу я этотъ курсъ и все съ тѣмъ же успѣхомъ, промолвилъ онъ съ натянутою усмѣшкой,—ну, а за тѣмъ куда дѣваться? Притащился сюда.

— И предаешься безднѣ страстей, проигрываешься, сколько я могъ замѣтить?

— Никакой страсти нѣтъ, играю отъ скуки, рѣзко отвѣчалъ на мою шутку Кемскій, нахмуривъ брови, и прибавилъ шага съ очевиднымъ намѣреніемъ отвязаться отъ меня. Но я

не отставалъ, и мы такимъ образомъ обошли почти кругомъ всего гулянья.

Онъ остановился, взглянулъ на меня и, не говоря ни слова, протянулъ мнѣ свою цѣлую руку.

Онъ былъ все тотъ же пылкій, отходчивый, привлекающій Кемскій.

— Знаешь что? предложилъ я.—Возьмемъ сейчасъ коляску; поѣдемъ куда-нибудь.

— Пожалуй, отвѣчалъ онъ нехотя и поглядывая на окна игорной залы.—Не поздно-ли? Солнце садится.

— Въ самый разъ, и медлить нечего, а не то придется чураться вотъ отъ этой кикиморы, сказалъ я, смѣясь, указывая на андалузку и розовый галстукъ просвѣщеннаго г. Секкаторова, который, распознавъ насъ издалека, спѣшилъ къ намъ навстрѣчу съ очаровательнѣйшею и радостнѣйшею улыбкой, будто завидѣлъ какую-либо московскую Аспазію изъ своихъ пріятельницъ.

— Дѣйствительно кикимора, подтвердилъ Кемскій,—видѣть его не могу; какъ подойдетъ къ столу, такъ и повалитъ ко мнѣ несчастіе. А онъ еще съ совѣтами лѣзетъ! Я ему кланяться пересталъ.

— Это ему все равно, лишь бы ты его слушалъ. А слушать не хочешь, такъ укатимъ отъ него поскорѣе.

— Куда же мы поѣдемъ?

— Да хоть въ старый замокъ; недалеко.

Мы повернули въ боковую аллею, почти подъ самою андалузкой г. Секкаторова, уже готовившагося принять насъ въ свои просвѣщенныя объятія, взяли коляску и отправились.

Кемскій молчалъ въ продолженіе всего пути, но лицо его не было мрачно; онъ скорѣе, казалось, наслаждался догоравшимъ вечеромъ и пріятною ѣздой по красивой дорогѣ, нешировою лентой вьющейся въ гору между великолѣпными вѣковыми соснами, отъ которыхъ послѣ жгучаго дня несло живительною прохладой и здоровымъ смолистымъ запахомъ.

— Къ стыду моему, я незнакомъ съ здѣшними окрестностями, хотя третій годъ пріѣзжаю сюда, признался онъ.

— А съ господиномъ Беназе знакомъ? спросилъ я.

Онъ не отвѣчалъ, но усмѣхнулся однако.

Когда же подъѣхали къ старому замку, окончательно свечерѣло, и изъ-за темнаго лѣса выплыла луна, сіяющая и огромная.

На платформѣ, подъ деревьями, ужинали два-три семейства Англичанъ, да группа Нѣмцевъ, за неизбѣжною кружкой пива, горячо препираясь о единствѣ Германіи.

— Пойдемъ наверхъ, сказалъ я моему спутнику. — Скажешь спасибо; только не вредно-ли тебѣ подниматься?

— Ничего, пойдемъ.

Мы взобрались въ уцѣлѣвшій верхній этажъ зданія.

Хорошо было въ этихъ развалинахъ въ ясную лѣтнюю ночь. Сквозь обвитыя дикимъ хмѣлемъ и плющомъ широкія амбразуры бойницъ и стрѣльчатыхъ оконъ глядѣла луна и обливала ихъ своимъ палевымъ сіяніемъ; причудливымъ узоромъ скользили мягкіе ея лучи по каменнымъ плитамъ, поросшимъ мхомъ, сверкали нежданными блестками въ расщелинахъ стѣнъ, на округлостяхъ огромныхъ столбовъ, подпиравшихъ когда-то тяжелые своды. Инымъ, давно отошедшимъ, міромъ,—міромъ легенды и рыцарской сказки,—вѣяло отъ этихъ обрушенныхъ, но все еще гордыхъ стѣнъ, отъ запустѣнія и безмолвія этого средневѣковаго орлинаго гнѣзда. Въ уходившихъ въ темь далекихъ углахъ пустынныхъ залъ клубились пары сгущеннаго воздуха, струясь и поднимаясь вверхъ трепещущимъ столбомъ, словно призраки, уносящіеся отъ земли въ поднебесную высь. Поверхъ стѣнъ поднимались изъ темной глубины оврага вершины колоссальныхъ пихтъ и дубовъ, величаво помахивая своими необъятными вѣтвями и тихо шелестя. „Гдѣ вы“, казалось, говорилъ ихъ таинственный шепотъ, „гдѣ вы, суровые латники, выѣзжавшіе на долину мимо нашихъ молодыхъ побѣговъ съ копьемъ въ стремени, съ опущеннымъ забраломъ; гдѣ свѣтлоокія красавицы, для которыхъ въ такія мѣсячныя ночи пѣвали соловьи и минезингеры, скрытые въ нашей, тогда едва еще зараставшей чащѣ? Schöne Zeit, wo bist du? Kehre wieder!...

Мы оба долго молчали.

— Помнишь, Владиміръ, заговорилъ я первый,—какъ мы

съ тобой, во второмъ классѣ, въ Царскосельскомъ саду зачитывались Уландовыхъ балладъ? Любимую твою помнишь?

Graf Eberstein,
Hüte dich fein,
Dein Schlösslein soll heute gefährdet seyn!

Что ни говори, а вѣдь хороша она, эта мечтательная, романтическая Германія?...

— Хороша была покойница, да давно быльемъ поросла, какъ и наша молодость, съ невеселымъ смѣхомъ перебилъ меня старый товарищъ.—А вотъ она, настоящая-то дѣйствительность и современность! примолвилъ онъ, маня меня къ обвалившемуся окну, изъ котораго, какъ на ладони, виденъ былъ далеко внизу, подъ горой, сверкавшій газовымъ освѣщеніемъ городъ, съ своимъ игорнымъ домомъ, лавками и отелями:—получайте и будьте счастливы!

— Что же, замѣтилъ я, — съ этою дѣйствительностью можно еще, пожалуй, помириться нашему-то брату изъ-подъ Козмодемьянска.

— Какъ кому, меня не тѣшитъ!

Онъ усѣлся въ окнѣ и опустилъ молча голову. Такъ прошло довольно долго времени.

— Скучно, братъ, тяжело жить, тихо началъ Кемскій.— Не сѣтуй на меня, пожалуйста, я тебя сегодня не привѣтомъ, а только что не грубостью встрѣтилъ; не сердись: на меня находятъ теперь такія минуты,... самъ себѣ часто гадокъ становишься....

— Полно, другъ мой...

— Я тебѣ сердечно радъ, право, — чѣмъ-то хорошимъ, давнишимъ отозвалось мнѣ.... И не мѣняешься ты какъ-то, а я....

— Помилуй, воскликнулъ я, — да что ты и вынесъ!

Онъ печально улыбнулся.

— Помнишь, сказалъ онъ, въ наше послѣднее свиданіе, въ Москвѣ, ты мнѣ какъ-то выразился, — слова твои тогда врѣзались мнѣ въ память, — что мнѣ завидовать можно, что для меня нашлось настоящее дѣло въ жизни. Было оно, дѣй-

ствительно, у меня это дѣло, и нѣтъ его, сгинуло оно на вѣки вѣковъ. Были люди близкіе, и никого нѣтъ, всѣ *тамъ* полегли... Остался я въ живыхъ; какъ, для чего, — не знаю, я объ этомъ не старался, еще тише и отрывисто промолвилъ Кемскій, — и вотъ, какъ видишь, увѣченъ, одинокъ, никому не нуженъ.... Пойми, каково это сказать себѣ: ты, милый мой, хоть выжми, ни на какую потребу негоденъ, ты лишній человѣкъ на этомъ свѣтѣ!... Вѣдь я въ голову ядромъ контуженъ, объяснилъ онъ, какъ бы извиняясь предо мной: — лѣтомъ еще куда ни шло, за то въ ненастную пору, осенью, такія муки приходится испытывать!... Поневолѣ бѣжишь вонъ изъ Россіи и, какъ перелетная птица, ищешь теплаго края, поближе къ солнцу. Двѣ зимы я провелъ въ Испаніи, на будущую собираюсь въ Алжиръ.... вотъ она, моя жизнь, — невесела она!...

— Ты свое сдѣлалъ, тебѣ не въ чѣмъ себя упрекать, перебилъ я его. — Лишній человѣкъ, говоришь ты про себя. Послушали бы тебя тѣ молодцы, — богато было ими наше поколѣніе, надо признаться, — которые въ этомъ гордость свою полагали, женскія сердца покоряли именно тѣмъ, что *лишніе* они.... А ты гдѣ свою правую руку оставилъ?

— Тамъ, гдѣ бы съ радостью и голову сложилъ! живо воскликнулъ Кемскій, и вдругъ остановился, какъ бы устыдившись своего порыва. — Ты и не поймешь, можетъ-быть, что значило для насъ, Черноморцевъ, отдавать *его!* продолжалъ онъ уже спокойнѣе; — ты не суди о насъ по тому, что тебѣ пришлось можетъ-быть почитать объ иныхъ *защитникахъ Севастополя*, о разныхъ гвардейскихъ моншерахъ и штабныхъ молодчикахъ. Мы знали, за *что* стояли и *что* отстаивали; не изъ-за чиновъ же вѣдь въ самомъ дѣлѣ и аксельбантовъ полегло *тамъ* все, что у насъ было лучшаго!...

Страстный морякъ заговорилъ въ Кемскомъ. Онъ вспомнилъ о „незабвенномъ Михаилѣ Петровичѣ“, о ненавистныхъ Англичанахъ, „исконныхъ врагахъ русской морской силы“, о корветѣ, которымъ онъ, Кемскій, командовалъ въ день Синопскаго боя, о добродушномъ героѣ Нахимовѣ, о слишкомъ мало вѣдомыхъ подвигахъ всей этой доблестной семьи людей, не

пережившей своихъ „родныхъ корабликовъ“, людей, для которыхъ такъ дорога была честь Россіи и о которыхъ „новая Россія“, какъ выражался Кемскій, быть-можетъ слишкомъ скоро позабыла. Разсказъ спѣшилъ за разсказомъ и все оживленнѣе, все быстрѣе. Видно было, что онъ радъ былъ случаю высказать все то, что еще такъ живо кипѣло и негодовало въ его душѣ. И, слушая его, признаюсь, какъ и тогда, въ пору молодости нашей, что-то похожее на зависть шевельнулось во мнѣ, — да, на зависть къ этому увѣчному, полуживому человѣку, который умѣлъ еще такъ пламенно вѣрить, любить и негодовать. „Не въ безплодныхъ мечтаніяхъ прошла твоя жизнь, думалъ я, ты не отрицалъ, не гнушался, не бѣжалъ, и теперь еще, немощной и разбитый скиталецъ, ты и теперь еще счастливѣе многихъ!...

III.

Время бѣжало между тѣмъ. Давно уже смолкла музыка, отъ времени до времени доносившаяся до насъ изъ долины вмѣстѣ съ мимолетными набѣгами теплаго ночнаго вѣтра. Мѣсяцъ заходилъ за дальніе отроги Вогезскихъ горъ. Темнѣло; кое-гдѣ лишь едва зримыми точками свѣтили догоравшіе фонари среди тѣнистыхъ аллей Бадена, да большія серебряныя звѣзды мигали надъ потускнѣвшими развалинами.

— Не пора-ли?... началъ было я—и не кончилъ. Надъ самою головой Кемскаго, мягко шурша и вѣя внезапнымъ холодомъ отъ испуганныхъ крылъ, скользнуло что-то въ окно и тутъ же безслѣдно пропало въ дальнемъ углу.

— Что это? вскрикнулъ онъ, вздрогнувъ.

— Запоздалая сова или летучая мышь. Пора намъ домой.

— Нѣтъ, это... это не то... Слышишь?

Онъ судорожно ухватилъ меня за руку.

— Что такое, что съ тобой?

— Тамъ, въ этомъ углу, куда пронеслось.... гдѣ исчезли.... эти крылья... Развѣ ты не слышишь? проговорилъ онъ шепотомъ, все также крѣпко сжимая мою руку своею холодною рукой.

Онъ былъ правъ. Тамъ, въ этомъ накипавшемъ сырыми пеленами мракѣ, поднимались откуда-то и тихо звенѣли какіе-то непонятные, воздушные и призрачные звуки. То слышалась одна, чистая какъ стекло, протяжная до истомы, надрывающая душу нота, то цѣлый рядъ нежданныхъ и едва уловимыхъ аккордовъ пробѣгалъ по невидимымъ струнамъ и исчезалъ

мгновенно, какъ дымъ, уносимый вѣтромъ; будто какой-то тоскующій геній въ ночномъ безмолвіи тихо стоналъ о прошломъ надъ этими рыцарскими руинами...

— Это эолова арфа! сказалъ я первый, очнувшись и припоминая *Минвану* Жуковскаго, надъ которою я проливалъ такъ много слезъ въ дѣтствѣ.

— Пойдемъ отсюда! быстро проговорилъ Кемскій, срываясь съ мѣста и съ такою тревогой въ голосѣ, съ какою долженъ былъ сказать эти слова донъ-Жуанъ, уходя съ кладбища.

Я пошелъ за нимъ недоумѣвая. Почти ощупью, крѣпко придерживаясь къ стѣнѣ, спустились мы внизъ по крутымъ ступенькамъ ненадежныхъ лѣстницъ. У самаго выхода на платформу мы наткнулись на бодрствовавшаго еще кельнера; съ нимъ дѣлила ночные досуги какая-то женская особа, которая впрочемъ сочла долгомъ исчезнуть подъ темнымъ сводомъ входной башни, едва увидѣвъ насъ. Кельнеръ, съ свойственною званію его любезностью, объяснилъ на мой вопросъ, что дѣйствительно въ первомъ этажѣ замка устроены въ окнахъ эловы арфы и что онѣ, при тихомъ вѣтрѣ, особенно ночью, производятъ einen reizenden Effekt.

Но это объясненіе не успокоило нервнаго расположенія, въ которомъ находился мой пріятель. Онъ молча влѣзъ въ коляску и тотчасъ же забился въ свой уголъ, надвинувъ шляпу на брови и судорожно завернувшись въ плэдъ.

Давно ожидавшій насъ Kutscher пробормоталъ что-то, указывая на часы свои, подложилъ башмакъ подъ колесо коляски, и мы тихо стали спускаться съ горы, молча и почти въ совершенной темнотѣ.

— Неужели это Баденъ? заговорилъ Кемскій, когда на поворотѣ дороги блеснулъ предъ нами рядъ освѣщенныхъ оконъ.

— Die Grossherzogliche Residenz, объяснилъ ему кучеръ, указывая на нихъ бичомъ съ нѣкоторою торжественностію.— Баденъ ниже лежитъ.

— Ты не спишь, ***? обратился ко мнѣ Кемскій.

— Нѣтъ, а что?

— Я удивилъ тебя тамъ, сейчасъ?

— Да какъ бы тебѣ сказать....

— Хорошъ герой, подумалъ ты, совы испугался, а? перебилъ онъ меня, засмѣявшись принужденнымъ смѣхомъ.

— Не то, а....

Онъ перебилъ меня опять.

— Контуженная голова моя сыграетъ со мной не сегодня-завтра плохую шутку. И съ каждымъ днемъ все сильнѣе даетъ себя это чувствовать.

— Да что̀ съ тобой? Растолкуй пожалуйста.

— А то, что я боюсь съ ума сойти, глухо отчеканилъ онъ.

— Изъ чего же ты это заключаешь?

— Ты самъ былъ сейчасъ свидѣтелемъ... Находитъ на меня подчасъ что-то необъяснимое... какія-то галлюцинаціи... видѣнія какія-то мерещатся, знакомые мертвецы стоятъ передо мной какъ живые; неотвязно, по цѣлымъ суткамъ... Только игрой и спасаю я себя отъ...

Онъ не кончилъ...

— И неужели теперь, въ старомъ замкѣ, тебѣ что-нибудь примерещелись?

И теперь, въ эту минуту, прошепталъ онъ, съ какою-то непонятною, несвойственною ему злостью, — вижу, и избавиться не могу, стоитъ *онъ* передо мной и играетъ, и скрипка его плачетъ такими раздирающими стонами... Ты говорилъ тамъ—эоловы арфы, и я знаю, это эоловы арфы были, а мнѣ все слышится его проклятая скрипка.

— Какая скрипка? Чья? Кого ты видишь, Кемскій? спрашивалъ я, встревоженный, наклоняясь къ нему и стараясь разглядѣть его лицо.

— Кирилина, отвѣчалъ онъ также глухо.

— Кирилина? а! Меня озарило какъ молніей.

— Да, пояснялъ между тѣмъ Кемскій, — музыкантъ это былъ у меня одинъ знакомый...

— Воспитанникъ Павла Васильевича Чемисарова?

— Ты почему знаешь?

— Ты мнѣ тогда, въ Москвѣ, разсказывалъ про него.

— Не помню. По какому же это случаю?...

— Я тебя спрашивалъ о немъ. Меня интересовалъ этотъ

человѣкъ, я и тогда догадывался, что онъ долженъ былъ имѣть немало вліянія на твою судьбу.

Самъ не знаю, какъ вырвалось у меня это, по правдѣ сказать, не совсѣмъ умѣстное признаніе. Подумавъ, я бы вѣроятно не рѣшился такъ насильственно вызывать Кемскаго на откровенность. Но оно оказалось небезполезнымъ, въ томъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ, что слова мои дали его замѣтно путавшейся мысли другое направленіе.

— Говори, что ты знаешь? горячо примолвилъ онъ, пытливо, въ свою очередь, заглядывая мнѣ въ глаза.

— Ничего я не знаю. Я только слышалъ тогда разговоръ твой съ Павломъ Васильевичемъ объ этомъ Кирилинѣ.

— Какой разговоръ?

— Въ ложѣ, въ Большомъ Московскомъ театрѣ.

Я припомнилъ ему всѣ подробности этого вечера, ухаживанье Звѣницына, его собственную досаду, все, кромѣ замѣченнаго мною тогда смущенія Надежды Павловны.

Но онъ именно объ этомъ думалъ въ эту минуту.

— А Надежда Павловна тоже слышала этотъ разговоръ мой съ ея отцомъ? спросилъ онъ.

Я замялся.

— Не знаю, право...

Онъ откинулся опять въ уголъ коляски и глубоко вздохнулъ.

— Ты знаешь, что ни отца, ни дочери нѣтъ уже на свѣтѣ! тихо проговорилъ онъ, послѣ минутнаго перерыва.

— Нѣтъ, я не зналъ. И давно?

— Павелъ Васильевичъ въ Крымскую кампанію...

— Убитъ?

— Нѣтъ, онъ не дождался этого счастья. „Не убьютъ меня, не утѣшатъ!“ говорилъ онъ, бѣдный, въ предсмертномъ бреду. Онъ командовалъ ополченіемъ своей губерніи, но заболѣлъ на пути изнурительною лихорадкой и умеръ въ Симферополѣ за нѣсколько дней до Черной, гдѣ полегло больше половины его мужичковъ.

— А... дочь его?

— Наденька? Она скончалась нѣсколькими мѣсяцами позднѣе...

— Скажи, Кемскій, рѣшился я спросить,—ты видѣлъ ее послѣ того, какъ...

— Послѣ того, какъ ты началъ строить свои догадки, догадливый человѣкъ? проговорилъ онъ нетерпѣливо и колко.

— Я виноватъ передъ тобой, другъ мой, сказалъ я. — Я весьма неразумно коснулся такой струны, которой касаться мнѣ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало. Прости меня.

Я протянулъ ему руку.

Онъ взялъ ее и крѣпко сжалъ.

— Я виноватъ передъ тобой, ***, молвилъ онъ измѣнившимся голосомъ, исполненнымъ теперь какою-то, будто внезапно разрѣшившеюся грустью,—но воспоминанія эти до сихъ поръ рѣжутъ меня какъ ножомъ по сердцу...

— Не будемъ говорить объ этомъ, Кемскій, прошу тебя.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, — теперь все равно; въ операціи больнѣй всего первый ударъ ланцета. Да, я ее видѣлъ. Послѣ шести лѣтъ разлуки, когда все, казалось, должно было быть кончено между нами, — она такъ просила меня объ этомъ тогда,—судьба опять свела насъ... но гдѣ же, какъ? По цѣлымъ днямъ не отходила она отъ моей постели, но для меня она была призракъ... свѣтлый призракъ, примолвилъ Кемскій, подавляя вздохъ.—Я лежалъ въ тифѣ, въ госпиталѣ, въ томъ же Симферополѣ, гдѣ за нѣсколько времени до этого умеръ ея отецъ. Странная болѣзнь, этотъ тифъ! Я видѣлъ ее, я сознавалъ ея присутствіе, но не сознавалъ ни моего положенія, ни мѣста, въ которомъ я находился. Я жилъ какою-то своеобразною, необъяснимою, но полною и, повѣришь ли, блаженною жизнью. Я понималъ, что надо мной паритъ какой-то ангелъ въ ея образѣ и хранитъ меня; глаза ея по часамъ не отрывались отъ меня, и я чувствовалъ, что я весь таю, таю какъ снѣгъ, подъ лучами этихъ грустно и ласково сіявшихъ мнѣ глазъ. И никогда, можетъ-быть, не былъ я такъ счастливъ, какъ въ то время! Когда я выздоровѣлъ, одна старушка сердобольная, свидѣтельница ея заботъ обо мнѣ, строго [illegible] мнѣ всю жизнь мою молиться за „сестрицу“. Ока-

залось, что я былъ окончательно приговоренъ и не умеръ только потому, что „она вымолила меня у Господа“, какъ выражалась эта добрая старушка, замѣнившая ее у моей койки, когда слегла сама Наденька, и ее, полумертвую, увезли изъ Крыма.

— И ты не поѣхалъ за ней, Кемскій?

— Нѣтъ, я не могъ. Не такое время было, задумчиво отвѣчалъ онъ.—У насъ были перебиты всѣ офицеры, оставалась горсть людей... Я не имѣлъ права ихъ покинуть.. Я писалъ ей въ монастырь...

— Въ монастырь? Развѣ она...

— Она поселилась у тетки нашей, игуменьи *** монастыря, въ К. губерніи.

— И она отвѣчала тебѣ?

— Отвѣчала.

IV.

Коляска наша уже катила по баденской мостовой.

— Hôtel d'Angleterre? спросилъ Kutscher, оборачиваясь къ Кемскому.

— Да. Зайдемъ ко мнѣ, ***. Я напою тебя настоящимъ русскимъ чаемъ,... предложилъ мнѣ Кемскій.

Въ дверяхъ его нумера встрѣтила насъ коренастая и заспанная фигура, въ которой я тотчасъ же узналъ стараго знакомаго.

— Грызунъ! Ты все съ своимъ бариномъ!

— Точно такъ, ваше вскродіе, отвѣчалъ онъ, тараща на меня растерянные глаза.

— Завари-ка намъ чаю, да покрѣпче... На плечахъ своихъ вынесъ меня раненаго шестаго іюня... Здоровъ вѣдь! примолвилъ Кемскій, кивнувъ на него. Грызунъ тотчасъ же прикрылъ обшлагомъ рукава обширный зѣвъ свой. Его неизмѣнная дураковатая улыбка такъ и говорила: „ишь ты, балагуръ какой, баринъ!“

Пока онъ собиралъ чай, хозяинъ отворилъ дверь, выходившую изъ его гостиной прямо въ небольшой садикъ, что тянется вдоль всего фасада Hôtel d'Angleterre. Въ тишинѣ ночи явственно слышалось журчанье ручья, отдѣляющаго узенькую полоску сада отъ гулянья...

— Этотъ ручей большой мнѣ другъ, сказалъ Кемскій,— ни что такъ успокоительно не дѣйствуетъ на меня, какъ его однообразный и нескончаемый плескъ. Не будь его, я бы, кажется, никогда здѣсь уснуть не могъ...

Онъ сѣлъ на крылечкѣ, съежась и свѣсивъ свою сѣдую голову, и погрузился въ глубокое раздумье.

Давно шипѣлъ на столѣ тусклый самоварикъ, очевидно древній походный товарищъ Кемскаго, и Грызунъ не разъ уже появлялся на порогѣ дверей съ явнымъ намѣреніемъ доложить о чаѣ, но баринъ его оставался все также неподвиженъ и нѣмъ.

— Послушай, Кемскій, началъ было я. Но Грызунъ вскинулъ на меня такой испуганный взглядъ, что я невольно пріостановился.

— Не трошь ихъ, ваше-съ... пробормоталъ онъ скороговоркой:—не любятъ-съ...

Я вернулся въ гостиную и съ удовольствіемъ, знакомымъ только тѣмъ, кто долго жилъ внѣ Россіи, принялся за стаканъ крѣпкаго, душистаго чаю.

— Грызунъ, ступай спать! раздался вскорѣ съ крылечка голосъ Кемскаго, и самъ онъ затѣмъ появился въ дверяхъ.

Лицо его было, какъ говорится, темнѣе ночи. Печальная мысль словно вырѣзалась на немъ всею острою тяжестью своей. Онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, не говоря ни слова.

Тяжело было и мнѣ глядя на него.

— Послушай, ***, началъ онъ наконецъ, останавливаясь противъ чайнаго столика, — ты зналъ Надежду Павловну, зналъ наши отношенія... Я тебѣ тогда повѣрялъ мои надежды... Случай привелъ тебя видѣть, какъ онѣ сбылись, договорилъ онъ съ горькою усмѣшкой. — Изо всего этого у тебя въ головѣ сложились насчетъ покойницы разныя заключенія...

— Я тебя увѣряю, другъ мой...

— Не перебивай меня. Я тебя не обвиняю, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; каждый, на твоемъ мѣстѣ, сталъ бы строить догадки... Нашъ разрывъ, письмо ея ко мнѣ, — ты помнишь?—все это было такъ неожиданно, такъ загадочно!.. Ты тогда, на первыхъ же порахъ, замѣтилъ, что глаза ея задернулись для міра... но я ничего не видѣлъ, не хотѣлъ видѣть, я былъ слѣпъ... И долго еще потомъ, многіе годы, я

ходилъ какъ въ туманѣ, носясь съ этимъ давящимъ камнемъ въ груди, ничего не понимая, кромѣ того, что *она*, а съ нею мое счастіе, потеряны для меня навсегда...

— Но неужели, неужели тогда, передъ отъѣздомъ твоимъ изъ Москвы, ты не добился отъ нея объясненія?...

— Объясненія? тоскливо повторилъ Кемскій. — Она плакала, рыдала, говоря, что сгубила свою жизнь, что недостойна меня, умоляя меня отказаться отъ ея руки, не спрашивая зачѣмъ... она не могла тогда... ея горе было еще слишкомъ отъ нея близко!...

— А отецъ ея, а Павелъ Васильевичъ? Развѣ ты не говорилъ съ нимъ?

— „Пусть сама скажетъ, пусть казнится передъ тобой, по уговору! вотъ единственный отвѣтъ, котораго я могъ добиться отъ желѣзнаго старика, помолчавъ, отвѣчалъ Кемскій.—Только прощаясь со мной, онъ обнялъ меня, чего никогда не дѣлалъ прежде, и сказалъ: „не того я ожидалъ, да видно судьбы не переломишь!“

— Я узналъ *все*, заговорилъ опять Кемскій, когда отца уже не было на свѣтѣ, а дочь угасала въ своемъ монастырѣ,— узналъ изъ ея исповѣди. Она не забыла „уговора“, она казнилась передо мной, посвятивъ на это послѣдніе дни своей жизни... Исповѣдь эту ты прочтешь, примолвилъ онъ, и какая-то суровая мольба сказалась при этомъ въ голосѣ его и въ печальныхъ глазахъ, скользнувшихъ по мнѣ, какъ бы противъ его воли. Я не хочу, чтобы человѣкъ, знавшій ее, могъ думать... не хочу однимъ словомъ, чтобъ ты произвольныя свои соображенія могъ строить въ обвиненіе этого благороднаго... этого прекраснаго существа. Мнѣ дорога ея память, съ усиліемъ досказалъ онъ наконецъ, и вслѣдъ за этимъ вышелъ изъ комнаты.

— Зайди сюда! кликнулъ онъ меня изъ своей спальни.

Тамъ, на столѣ, лежалъ большой дорожный портфель, который Кемскій просилъ меня открыть ключикомъ, висѣвшимъ у него на цѣпочкѣ вмѣстѣ съ крестомъ и образками.

— Тутъ, налѣво, тетрадь...

Я тотчасъ узналъ женскую руку, спѣшную, но четкую, и

тотъ англійскій почеркъ, которымъ пишетъ большинство русскихъ воспитанныхъ женщинъ.

— Прочти,—и суди ее! сказалъ Кемскій и отошелъ прочь.

— Благодарю тебя за довѣріе, другъ мой, пробормоталъ я, краснѣя, между тѣмъ, отъ досады за тѣ неосторожныя слова мои, которыя вызвали это, далеко нелестное для меня, довѣріе.—Я возвращу тебѣ рукопись завтра.

— Нѣтъ. Возьми ее съ собой въ Россію и отправь въ *** монастырь, на имя игуменьи, матери Варсонофіи. Если когда-нибудь я вернусь домой, я получу ее обратно. Но ежели, какъ надо полагать, я умру здѣсь, въ какомъ-нибудь углу, на чужбинѣ, я не хочу, чтобъ эта тетрадь попала вмѣстѣ съ моими бумагами въ присутственное мѣсто или въ руки моихъ невѣдомыхъ наслѣдниковъ. Мы вѣдь оба съ покойницей послѣдніе въ родѣ, примолвилъ Кемскій, печально улыбаясь: — близкихъ у насъ никого нѣтъ. Рай-Воздвиженскимъ, этимъ старымъ Чемисаровскимъ гнѣздомъ, владѣетъ теперь столичный чинъ, изъ вліятельныхъ, одинъ изъ тѣхъ любезныхъ продуктовъ петербургскаго канцелярства, которыхъ Павелъ Васильевичъ безразлично называлъ холопами и при жизни къ себѣ на глаза не пускалъ...—Ну-съ, а теперь прощай, ***, прервалъ себя вдругъ Кемскій; онъ очевидно боялся подать поводъ продлиться разговору, и такъ уже давно тяжелому для него.—Я усталъ, пора на покой.

— Прощай. До завтра?

— Да, конечно... впрочемъ не знаю, отвѣчалъ онъ разсѣянно, не глядя на меня.

Я ушелъ отъ него и всю ночь на-пролетъ провелъ за чтеніемъ тетради, такъ неожиданно попавшей въ мои руки.

V.

На другой день, часу въ первомъ, я зашелъ къ Кемскому, но его дома не было. Грызунъ объяснилъ мнѣ, что онъ ушелъ спозаранка, а куда — неизвѣстно.

— Не застану-ли я его теперь тамъ? спросилъ я, указывая на Conversationshaus.

Грызунъ отвелъ глаза въ сторону и провелъ рукавомъ по толстымъ своимъ губамъ.

— Вѣдь онъ каждый день тамъ сидитъ? примолвилъ я настойчиво.

Матросъ отвернулся и не отвѣчалъ ни слова.

Я отправился въ игорную залу.

Кемскій сидѣлъ на томъ же мѣстѣ; та же горка золота лежала предъ нимъ, и насупротивъ его вчерашній старикъ французъ, тыча булавкой въ карточку, сообщалъ по-прежнему своимъ сосѣдямъ неодобрительныя замѣчанія объ игрѣ du capitaine russe.

Я долго простоялъ за его стуломъ, тщетно стараясь привлечь вниманіе Кемскаго. Онъ не отрывался отъ игры. Счастіе ему везло на этотъ разъ. Ему то-и-дѣло катилъ крупье тысячныя руло своею длинною лопаткой....

Перечитавъ у Маркса всю прибывшую почту, я вернулся въ игорную залу ко времени обѣда. Кемскій выходилъ оттуда въ сопровожденіи какихъ-то двухъ весьма невзрачныхъ съ виду личностей.

— Гдѣ ты обѣдаешь? спросилъ я его.

— У Вебера, съ этими господами, коротко отвѣчалъ онъ, проходя мимо.

— Я отправился обѣдать одинъ въ Hôtel d'Angleterre; признаюсь, мнѣ было и больно, и досадно.

Едва успѣлъ я сѣсть за столъ, какъ подлѣ меня зазвучалъ мягкій, любезный баритонъ просвѣщеннаго г. Секкаторова.

— Я вамъ не помѣшаю?...

— Сдѣлайте милость.

— Я сейчасъ отъ княгини Машутиной, озабоченно объявилъ онъ. — Какая у нея прелестная вилла! И можете себѣ представить, кого я у нея встрѣтилъ... Вы знаете, что она въ связяхъ со всѣми знаменитостями Европы. Вѣдь вы знакомы съ нею?

— Не имѣю чести.

— Помилуйте, son salon est connu à Paris. Тьеръ не выходитъ отъ нея.... Такъ вотъ сегодня, угадайте, кто у нея сидѣлъ?... Гарнье-Пажесъ, знаменитый Гарнье-Пажесъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей 48 года, отчаянный республиканецъ, издатель извѣстной народной газеты....

— Что же этотъ отчаянный республиканецъ дѣлалъ у вашей княгини?

— Ахъ, да онъ прекрасный человѣкъ, un causeur charmant, de l'esprit plein ses poches.... Мы все время говорили о нашей великой реформѣ, онъ съ большимъ уваженіемъ относится о Россіи. И при этомъ отличную вещь сказалъ, удивительную вещь: le peuple russe est un enfant géant - qui sort de ses langes.

— Вамъ понравилось? спросилъ я съ невольною улыбкой.

Г. Секкаторовъ тотчасъ же и окрысился.

— Конечно, вы, можетъ-быть, принадлежите къ числу лицъ, относящихся съ полнымъ равнодушіемъ къ тому, что говорятъ о насъ въ чужихъ краяхъ. Но я, признаюсь вамъ, держусь иныхъ убѣжденій. Я полагаю, что намъ слѣдуетъ еще очень и очень дорожить мнѣніемъ о насъ иностранцевъ. И мнѣ пріятно, я не скрываю, каждый разъ, когда мнѣ приходится слышать заслуженно-лестный отзывъ о моемъ отечествѣ изъ устъ передоваго Европейца.

Всю эту бравурную тираду г. Секкаторовъ проговорилъ съ такимъ самодовольствомъ, что, надо полагать, онъ самъ себя

въ эту минуту почиталъ чѣмъ-то въ родѣ Стразбургской колокольни.

Мнѣ ничего не оставалось, какъ смиренно преклонить повинную голову.

— Княгиня очень интересовалась вашимъ пріятелемъ, г. Кемскимъ, продолжалъ Секкаторовъ, переходя опять на свои бархатныя ноты.

— По какому это случаю?

— Да все по поводу того же разговора съ Гарнье-Пажесомъ. Мы между прочимъ коснулись Крымской кампаніи, а онъ и говоритъ: „je voudrais bien rencontrer un de vos héros de Sebastopol". Я ему и говорю: „il y en a précisement un ici". — „Qui cela, qui cela?" спрашиваетъ княгиня. Я назвалъ г. Кемскаго. „Ah, mon Dieu, говоритъ она мнѣ, — il faut absolument que vous me l'ameniez; je tiens à le présenter à monsieur Garnier-Pagès". Я послѣ обѣда отправлюсь его отыскивать, передамъ ему приглашеніе княгини...

— Не совѣтую вамъ, сказалъ я.

Г. Секкаторовъ взглянулъ на меня большими удивленными глазами.

— Пѣчему же это? спросилъ онъ меня съ легкимъ шипѣніемъ.

— Потому что онъ почтетъ это для себя оскорбленіемъ.

— Оскёрбленіемъ? еще удивленнѣе повторилъ г. Секкаторовъ.

— Точно такъ,—оскорбительною насмѣшкой. Онъ не повѣритъ, чтобы русской женщинѣ могло придти серьезно въ голову пригласить его на роль ученаго звѣря для удовлетворенія любопытства перваго встрѣчнаго Француза.

— Помилуйте... я васъ не понимаю... вы такъ странно выражаетесь,—ученый звѣрь... и притомъ какой же это первый встрѣчный? залепеталъ г. Секкаторовъ, краснѣя и видимо теряясь:—я говорю, г. Гарнье-Пажесъ... знаменитость.

— Да хоть бы самъ г. Тьеръ, не все-ли это равно? сказалъ я.

— Это очень странно... и я, конечно, никогда не думалъ...

но я не спорю, de gustibus non est *disputandis*, учено объяснилъ онъ, окончательно сконфузясь.

— Я васъ предварилъ, а впрочемъ ваша воля, примирительно замѣтилъ я ему.

Но онъ уже не отвѣчалъ мнѣ и, обратившись къ сосѣду своему съ правой стороны, рыжему и вислоухому бюргеру, съ огромнѣйшимъ ртомъ, завелъ рѣчь о превосходствѣ французской кухни надъ нѣмецкою. Нѣмецъ ничего не отвѣчалъ, но уписывалъ блюдо за блюдомъ съ жадностью, служившею лучшимъ опроверженіемъ легкомысленныхъ кулинарныхъ понятій его собесѣдника...

Съ этихъ поръ я уже болѣе не встрѣчался съ просвѣщеннымъ г. Секкаторовымъ.

VI.

Я прожилъ еще три дня въ Баденѣ; но напрасно искалъ случая еще разъ свидѣться съ Кемскимъ. Онъ видимо избѣгалъ меня, уходилъ рано изъ дому, и съ минуты открытія игры до поздней ночи не отрывался отъ зеленаго стола. Оставаться долѣе было бы и смѣшно, и безполезно, да и что̀ могъ я сдѣлать наконецъ?...

Въ день моего отъѣзда, я засталъ его рано утромъ. Но свиданіе наше было холодно и натянуто; о рукописи, переданной имъ мнѣ, онъ не упомянулъ ни единымъ словомъ и въ теченіе разговора видимо старался обойти все, что могло относиться къ нему и къ его прошедшему. Только въ послѣднюю минуту, когда я ему протянулъ руку на прощанье, его передернуло; онъ привсталъ, привлекъ меня къ себѣ и крѣпко обнялъ.

— Прощай, ***, да хранитъ тебя Богъ! Когда вернешься, промолвилъ онъ, и голосъ его дрогнулъ,—поклонись отъ меня матушкѣ родной землѣ. Хорошая пора для нея настаетъ, да не суждено мнѣ болѣе служить ей... сгорѣлъ я до времени...

— Я надѣюсь встрѣтиться съ тобой въ Россіи, Кемскій, сказалъ я.

— Надѣешься? повторилъ онъ.—Такъ посмотри на меня и скажи, по совѣсти, какъ ты полагаешь: надолго-ли еще меня хватитъ?

Я взглянулъ на него и... не нашелъ отвѣта...

Онъ умеръ въ 1862 г. въ Пасси, близь Парижа, въ maison de santé, куда его перевезъ старый нашъ лицейскій то-

варищъ, А., наткнувшійся на него случайно въ Испаніи. За нѣсколько мѣсяцевъ до его кончины я посѣтилъ его, но онъ меня не узналъ. Онъ давно уже никого не узнавалъ...

Рукопись Надежды Павловны, отправленная мною, по возвращеніи моемъ въ Россію, въ *** монастырь, на имя игуменьи Варсонофіи, возвращена была мнѣ чрезъ годъ изъ почтамта, съ надписью, гласившею, что въ означенномъ монастырѣ такой игуменьи не оказалось. А не оказалось, какъ я узналъ впослѣдствіи, по весьма простой причинѣ: она скончалась незадолго до встрѣчи нашей съ Кемскимъ въ Баденѣ.

Наша богатая событіями и полная интересовъ минуты пора такъ быстро сглаживаетъ память прошлаго, что я безбоязненно рѣшаюсь передать читателю разсказъ, относящійся ко времени далеко уже отъ насъ отошедшему. Едва-ли теперь кто-нибудь узнаетъ дѣйствующихъ лицъ всей этой правдивой повѣсти, подъ измѣненными ихъ именами.

Вотъ что писала Надежда Павловна Кемскому:

*** монастырь, сентябрь 1854 года.

„Я получила ваше письмо, милый Владиміръ, дорогой мой братъ. Я ожидала его, а теперь перо выпадаетъ изъ рукъ моихъ, сквозь слезы ничего не вижу... Господи, какъ же это я вамъ скажу, какой отвѣтъ должна я вамъ дать!...

„Вы пишете, что жизнь ваша—мой даръ, и этотъ даръ вы умоляете меня принять обратно, „вымоленную“ мною жизнь вы отдаете мнѣ на вѣки... На вѣки? Бѣдный другъ мой, знаете-ли вы, насколько суждено продлиться этимъ вѣкамъ моимъ?... Повторяю вамъ, я знала, что это будетъ, что вы мнѣ это напишете, знала, когда стояла тамъ, въ Крыму, у вашего изголовья,—я ни минуты не отчаявалась въ томъ, что вы выздоровѣете, я улыбалась, когда, бывало, доктора качаютъ головой, проходя мимо вашей койки,—знала... и тогда же какъ часто налетало подобно зловѣщей птицѣ и засѣдало въ душѣ моей сомнѣніе: нужна-ли ему эта жизнь, о

которой я такъ пламенно молю? Бывало, помню, вы лежите такъ спокойно, какъ бы отдыхая и нѣжась, и глядите на меня неотступно, и вижу я, что вы меня не узнаете и что Богъ вѣсть гдѣ летаетъ ваша мысль, въ какихъ далекихъ мірахъ; но по счастливому выраженію лица, по вашимъ глазамъ,— они у васъ въ то время какіе-то удивительные, точно вдохновленные были,—я понимала, что вамъ хорошо въ той далекой, невѣдомой Божьей странѣ... И меня все преслѣдовало это сомнѣніе: къ чему молюсь я? Въ замѣнъ того блаженства забвенія, тѣхъ таинственныхъ небесныхъ сновъ, которыми можетъ-быть живетъ онъ теперь, онъ потребуетъ, онъ будетъ правъ, требуя отъ меня земнаго счастія... Отъ меня!—онъ, я знаю, не захочетъ другаго счастія,—а я, Боже мой!...

„Я чувствую, что пишу нескладно, мысли мои путаются, но вѣдь такъ много надо мнѣ передать вамъ, а времени, времени, Владиміръ, остается такъ мало.

„Вы поняли меня, другъ мой. Сердце мое обливается кровью, думая о томъ, какъ вы будете поражены этою вѣстью... Я знаю, какъ я вамъ дорога, какъ была любима вами. Сознаніе это было моею постоянною мукой. Оно могло быть и моимъ искупленіемъ... Когда вы были полны силъ, когда будущее свѣтло разстилалось предъ вами, я не должна была, я почитала преступленіемъ соединить съ вашею мою погубленную жизнь... Я принесла бы съ собой мое несчастіе въ вашъ честный домъ, Владиміръ,—поймите это! Поймите и то, чего мнѣ стоило, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, отвѣчать на ваши настоянія тупымъ молчаніемъ или безсмысленными письмами и въ то же время глубоко сознавать, что вы все-таки меня не разлюбите, что это утѣшеніе не будетъ мнѣ дано!...

„Тамъ, въ Симферополѣ, была одна минута, когда исходъ казался мнѣ возможенъ. Бѣдный, увѣчный, немощной другъ, вамъ отнынѣ нужна была усидчивая сидѣлка, заботливая сестра. Въ этомъ положеніи я не признавала себѣ соперницъ, въ виду этой цѣли я никому не уступала своихъ правъ. И я думала, я надѣялась, я такъ горячо молилась объ этомъ тогда... Какъ два корабля, разбитые бурей, приплываютъ на покой въ спящія воды безопасной гавани, мы ушли бы доживать, Владиміръ,

подъ старые клены вашего Покровскаго, подъ которыми я, бывало, ребенкомъ засыпала на колѣняхъ вашей матери, тамъ, гдѣ позднѣе я ждала васъ каждое лѣто изъ Лицея... Помните мой ужасъ, когда вы упали съ дерева, на которое я васъ заставила влѣзть, чтобы испытать вашу храбрость?...

„Но Богу не угодно было... Исходъ этотъ, примиряющій этотъ конецъ не суждены были мнѣ. Надежда блеснула и пролетѣла быстрѣе весенней ласточки. Еще тамъ, у вашей постели, я узнала, что у меня смерть въ груди.

„Когда привезли меня сюда изъ Крыма, когда послѣ того мертвящаго воздуха повѣяло на меня вѣтромъ нашихъ степей, мнѣ стало легче, всѣ болѣзненные признаки, страданія, исчезали съ каждымъ днемъ; оставалась только большая слабость. Лучъ надежды опять заигралъ предо мной.—Я вѣдь выздоровѣю, Карлъ Ивановичъ? спрашивала я моего добраго Эша, который переселился теперь сюда изъ Рай-Вознесенскаго и не покидаетъ меня.—О да, о да, увѣрялъ онъ меня, подолгу объясняя каждый разъ, что организмъ мой цѣлъ, что я больна была лишь отъ слишкомъ сильныхъ *эмоцій*, но что онъ меня вылѣчитъ, непремѣнно вылѣчитъ. Но глаза добраго Нѣмца измѣняли ему; они при этомъ какъ-то пресмѣшно моргали и косились; ему, бѣдному, самому такъ хотѣлось вѣрить въ мое выздоровленіе...—Карлъ Ивановичъ, говорю я ему однажды, скажите мнѣ, почему это доктора не лѣчатъ обыкновенно ни женъ своихъ, ни дѣтей, никого изъ очень близкихъ имъ людей, а прибѣгаютъ, въ случаѣ ихъ болѣзни, къ помощи другаго медика? Онъ никакъ не ожидалъ, что я готовлю ему западню, и добродушно отвѣчалъ, что это потому, что для успѣшнаго пользованія больнаго врачу прежде всего нужно полное спокойствіе духа, а что духъ врача не можетъ быть спокоенъ, когда онъ, какъ человѣкъ, волнуется за близкихъ его сердцу.

„— Карлъ Ивановичъ, вы меня очень любите? спрашиваю я.

„— О да, о да! заговорилъ онъ растроганный, какъ *родная дочь* я васъ люблю, люблю съ того *время*, когда вы были *маленькая ребенокъ*.

„— Такъ вы согласитесь, чтобъ я посовѣтовалась съ дру-

гимъ докторомъ? Вы не можете быть вѣрнымъ судьей моей болѣзни, вы сами себѣ сейчасъ приговоръ подписали...

„Карлъ Ивановичъ былъ очень смущенъ моею хитростью, онъ началъ спорить, сердился, но я настояла, и онъ обѣщалъ мнѣ привезти консультанта изъ К. Но я этого не хотѣла: онъ могъ бы сговориться съ нимъ, а я хотѣла, во что бы ни стало, знать правду о моемъ положеніи. Я попросила тетушку написать въ К. Отвѣтъ былъ полученъ въ тотъ же день: К. отъ насъ всего въ восьми верстахъ. Случилось, что въ то время находился тамъ проѣздомъ очень хорошій докторъ изъ Москвы, нѣкто г. Латышевъ. Его зовутъ Виссаріонъ Ѳедоровичъ; онъ говорилъ мнѣ, что слышалъ про васъ, Владиміръ, что онъ даже былъ приглашенъ присутствовать, когда вы должны были драться,—помните, въ Москвѣ, съ этимъ офицеромъ, Звѣницынымъ... Боже мой, вспомнить страшно, какія минуты я тогда пережила!.. Этотъ г. Латышевъ очень мнѣ понравился; на первый взглядъ онъ кажется букой и какъ-будто на все и на всѣхъ сердится, но умные и честные глаза его тотчасъ внушаютъ къ нему довѣріе. Онъ нѣсколько разъ прізжалъ ко мнѣ, разспрашивалъ, слушалъ мою грудь. Я передала ему неутѣшительное заключеніе о ней, слышанное мною отъ П. въ Крыму. Добрый Карлъ Ивановичъ, бывшій тутъ, весь раскраснѣлся, затопалъ ногой и назвалъ П. шутомъ. Латышевъ ничего не сказалъ, только посмотрѣлъ на Карла Ивановича и закусилъ губу. Чрезъ два дня онъ пріѣхалъ въ монастырь и прошелъ ко мнѣ чрезъ кладбище, дознавшись предварительно у послушницы, что у меня никого нѣтъ.

„— Я радъ, что вы однѣ, сказалъ онъ,—надо съ вами серьезно поговорить; вашъ Нѣмецъ добрый старикъ, но безтолковъ: онъ только путаетъ.—Онъ возобновилъ свои вопросы, настаивалъ на многихъ подробностяхъ моей болѣзни, моей прошедшей жизни.—Вы много приняли горя на своемъ вѣку? спросилъ онъ вдругъ.

„— Много, докторъ.

„— То-то, сказалъ онъ, нахмурясь.—Болѣзнь ваша въ сущности дрянь, но отпору ей нѣтъ, жизненной силы мало. П.

не шутъ, какъ выражается вашъ *нѣмчура*, и никогда шутомъ не былъ,—онъ правду сказалъ...

„— Говорите откровенно, докторъ, спросила я его:—много ли мнѣ еще остается жить?

„— Э, да вы у меня молодецъ! воскликнулъ онъ почти весело:—прямо итоги подводите!

„Онъ назвалъ мнѣ мою болѣзнь,—какое-то мудреное латинское названіе,—опредѣлилъ ея характеръ, симптомы; я поняла, что у меня то, что называютъ consoption. Слава Богу, я умру безъ страданія, тихо,—угасну, какъ выражался г. Латышевъ... Онъ обѣщалъ мнѣ еще три-четыре мѣсяца жизни, *если я только буду пай-дитя, не буду расточать масла, остающагося въ лампадѣ.*

„— Вамъ не хочется умирать? спросилъ онъ предъ прощаньемъ.

„— Не для себя, докторъ, сказала я и не выдержала, расплакалась.

„Онъ держалъ мою руку въ это время и вдругъ, неожиданно, крѣпко поцѣловалъ ее, взялъ шляпу и ушелъ, не говоря ни слова. Онъ добрый человѣкъ... Сегодня, говорилъ мнѣ Эшъ, онъ уѣхалъ обратно въ Москву.

„Я ужасно устала, другъ мой. Буду продолжать завтра“.

„Еслибы не вѣчная тревога о васъ, Владиміръ, не мысль объ ожидающемъ васъ одинокомъ, скорбномъ будущемъ (вы мнѣ ничего не пишете о вашемъ матросѣ, о Грызунѣ; надѣюсь, что онъ все еще при васъ, и что вы съ нимъ никогда не разстанетесь: онъ вамъ такъ преданъ, — я видѣла это въ Крыму,), мое теперешнее состояніе я могла бы назвать почти счастливымъ. Не знаю, надолго-ли, но вы не повѣрите, въ какое затишье погружается душа при увѣренности въ неизбѣжномъ и близкомъ концѣ. Ни физической боли, ни тоски, ни страха, ни сожалѣній — я ничего не испытываю. Масло еще горитъ въ лампадѣ, но пламя ея уже не свѣтитъ и не грѣетъ. Все точно застыло вокругъ меня, все принимаетъ какія-то законченныя, неподвижныя формы. Время не летитъ, не мчится

впередъ, какъ прежде, оно расплывается какъ вода въ низменной долинѣ. Все кончено для меня, Владиміръ... и слава Богу! Я могу говорить теперь о себѣ, какъ о третьемъ лицѣ, какъ о чужой мнѣ личности, какъ о героинѣ давно забытаго романа.

„Многое, если не все, оставалось для васъ невѣдомымъ, добрый другъ мой. Вы не допытывались, не допрашивали; слезы мои и недомолвки, чистая душа, вы мнѣ же объясняли преувеличеніями строгой къ себѣ совѣсти, вы не хотѣли видѣть моего стыда, вы заранѣе все и всецѣло прощали... Боже мой, стоила-ли я такой любви!...

„Но вы должны все знать... Эти три-четыре мѣсяца, которые мнѣ остается жить, они даны мнѣ не даромъ, — вѣдь могла же я умереть тамъ, въ Крыму, не приходя въ себя!... Не дарованъ-ли мнѣ этотъ срокъ Вышнею волей для покаянія предъ вами, для того, можетъ-быть, чтобы вы,—о, дайто Богъ!—узнавъ все мое прошедшее, не такъ горько и долго сожалѣли обо мнѣ?...

„Признаться-ли вамъ еще, Владиміръ? Не знаю, гордость можетъ-быть это, — не даромъ же течетъ въ моихъ жилахъ Чемисаровская кровь,—но меня возмущаетъ мысль, что вы до самыхъ этихъ поръ любили не меня, а Наденьку вашего дѣтства, предметъ вашихъ первыхъ юношескихъ мечтаній. Если любви вашей суждено пережить меня, то пусть же она относится ко мнѣ, — ко мнѣ, грѣшницѣ, измѣнившей вамъ, недостойной васъ, но кающейся, какъ Магдалина, предъ вами, а не къ тому непорочному 17-ти-лѣтнему созданію, какимъ сохранили вы меня въ вашемъ воображеніи и съ которымъ такъ давно у меня ничего нѣтъ общаго.

„Я вамъ все разскажу, все; я могу теперь... Длиннымъ и отчетливымъ спискомъ развертывается предо мной моя жизнь, и я уже безучастно перечитываю знакомыя строки, и сердце не ускоряетъ своихъ біеній, когда я дохожу до иныхъ страницъ, еще такъ недавно поражавшихъ меня ужасомъ. Да, все кончено для меня!... Но каково бы ни было впечатлѣніе, которое должна произвести на васъ моя исповѣдь, — наброситъ ли она въ вашемъ сердцѣ темную завѣсу на мою память, или

исполнится оно лишь всепрощающею жалостью,—другъ мой, братъ мой, дорогой мой Владиміръ, заклинаю васъ той душевною мукой, отъ которой умираю я теперь, не проклинайте того, кто былъ участникомъ моей вины! Его ужь нѣтъ, онъ погибъ ужасною смертью. Не возмущайте его страдальческой тѣни тяжелымъ укоромъ... Онъ погибъ изъ-за меня; онъ былъ безумецъ, можетъ-быть, но онъ любилъ меня!... Простите ему, да почіетъ онъ съ миромъ! Страшно было бы мнѣ думать, что отвѣтъ свой Богу онъ долженъ дать и за вашу участь, Владиміръ!"

„Вы помните, другъ мой, когда мы съ вами въ послѣдній разъ видѣлись въ Рай-Воздвиженскомъ. Это было въ маѣ мѣсяцѣ, семь лѣтъ тому назадъ. Корабль вашъ уходилъ въ Англію. Вы уѣзжали. Въ день вашего отъѣзда, утромъ, вы зашли ко мнѣ. Мы остались на минуту одни.—Наденька, вы не забудете меня, вы не измѣнитесь ко мнѣ? сказали вы.— О, никогда, никогда! отвѣчала я, подавая вамъ обѣ руки и заливаясь слезами. Я васъ любила, Владиміръ, нѣжно любила съ дѣтства, привыкла я относить къ вамъ лучшіе помыслы мои и чувства. Я знала, что должна быть вашею женой, видѣла, какъ этого желали всѣ окружавшіе меня, какъ при одномъ видѣ вашемъ переставалъ хмурить отецъ мой свои грозныя брови. Когда я еще была маленькою, матушка ваша унимала мои слезы обѣщаніемъ выдать меня, когда выросту большая, за своего Володю. Когда я стала старше, моя добрая, старая гувернантка, — помните, — миссъ Сара-Мэкдефъ, смиряла мое упрямство угрозой, что Mister Woldemar chall know it. Покойный братъ Вася, Андрюша Кирилинъ, учившійся съ нимъ вмѣстѣ, постоянно дразнили меня вами. Все питало, все растило чувство мое къ вамъ... О, не уѣзжай вы тогда, Владиміръ!... Я помню, когда вы получили изъ Николаева бумагу, требовавшую васъ на службу,— это было за обѣдомъ, — вы поблѣднѣли и молча передали ее чрезъ столъ батюшкѣ. Я вся занѣмѣла, сердце у меня упало... Не даромъ это было! Я предчувствовала, что страшный ударъ готовится разразиться надъ нами,—и громъ ударилъ. Батюшка

свернулъ бумагу, строго взглянулъ на васъ, въ отвѣтъ вашему печально вопросительному взгляду, и произнесъ только одно слово: „долгъ твой“; потомъ обернулся къ дворецкому и сказалъ: „Владиміръ Александровичъ завтра ѣдетъ; къ 12-ти часамъ подъ желтую коляску четверку лошадей“. О, какъ долго потомъ звучали мнѣ, надрывая сердце, какъ погребальный колоколъ, эти холодныя, безпощадныя слова! Не они-ли въ самомъ дѣлѣ и похоронили на вѣки мое и ваше счастье?...

„Я ушла въ этотъ вечеръ къ себѣ наверхъ, подъ предлогомъ головной боли, и не выходила уже оттуда цѣлую недѣлю. Вы уѣхали на другой день... Я была въ отчаяніи, никого не хотѣла видѣть, лишилась сна. Батюшка послалъ ко мнѣ Карла Ивановича: я попросила его оставить меня въ покоѣ. Наконецъ батюшка, противъ своего обыкновенія, самъ зашелъ ко мнѣ однажды послѣ обѣда. Я могла замѣтить, что онъ былъ со мной какъ бы нѣжнѣе обыкновеннаго, поминалъ васъ и сказалъ, что васъ надо ждать къ Рождеству.

„— Восемь мѣсяцевъ! воскликнула я, вѣкъ цѣлый! Онъ могъ совсѣмъ не ѣхать, папа, вы его заставили.

„— Какъ? спросилъ батюшка.

„— Онъ могъ сказаться больнымъ, или въ отставку выйти.

„— Не слѣдуетъ, ложь! И повторивъ опять слово: *долгъ*, онъ ушелъ.

„Миссъ Мэкдефъ улыбнулась и сообщила мнѣ, что онъ безпокоился обо мнѣ и каждый день требовалъ ее къ себѣ съ отчетомъ о моемъ здоровьѣ.

„— Вы были очень холодны и даже непочтительны къ отцу, Надя, замѣтила она мнѣ,—это не хорошо, онъ васъ очень любитъ, только онъ ни за что не хочетъ этого показать, потому что у него такой же характеръ, какъ у герцога Веллингтона, котораго называли the iron-duke *). Конечно, очень грустно, что Mister Woldemar уѣхалъ и въ нашемъ большомъ домѣ сдѣлалось опять очень пустынно и скучно послѣ его отъѣзда, потому что онъ умѣлъ всему сообщать свое оживленіе и веселость; но надо умѣть переносить съ

*) Желѣзный герцогъ.

покорностью всякое испытаніе, посылаемое намъ Провидѣніемъ. А восьмимѣсячное отсутствіе Mister Woldemar'a еще не такое великое несчастіе, чтобъ отъ этого приходить въ отчаяніе, забывать ту сдержанность въ выраженіи чувствъ своихъ, которая составляетъ первое условіе хорошаго воспитанія.—Вы не знаете, Надя, продолжала старушка, оживляясь, и я желаю, чтобы вамъ никогда не суждено было узнать это,—что̀ значитъ дѣйствительное несчастіе. У меня давно уже сѣдые волосы, а я до сихъ поръ содрогаюсь, вспоминая о томъ, какъ я была испытана въ моей молодости. Я была старше васъ, Надя, мнѣ уже было 22 года, я была сирота, бѣдная, но очень хорошей фамиліи; герцогъ Аргайль былъ мнѣ родственникъ и онъ далъ мнѣ пріютъ въ своемъ замкѣ: у него великолѣпный замокъ близь Глазго. До этого я жила у другаго моего родственника въ Кемберлендѣ и тамъ познакомилась съ однимъ молодымъ человѣкомъ; онъ былъ незнатный, сынъ простаго фермера, но прекрасный, умный и хорошо воспитанный молодой человѣкъ. Мы полюбили другъ друга. Я ему сказала, что ни за кого, кромѣ него, не пойду замужъ, но что такъ какъ ни у него, ни у меня ничего нѣтъ, то онъ долженъ прежде всего составить себѣ положеніе, а я буду его ждать и молиться за него. Онъ сказалъ мнѣ: „вы будете скоро моею, Сарра, клянусь Богомъ, или я погибну!“ Чрезъ нѣсколько времени онъ сообщилъ мнѣ, что уѣзжаетъ въ Индію: ему давали тамъ мѣсто, сначала скромное, но съ обѣщаніемъ скораго повышенія. Мы разстались; онъ былъ полонъ надеждъ и я также,—онъ внушалъ мнѣ полное довѣріе къ себѣ,—лишь иногда тревожила меня мысль о жгучемъ климатѣ Индіи. Въ продолженіе двухъ лѣтъ онъ регулярно писалъ мнѣ разъ и два въ мѣсяцъ. Вѣсти его были самыя успокоительныя и благопріятныя; климатъ Мадраса,—тамъ была контора, гдѣ онъ служилъ,—онъ переносилъ прекрасно, дѣло свое понялъ очень скоро, и его принципалы были очень расположены къ нему. Тѣмъ временемъ я переѣхала жить къ герцогу Аргайлю въ замокъ. Вдругъ получаю письмо отъ жениха моего изъ Лондона: онъ пріѣхалъ туда на компанейскомъ кораблѣ

съ какимъ-то значительнымъ порученіемъ. Онъ писалъ мнѣ, что Богъ внялъ молитвамъ моимъ, что все устроилось лучше и скорѣе, чѣмъ онъ былъ въ правѣ ожидать: онъ получилъ мѣсто въ тысячу фунтовъ и можетъ доставить мнѣ теперь безбѣдное и счастливое существованіе. Въ Англіи онъ можетъ пробыть самое короткое время, а потому едва кончитъ свое порученіе въ Лондонѣ, отправится съ первымъ отплывающимъ въ Глазго кораблемъ за мной; мы обвѣнчаемся и сейчасъ же уѣдемъ въ Лондонъ, чтобы попасть на почтовый пакетботъ, идущій въ Индію: тогда пароходы еще не были въ употребленіи, вѣдь это давно было. Вы можете себѣ вообразить мою радость! Но я никому не сказала о ней, Надя. Самого герцога не было дома, я ему написала, извѣщая его о скоромъ моемъ замужествѣ, но никому другому я ничего не говорила. Я только горячѣе прежняго молилась и благодарила Бога и ждала моего жениха, считая дни и часы. Однажды ночью я была разбужена страшными ударами грома и неистовымъ завываньемъ вѣтра; такой грозы, кажется, еще никогда не бывало. Господь, отецъ милосердный! воскликнула я, зарываясь въ подушки, если онъ теперь въ морѣ, спаси его! И всю ночь я провела въ страшномъ безпокойствѣ. Буря утихла только къ полудню. Вечеромъ въ замокъ пришло извѣстіе, что въ Глазговской гавани, въ прошедшую ночь, произошло много крушеній и что тамошніе торговые дома опасаются еще болѣе крупныхъ несчастій въ морѣ. Ужасъ мой возросталъ съ каждымъ мгновеніемъ. На третій день утромъ, когда всѣ собрались за завтракъ, принесли газеты; ихъ разобрали по рукамъ.

„— Ого! воскликнулъ одинъ изъ гостей,—немалая потеря для Андерсеновъ! Корабль ихъ погибъ въ виду Глазго со всѣмъ грузомъ и находившимися на немъ людьми; спаслось только три человѣка. Вотъ списокъ погибшихъ пассажировъ.

„Онъ сталъ читать, я слушала еле-дыша. Вдругъ мнѣ послышалось знакомое, дорогое имя...

„— Какъ вы прочли? прервала я.

„— Ричардъ Симсонъ, изъ Мадраса, повторилъ отчетливо

читавшій и спросилъ меня нѣсколько свысока:—вы его знали, миссъ?...

„О, Надя, я этой минуты никогда не забуду! Я ничего не отвѣчала тому, кто дѣлалъ мнѣ этотъ вопросъ. Ричардъ Симсонъ—это не важное, никому не вѣдомое имя, — о, они не могли понимать, что̀ оно для меня значило! Но я сумѣла сдержать себя, Надя, я успѣла подавить безумное отчаяніе, которое жгучими слезами выступало на моихъ померкшихъ глазахъ. Я долила послѣднюю чашку чаю и спокойно, не спотыкаясь, вышла изъ столовой. Не знаю, какъ я добрела до своей комнаты, но, переступивъ порогъ ея, силы мнѣ измѣнили, и я безъ чувствъ грохнулась на земь... Я долго послѣ этого была опасно больна, но даже и въ бреду не выдала своей тайны... Я выздоровѣла, но Англія мнѣ постыла съ тѣхъ поръ; я рѣшилась уѣхать, и вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ, какъ живу на континентѣ, не видала и вѣроятно уже болѣе не увижу своей родины. Умѣнье владѣть собой—первая вещь на свѣтѣ, Надя, закончила Сарра своимъ обычнымъ наставительнымъ тономъ, проводя рукой по глазамъ, покраснѣвшимъ отъ воспоминанія о ея первой и единственной любви...

„Я вамъ передала почти отъ слова до слова разсказъ доброй моей старушки; не знаю, насколько онъ можетъ быть занимателенъ для васъ, но онъ такъ и просился у меня подъ перо. Этотъ вечеръ со всѣми его подробностями такъ памятенъ мнѣ. Сарра, какъ это часто съ ней случалось, произвела на меня впечатлѣніе совершенно противоположное тому, какое она желала произвести: она не успокоила, а еще болѣе встревожила меня. Къ печали о вашемъ отъѣздѣ присоединился теперь невообразимый страхъ за васъ. Въ воображеніи моемъ уже складывалась страшная картина: корабль вашъ тонулъ у бурныхъ береговъ Англіи, вы погибли подобно жениху бѣдной Сарры, до меня нечаянно доходила эта вѣсть... Я серьезно расхандрилась и заплакала. Сарра растерялась и хотѣла посылать за Карломъ Ивановичемъ. Въ это время вдругъ, сквозь отворенную дверь моей гостиной, донеслись до насъ неожиданные музыкальные звуки: кто-то

игралъ на скрипкѣ въ большой залѣ. Сарра остановилась на ходу и почти съ испугомъ спросила меня: „это что такое“? Я не отвѣчала ей, я жадно слушала. Никогда еще музыка не раздавалась такъ кстати, никакая другая не могла бы такъ повліять на душевное настроеніе мое въ эту минуту. Блестящая и страстная въ одно и то же время, своеобразная мелодія, въ ритмѣ полонеза, то лилась какъ потокъ, озаренный луной, кипя и брызжа тысячами искръ, то, сладко волнуясь, замирала и какъ бы улетала въ небо на крыльяхъ зари. Она вѣяла весеннею ночью, молодыми надеждами, она говорила о какомъ-то недосягаемомъ блаженствѣ, эта мелодія... Я ожила, воскресла, черныя думы мои разсѣялись вдругъ, мнѣ хотѣлось только слушать и еще слушать.

„— Пойдемте на хоры, сказала я Саррѣ.

„— Y ou are a whimsical person! *) пробормотала она, пожимая плечами и нехотя слѣдуя за мной. Въ дверяхъ мы наткнулись на Настасью Савельевну. Она какъ-то торжественно улыбалась.

„— Хорошо играетъ мой Андрюша, Надежда Павловна? спросила она меня.

„— Какъ вашъ Андрюша? переспросила я съ удивленіемъ.

„— Конечно-съ, вѣдь это онъ, сынъ мой, исполняетъ на скрипкѣ.

„— Андрюша Кирилинъ! Давно-ли онъ здѣсь?

„— Да ужь недѣлю слишкомъ будетъ. Онъ просилъ васъ видѣть, да я не посмѣла доложить вамъ. Не до него вамъ было, барышня, знаю-съ, да и прихворнули вотъ вы, такъ я ему и сказала: успѣешь еще увидать ихъ....

„Вы помните, Владиміръ, нашу большую залу въ два свѣта въ Рай-Воздвиженскомъ. Когда мы вошли на хоры, вечернія тѣни облегали уже всю глубину ея; только прямо противъ насъ, выступъ между колоннъ, на которыя опирались хоры съ той стороны залы, былъ ярко освѣщенъ отблескомъ заходившаго солнца на красныхъ занавѣсахъ оконъ. Стоявшій на выступѣ музыкантъ былъ весь облитъ этимъ пламеннымъ свѣтомъ.

*) Вы причудливая особа.

Худой и высокій, съ густыми черными волосами, падавшими ему на плечи, онъ стоялъ, жмуря глаза отъ солнца и прижавшись головой къ скрипкѣ съ такимъ болѣзненнымъ выраженіемъ, будто, играя, самъ внималъ инымъ совершеннѣйшимъ звукамъ, глубоко похороненнымъ въ его инструментѣ, и страдалъ, страдалъ всѣмъ существомъ своимъ, чувствуя себя безсильнымъ извлечь ихъ оттуда. Съ такимъ мучительнымъ напряженіемъ должны были вызывать чародѣи непослушныхъ имъ духовъ...

„Я бы не узнала Кирилина: онъ такъ мало походилъ на того мальчика, какимъ я его помнила, когда, бывало, убѣгая отъ уроковъ въ лѣсъ, онъ каждый день приносилъ мнѣ оттуда ягоды, которыя я ѣдала на зло ворчуньѣ Саррѣ. Сама Сарра теперь никакъ не рѣшалась признать въ немъ своего бывшаго ученика и то-и-дѣло повторяла: „is it possible, неужели это Андрюша?“ Да и кто бъ узналъ его теперь? Давно,— это чувствовалось тотчасъ же,— прошли для него ребяческіе годы. А между тѣмъ онъ былъ едва тремя, много четырьмя годами старѣе меня, но на первый взглядъ ему можно было дать лѣтъ тридцать.

„Скрипка его замолкла на неразрѣшенномъ аккордѣ. Онъ опустилъ смычокъ, тряхнулъ своими длинными волосами и, поднявъ голову вверхъ, замѣтилъ насъ. Онъ широко, во все лицо,—я замѣтила, что лицо это было некрасиво,—улыбнулся и, взглянувъ на меня смѣлымъ, до дерзости смѣлымъ взглядомъ:

„— Ага, гордая барышня, сказалъ онъ, — я зналъ, что вызову васъ, наконецъ! Вы попрежнему любите музыку?

„— Да, я люблю музыку, холодно отвѣчала я, весьма непріятно пораженная этимъ фамильярно развязнымъ тономъ, который былъ такъ необыченъ для меня, между тѣмъ какъ Настасья Савельевна, еще болѣе недовольная имъ, дѣлала сыну какіе-то знаки глазами и руками. Но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія и продолжалъ все такъ же смѣло и упорно смотрѣть на меня.

„— Что это вы играли? спросила я.

„— Да какъ хотите назовите, небрежно отвѣчалъ онъ,—

элегіей или фантазіей... или, можетъ-быть, вамъ болѣе по вкусу названіе „каприза“, — это все равно, дѣло не въ кличкѣ. Главное, нравится оно вамъ?

— Очень нравится.... Но мнѣ хотѣлось знать, объяснила я, — чье это сочиненіе?

„— А хоть бы мое?

„— Ваше?

„— Васъ это удивляетъ, сказалъ онъ съ злою улыбкой, скрившею внезапно его губы:—вамъ кажется невѣроятнымъ, чтобы русскій музыкантишка, да къ тому же еще сынъ вашей экономки, — онъ кивнулъ снизу вверхъ на стоявшую подлѣ меня Настасью Савельевну, — былъ способенъ сочинить то, что вы готовы сейчасъ же приписать первому попавшемуся вамъ Нѣмцу?

„— Меня это нисколько не удивляетъ, спѣшила я успокоить его самолюбіе, — я увѣрена, Андрей.... Я никакъ не могла вспомнить, какъ слѣдовало дальше; назвать же его Андрюшей, какъ прежде, я бы ни за что на свѣтѣ не рѣшилась.

— Андрей Харламычъ, громкимъ и жалобнымъ голосомъ подсказала мнѣ Настасья Савельевна.

— Mercі, мамаша, иронически отозвался снизу Кирилинъ,—спасибо и за то, что напомнили барышнѣ мое плебейское отчество. Маменька у меня препочтительная къ господамъ, продолжалъ онъ все тѣмъ же чрезвычайно непріятнымъ, насмѣшливымъ и дерзкимъ языкомъ,—я никакъ не могъ добиться отъ нея чести быть вамъ представленнымъ; все она боялась, изволите видѣть, ваше превосходительство обезпокоить.

„— Да полно, Андрюша, полно, что это ты, право! возражала на это съ хоръ бѣдная Настасья Савельевна, махая руками и очевидно не зная, плакать-ли ей или смѣяться.

„— Я очень сожалѣю, что не видѣла васъ до этихъ поръ, Андрей Харламычъ, сказала я,—но матушка ваша нисколько въ этомъ невиновата: я была нездорова все это время и дѣйствительно никого не видѣла.

„— Понятное дѣло, отвѣчалъ онъ,—не дѣлать же вамъ для меня исключенія!

„Я покраснѣла отъ досады и хотѣла сказать ему, что на исключенія надо пріобрѣсти право, но старая моя Сарра, давно уже шокированная этимъ разговоромъ, хотя она едва-ли на половину понимала его, остановила меня.

„— For shame, Надя! сказала она, взявъ меня за руку:— зачѣмъ вы съ нимъ объясняетесь? У него очень нехорошія манеры и онъ совсѣмъ непохожъ на джентльмена; онъ не стоитъ, чтобы такая дѣвушка, какъ вы, говорила съ нимъ. Adieu, monsieur Andruche, крикнула она Кирилину своимъ забавнымъ французскимъ говоромъ,—beaucoup mérci pour your music.

„— The musician thanks you very much, Miss, for your charming society *), отвѣчалъ онъ, расхохотавшись на всю залу веселымъ и добродушнымъ смѣхомъ, который рѣзко противорѣчилъ его предыдущему желчному тону.

„— Онъ однако не забылъ англійскихъ уроковъ, которые я ему давала, шепнула мнѣ Сарра, уводя меня.

„Эта мысль, повидимому, помирила ее отчасти съ поразившими ее такъ дурными манерами Кирилина; она по крайней мѣрѣ уже болѣе не упоминала о немъ и, напившись чаю, ушла въ свою комнату.

„За то Настасья Савельевна, оставшись наединѣ со мной, долго не могла успокоиться относительно того, что она называла *продерзостью* и непочтительностью ко мнѣ ея сына. Она слезно умоляла меня *не гнѣваться* на него за это, при чемъ я невольно подумала, что дѣйствительно она черезчуръ уже „почтительна къ господамъ“. Она тоскливо жаловалась на своего Андрюшу, говорила, что не знаетъ, какъ быть съ нимъ, что не узнаетъ его съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся въ Рай-Воздвиженское.

„— И ума приложить не могу, барышня, что это приключилось съ нимъ: все-то не по нраву ему, всего-то онъ чуж-

*) Музыкантъ весьма благодаренъ вамъ за ваше очаровательное общество.

дается, словно весь свѣтъ ему постылъ. Помилуйте, скажите сами: вѣдь онъ здѣсь родился, выросъ, кажись бы каждый кустикъ долженъ быть милъ ему, а онъ, повѣрите, какъ пріѣхалъ, такъ и засѣлъ въ нору, изъ комнаты своей не выходитъ, въ саду еще ни разу не былъ; къ батюшкѣ вашему носу не показываетъ, сказывается больнымъ.

„— Что же онъ дѣлаетъ? спросила я.

„— Да ничего-съ, лежитъ день цѣлый, скламши руки подъ голову, мухъ на потолкѣ считаетъ, а то читаетъ книжку. Книгъ онъ навезъ много.

„— Играетъ на скрипкѣ?

„— Всего во второй разъ сегодня взялъ скрипку въ руки. Впервой-то онъ игралъ у генерала. Владиміръ Александрычъ, и пріѣзжалъ тогда еще къ намъ богачъ Грайворонскій, такъ они очень просили его послушать, да и тутъ сыгралъ онъ одну штучку и не захотѣлъ больше: усталъ, говоритъ, съ дороги.

„— Такъ Владиміръ Александровичъ видѣлся съ нимъ! Когда же это было?

„— Андрюша-то вѣдь пріѣхалъ на самомъ наканунѣ отъѣзда Владиміра Александровича, пояснила Настасья Савельевна,—значитъ въ тотъ самый-то день вечеромъ...

„— Я нездорова была въ тотъ вечеръ?...

„— Такъ точно-съ. А Владиміръ Александровичъ очень одобрялъ Андрюшу и радовался, что онъ вамъ своею скрипкой можетъ доставить удовольствіе.

„— Онъ такой добрый, Владиміръ!

„Я вздохнула невольно.

„— Ужь точно добрый, подхватила на лету Настасья Савельевна,—весь въ матушку свою, въ Вѣру Ѳедоровну...

„И полились у нея рѣкой хвалебныя рѣчи вамъ, милый Владиміръ. Потомъ она опять перешла къ сыну и кончила, наконецъ, вопросомъ: не заучили-ли его въ столицѣ? Я засмѣялась и сказала, что объ этомъ я судить не могу, а совѣтовала ей обратиться за отвѣтомъ къ Карлу Ивановичу. Бѣдная женщина печально покачала головой и задумалась. Я спросила ее довольно опрометчиво, любитъ-ли ее сынъ? Она

взглянула на меня такъ, какъ будто ей никогда не приходилъ въ голову этотъ вопросъ.

„— Конечно, не сейчасъ могла она отвѣтить.—Онъ, какъ пріѣхалъ, да увидалъ меня, очень обрадовался, даже заплакалъ... ну, а за тѣмъ... право, не знаю сама, какъ и сказать: можетъ онъ меня и любитъ, только ему не такая мать, какъ я, была бы нужна.

„— Чѣмъ же вы не хороши, Настасья Савельевна?

„— А тѣмъ, что я не важная барыня; ему нужна мать графиня,—вотъ ту бы онъ уважалъ и покорялся; а то что я? Я, знаете, барышня, примолвила Настасья Савельевна, возвращаясь къ своей природной веселости, — я все одно, что курица, подъ которую подложили утиное яйцо; вывела она лапчатаго утенка,—онъ въ воду, а она на бережку осталась; глядитъ, онъ къ ней не хочетъ, а она къ нему не можетъ... Такова и моя судьба съ Андрюшей: понять-то мы не можемъ другъ друга, вотъ что-съ!

Она засмѣялась и тутъ же глубоко вздохнула, пожелала мнѣ доброй ночи и ушла“.

„Усну-ли я, наконецъ, сегодня? думала я, ложась въ постель, въ которой провела прѣдъ этимъ нѣсколько дней сряду, почти не смыкая глазъ. Но сонъ все также упорно бѣжалъ отъ меня и теперь. Фантазія Кирилина, этотъ сверкающій польскій, такъ и звенѣлъ въ моихъ ушахъ и поддразнивалъ своими капризными модуляціями; онѣ то проносились на мгновеніе въ памяти, то ускользали вдругъ, связующая нить ихъ порывалась то-и-дѣло, и я, досадуя, сто разъ начинала напѣвать въ головѣ сызнова первоначальный мотивъ. А мысль бѣжала между тѣмъ впередъ, отъ звуковъ она добиралась до смысла самой композиціи, и смыслъ этотъ становился для меня все болѣе и болѣе понятенъ. Какъ странно, думала я, неужели въ самомъ дѣлѣ могъ сочинить такую прелестную музыку этотъ непріятный, самолюбивый человѣкъ, которому все прискучило, все постыло, какъ говоритъ его мать? Откуда же взялось у него столько силы и нѣжности, и блеска, и жара?

Можно-ли быть равнодушнымъ ко всему, ничего и никого не любить и въ то же время быть способнымъ создать такую вещь, которая въ другомъ, въ слушающемъ, поднимаетъ, напротивъ, изъ глубины души самыя сладостныя и высокія чувства? Въ этой музыкѣ не слышится-ли горячее желаніе любить и любимымъ быть, и отважная рѣшимость пожертвовать жизнью за одну минуту счастія? Странно!... Я читала біографіи великихъ музыкантовъ, мнѣ много говорилъ о нихъ Полякъ, бывшій мой учитель музыки: Моцартъ, Бетговенъ, Шопенъ—все это были люди съ глубокою душой, все великое и прекрасное ими написанное, все это они, какъ выражался Полякъ, выносили въ себѣ, выстрадали; оно вылилось, значитъ, у нихъ изъ чувства, которое прежде всѣхъ они сами испытали. Какимъ же образомъ можетъ этотъ *Андрей Харламычъ* быть такимъ бездушнымъ человѣкомъ?... Или, можетъ-быть, мелькнуло у меня въ головѣ, онъ не всегда былъ такой? Я помню, въ дѣтствѣ нашемъ онъ былъ такой славный, такъ любилъ насъ съ покойнымъ братомъ Васей; когда Вася умеръ, никто въ домѣ, кажется, такъ не плакалъ о немъ, какъ этотъ самый Андрюша. Чувство говорило же въ немъ тогда!... Оттого же теперь?... Но почему я знаю, какія обстоятельства, какія огорченія могли измѣнить его. Прошло шесть лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ Рай-Воздвиженское. Онъ все это время жилъ одинъ, на чужой сторонѣ. Кто скажетъ, что онъ испыталъ, сколько можетъ быть горя вынесъ за это время?... Можетъ-быть онъ и любилъ, былъ влюбленъ въ какую-нибудь дѣвушку и тогда сочинилъ эту вещь... Онъ, можетъ-быть, не смѣлъ признаться ей на словахъ въ своей любви и выразилъ чувства свои музыкой... и если она не поняла изъ нея, что онъ хотѣлъ сказать ей, то она была очень тупая дѣвушка... Но скорѣе всего надо полагать, что она его не любила: онъ очень не хорошъ собой, и, притомъ, Сарра права, онъ вовсе не похожъ на джентльмена, а это нанесло ему большой ударъ,—и вотъ съ тѣхъ поръ ему все постыло. Иначе быть не можетъ, додумалась я уже до полнаго убѣжденія: онъ любилъ, но его не любили, а можетъ-быть и родные любимой имъ дѣвушки не хотѣли выдать ее за него... Все это надо бу-

детъ разузнать чрезъ Настасью Савельевну, и если только препятствія идутъ не отъ предмета его обожанія, то ему можно будетъ помочь: я скажу батюшкѣ. Нѣтъ, онъ этого не пойметъ; я дождусь Владиміра, и мы съ нимъ все устроимъ...

„Такъ мечтала въ безмолвной ночи моя восемнадцатилѣтняя голова... Предвидѣли-ли вы это, Владиміръ, когда радовались, что пріѣздъ Кирилина послужитъ для меня источникомъ музыкальныхъ наслажденій? Предвидѣли-ли вы, что съ перваго же раза эта музыка заставитъ „вашу Наденьку“ провести безсонную ночь въ заботѣ о судьбѣ ея исполнителя?

„Я уснула только на зарѣ и увидѣла страшный сонъ. Всѣ впечатлѣнія того дня спутались и переложились въ томъ снѣ въ грозные фантастическіе образы. Прежде всего я увидѣла себя и васъ, Владиміръ, среди необозримаго пространства водъ; онѣ тихо плескались, и полный мѣсяцъ глядѣлся въ нихъ. Золотые лучи его тянулись длиннымъ вѣеромъ въ безконечную даль, и мы плыли съ вами по этимъ лучистымъ струямъ подъ бѣлымъ натянутымъ парусомъ. Не помню, что вы говорили мнѣ, но рука моя лежала въ вашей рукѣ, и мы оба весело слѣдили за блестящею стезей, оставляемою нашимъ челнокомъ на зыбучей волнѣ, какъ въ тотъ вечеръ,—помните, Владиміръ?—когда вы съ управителемъ устроили прогулку по нашей Семи.—Слышите-ли вы это пѣніе? спросила я васъ вдругъ,—тамъ, гдѣ мелькнулъ этотъ огонекъ? Поплывемъ туда, Владиміръ! — „Мы собьемся съ дороги, Надя, отвѣчали вы,—а видите, какъ она свѣтло стелется впереди“. Но я настояла, и мы повернули въ ту сторону. Огонекъ все ярче горѣлъ, и пѣніе—все та же неотступная мелодія Кирилина—все слышнѣе раздавалось по мѣрѣ нашего приближенія, но за нами за то становилось все темнѣе и темнѣе, и черныя волны метались поперекъ оставленной нами золотой полосы мѣсяца... Вы печально указывали мнѣ на нее рукой, но я все стремилась впередъ.—Вотъ и берегъ близко, говорила я, вотъ и призывные огоньки на немъ такъ привѣтно разгорѣлись; пристанемъ къ нему скорѣе... Но это былъ не берегъ, а огромный утесъ, и доступу къ нему не было, а призывные огоньки горѣли теперь зловѣщимъ пламенемъ изъ огромныхъ пещеръ,

превратившихся вдругъ въ пожирающіе глаза какого-то исполинскаго чудовища. Только сладкое пѣніе все еще звенѣло сквозь ревъ и вопли поднявшейся бури и манило, и звало меня къ себѣ, и я чувствовала, какъ что-то поднимаетъ меня и несетъ, противъ моей воли, въ огненный зѣвъ чудовища.—Владиміръ, Владиміръ! отчаянно кричала я, не видя васъ болѣе и ощущая только, какъ постепенно холодѣла моя рука, оставшаяся въ вашей замершей рукѣ.—Спасите, спасите меня! взывала я къ батюшкѣ. Но батюшка меня не слушалъ; онъ сидѣлъ въ нашей гостиной, въ большомъ креслѣ, съ поникшею головой, а противъ него сидѣлъ Карлъ Ивановичъ и сквозь очки читалъ газету. „Потонулъ", говорилъ онъ, качая головой.—Кто потонулъ? спрашивала я, замирая.—„Ричардъ Симсонъ, изъ Мадраса", отвѣчалъ батюшка громовымъ голосомъ, и вмѣстѣ съ этимъ именемъ разверзалась подъ моими ногами черная, страшная бездна, и я падала въ нее бездыханная. Пророческій былъ этотъ сонъ, Владиміръ!...

„Я открыла глаза и тотчасъ же закрыла ихъ: меня ослѣпило горячимъ утреннимъ свѣтомъ. Методическая Сарра, вѣрная своему ежедневному обычаю, поднимала сторы и открывала окна въ моей спальнѣ.

„—О, Сарра, жаловалась я, медленно приподнимая вѣки, между тѣмъ какъ сердце мое еще билось подъ вліяніемъ ужаса, — еслибы знали, изъ какого мрака я выхожу! Я видѣла сейчасъ во снѣ, что меня поглощаетъ вѣчная ночь.

„—У васъ фантастическая голова, Надя, возразила Сарра,—оттого вамъ и снится такой вздоръ. Взгляните-ка лучше, что за прелестное утро нынче...

„Она отодвинулась и указала въ окно. Я приподнялась на подушкахъ и такъ и закаменѣла, если только это выраженіе можетъ передать то чувство какой-то оковывающей отрады, которая въ ту минуту сладостно овладѣла мной. Я какъ будто дѣйствительно изъ темной могилы воскресала къ жизни и, какъ растеніе, какъ травка въ полѣ, нѣмо принимала въ себя всю благодать солнца и весны. Никогда еще въ такомъ

очарованномъ видѣ не представлялась мнѣ давно знакомая картина, разстилавшаяся передо мной. Точно чешуйчатая змѣя, извивалась сверкающая Семь по цвѣтамъ необъятныхъ нашихъ луговъ, и, звонко звеня свою милую пѣсню, взлетали съ нихъ жаворонки въ небо и пропадали въ его синевѣ. На горѣ за дубовою рощей брыжжетъ лучъ молодаго дня, на куполѣ сосѣдняго села; несутся въ вышинѣ бѣлыя, прозрачныя облачки, будто играя, и отовсюду льются свѣтъ и звуки и живительная прохлада утра... — Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо жить! говорила я себѣ въ тихомъ восхищеніи, сладко вдыхая нѣжный запахъ фіалокъ, который, казалось мнѣ, несся въ окно вмѣстѣ съ этимъ утреннимъ воздухомъ.

„— Сколько фіалокъ въ саду, Сарра, сказала я ей:—слышится, какъ пахнутъ! Пойдемъ послѣ завтрака нарвать ихъ.

„— Объ этомъ уже постарались, отвѣчала она, и указала на столикъ подлѣ моей постели.

„— Въ японскую вазу, подарокъ вашъ, Владиміръ, воткнутъ былъ огромный букетъ свѣжихъ фіалокъ.

„— О, thank you, Сарра, когда это вы успѣли?... говорила я, погружая все лицо въ благоухавшіе и влажные цвѣты.

„— О, нѣтъ, это не я,—мнѣ самой поднесли ихъ утромъ, отвѣчала она,—но я подумала, что вы очень любите фіалки и что въ одной изъ прекрасныхъ вазъ Mister Woldemar'a имъ будетъ гораздо лучше у васъ, чѣмъ у меня въ простомъ кувшинѣ.

„— Кто же вамъ сдѣлалъ эту любезность, Missy? спросила я, называя ее, какъ называла въ дѣтствѣ, что доставляло ей всегда большое удовольствіе.

„Она весело улыбнулась.

„— Вы думаете, Надя, что никого уже болѣе не найдется, кто бы могъ оказать вниманіе такой старухѣ, какъ я! А вотъ же нашелся такой любезный кавалеръ; и никто другой онъ, какъ вчерашній музыкантъ и бывшій мой воспитанникъ, Андрюша.

„— О, о! сказала я, разсмѣявшись,—это даже невѣроятно! Мать его говорила мнѣ, что онъ цѣлый день не выходитъ изъ своей норки, а чтобы нарвать такое множество фіалокъ,

надо предполагать, что онъ поднялся сегодня съ солнцемъ и все утро провелъ за этимъ занятіемъ.

„— Вы напрасно смѣетесь, возразила Сарра,—предположеніе ваше вѣрно. Я едва проснулась сегодня, какъ вошла ко мнѣ *Нестези* (то-есть Настасья Савельевна) съ этимъ букетомъ; она мнѣ сказала, что сынъ ея нарвалъ его для меня и приказалъ мнѣ передать свое сожалѣніе, что ничѣмъ лучшимъ не можетъ отблагодарить меня за мои уроки и за снисхожденіе къ его проказамъ, когда онъ былъ мальчикомъ.

„— Это очень хорошо съ его стороны, Missy, и я ни за что не хочу лишать васъ этого доказательства его благодарнаго сердца. Отнеси этотъ букетъ въ комнату миссъ Сарры, Катя, сказала я вошедшей горничной, и поставь его тамъ бережно въ воду... У меня не было никакой задней мысли въ эту минуту, клянусь вамъ, Владиміръ: я видѣла, что вниманіе ея бывшаго воспитанника тронуло добрую Сарру, и я не хотѣла ее лишать его приношенія, но въ то же время, сознаюсь, я подумала, что господинъ Кирилинъ могъ бы нарвать фіалокъ и для меня: это было бы, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-то въ родѣ извиненія за его вчерашнюю *продерзость*, употребляя красивое выраженіе его матушки.

„Сарра не настаивала; цвѣты были отнесены въ ея комнату, и я тутъ же забыла о нихъ.

„Послѣ завтрака она ушла къ себѣ, а я надѣла соломенную шляпку и вышла въ садъ. Какой-то мимолетный дождикъ окропилъ его ночью, и на листьяхъ еще сверкали, какъ алмазы, его блестящія капли, но дорожки были уже сухи, и я прошла подъ тѣнью большой липовой аллеи до китайскаго павильона на берегу Семи. Это было, какъ вы знаете, мое любимое мѣсто. Помните, какъ часто оттуда, съ той высокой скалы, на которой стоитъ онъ, мы любовались окрестными видами. На пятнадцать верстъ кругомъ виднѣются лѣса и села, зеленыя поля и высокія колокольни, а внизу, подъ крутымъ обрывомъ, грохочетъ и пѣнится Семь, сжатая порогами, и обрушивается съ нихъ гнѣвнымъ водопадомъ, лишь для того, казалось мнѣ въ это чудесное утро, чтобы еще безмятежнѣе текли тамъ въ долинѣ твои прозрачно-глубокія воды, милая

Семь. О, еслибъ я могла предвидѣть тогда!... Но въ это утро все, небо и земля и этотъ бунтующій водопадъ, все сіяло мнѣ привѣтомъ и радостью. Я даже рѣшилась подойти къ самому краю обрыва и смѣло взглянула внизъ въ клокочущую бездну; вспомнила чудовище-утесъ и пожирающія пещеры моего сна и улыбнулась моему минувшему ужасу. Владиміръ, можетъ-быть, сегодня вышелъ въ море, вспомнилось мнѣ вдругъ. Какъ весело было бы плыть съ нимъ теперь на кораблѣ, по синему морю, подъ большими парусами... Какія мѣста онъ увидитъ! Константинополь, Грецію, Италію! Будетъ-ли онъ въ Севильѣ? Увидитъ-ли Альгамбру? Когда онъ будетъ моимъ мужемъ, я непремѣнно поѣду съ нимъ въ Римъ и Испанію...

„Батюшка прервалъ меня на самомъ интересномъ мѣстѣ моихъ воздушныхъ замковъ: мы входили съ вами въ Колизей, лунною ночью... Онъ, то-есть батюшка, возвращался верхомъ изъ дальняго поля; завидѣвъ меня изъ парка, онъ слѣзъ съ лошади и пришелъ ко мнѣ въ павильонъ. Онъ насвистывалъ тотъ вѣчный свой маршъ на взятіе Парижа, по которому всѣ у насъ въ домѣ знали, что батюшка *въ духѣ*.

„— Вышла погулять, сказалъ онъ мнѣ,—это хорошо! Здорова? и, не дождавшись отвѣта, перешелъ къ какому-то новому плугу, который онъ пробовалъ въ полѣ и которымъ остался очень доволенъ. Я была такъ хорошо расположена въ это утро, что заинтересовалась и плугомъ и спросила батюшку, какая же разница между этимъ новымъ и прежнимъ. Онъ объяснилъ мнѣ это отрывисто, но отчетливо, какъ всегда, затѣмъ взглянулъ на часы и сказалъ, что ему пора, что управитель ждетъ его съ докладомъ.

„— Я пойду съ вами, папа, сказала я,— мнѣ также пора за фортепіано.

„— Пойдемъ; онъ взялъ меня подъ руку. — Ты слышала вчера, спросилъ онъ,—нашего скрипача? Хорошо онъ играетъ?

„— Великолѣпно, папа, у него замѣчательный талантъ, сколько я понимаю.

„— Гм... Батюшка пробормоталъ что-то про себя. — Не вижу я его что-то, сказалъ онъ громко,—сегодня послалъ ему

сказать, чтобы приходилъ обѣдать. А ты къ столу будешь, Надя? спросилъ онъ, когда мы подходили къ лѣстницѣ.

„— Буду, батюшка, я себя теперь совершенно хорошо чувствую.

„— Ладно, сказалъ онъ и опять засвисталъ свой маршъ.

„Все дообѣденное время я провела у себя въ занятіяхъ, которыя совсѣмъ было опустила въ предыдущіе дни: часа два проиграла трудный этюдъ Мошелеса, перевела страницъ десять съ англійскаго на русскій языкъ. Я работала надъ этимъ съ особеннымъ прилежаніемъ, помня, какъ вы вѣчно подсмѣивались надъ тѣмъ, что я лучше говорю и пишу по-англійски, чѣмъ по-русски.

„Я сошла въ три часа къ обѣду, довольная собой и всѣмъ міромъ. Это, должно-быть, и на лицѣ моемъ было написано, потому что добрый Карлъ Ивановичъ, забывая, какъ нелюбезно принимала я недавно его совѣты, подошелъ ко мнѣ и, пресмѣшно расшаркнувшись, объявилъ, что я цвѣту какъ роза. Кирилинъ былъ также тутъ, во фракѣ, съ какимъ-то вытянутымъ и безжизненнымъ лицомъ. Онъ сухо поклонился мнѣ, не говоря ни слова. Сарра подошла было къ нему, съ изъявленіемъ благодарности за букетъ, но, увидѣвъ входившаго батюшку, прервала рѣчь свою на полусловѣ. Батюшка внушалъ ей постоянно какое-то боязливое уваженіе, и она при немъ почти никогда не открывала рта.

„— Безъ лѣкарства выздоровѣла! сказалъ батюшка, кивнувъ на меня Карлу Ивановичу, когда мы сѣли за столъ.

„— Молодость—лучшее лѣкарство, отвѣчалъ докторъ, посмѣиваясь:—это такая панацея, противъ которой не устоятъ никакія страданія.

„Кирилинъ, не то насмѣшливо, не то печально, улыбнулся на эти слова Карла Ивановича.

„Замѣтилъ-ли эту улыбку батюшка, но онъ вслѣдъ затѣмъ обратился къ нему съ вопросомъ:

„— Ну, что дѣлаешь, Андрей?

„— То-есть, какъ это, что дѣлаю? какъ бы обидѣвшись, переспросилъ Кирилинъ.

„Батюшка мелькомъ взглянулъ на него.

„— Чѣмъ занимаешься? сказалъ онъ, не возвышая голоса, но такъ, что Карлъ Ивановичъ поднялъ испуганные глаза на Кирилина.

„— Читаю, отвѣчалъ тотъ помягче.

„— Не занятіе, — удовольствіе.

„— Зависитъ отъ книгъ, которыя читаешь, возразилъ Кирилинъ, небрежно поигрывая своею вилкой.

„—Такъ есть такія, которыя ты читаешь безъ удовольствія? Рѣдкость, усмѣшка пробѣжала по лицу моего отца.—О контрапунктѣ, что-ли?

„— Я занимаюсь не одною музыкой, сказалъ Кирилинъ, съ разгорѣвшимися вдругъ глазами.—Я полагаю, примолвилъ онъ не совсѣмъ естественнымъ, поучительнымъ тономъ,—что прежде, чѣмъ образовать изъ себя какую-нибудь спеціальность, надо воспитать въ себѣ человѣка!

„— Не изъ книгъ, изъ себя воспитывается человѣкъ, отрѣзалъ батюшка.

„— Мнѣ говорила ваша матушка, поспѣшно вмѣшался въ разговоръ Карлъ Ивановичъ,—что вы были *на университетѣ*, въ Петербургѣ?

„— Былъ.

„— И долго?

„— Два года.

„— И курсъ *кончали*?

„— Нѣтъ, не кончилъ.

„— О! это зачѣмъ?

„Кирилину видимо очень не нравилось это допытываніе, но большіе, синіе глаза добряка-доктора глядѣли такъ ласково, что не было никакой возможности разсердиться на него.

„— Обстоятельства не дозволили, отвѣтилъ онъ сквозь зубы.

„— Знакомства, сказалъ батюшка.

„Я не поняла и вопросительно взглянула на него. То же сдѣлалъ и Кирилинъ, но тотчасъ же опустилъ глаза: онъ видно понялъ изъ выраженія батюшки, что ему извѣстны многія подробности о немъ, которыя, можетъ-быть, Кирилинъ почиталъ до этихъ поръ тайной для всѣхъ.

„Карлъ Ивановичъ жалостливо покачалъ головой. Всѣ примолкли.

„— Что же намѣренъ дѣлать теперь? спросилъ опять батюшка.

„— Еще самъ не знаю, отвѣчалъ Кирилинъ.

„Въ голосѣ его замѣтно было уже гораздо менѣе самоувѣренности.

„— Грайворонскій писалъ ко мнѣ, зоветъ опять тебя управлять оркестромъ. Онъ очень остался доволенъ тогда. Если, пишетъ, тысячи рублей мало, дамъ больше.

„Кирилинъ не далъ отвѣта.

„— Папа, онъ, кажется, взбалмошный человѣкъ, Грайворонскій, сказала я.

„— Съ придурью, подтвердилъ онъ.

„— О, нѣтъ, онъ *хорошъ человѣкъ*, возразилъ успокоительно Карлъ Инановичъ, глядя съ участіемъ на Кирилина:— можно съ нимъ жить!

„— Нужда съ кѣмъ не научитъ жить! поспѣшилъ отвѣтить ему тотъ, какъ будто только и ждалъ случая помѣстить эту фразу.

„Батюшка бровью не моргнулъ, но мнѣ показалось весьма неделикатнымъ со стороны этого молодаго человѣка говорить о нуждѣ, когда я знала, чрезъ его же мать, что онъ во все время пребыванія своего въ Петербургѣ и Москвѣ получалъ отъ отца моего содержаніе и что, кромѣ того, два раза были заплачены его долги на довольно крупную сумму.

„Послѣ обѣда батюшка отправился по обыкновенію въ кабинетъ курить предъ открытымъ окномъ свою нѣмецкую трубку, а мы перешли пить кофе въ гостиную.

„Проходя впередъ съ Саррой, я услышала, какъ Кирилинъ громко говорилъ Карлу Ивановичу:

„— Тяжеленько толковать *съ благодѣтелемъ!*

„Я не выдержала и, обернувшись къ нему:—Кого вы разумѣете подъ этимъ названіемъ? спросила я.

„Онъ прочелъ вѣроятно въ глазахъ моихъ такъ много негодованія, что все лицо его покрылось краской; онъ глянулъ въ сторону, не отвѣчая ни слова.

„— Нѣтъ, это мы такъ, про свои дѣла, заговорилъ Карлъ Ивановичъ, сконфуженный впрочемъ не менѣе того, кого онъ, по добротѣ своей, старался выпутать.

„Сарра, какъ всегда, ничего не поняла, а только спрашивала:—what is that, Надя?...

„Я не отвѣчала ей и поспѣшила усѣсться въ дальнемъ углу гостиной, на диванчикѣ, гдѣ было мѣста только для двухъ и куда я съ собой посадила Карла Ивановича. Сарра надулась на меня за это и помѣстилась поодаль, обернувшись ко мнѣ спиной. Кирилинъ послѣдовалъ за нею и сѣлъ насупротивъ, такъ что до меня могло доходить все то, что онъ говорилъ ей. Но онъ былъ видимо взволнованъ сначала, и чашка кофе плескалась въ его дрожавшей рукѣ. Сарра закидывала его вопросами, на которые онъ неохотно отзывался, судя по его отрывистымъ, вполголоса произносимымъ отвѣтамъ; но онъ оживлялся постепенно, и по мѣрѣ того, какъ рѣчь его становилась бойчѣе, онъ все чаще и чаще обращался въ мою сторону, какъ будто слова его относились не къ Саррѣ, а ко мнѣ. Это меня еще болѣе раздражало противъ него, и я бы тотчасъ же ушла изъ гостиной, еслибы не боялась сдѣлать ему слишкомъ много чести, давъ замѣтить, насколько онъ мнѣ непріятенъ. Невыносимо было чувствовать на себѣ его неотвязчивый взглядъ и не смѣть поднять глазъ, чтобы не встрѣтиться съ нимъ и быть принужденною вслѣдствіе этого улыбаться скучнѣйшимъ анекдотамъ Карла Ивановича о временахъ его студенчества въ Геттингенѣ, которые я могла бы разсказать лучше его, такъ какъ знала ихъ наизусть съ самаго дѣтства.

„Кирилинъ, между тѣмъ, горячо и какъ бы оправдываясь говорилъ Саррѣ (онъ изъяснялся довольно сносно по-англійски, но часто не находилъ выраженій и прибѣгалъ тогда къ помощи французскихъ или русскихъ фразъ):—Здѣсь этого не поймутъ, но вы дитя свободной страны, у васъ не преслѣдуютъ людей за мнѣнія, вы не станете укорять человѣка за его *знакомства* (онъ такъ и сказалъ это слово по-русски и потомъ уже примолвилъ: acquaintances), за то, что онъ не старовѣръ, что онъ по убѣжденіямъ своимъ стоитъ внѣ ва-

шего тѣснаго круга понятій. Я не скрываю, да, многіе изъ друзей моихъ попали теперь въ изгнаніе. И я самъ, не знаю какъ, здѣсь, а не за крѣпкими затворами, или не перестрѣливаюсь съ Черкесами на Кавказѣ. Я долженъ былъ покинуть университетъ, погубилъ можетъ-быть все мое будущее, если допустить, что оно могло быть у меня, примолвилъ онъ съ какимъ-то заносчивымъ смиреніемъ,—но это ни до кого, кромѣ меня, не касается, никому не даетъ права залѣзать грубыми руками въ мое внутреннее *я*...

„Сарра перебила его и вѣроятно опять заговорила о своемъ букетѣ, потому что онъ довольно рѣзко отвѣчалъ ей:

„— Это вздоръ и не стоитъ благодарности, но я, вѣрьте, умѣю цѣнить всякое свободное и искреннее изъявленіе ко мнѣ участія, а вы, кажется, однѣ въ этомъ домѣ относитесь ко мнѣ, какъ человѣкъ къ человѣку, и не кичитесь передо мной никакимъ авторитетомъ.

„Не знаю, чего онъ хотѣлъ достичь и былъ-ли самъ увѣренъ въ томъ, что утверждалъ въ эту минуту, но довѣрчивая Сарра была совершенно тронута. Она протянула Кирилину свою длинную морщинистую руку.

„— Дружба *заключенъ*, шепнулъ Карлъ Ивановичъ, видѣвшій это, и лукаво подмигнулъ мнѣ.

„Я разсмѣялась.

„— Шш... еще тише произнесъ онъ, нагибая голову, — будемъ слушайть...

„Но отъ Кирилина не ускользнуло наше перешептываніе. Онъ продолжалъ уже со злостью и по-русски: — Благодарю васъ, миссъ Мэкдефъ, вы протягиваете мнѣ дружески руку, не такъ какъ другіе, которые, въ силу разныхъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ преимуществъ своихъ, почитаютъ себя въ правѣ обращаться со мной, какъ съ существомъ низшаго разряда...

„Эта выходка прямо относилась ко мнѣ: повышеніе голоса, сверкавшіе глаза Кирилина, которые, казалось, хотѣли бы прожечь меня насквозь,—все это краснорѣчиво говорило за себя и положило предѣлъ моему терпѣнію.—Чего онъ наконецъ отъ меня хочетъ, этотъ противный человѣкъ? думала я.

„— Пойдемте гулять, Карлъ Ивановичъ, сказала я, вставая.

„Онъ поспѣшилъ за мной, но остановился на полпути.

„— Дождь пошелъ, сказалъ онъ:—дождь и солнце заразъ, много грибовъ будетъ,—и онъ расхохотался какъ чему-то очень остроумному.

„— Такъ я пойду къ себѣ ожидать, пока они выростутъ, отвѣчала я съ досадой.

„Карлъ Ивановичъ догналъ меня въ слѣдующей комнатѣ.

„— Онъ очень несчастный молодой человѣкъ есть, Надежда Павловна, сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ, указывая пальцемъ черезъ плечо на дверь гостиной.

„— Можетъ-быть, я не знаю, но во всякомъ случаѣ не возбуждаетъ къ себѣ ни малѣйшаго сожалѣнія...

„Сарра не ранѣе какъ чрезъ часъ вернулась снизу. Она продолжала дуться на меня: за себя-ли, или быть-можетъ за Кирилина, котораго она еще такъ недавно почитала недостойнымъ говорить съ дѣвушкой какъ я, — я не спрашивала. Она, въ свою очередь, не заговаривала со мной и отправилась даже пить чай въ свою комнату. Я провела весь вечеръ одна за чтеніемъ *Евгенія Онѣгина*.

„Прошло нѣсколько дней. Я не видала Кирилина, не встрѣчала его. Никто не упоминалъ о немъ, ни Сарра, ни Карлъ Ивановичъ. Сама Настасья Савельевна, заходившая по нѣскольку разъ въ день во мнѣ наверхъ, по своимъ хозяйственнымъ дѣламъ, какъ будто избѣгала вступать въ разговоры со мной и вѣчно куда-то спѣшила. Я могла бы забыть и о существованіи ея Андрюши, еслибы не тотъ блестящій польскій его, который просился у меня подъ пальцы каждый разъ, когда я садилась за фортепіано, и все также дразнилъ и не давался мнѣ...

„Погода стояла чудесная; я проводила утромъ цѣлые часы въ саду съ книгой въ рукѣ.

„Я сидѣла тамъ однажды на дерновой скамейкѣ, подъ большимъ вязомъ. За нимъ начиналась лѣсная чаща, въ которой проложенъ былъ паркъ, и сплошною своею тѣнью защищала меня отъ зноя. Въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, вы-

текалъ изъ-подъ большаго бѣлаго камня ключъ студеной воды и падалъ, тихо журча, въ небольшой бассейнъ, устроенный тутъ недавно по приказанію батюшки. Кромѣ этого тихаго плеска воды, ничего не было слышно: птицы замолкли, листья точно замерли на деревьяхъ, какъ это часто бываетъ въ полдень. Я опустила книгу и замечталась. Нужно-ли говорить, Владиміръ, о комъ я думала? Вы еще всецѣло тогда наполняли мое сердце и воображеніе...

„Вдругъ за мной послышался шумъ. Кто-то торопливо пробирался сквозь чащу, ломя непослушныя вѣтви; по песку раздались тяжелые шаги, и мимо меня къ роднику подбѣжалъ человѣкъ въ широкополой сѣрой шляпѣ; онъ сорвалъ ее съ головы и, припавъ къ водѣ, сталъ пить жадными устами. Я узнала Кирилина.

„Уйти отъ него поскорѣе, пока онъ меня не замѣтилъ, было моею первою мыслью. Я поднялась со скамейки. Но скрипучій песокъ выдалъ меня; Кирилинъ приподнялъ отъ воды голову, обернулся:—Барышня! вскрикнулъ онъ, поспѣшно вставая на ноги.

„Я терпѣть не могла это названіе *барышни:* оно въ моихъ понятіяхъ всегда отзывалось насмѣшкой и напоминало жеманныхъ дочерей нашихъ мелкопомѣстныхъ сосѣдей, наѣзжавшихъ по праздникамъ въ Рай-Воздвиженское.

„— У меня есть имя, сказала я.

„— Вы сердитесь на меня, Надежда Павловна? отвѣчалъ онъ на это печальнымъ и несвойственнымъ ему покорнымъ голосомъ.

„— Вы ошибаетесь; и я направилась къ дому.

„— Вы говорите, не сердитесь, а между тѣмъ бѣжите отъ меня, какъ отъ зачумленнаго, молвилъ Кирилинъ.—Умоляю васъ, погодите, останьтесь...

„— Что вамъ угодно? Мнѣ пора домой.

„— Вы успѣете, Надежда Павловна... А вамъ грѣшно осуждать человѣка, не выслушавъ его.

„— Кто вамъ сказалъ, что я васъ осуждаю? спросила я, въ первый разъ поднимая на него глаза.

Онъ стоялъ безъ шляпы, съ опущенными руками... Я остановилась.

„— Вы осудили меня съ первой минуты, какъ меня увидѣли, говорилъ онъ,—для меня это ясно. Я самъ можетъ-быть виноватъ въ этомъ, не спорю. Я для васъ теперь новый человѣкъ. Прошлые дни, дѣтская близость, все это давно исчезло, испарилось... Я для васъ даже незнакомый... Вотъ мы стоимъ теперь въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга, а между тѣмъ насъ раздѣляетъ непроходимая пропасть... Но не думайте, прошу васъ, чтобъ я навязывался вамъ на дружбу: я слишкомъ гордъ для этого. Я одного хочу,—не быть для васъ человѣкомъ, видъ одинъ котораго вамъ невыносимъ... потому, примолвилъ онъ какъ бы черезъ силу,—потому что, я чувствую, это для меня тяжело...

„— Андрей Харламовичъ, сказала я,—я не забыла прошлыхъ дней, ни дружбы вашей съ моимъ покойнымъ братомъ, и я не почитала васъ человѣкомъ, совершенно чужимъ для меня. Вы сами своимъ непонятнымъ поведеніемъ...

„Онъ перебилъ меня.

„— Вы хотите сказать, что я неприличенъ сталъ и золъ... Вы правы! А золъ я сталъ потому, что на пути моемъ натыкаюсь лишь на колючія тернія, а я также вотъ этого хочу,— онъ указалъ на розу, которую я, проходя мимо клумбы, сорвала и приколола себѣ въ волосы,—я также желалъ бы имѣть право сказать: и я въ Аркадіи родился.

„— Если вы завидуете моей розѣ, сказала я смѣясь,—я позволяю вамъ нарвать ихъ въ моемъ цвѣтникѣ сколько вамъ угодно; можете поднести новый букетъ миссъ Мэкдефъ...

„— Будетъ съ нея! живо возразилъ Кириллинъ и вопросительно взглянулъ на меня. Но я уже раскаивалась въ моей шуткѣ: онъ могъ принять ее за упрекъ,—и ничего не прочелъ онъ на моемъ лицѣ.

„— Вамъ трудно понять меня, я знаю, началъ онъ опять.— Для васъ радужнымъ вѣнцомъ сложилось все, что даетъ цѣну и прелесть жизни! Весь этотъ безобразный порядокъ, тяготѣющій надъ нами, онъ созданъ лишь для того, чтобы вамъ было хорошо жить... и слава Богу, еслибы только вамъ!...

„— О чемъ говорите вы, я васъ не понимаю? спрашивала я съ удивленіемъ.

„— Какъ о чемъ? воскликнулъ онъ, и сѣрые глаза его сдѣлались вдругъ черными.—Я говорю обо всемъ этомъ изгнившемъ зданіи давно отжитаго феодальнаго строя, который поддерживается разными искусственными подпорками, о безсмысленныхъ предразсудкахъ, о нелѣпыхъ авторитетахъ, въ силу которыхъ исковерканы всѣ естественныя условія жизни, и человѣку жить нельзя, если онъ случаемъ рожденія не попалъ въ извѣстную, привилегированную клѣточку, внѣ которой нѣтъ спасенія. Вотъ о чемъ я говорю, барышня!

„Страненъ и новъ былъ для меня этотъ языкъ. На мое свѣжее чувство въ немъ было много натянутаго и преувеличеннаго, но я чувствовала за нимъ присутствіе дѣйствительнаго страданія, а откуда шло оно, я не спрашивала себя... Мнѣ было восемнадцать лѣтъ, Владиміръ!

„— Вы добры, Надежда Павловна, продолжалъ Кирилинъ,—это по крайней мѣрѣ говорятъ о васъ здѣсь всѣ. Неужели же въ вашемъ сознаніи ни разу не пробуждалось протеста противъ такого порядка вещей, при которомъ богатый живетъ на счетъ бѣднаго, сильный на счетъ слабаго, способный въ ущербъ слабоумному? Неужели васъ никогда не поражала эта организованная, узаконенная эксплуатація человѣка человѣкомъ? Или вы, можетъ-быть, находите, что все это прекрасно и такъ и быть должно?

„— Я ничего подобнаго не вижу вокругъ себя, говорила я въ отвѣтъ,—и отъ васъ первыхъ я слышу....

„Онъ снова горячо перебилъ меня.

„— И едва-ли отъ кого другаго услышите! Свободно мыслящіе люди не живутъ въ томъ мірѣ тирановъ и рабовъ, среди котораго вамъ такъ хорошо!

„— Кого это вы называете тираномъ? спросила я, понимая въ этомъ новый намекъ на батюшку,—не отца-ли моего? Такъ спросите вашу матушку, — ей это еще ближе моего извѣстно, что̀ говорятъ крестьяне про моего отца, какъ они называютъ его; она вамъ скажетъ, что у насъ въ цѣломъ имѣніи бѣдныхъ нѣтъ, что никто въ слезахъ не уходилъ отъ

батюшки; а тиранъ онъ такой, что на дняхъ прогналъ управляющаго, который служилъ у него шесть лѣтъ, которымъ онъ былъ всегда доволенъ, потому что тотъ позволилъ себѣ прибить крестьянина, нагрубившаго ему.

„— Не спорю, отвѣчалъ небрежно Кирилинъ;—дѣйствительно, кажется, вашъ батюшка представляетъ, съ этой точки зрѣнія, довольно замѣтное исключеніе изъ общаго уровня. Онъ не полагаетъ нужнымъ угнетать своихъ рабовъ, но тѣмъ не менѣе онъ рабовладѣлецъ. Вопросъ не въ томъ, хорошо-ли имъ подъ нимъ или дурно,—вопросъ въ принципѣ. Впрочемъ, примолвилъ онъ, я не имѣлъ въ предметѣ одно исключительно крѣпостное рабство. Видовъ ихъ много, не перечтешь.

„Онъ засмѣялся своимъ недобрымъ, ѣдкимъ какимъ-то смѣхомъ; онъ раздражалъ и возбуждалъ жалость въ одно и то же время, этотъ смѣхъ.

„— Я заговорилась съ вами, г. Кирилинъ, сказала я,—а меня давно ждутъ дома. Прощайте.

„— Мы разстаемся, Надежда Павловна, а наши отношенія все таки остаются неразъясненными, сказалъ онъ на это, и тронулся съ мѣста.

„— Что вы хотите сказать? Какія отношенія?

„Я не смотрѣла на него и быстро шла впередъ, но слышала за собой его неровный, не отстававшій отъ меня шагъ.

„— Вы сейчасъ сказали, отвѣчалъ онъ, догоняя меня и тяжело переводя дыханіе,—что не забыли нашего общаго дѣтства и готовы были видѣть во мнѣ не совсѣмъ чужаго вамъ человѣка. Я даже на это не претендую. Я бы хотѣлъ быть увѣреннымъ только въ томъ, что не возбуждаю въ васъ къ себѣ враждебнаго чувства....

„— Вы можете быть совершенно покойны, сказала я: — во мнѣ нѣтъ ни къ кому подобнаго чувства.

„— Нѣтъ-съ, извините, Надежда Павловна, это опять мало, возразилъ онъ съ оттѣнкомъ веселости. — Отложимъ на этотъ разъ христіанское чувство въ сторону. Можете-ли вы обѣщать мнѣ лично не принимать впредь за обиду вамъ или вашимъ близкимъ мою терпкую, но прямую рѣчь и за нее на меня

не гнѣваться, какъ изволитъ говорить моя просвѣщенная матушка?

„— Я не намѣрена давать вамъ никакихъ обѣщаній, отвѣчала я, силясь сказать это какъ можно строже,—прежде чѣмъ увѣрюсь, что вы будете впередъ относиться приличнѣе о тѣхъ, кого вы по всѣмъ законамъ должны почитать....

„Онъ взглянулъ на меня сбоку и двусмысленно усмѣхнулся.

„— Вы не читали Гёте *Фауста*, Надежда Павловна? спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

„— Нѣтъ.

„— Ну, конечно, нѣтъ, повторилъ онъ и презрительно повелъ плечомъ. — Я было забылъ, что нравственный кодексъ вашего свѣта запрещаетъ давать дѣвушкамъ въ руки такія умныя книжки. Такъ вотъ-съ тамъ, въ *Фаустѣ*, есть одно хорошее мѣсто. Гретхенъ, дѣвушка, которую любитъ Фаустъ, допытывается у него, вѣритъ-ли онъ въ тѣ именно законы, на которые вотъ вы сейчасъ намекнули. Онъ уклоняется отъ прямаго отвѣта. — Не хорошо, говоритъ ему она, этому надо вѣрить. — Надо-ли? возражаетъ на это Фаустъ. И я, Надежда Павловна, могъ бы возражать этимъ самымъ словцомъ на ваше милое нравоученіе; я чувствую,—добавилъ онъ съ откровенною на этотъ разъ улыбкой,—я чувствую, что мнѣ пріятнѣе вамъ повиноваться, чѣмъ препираться съ вами. Примите же днесь мое торжественное обѣщаніе, отнынѣ и на будущія времена, въ вашемъ присутствіи относиться съ достодолжнымъ почтеніемъ о всѣхъ предержащихъ властяхъ, начиная съ Иліи Пророка и до моей матушки включительно. Довольны-ли вы?

„Я не могла удержаться отъ смѣха и отвернулась, чтобъ онъ этого не видѣлъ.

„— Барышня, а вы же что? Онъ протянулъ вдругъ руку ковшикомъ, какъ нищіе.—Порадуйте на копѣечку.

„Я не выдержала, расхохоталась; его голосъ, лицо были такъ забавны, и все это такъ мало походило на него...

„— Увижу, увижу, могла я только выговорить, спѣша

уйти. Мы были уже не далеко отъ дома и мнѣ показался на террасѣ батюшка; я не видалась съ нимъ въ это утро.

„— Надежда Павловна! крикнулъ мнѣ вслѣдъ Кирилинъ,—взгляните сюда!

„Я невольно обернулась. Онъ стоялъ посреди аллеи и глядѣлъ внизъ, будто искалъ чего-то на пескѣ.

„— Чего вы ищете?

„— Вашихъ слѣдовъ, и не нахожу ихъ. Только кое-гдѣ, видите, чутъ замѣтенъ оттискъ вашего каблучка...

„— Такъ вы за этимъ меня остановили? спросила я, не зная, разсердиться-ли мнѣ на него или снова расхохотаться.— Что это значитъ?

„— А то это значитъ, что вы ходите необыкновенно легко и свободно, Надежда Павловна, молвилъ онъ, поднимая на меня глаза, просіявшіе вдругъ какъ двѣ звѣзды.—Такъ по облакамъ должны были ступать богини!...

„Я не нашла, да и не искала отвѣта, и побѣжала бѣгомъ къ дому. Но разсердиться на него,—чистосердечно признаюсь вамъ, другъ мой,—я не имѣла духа.

„Зоркіе глаза батюшки видѣли насъ издалека.

„— А музыканта гдѣ ты отрыла? спросилъ онъ, поздоровавшись со мною и указывая на Кирилина, который медленно подходилъ къ террасѣ.

„— У Бѣлаго камня.

„— Откуда это онъ? Четвертыя сутки пропадаетъ.

„— Я не спрашивала.

„— О чемъ же разсуждали?

„Я отвѣчала не сразу.

„— Онъ, кажется, очень недоволенъ жизнью, папа.

„— Блажитъ!

„Увидимъ, какъ г. Кирилинъ сдержитъ свое обѣщаніе,“ подумала я, замѣтивъ, что батюшка дергаетъ себя за ухо, и заключая по этому, что встрѣча ихъ не обойдется безъ стычки.

„Но я ошиблась.

„Кирилинъ, подойдя къ намъ, очень учтиво, даже почтительно снялъ шляпу и поклонился моему отцу.

„— Здравствуй, Андрей. Гдѣ былъ? Не у Грайворонскаго-ли?

„— Нѣтъ, я изъ города, отвѣчалъ Кирилинъ.

„— Изъ города? повторилъ съ удивленіемъ батюшка.— Какъ же такъ? Мать не знала, и лошадей не бралъ?

„— Не бралъ. Я туда и назадъ пѣшкомъ пришелъ.

„— Переходъ добрый, пятьдесятъ верстъ! Для моціона что-ли?

„— Нѣтъ. Мнѣ нужно было тамъ кое съ кѣмъ повидаться.

„— Новое знакомство? спросилъ батюшка, обрывая сухую вѣтвь съ куста сирени, подлѣ котораго онъ стоялъ.

„Кирилинъ мелькомъ взглянулъ на меня; улыбка пробѣжала у него по лицу.

„— Старое, отвѣчалъ онъ совершенно спокойно.—Одинъ бывшій мой товарищъ по университету переселяется на жительство въ Вятку, да дорогой заболѣлъ сильно и прислалъ за мной.

„— А переселяется по своей волѣ?

„— Нѣтъ-съ, не по своей.

„— Попался! За что?

„— За запрещенныя книги.

„Батюшка пристально взглянулъ на Кирилина.

„— Вѣрно, Павелъ Васильевичъ, сказалъ тотъ,—я лгать не привыкъ.

„Батюшка опять задергалъ себя за ухо.

„— А не помнилъ, видно, товарищъ-то твой, сказалъ онъ тѣмъ своимъ загадочнымъ выраженіемъ, когда не знаешь, бывало, говоритъ-ли онъ дѣло или смѣется надъ тобой,—не помнилъ онъ, видно, благаго поученія Фамусова, чтобы взять всѣ книги, да и сжечь?

„Но Кирилинъ понялъ.

„— Короче было бы, конечно, промолвилъ онъ и засмѣялся.

„— А толковъ онъ человѣкъ? спросилъ опять отецъ мой.

„Кирилинъ замялся.

„— По совѣсти сказать, я не поручусь, чтобъ онъ про-

челъ то, за что совершаетъ теперь прогулку въ дальнія страны...

„Батюшка провелъ рукой по лицу и задумался.

„— А тебя зачѣмъ онъ выписывалъ? сказалъ онъ, довольно долго помолчавъ.

„Кирилинъ исподлобья взглянулъ на него, потомъ на меня и скривилъ насмѣшливо губы.

„— Да какъ бы вамъ объяснить, Павелъ Васильевичъ? Во-первыхъ, естественное желаніе повидаться съ такимъ умнымъ человѣкомъ, какъ я,... а затѣмъ, поспѣшилъ онъ прибавить, замѣтивъ, что батюшка начиналъ хмурить брови, — разболѣлся онъ не на шутку, а лѣчиться не на что...

„— Нуждается?

„— Гроша нѣтъ.

„Батюшка помолчалъ опять и потомъ спросилъ:

„— А что же ты лошадей не взялъ ѣхать въ городъ?

„— Я не зналъ, какъ вы на это посмотрите, отвѣчалъ Кирилинъ.

„— На что?

„— Да на то, что я на вашихъ лошадяхъ поѣду на свиданіе съ опальнымъ человѣкомъ...

„Батюшка отвернулся отъ него и зашагалъ по террасѣ. Я слѣдила за нимъ взглядомъ. Онъ обходилъ клумбу, останавливаясь подолгу предъ каждымъ кустомъ розъ, какъ бы любуясь ими, по своему обыкновенію, но я видѣла, что онъ не о розахъ своихъ думаетъ. Онъ зашелъ, наконецъ, по ту сторону цвѣтника, сѣлъ на скамейку, вытащилъ изъ кармана записную книжку и что-то быстро внесъ въ нее карандашомъ, потомъ поднялъ голову и кивнулъ Кирилину подойти къ нему.

„Я догадалась о его намѣреніи, но мнѣ хотѣлось видѣть это поближе. Я зашла за палисадъ сиренц и, обѣжавъ ее, очутилась за ними.

„— Сходи въ контору, говорилъ батюшка, протягивая Кирилину листокъ изъ записной книжки и глядя не на него, а въ сторону,—возьми и отвези больному, на моихъ лошадяхъ,

промолвилъ онъ... А тебѣ совѣтую беречься: время не пригоже для вашей братіи, метафизиковъ...

„Кирилинъ съ недоумѣніемъ поднялъ на него глаза.

„— Онъ подаянія не приметъ, Павелъ Васильевичъ, сказалъ онъ.

„— Отъ себя, чучело! гнѣвно возразилъ батюшка, порываясь со скамейки. Но я въ это время успѣла пробраться сквозь вѣтви и, схвативъ его обѣими руками за голову, крѣпко поцѣловала въ лобъ.

„— Однихъ дураковъ въ лобъ цѣлуютъ, Надя! крикнулъ онъ, нетерпѣливо отстраняя меня рукой, и ушелъ прочь.

„Кирилинъ стоялъ на томъ же мѣстѣ съ листкомъ въ рукѣ и съ тѣмъ же недоумѣвающимъ видомъ.

„— Аристократъ! проговорилъ онъ вполголоса. Но я слышала.

„— Вы могли бы на этотъ разъ, сказала я,—придумать другое названіе!

„— Не въ обиду, Надежда Павловна, не въ обиду! и доброе чувство сказалось у него на лицѣ въ эту минуту.—Я признаю, что отецъ вашъ—человѣкъ, *хотя* и аристократъ, домолвилъ онъ, какъ бы для собственнаго успокоенія.

„Какъ помнятся мнѣ эти дни! Точно вчера это было. Силою-ли предсмертной таинственной власти такъ поразительно воскресаютъ въ памяти событія и образы прошлаго, или такъ глубоко запали они мнѣ въ душу съ тѣхъ временъ, но я непрестанно живу съ ними и посреди ихъ. Спѣшною и неизбѣжною вереницей тянутся они предо мной, какъ эта черная толпа инокинь, проходящая передъ моими окнами въ урочные часы богослуженія; въ ушахъ моихъ звучатъ тончайшіе оттѣнки давно замолкшихъ голосовъ; мнѣ свѣтятся,— и такимъ иной разъ невыносимымъ, то грознымъ, то страстнымъ, блескомъ, — давно угасшіе глаза. Мнѣ представляется иногда, Владиміръ, что для меня началась уже загробная жизнь, и что кара за прошедшее состоитъ именно въ этомъ непрерывномъ, неустанномъ переживаніи давно испытанныхъ

ощущеній, борьбы и страданій. И какъ тяжело, еслибъ вы знали, переживать мыслью то, что когда-то испытывало сердце. Побужденія исчезли, и за померкшимъ свѣтомъ ихъ обманчивыхъ огней остаются явленія во всей печальной наготѣ своей....

„Мнѣ легче, когда я принимаюсь за перо. Призраки минувшаго перестаютъ тогда властвовать надо мной по прихоти своей, и я, въ свою очередь, на время овладѣваю ими. Я задерживаю мучительный круговоротъ воспоминаній, въ которомъ влекусь я какъ бѣлка въ своемъ колесѣ, и отдыхаю за механическимъ процессомъ писанія. Но на это нужны силы, а у меня ихъ немного, другъ мой! Я не покидала постели цѣлую недѣлю. Сегодня мнѣ легче, впрочемъ, и я могла выстоять всю утреннюю службу. Съ Божіею помощію доведу до конца мою грустную повѣсть.

„Кирилинъ отправился въ городъ въ тотъ же день и вернулся на слѣдующій, часа за два до обѣда. Онъ засталъ насъ на террасѣ съ Саррой; она читала вслухъ англійскій романъ, я сидѣла за шитьемъ и разсѣянно слушала ее. Я думала о прогулкѣ верхомъ, обѣщанной мнѣ послѣ обѣда батюшкой, на новой лошади, которую онъ самъ выѣздилъ для меня. Вы помните ее, Владиміръ,—сѣрая, съ отливомъ стали, прелестная; я прозвала ее Красавкой и кормила молоденькую сахаромъ; она, какъ собачка, безъ узды, ходила за мной. Бѣдная Красавка! я не знала, что въ тотъ же день должна была лишиться ея навсегда!

„Кирилинъ казался не веселъ. Онъ сухо поклонился намъ и, сѣвъ поодаль, сталъ слушать медленное и монотонное чтеніе Сарры. Недобрая его улыбка то-и-дѣло пробѣгала по его губамъ, обрывавшимъ одинъ за другимъ лепестки цвѣтка, который онъ держалъ въ рукѣ, а глаза его съ какимъ-то насмѣшливымъ соболѣзнованіемъ останавливались то на Саррѣ, то на мнѣ.

„Мнѣ хотѣлось спросить его о его больномъ товарищѣ, но я не рѣшилась; Богъ знаетъ, какъ бы онъ это еще принялъ.

„— Вы, кажется, не слушаете, Надя? спросила Сарра,

прерывая чтеніе на полусловѣ. — Я кончу, если вамъ надоѣло.

„— Миссъ Мэкдефъ, тотчасъ же обратился къ ней Кирилинъ: — вы никогда не читали вашей воспитанницѣ романовъ Жоржъ-Санда?

„— О, what is that? отвѣчала Сарра точно въ испугѣ, какъ это всегда случалось съ ней, когда вопросъ заставалъ ее врасплохъ.

„— Напрасно! Васъ слушали бы, я не сомнѣваюсь, повнимательнѣе, чѣмъ теперь. Тамъ букета будетъ побольше, чѣмъ въ этой сахарной водицѣ, сказалъ онъ, указывая на нашу книгу.

„Сарра, приложивъ палецъ ко лбу, раздумывала о чемъ-то въ это время.

„— О, я знаю! воскликнула она вдругъ съ торжествомъ, освѣтившимъ все ея лицо. — Жоржъ-Сандъ, это французская женщина!

„— Несомнѣнную истину повѣдали вы, миссъ, насмѣшливо подтвердилъ Кирилинъ:—женщина, и даже геніальная!

„— Но, Andruche, говорила Сарра,— я помню, я читала въ *Quarterly Review*, кажется, a great tract объ этихъ G. Sand's novels и, если я только не ошибаюсь, нравственное направленіе ихъ тамъ не очень одобрялось.

„— Это зависитъ отъ того, что̀ мы будемъ разумѣть подъ словомъ нравственность, отвѣчалъ онъ, откидывая назадъ свои длинные волосы.—Если страстную ненависть къ насилію, къ попранію чужаго права, въ какомъ бы видѣ это ни проявлялось,—если горячее сочувствіе ко всему приниженному и угнетенному вы почитаете несогласнымъ съ вашими нравственными убѣжденіями, то каждая строка Жоржъ-Санда будетъ оскорблять васъ, разумѣется! Но кто еще не весь поглощенъ заѣдающимъ эгоизмомъ свѣта, чье сердце не утратило еще способности участія къ слабому, къ больному, къ страждущему человѣчеству, къ рабскому положенію, занимаемому женщиной въ теперешнемъ обществѣ....

„— О, у насъ въ Англіи женщина не раба, она королева! прервала его Сарра и гордо подняла свою сѣдую голову.

„Кирилинъ, повидимому никакъ не ожидавшій подобнаго опроверженія, съ досадой взглянулъ на нее и прикусилъ губу.

„— У васъ въ Англіи обычай и преданіе тотъ же деспотъ, воскликнулъ онъ, — и худшій изъ всѣхъ, потому что онъ растлѣваетъ духъ, извращаетъ всѣ естественныя понятія человѣка! У васъ бездомный, безпріютный рабочій, умирающій съ голода, смотритъ съ тупымъ благоговѣніемъ на лорда, который не знаетъ, куда дѣвать денегъ, нажитыхъ ему кровью и потомъ этого несчастнаго....

„— Да, да, одобрительно сказала Сарра,—онъ такъ смотритъ, потому что у насъ лордъ достоинъ уваженія!

„— Ваша правда, сударыня моя! раздался за ея спиной голосъ батюшки, и самъ онъ изъ-за кустовъ выступилъ на террасу. За звонкимъ голосомъ Кирилина, никто не слыхалъ его шаговъ.

„Обрадованная Сарра взглянула на него такъ, какъ глядѣла бы, вѣроятно, на герцога Веллингтона, съ которымъ батюшка былъ такъ схожъ, по ея мнѣнію; она даже покраснѣла отъ радости.

„— Ну-съ, а ваша милость какъ бы полагала распорядиться англійскому рабочему? обратился отецъ мой къ Кирилину, садясь на скамейку подлѣ меня.—Ограбить лорда, что-ли?

„— На что грабить? отвѣчалъ тотъ, и всѣ черты его повело отъ видимо закипѣвшей въ немъ злости.—За грабежъ въ Англіи вѣшаютъ, а въ Хивѣ въ клоповникъ сажаютъ. А я такъ полагаю, ваше превосходительство, что самое понятіе, заключающееся въ этомъ словѣ „грабить“, которое вы сочли нужнымъ употребить, находитъ себѣ мѣсто только при такомъ устройствѣ общества, гдѣ, какъ теперь, одному дано не въ мѣру много, а другому—ничего.

„— Какъ же по вашему устроить?

„— Естественно распредѣлить то, что должно принадлежать не меньшинству, присвоившему себѣ незаконно большую часть общаго достоянія, а всей человѣческой семьѣ,— согласно съ потребностями каждаго изъ ея членовъ, самоувѣренно и наставительно, будто готовый урокъ, проговорилъ Кирилинъ.

„— И надолго бы хватило такое устройство?

„— Какъ надолго-ли? спросилъ онъ съ удивленіемъ.— Разумѣется, надолго, навсегда... Оно бы не имѣло причинъ измѣняться.

„— А причина такая, что еслибъ я, напримѣръ, завтра подѣлилъ поровну мое Рай-Воздвиженское между тобой и Фрейманомъ, сказалъ батюшка, указывая на новаго нашего управителя, спускавшагося въ это время съ балкона на террасу,—то черезъ годъ, много два, обѣ части очутились бы въ рукахъ Фреймана, а ты бы остался ни съ чѣмъ.

„— Почему это вы такъ полагаете? заносчиво воскликнулъ Кирилинъ.

„— Потому что у него и руки, и голова здоровѣе твоихъ, отвѣчалъ отецъ мой, сопровождая эти слова взглядомъ, который заставилъ Кирилина опустить глаза.

„— Это не возраженіе, пробормоталъ онъ.

„— Нѣтъ, подтвердилъ батюшка,—на нелѣпость не возражаютъ. Это азбука!

„Я была какъ на иголкахъ въ продолженіе этого разговора. Я давно привыкла къ батюшкинымъ рѣзкостямъ, но понимала, что онѣ должны были глубоко уязвлять такого самолюбиваго и увѣреннаго въ себѣ человѣка, какъ Кирилинъ. Я страдала и за него, и за батюшку, который казался мнѣ неправымъ. Я такъ любила, такъ высоко чтила моего отца; я пламенно желала, чтобы всѣ, всякое живущее около него существо, исполнены были къ нему тѣхъ же чувствъ привязанности и уваженія. И до тѣхъ поръ мнѣ еще ни разу не случалось усомниться въ этомъ; я видѣла во всемъ, безъ исключенія, окружавшемъ его, лишь безусловную, сознательную ему покорность и безграничную вѣру въ его разумъ и рыцарскій характеръ. Нерасположеніе къ нему Кирилина, замѣченное мною на первыхъ порахъ, удивило меня настолько же, насколько и огорчило. Я приписывала его не совсѣмъ хорошимъ свойствамъ этого молодаго человѣка, еще болѣе дурному обществу, въ которомъ онъ жилъ въ столицахъ, и долгой отвычкѣ отъ порядковъ дома, взлелѣявшаго его дѣтство. Поживя здѣсь, онъ лучше оцѣнитъ батюшку, думала

я, и поэтому всей душой обрадовалась, когда недавно образъ дѣйствій моего отца вырвалъ, такъ-сказать, у Кирилина искренній отзывъ одобренія, хотя и выраженный страннымъ языкомъ. Зачѣмъ же, говорила я себѣ теперь, зачѣмъ же батюшка какъ будто нарочно старается стереть это хорошее впечатлѣніе и раздражаетъ его противъ себя, затрогивая за самыя чувствительныя его струны? Вѣдь онъ любитъ его, любитъ въ память отца Кирилина, стараго своего боеваго товарища, человѣка, который былъ такъ ему преданъ, въ память брата Васи, о которомъ до сихъ поръ болитъ его сердце. Во время отсутствія этого Андрюши не одинъ разъ заботила батюшку его судьба, не мало было о немъ переговоровъ съ Настасьей Савельевной. Если онъ теперь здѣсь, а не перестрѣливается съ Черкесами на Кавказѣ, какъ говорилъ онъ Саррѣ, то это не благодаря-ли тѣмъ письмамъ, которыхъ, мѣсяца три тому назадъ, такъ много отправилъ батюшка въ Петербургъ, онъ, говорившій всегда, что съ Петербургомъ прекратилъ давно всякія сношенія? Зачѣмъ же теперь оскорбляетъ онъ Кирилина, надменно отказываясь вступить съ нимъ въ серьезный споръ, говоря ему, что всѣ его мнѣнія почитаетъ ребячествомъ и вздоромъ? Конечно, мнѣнія Кирилина кажутся довольно шаткими и даже не совсѣмъ справедливыми, но нельзя не признать, что источникъ ихъ великодушенъ: онъ стоитъ за „страждущее человѣчество“, за „слабыхъ, приниженныхъ, угнетенныхъ“. Заслуживаютъ-ли такія благородныя побужденія такого пренебреженія?... Я забыла въ эту минуту, что приниженные и угнетенные постоянно находили себѣ въ отцѣ моемъ защитника самаго горячаго и настойчиваго, что онъ могъ почитать себя въ правѣ думать, что его всегда дѣятельное и щедрое участіе было во всякомъ случаѣ существеннѣе и полезнѣе страждущему человѣчеству, чѣмъ слова, одни слова недоучившагося студента. Но въ молодости, Владиміръ, такъ обаятельны, такъ неотразимы иныя слова!...

„— Что скажете, Иванъ Ивановичъ? спрашивалъ между тѣмъ батюшка подошедшаго къ нему управителя... Иванъ Ивановичъ Фрейманъ, обрусѣвшій Нѣмецъ, молодой человѣкъ

съ выразительнымъ и озабоченнымъ лицомъ, доложилъ, что господинъ Грайворонскій пожалуютъ въ Рай-Воздвиженское къ обѣду; нарочный отъ *нихъ* прибылъ сейчасъ съ этимъ извѣстіемъ.

„— Ну, конечно, магнатъ! сказалъ на это батюшка, засмѣявшись своимъ короткимъ смѣхомъ.—Больше ничего?

Иванъ Ивановичъ переминался съ видимымъ смущеніемъ.

„— Что случилось? говорите!

„— На конюшнѣ у насъ не ладно, ваше превосходительство. Лошадь одна ногу сломала.

„— Которая?

„— Красавка, чуть слышно произнесъ управитель.

„Я вскрикнула...

„— Такъ! воскликнулъ въ свою очередь батюшка, гнѣвно ударяя себя рукой по колѣну.—Какъ случилось?

„— Все черезъ того же разбойника Геннадія, отвѣчалъ съ сердцемъ управитель.—Я уже докладывалъ вашему превосходительству: это звѣрь какой-то, а не человѣкъ. Съ нимъ надо строго поступить.

„И взволнованнымъ голосомъ Фрейманъ разсказалъ, что, получивъ отъ батюшки приказаніе относительно послѣобѣденной прогулки, онъ призвалъ старшаго конюха Акима, такъ какъ берейторъ уѣхалъ въ городъ, и поручилъ ему погонять Красавку на кордѣ съ полчаса; самъ же поѣхалъ въ поле. Акимъ отправился въ конюшню исполнить порученіе, но тамъ былъ товарищъ его Геннадій, въ отдѣленіи котораго стояла Красавка, и потому онъ почелъ для себя обиднымъ отдать ее въ руки другаго. У нихъ завязался споръ, кончившійся тѣмъ, что Геннадій сшибъ Акима кулакомъ съ ногъ, а самъ взнуздалъ поскорѣе Красавку и вывелъ ее на площадку. Молодая, нѣжная лошадь, испуганная всѣмъ этимъ крикомъ, выведенная изъ темноты прямо на солнечный свѣтъ, заартачилась и взвилась на заднихъ ногахъ.

„— А онъ, разбойникъ, говорилъ Фрейманъ, — не то чтобъ ее *улюлюкать*, а съ пущимъ крикомъ, да что есть силы, поводомъ по мордѣ. Я въ это время ѣду съ поля, издалека вижу это безобразіе, поскакалъ, кричу... да поздно ужь

было. Красавка изъ рукъ у него вырвалась, шарахнулась въ сторону и, какъ безумная, полетѣла прямо на ограду, перескочить хотѣла, бѣдненькая, да не смогла; нога попала мѣжъ двухъ перекладинъ, такъ и свалилась тутъ...

„— И неужели нельзя ее вылѣчить? говорила я, не имѣя силы удержать слезы, между тѣмъ какъ Сарра унимала меня своимъ вѣчнымъ, несноснымъ: „for shame, Надя!“

„Но безжалостный Иванъ Ивановичъ не оставилъ мнѣ ни малѣйшей надежды: нога Красавки была перешиблена въ самомъ колѣнѣ, и надо было застрѣлить бѣдняжку, чтобы прекратить ея страданія.

„— А что прикажете съ Геннадіемъ дѣлать? Онъ у насъ всѣхъ лошадей да и людей перепортитъ; Акимъ и по сю пору въ растяжку лежитъ, обратился Фрейманъ къ батюшкѣ, который молча слушалъ все время, съ замѣтнымъ трудомъ пересиливая на этотъ разъ одинъ изъ тѣхъ его нѣмыхъ припадковъ гнѣва, о которыхъ можно было обыкновенно догадаться лишь по страшно синѣвшимъ и вздувавшимся жиламъ на его лбу.

„— Пьянъ былъ? спросилъ онъ.

„— Какъ водится, да и золъ къ тому же, ваше превосходительство.

„— Написать ему въ конторѣ вольную, и чтобы черезъ сутки духу его здѣсь не было!

„Фрейманъ отъ удивленія такъ и приросъ къ мѣсту.

„— Вольную? повторилъ онъ, глядя на моего отца во всѣ глаза.

„— Да. Конторщикъ знаетъ, какъ пишется. Принесите скорѣй къ подписи. Свидѣтели будутъ. Ступайте.

„Вы помните Грайворонскаго, его высокую, тучную фигуру, круглую голову, и цвѣтомъ и образомъ похожую на полный мѣсяцъ, его стриженые усы, его преувеличенную любезность и эту смѣсь заимствованной изысканности и прирожденной жестокости, заслужившую ему удачное прозвище Parisien doublé de Tartare, подъ которымъ онъ былъ извѣстенъ во

всемъ нашемъ краѣ. Да чуть-ли не вы первый, Владиміръ, окрестили его такъ мѣтко?

„Онъ пріѣхалъ одинъ въ своемъ четверомѣстномъ англійскомъ ландо, „благородный гулъ“ котораго, какъ выражался онъ, слышался за версту, шестерикомъ, съ лакеемъ въ ливреѣ на козлахъ, такимъ же лакеемъ на запяткахъ и охотникомъ, въ казацкомъ костюмѣ, скакавшимъ передъ экипажемъ,—все это для какихъ-нибудь семи верстъ, отдѣлявшихъ его Новоселки отъ Рай-Воздвиженскаго. Эти торжественные поѣзды очень потѣшали батюшку, и его ѣдкія насмѣшки по этому поводу не разъ приводили Грайворонскаго въ смущеніе, но онъ покорно сносилъ ихъ, изъ уваженія къ батюшкѣ, а можетъ-быть нѣсколько и вслѣдствіе той *несчастной* страсти, которую онъ, какъ вы знаете, питалъ ко мнѣ. Вы же, Владиміръ, и открыли эту страсть, — и я теперь могу признаться, каждый разъ какъ батюшка подтрунивалъ надъ нимъ, Грайворонскій изподтишка такъ взглядывалъ на меня, какъ будто говорилъ: все изъ-за васъ, прекрасная, терплю, все изъ-за того, что желалъ бы понравиться вамъ хоть чѣмъ-нибудь, хотя бы англійскимъ моимъ экипажемъ, ливрейными лакеями и ленточками, вплетенными въ гривы моихъ лошадей...

„Онъ привезъ огромный букетъ азалій и мимозъ изъ своихъ великолѣпныхъ оранжерей и съ глубокимъ поклономъ и округленными руками подалъ его мнѣ, говоря:

„— Царицѣ цвѣтовъ!

„Я поблагодарила, смѣясь, и онъ, очень довольный собой, отправился жать руки каждому изъ присутствовавшихъ, начиная съ батюшки и кончая Кирилинымъ, котораго въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ попрекнулъ за неисполненное имъ до сихъ поръ обѣщаніе посѣтить „пустынника“; онъ, помните, очень любилъ называть себя пустынникомъ и всегда при этомъ вздыхалъ. Саррѣ онъ тутъ же объявилъ, что привезъ ей цѣлую коллекцію новыхъ англійскихъ книгъ.

„Надѣливъ такимъ образомъ своею любезностью всѣхъ домочадцевъ, господинъ Грайворонскій занялся хозяиномъ дома и принялся сообщать ему разныя губернскія новости, изъ которыхъ самая крупная былъ пріѣздъ новаго губернатора, съ

которымъ Грайворонскій успѣлъ уже познакомиться и отзывался о немъ съ большими похвалами, говоря, что онъ вѣжливъ и взыскателенъ все вмѣстѣ и, безъ сомнѣнія, отлично исполнитъ данное ему въ Петербургѣ порученіе *подтянуть губернію* (какое странное выраженіе, Владиміръ!).

„Батюшка въ это время дергалъ себя за ухо и глядѣлъ пристально на гостя, но я знала его,—Красавка не выходила у него изъ ума, и онъ не слыхалъ рѣчей Грайворонскаго до тѣхъ поръ, пока тотъ не обратился къ нему съ прямымъ вопросомъ:

„— Вы не намѣрены познакомиться съ нимъ, Павелъ Васильевичъ?

„— Съ кѣмъ это? спросилъ онъ, какъ съ просонья.

„— Съ генераломъ Карягинымъ.

„— Кто такой Карягинъ?

„— Нашъ новый губернаторъ, пояснилъ Грайворонскій.

„Искры блеснули подъ темными бровями батюшки.

„— Я, сударь мой, сказалъ онъ, — ни должниковъ, ни заимодавцевъ не имѣю, подати вношу въ казначейство въ срокъ и въ предводители не мѣчу.

„— Не знаю, понравился-ли этотъ рѣзкій отвѣтъ гостю, о которомъ говорили въ нашемъ околодкѣ, что у него много долговъ, а еще болѣе желанія попасть во главу дворянства нашей губерніи, но онъ почелъ за лучшее принять это за остроумную шутку и засмѣялся черезъ силу.

„— Пора обѣдать, сказалъ батюшка и поднялся по лѣстницѣ, пропустивъ впередъ меня съ Саррой. Грайворонскій шелъ за нами, обнявъ за талію Кирилина, которому, видимо, очень не нравились эти нѣжности. Онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, намѣревался ускользнуть и отъ самаго обѣда, но *пустынникъ* имѣлъ на него свои виды и не выпускалъ его изъ рукъ; волей-неволей надо было идти за всѣми.

„За столомъ разговоръ не клеился сначала. Батюшка кушалъ свои щи, не подымая головы; Кирилинъ упорно молчалъ; я не могла еще справиться съ внутреннимъ волненіемъ и всячески старалась не думать о моей бѣдной Красавкѣ, боясь расплакаться снова. Грайворонскій говорилъ вполголоса съ

своею сосѣдкой Саррой. Одинъ Карлъ Ивановичъ, котораго мы застали въ столовой, обмѣнивался съ Фрейманомъ неинтересными замѣчаніями о погодѣ и о всходахъ разныхъ хлѣбовъ.

„Батюшка отставилъ тарелку для каши и спросилъ Фреймана, готова-ли бумага?

„— Я положилъ ее къ вамъ на столъ въ кабинетѣ.

„— Попрошу васъ подписаться свидѣтелемъ, обратился отецъ мой къ Грайворонскому.—Андрей вторымъ будетъ.

„— Къ чему прикажете? спросилъ гость.

„— Они вольную даютъ одному... человѣку, сказалъ Иванъ Ивановичъ.

„Грайворонскій полюбопытствовалъ узнать, кому именно. Фрейманъ объяснилъ. Гость съ недоумѣніемъ взглянулъ на моего отца.

„— Извините меня, многоуважаемый Павелъ Васильевичъ, сказалъ онъ, но я никакъ не могу объяснить себѣ вашъ образъ дѣйствій въ этомъ случаѣ; я даже не могу приписать это гуманности (мнѣ приходилось въ первый разъ слышать это слово, и оно показалось мнѣ смѣшнымъ,), а это, такъ сказать, презрѣніе къ свободѣ...

„Надо было видѣть, съ какимъ одобреніемъ и любопытствомъ вскинулъ Кирилинъ глаза на Грайворонскаго. Но разочарованіе послѣдовало немедленно.

„— Человѣку дурныхъ свойствъ, какъ этотъ вашъ конюхъ, который позволилъ себѣ такъ огорчить Надежду Павловну и васъ, продолжалъ гость,—такому человѣку прямая дорога въ рекруты не въ зачетъ, а не на волю.

„— Русскую армію не почитаю арестантскою ротой, коротко отрѣзалъ на это батюшка.

„— Такъ сошлите его на поселеніе, горячился Грайворонскій,—или хоть накажите по-отечески, а не вольную же ему давать въ награду за его мерзости!... Я въ такого рода обстоятельствахъ, примолвилъ онъ,—всегда припоминаю стихи нашего великаго Пушкина:

Къ чему скотамъ дары свободы?
Ихъ надо рѣзать или стричь;

Наслѣдство имъ изъ рода въ роды—
Ярмо съ гремушками иль бичъ.

„— Эти стихи *вашего* великаго Пушкина, вступился вдругъ Кирилинъ,—были написаны въ лучшее его время, въ пору его молодости, когда еще общественные интересы не были ему чужды, и вы неосновательно ссылаетесь на нихъ, выпуская ихъ первую часть. Если вы ее забыли или не знаете...

„— Знаю, знаю, отвѣчалъ Грайворонскій и, оглянувшись кругомъ, сталъ вдругъ читать осторожнымъ и напыщеннымъ шепотомъ:

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды,
Рукою чистой и невинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя,
Но потерялъ я только время,
Благія мысли и труды.
Паситесь, мирные народы,
Къ чему скотамъ дары свободы....

„— Ну да-съ, и такъ далѣе, сказалъ опять Кирилинъ.—А изо всего-то оказывается, что общій смыслъ стихотворенія не только не говоритъ въ пользу вашихъ понятій о рабствѣ, а свидѣтельствуетъ, напротивъ, съ отчаяніемъ о томъ, что безнравственность его, какъ гангренозная язва, проѣдаетъ до мозга костей тѣхъ, кто изъ рода въ роды обреченъ нести его ярмо...

„— Да, замѣтилъ печально Карлъ Ивановичъ,—такой человѣкъ, какъ этотъ Геннадій, на волѣ совсѣмъ капутъ будетъ.

„— Извѣстное дѣло,—сопьется, подтвердилъ Фрейманъ.

„— Il est très avancé, le musicien! шепнулъ мнѣ Грайворонскій, указывая взглядомъ на Кирилина.

„— Правъ! сказалъ батюшка, кивнувъ въ свою очередь на него;—не вкусны плоды этой яблоньки!

„— Помилуйте, Павелъ Васильевичъ, кто противъ этого говоритъ! началъ опять Грайворонскій. — Свобода! Великое слово, великое дѣло!.. (Онъ еще разъ подозрительно глянулъ кругомъ и продолжалъ таинственно:) такъ начнемъ же съ начала, пожелаемъ ея прежде всего себѣ, образованному со-

словію, а потомъ можно будетъ подумать о невѣжественномъ народѣ.

„— Кому это *себѣ?* спросилъ батюшка.—Я всю жизнь былъ свободнымъ человѣкомъ!

„— Вы меня не понимаете, Павелъ Васильевичъ, я говорю не въ томъ смыслѣ...

„— Понимаю, въ какомъ, и отвѣчаю въ томъ же, возразилъ отецъ мой, облокачиваясь о столъ и глядя на Грайворонскаго своими глубокими глазами.—Вы вотъ сейчасъ стихи читали, о ярмѣ съ гремушками; по-вашему, грубому народу только оно и нужно. А сами чего хотите? Гремушекъ свободы. Недалеко другъ отъ друга отъѣхали!

„— Отчего же гремушекъ, а не того, что̀...

„— Словъ поболѣе, болтовни потокъ, по французскому образцу! прервалъ его батюшка, и все обрывистѣе и рѣзче становилась его рѣчь, по мѣрѣ того, какъ росло его одушевленіе. — Читали послѣднія газеты? Въ Парижѣ, въ народномъ собраніи, договорились до рукопашной... Свободный это народъ, по-вашему? А я говорю: рабъ былъ онъ, есть и будетъ.

„— Франція вырабатываетъ для человѣчества великое благо — равенство. Это задача ея исторіи, замѣтилъ Кирилинъ своимъ поучительнымъ тономъ.

„— Этому пуфу вѣрятъ только въ ваши годы, молодой человѣкъ, поспѣшилъ отвѣтить на это Грайворонскій съ улыбкой, дурно скрывавшею его досаду, и обратился снова къ моему отцу:—Къ чему приводить такіе примѣры, почтеннѣйшій Павелъ Васильевичъ? Я самъ далеко не поклонникъ теперешней республиканской Франціи, я орлеанистъ въ душѣ, je suis pour ce pavre Louis-Philippe si calomnié. Но свобода въ Англіи, напримѣръ...

„Батюшка нервно засмѣялся.

„— Ну, этого никогда не получите!

„— Такъ что̀-жь съ этимъ будешь дѣлать, коли не даютъ? отвѣчалъ Грайворонскій, пожимая плечами:—не на стѣну же лѣзть!

„— Свобода не пряникъ, сказалъ батюшка, — не дарятъ ея, не покупаютъ, дается она въ руки достойному. Это трудъ,

вѣковой трудъ! Не одно, не два поколѣнія таскали тамъ камни на эту постройку, совокупными силами строили, совокупными,—поняли вы? Крѣпли они въ этомъ трудѣ, ну, и домъ вышелъ для дѣтокъ знатный. А у васъ на чемъ онъ стоитъ, гдѣ онъ домъ-то вашъ? Ни кирпичика на фундаментъ не припасено, а вы о флюгаркѣ на бельведерѣ мечтаете.

„— Однако, позвольте, Павелъ Васильевичъ, это черезчуръ ужь строго. Какъ бы мы тамъ ни были мало готовы, по вашему мнѣнію, но, по началу своему, дворянство наше также, какъ и англійское, представляетъ собой поземельную собственность, а мы съ вами даже и очень крупную. Это такая сила....

„— Сила,—точно, перебилъ его снова батюшка.—У васъ вотъ, напримѣръ, пять тысячъ душъ, земли полъуѣзда, домъ въ имѣніи дворецъ, — а вы катите съ вашею силой на поклонъ къ генералу Карягину! Въ прокъ пошла она вамъ! хвалю!

„Лицо Грайворонскаго изъ мѣднаго превратилось въ бронзовое.

„— Точно вы не знаете условій, въ которыхъ мы живемъ, пробормоталъ онъ, опустивъ глаза. Онъ казался очень сконфуженнымъ.

„— Нѣтъ такой тѣсноты, въ которой бы не оставалось мѣста для независимости человѣка! Да и не то вы совсѣмъ говорите. Карягинъ-ли, Фуфыркинъ-ли надъ вами поставленъ, все равно, — покорствуйте, поколику требуетъ онъ отъ васъ въ подлежащемъ ему кругу власти: власть — ваша же охрана! А забѣгать-то къ нему кѣмъ приказано, гдѣ предписано? говорилъ батюшка, все болѣе и болѣе приводя своего гостя въ замѣшательство. — Еслибы каждый изъ насъ, изъ числа *силы*-то, ясно понималъ, что предоставила власть себѣ, а что ему,—какъ полагаете, тѣснѣе бы или шире стали эти ваши „условія?“ Поглядите-ка на остзейскаго барона, какъ онъ крѣпко сидитъ на своемъ риттерсгутѣ! Попробуйте ссадить его оттуда! Нѣтъ, онъ-то *силу* свою знаетъ. За то, спросите, кто къ кому у нихъ тамъ забѣгаетъ: они-ли къ Карягинымъ, или Карягины къ нимъ? А у насъ? Гдѣ она, сила-то ваша?

Въ Петербургѣ—воду толчетъ, въ передникъ случайныхъ людей чиновъ себѣ вымаливаетъ, въ Москвѣ—въ карты, на безумные пиры разоряется. Про силу толкуете, желчно повторилъ батюшка, — а того до сихъ поръ не поняли, что она у васъ подъ ногами, въ той землѣ, на которой сидите вы... Сверху, наконецъ, указана вамъ ваша задача; или, полагаете, призывая къ жизни помѣстное дворянство, великая государыня не знала, что̀ дѣлаетъ? Да нѣтъ, гдѣ намъ! воскликнулъ онъ съ глубокою горечью: — не по силамъ задача! Трудъ на то нуженъ, терпѣніе, воля, скуку переносить, съ сѣрымъ мужикомъ возиться! Воспитать себя къ тому нужно, человѣкомъ надо быть! Скажите прямо, много-ли изъ насъ въ глубь себя пріяло, что служить царю и землѣ плугомъ и бороной, хотя бы собственными руками, въ тысячу кратъ честнѣй и полезнѣй, чѣмъ тѣшить свое презрѣнное тщеславіе, жертвуя ему всѣмъ: прямымъ долгомъ своимъ, честью, родовыми помѣстьями съ отцовскими могилами, благомъ подвластныхъ людей и въ концѣ концовъ будущимъ своей страны... Потому недалеко уѣдешь тамъ, гдѣ, куда ни обернись, всюду чинъ, а гражданина нигдѣ!...

„Батюшка остановился и обѣжалъ всѣхъ насъ взоромъ, какъ бы удивляясь, что такъ долго говорилъ одинъ. Онъ слегка усмѣхнулся и, подымаясь изъ-за стола, сказалъ Грайворонскому:

„— Вымолимъ для себя у Господа Бога, чтобы душа-то въ насъ была человѣческая, а не рабская, а толковать про силу и прочее предоставимъ внукамъ.

„Я слушала съ напряженнымъ вниманіемъ; никогда еще отецъ мой не говорилъ съ такимъ увлеченіемъ и не находилъ такъ много словъ для выраженія своихъ задушевныхъ мыслей. Я въ тотъ же вечеръ записала ихъ въ дневникъ, который вела съ нѣкоторыхъ поръ, по совѣту Сарры; перечитывая ихъ сегодня, вспоминаю, какое впечатлѣніе произвели они на меня тогда, съ какою гордостью смотрѣла я на отца и говорила себѣ, что на эту строгую рѣчь даетъ ему право вся его доблестная, долгая жизнь, во все время которой онъ ни разу не измѣнялъ своимъ свободнымъ и непреклоннымъ убѣж-

деніямъ, своимъ высокимъ понятіямъ о долгѣ и достоинствѣ человѣка. Непреклоннымъ остался онъ до конца...

„Такое же впечатлѣніе, повидимому, произвелъ онъ и на остальныхъ своихъ слушателей. Карлъ Ивановичъ, сложивъ руки на колѣняхъ, внималъ ему точно проповѣди. У Фрейманна сверкали глаза. Незлопамятный Грайворонскій, когда батюшка кончилъ, схватилъ его руку обѣими руками и прижалъ ее къ груди своей съ выраженіемъ признательнаго ученика, котораго мудрый наставникъ только что посвятилъ въ сокровеннѣйшія таинства науки. (Недѣли двѣ спустя онъ давалъ въ Новоселкахъ блистательный праздникъ проѣзжему флигель-адъютанту, на который прислалъ намъ съ батюшкой печатное приглашеніе, и очень огорчался потомъ, что мы къ нему не поѣхали.) Въ подвижныхъ чертахъ Кирилина можно было читать всѣ чувства, смѣнявшіяся въ немъ за это время: и раздраженіе противъ батюшки, и невольное уваженіе къ прямотѣ и искренности его мнѣній, и желаніе возражать ему, и злобное удовольствіе слышать изъ его устъ порицаніе этому „привилегированному меньшинству“, которое такъ не нравилось Кирилину...

„— А прогулка ваша все-таки состоится, сказалъ мнѣ Грайворонскій, возвращаясь съ Кирилинымъ въ гостиную изъ кабинета батюшки, въ которомъ они подписывались подъ отпускною Геннадія:—генералъ приказалъ сѣдлать лошадей. А вечеромъ, надѣюсь, вы мнѣ скажете спасибо, Надежда Павловна: мы услышимъ волшебную скрипку Андрея Харламовича; онъ уступаетъ, кажется, моимъ неотступнымъ просьбамъ...

„— О, прошу васъ, обратилась я къ Кирилину,—не отказывайте! Еслибы вы знали, какъ мнѣ хочется услышать еще разъ тотъ чудесный польскій вашего сочиненія.

„— Вещь эта много теряетъ, отвѣчалъ онъ, — при соловомъ исполненіи; она написана для цѣлаго оркестра.

„— Qu'à-cela ne tienne! тотчасъ же воскликнулъ Грайворонскій.—У васъ партіи для оркестра росписаны?

„— Да.

„— И съ вами?

„— Здѣсь.

„— Отлично! черезъ часъ сорокъ музыкантовъ будутъ къ вашимъ услугамъ. Человѣкъ!

„Вошелъ слуга.

„— Пошли, братецъ, сюда доѣзжачаго моего. Vous permettez, mademoiselle?

„Онъ вынулъ изъ кармана тяжелый портфель, съ золотымъ кованымъ на немъ огромнымъ гербомъ и, вытащивъ оттуда почтовый листокъ и конвертъ, принялся писать, усѣвшись къ столику у окна.

„— Вамъ, въ самомъ дѣлѣ, нравится моя фантазія, барышня? спросилъ Кирилинъ, подсѣвъ ко мнѣ ближе.

„— Я васъ уже просила разъ не называть меня барышней.

„— Виноватъ-съ, забылъ. C'est mauvais genre, не такъ-ли?

„— Хотя бы такъ. Не люблю, однимъ словомъ.

„— А повиноваться вамъ должно въ силу того, что вы барышня, или потому только, что васъ ослушиваться трудно?

„— Я этого различія не понимаю, сказала я, строго взглянувъ на него.

„— Не глядите на меня такъ, Надежда Павловна, произнесъ онъ тихо вдругъ измѣнившимся, искреннимъ голосомъ,— вы знаете, что въ отношеніи къ вамъ я этого не заслуживаю.

„Я невольно опустила глаза. Мнѣ надо было бы отвѣчать ему еще болѣе строго, я это чувствовала. Но онъ казался такимъ покорнымъ и печальнымъ...

„Онъ продолжалъ, помолчавъ:

„— Зачѣмъ вы мнѣ ранѣе не сказали, что желаете еще разъ услышать мой полонезъ? Я бы вамъ его игралъ хоть каждый день, пока вамъ не наскучило бы. Вѣдь это не то же для меня, что щекотать уши этого морскаго кота.

„Онъ мигнулъ въ сторону Грайворонскаго, который въ это время отдавалъ приказаніе своему доѣзжачему.

„— У васъ не очень красивыя сравненія, замѣтила я.

„— Однако вы улыбнулись, что и слѣдовало доказать, отвѣчалъ Кирилинъ и засмѣялся самъ.

„— Замѣчательный талантъ у Андрея Харламовича, tout-à-fait remarquable, любезно говорилъ между тѣмъ, подходя

къ намъ, *пустынникъ* (еслибъ онъ слышалъ свое новое прозвище!) и снова обнялъ Кирилина за талію.—Мы съ нимъ, кажется, не совсѣмъ сходимся dans nos opinions politiques, но по части искусства я глубоко преклоняюсь предъ нимъ, comme doit le faire un pauvre dilettante comme moi devant un grand maître.

— Вы сами сочиняете? спросилъ его Кирилинъ.

— Къ сожалѣнію, отвѣчалъ онъ вздыхая,—фонду недостаетъ, генералъ-баса не знаю. Русскій дворянинъ, извѣстно! Мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь. Конечно, въ музыкальныхъ идеяхъ недостатка нѣтъ, и даже иногда очень оригинальныя приходятъ въ голову. Такъ, знаете, продолжалъ онъ наивно,—и насвистываешь ихъ, а мой chef d'orchestre кладетъ на ноты. Недавно вышелъ у меня недурной вальсикъ, которому я далъ названіе: Illusions et regrets. Можемъ услышать сегодня. Если онъ удостоится вашего одобренія, Надежда Павловна (онъ расшаркнулся предо мной), смѣю ли надѣяться, что вы дозволите мнѣ поставить во главѣ его ваше прелестное имя? Мои сожалѣнія и мечты будутъ тогда, pour ainsi dire, озарены надеждой.

„— Très flattée, отвѣчала я.

„— Вы напечатаете ихъ, разумѣется, сказалъ Кирилинъ,— и съ соотвѣтствующею виньеткой? Можетъ выйти очень мило: вдали видъ пустыни, а на первомъ планѣ якорь, жертвенникъ съ пылающимъ сердцемъ и рыдающій пастухъ.

„— Отчего же пастухъ? пресерьезно возразилъ Грайворонскій.—Можно что-нибудь другое придумать...

„Я поспѣшила закрыться платкомъ, боясь разразиться неудержимымъ смѣхомъ. На мое счастіе, вошли сказать, что лошади готовы. Я побѣжала скорѣе надѣвать амазонку; батюшка, какъ вы знаете, давалъ мнѣ на это всего десять минутъ времени.

„Сарра сидѣла уже верхомъ, когда я сошла сверху; батюшка и Грайворонскій ожидали меня на крыльцѣ.

„Мнѣ подвели мою старую рыжую Леди; вздохнувъ, сѣла я на нее. Подъ Грайворонскимъ очутился великолѣпный

кровный англійскій скакунъ, котораго какими-то чудесами успѣли привести изъ Новоселокъ.

„— На всякій случай велѣлъ доставить, объяснилъ онъ небрежно, замѣтивъ мое удивленіе.

„— А ты, Андрей, не ѣдешь? спросилъ, когда уже всѣ были на лошадяхъ, батюшка, обернувшись къ Кирилину, который стоялъ, не двигаясь, на подъѣздѣ.—Лошадь тебѣ осѣдлана. Или не умѣешь?

„— Поберегите нашего Паганини, ваше превосходительство, крикнулъ Грайворонскій:—ему поводъ руку оттянетъ, а намъ предстоитъ сегодня наслажденіе его услышать.

„Вопросъ батюшки, неумѣстная заботливость Грайворонскаго,—этого было слишкомъ достаточно, чтобы подстрекнуть самолюбіе Кирилина. Онъ, не говоря ни слова, подбѣжалъ къ своей лошади и такъ поспѣшно вскочилъ на сѣдло, что чуть не свалился на ту сторону.

„Онъ былъ плохой ѣздокъ, да и едва-ли ѣзжалъ онъ верхомъ съ того времени, когда они съ Васей катались на пони въ нашемъ манежѣ, но сидѣлъ онъ смѣло и глядѣлъ съ такою рѣшимостью, что можно было навѣрное сказать: онъ себѣ сломитъ голову, а отъ другихъ не отстанетъ. „Лишь бы Грайворонскій не вздумалъ похвастать качествами своего Англичанина“, подумала я.

„Но пустынникъ оказался весьма мирнымъ всадникомъ. Онъ пропустилъ впередъ моего отца съ Саррой, большою охотницей скакать, и поѣхалъ о-бокъ съ моею Леди, старыя ноги которой давно не любили галопа. Кирилинъ ѣхалъ по другую мою сторону. Я слѣдила за нимъ съ безпокойствомъ.

„Все шло не дурно, пока мы ѣхали паркомъ. Молодая лошадь фыркала и играла подъ нимъ: звали ее Мушкетъ; она стояла въ конюшнѣ въ одномъ отдѣленіи съ лошадьми батюшки и Сарры и все тянулась къ нимъ. Но Кирилинъ держалъ ее крѣпко, слишкомъ крѣпко, силясь удержать на высотѣ Леди. Грайворонскій замѣтилъ это и крикнулъ ему:

„— Легче, Андрей Харламовичъ, la main légère.

„Но онъ не понялъ или не хотѣлъ слушать и продолжалъ осаживать Мушкета, не въ мѣру затягивая трензель.

„Выѣхали въ луга.

„— Hop, hop! послышался голосъ Сарры.

„Я хотѣла крикнуть ей пріудержаться, но это ни къ чему бы не послужило: она бы не поняла, по обыкновенію, а Кирилинъ, напротивъ, понялъ бы и обидѣлся.

„Сарра поскакала, батюшка слѣдовалъ за ней крупною рысью.

„Мушкетъ вздулъ ноздри и всѣмъ тѣломъ рванулся за ними. Кирилинъ нетерпѣливо дернулъ его назадъ. Лошадь поднялась на дыбы.

„— Воли дайте, воли! закричала я.

„Неопытный ѣздокъ, онъ вдругъ опустилъ поводья. Мушкетъ однимъ скачкомъ вынесся впередъ и помчался какъ стрѣла изъ лука. У Кирилина исчезла съ головы шляпа, стремя, мгновенно блеснувъ, вылетѣло у него изъ-подъ ноги... Не понимаю, какъ онъ удержался въ сѣдлѣ.

„— Il va se casser le cou... Adieu notre musique! воскликнулъ Грайворонскій и стремглавъ пустился за нимъ. У меня похолодѣли руки. Не миновать бѣды, чувствовала я.

„Дѣйствительно, Мушкетъ, слыша за собой скачъ догоняющей его лошади, окончательно закусилъ удила и, миновавъ переднихъ нашихъ всадниковъ, понесся по направленію дубовой рощи.

„Я осталась на мѣстѣ, съ сердечнымъ біеніемъ слѣдя за происходившимъ и не зная что дѣлать.

Мушкетъ начиналъ уже исчезать изъ виду. Скакунъ Грайворонскаго, близко уже было настигавшій его, сталъ вдругъ отставать. Ниже, за ними, слышались крики. Это, я поняла, батюшка успѣлъ удержать Грайворонскаго отъ дальнѣйшей погони.

„Если Мушкетъ, блеснуло у меня въ головѣ, достигнувъ рощи, заберетъ влѣво, по просѣкѣ, и Кирилинъ не успѣетъ остановить его,—они пропали оба: просѣка ведетъ къ спуску на Семь, крутому какъ обрывъ, съ котораго они полетятъ внизъ неудержимо. Одно средство въ этомъ случаѣ — выскакать ему на перерѣзъ: „Allons, Леди, вспомни прежнее время!“ крикнула я, ударивъ ее хлыстомъ.

„Благородное животное точно поняло, чего я требовала отъ него. Съ легкостью и быстротой, давно уже ей непривычными, помчала меня старая Леди по берегу рѣки къ знакомой мнѣ дорожкѣ, выходившей на маленькую поляну, а оттуда въ просѣку, мимо обрыва. Это былъ самый ближній путь изъ луговъ въ рощу, но имъ обыкновенно не ѣздили, чтобы не портить травы, особенно хорошей въ этомъ мѣстѣ.

Едва доскакала я до поляны, какъ услышала конскій топотъ; глухо вторило ему лѣсное эхо. Я не ошиблась въ догадкѣ: Мушкетъ несся по просѣкѣ, по направленію къ Семи. Меня обдало ужасомъ. Поперекъ всей поляны лежалъ срубленный дубъ, со всѣми сучьями своими и листьями; объѣхать его не было никакой возможности, а топотъ раздавался все ближе... Огоньки запрыгали у меня въ глазахъ, изъ-за каждаго дерева, показалось мнѣ, страшные какіе-то лики дразнили меня длинными зелеными языками. „Не доѣдешь, поздно!“ стучалб у меня какъ молотомъ въ мозгу...

„Но Леди вывезла меня до конца: она собралась, прижалась и благополучно перелетѣла со мной чрезъ дерево.

„Я выѣхала въ просѣку, со стороны оврага, въ ту самую минуту, когда обезумѣвшій отъ перепуга Мушкетъ доносился къ нему съ своимъ безвластнымъ сѣдокомъ. Увидѣвъ предъ собой неожиданное препятствіе, онъ рванулъ въ бокъ, но я успѣла проѣхать между имъ и чащей лѣса и остановить его, поймавъ за конецъ оборванной узды. Онъ задрожалъ весь и сталъ какъ вкопаный, покрывъ всю мою амазонку густою бѣлою пѣной.

„Кирилинъ сидѣлъ на немъ невредимъ, судорожно держась за его гриву, блѣдный отъ досады, не отъ страха.

„— Ко всѣмъ моимъ униженіямъ не доставало этого! было первымъ его словомъ.

„— Берите скорѣй поводья въ руки! сказала я.

„Онъ повиновался.

„— А теперь поворачивайте лошадь назадъ, за мной... Она пойдетъ теперь смирно. Ее испугалъ Грайворонскій. Съ каждымъ можетъ это случиться, особенно на незнакомой лошади...

„— Возьмите любой романъ, сказалъ онъ, стараясь улыбнуться, — тамъ вездѣ герои спасаютъ женщинъ; но со мной, видно, все должно случаться навыворотъ.... Да, по правдѣ сказать, хорошъ я и герой!

„— Вамъ болѣе бы нравилось, еслибы лошадь вашу остановилъ господинъ Грайворонскій? замѣтила я шутя.

„— Зачѣмъ избѣгаете вы настоящаго выраженія? Вы меня спасли, Надежда Павловна.

„— Отъ непріятнаго паденія...

„— Отъ того, перебилъ Кирилинъ, — что̀ для меня было бы гораздо хуже смерти: отъ перелома ноги или руки. Калѣкой быть не весело въ моемъ положеніи. Жизнь-то, Богъ съ ней!

„— Въ ваши годы?

„— Что̀ такое годы? Безсмысленное слово! Развѣ ими опредѣляется счастіе, или.... Но это въ сторону. А знаете-ли вы, Надежда Павловна, что въ сознаніи неминучей опасности есть какое-то невыразимое упоеніе! Несетъ вотъ меня сейчасъ эта глупая тварь, безумно несетъ, и удержать ее никакихъ средствъ у меня: поводья вырвало изъ рукъ какимъ-то сучкомъ, стремянъ не найду, соскочить некуда, справа и слѣва сплошная стѣна деревъ.... А мѣста̀ я знаю, прямо несетъ она меня въ оврагъ, куда неминуемо должны мы съ нею слетѣть кубаремъ, какъ два булыжника.... Будь что̀ будетъ! подумалъ я, и, повѣрите, не то равнодушіе—нетерпѣніе какое-то овладѣло мной, дыханіе спирало, сердцу точно выскочить изъ груди хотѣлось, какъ, бывало, въ дѣтствѣ, когда ждешь въ праздникъ подарка: скоро-ли, скоро-ли, наконецъ!....

„— Когда я услыхала топотъ вашей лошади, сказала я,— я думала, что все кончено, что я никакъ не попаду во̀-время. Никогда еще не испытывала я такого страха....

„— Вы испугались.... за меня, Надежда Павловна? глухо проговорилъ онъ; все лицо его измѣнилось.

„— За человѣка, который могъ убиться до смерти, отвѣчала я.

„— Да, да, спохватился онъ,—все изъ того же, изъ христіанскаго чувства....

„Я не отвѣчала.

„Прошло нѣсколько минутъ. Мы ѣхали молча, рядомъ; усталыя лошади лѣниво передвигали ноги.

„— Какъ славно въ лѣсу передъ вечеромъ, началъ Кирилинъ, озираясь кругомъ. — Взгляните сквозь эту сѣть вѣтвей: какимъ потокомъ живаго золота льются съ запада косые лучи солнца, какими ослѣпительными брызгами горятъ они на листьяхъ, на стволахъ этихъ искривленныхъ, фантастическихъ дубовъ!.... И замѣтили вы, какъ каждый листикъ, каждая муравка оживаетъ отъ прикосновенія свѣта, какъ трепещетъ она и тянется къ нему.... Свѣтъ — неотразимая сила!... Какъ красота, добавилъ онъ.

„— Какъ добро, домолвила я.

„— Добро? повторилъ онъ. — Ну, это пока пунктъ спорный. Абсолютнаго добра нѣтъ, а есть добро условное, то-есть такое, которое можетъ служить къ выгодѣ наибольшей массы людей. Но такое воззрѣніе, единственно правильное, естественно не можетъ нравиться тѣмъ, кто живетъ на счетъ этой массы. Въ ихъ интересѣ, поэтому, отстаивать свои миѳологическія понятія о добрѣ до-нельзя, до тѣхъ поръ, примолвилъ онъ, покачавъ головой съ угрожающимъ видомъ, — когда эта подавленная масса, сознавъ свои силы, подавитъ ихъ въ свою очередь... Вы слышали сегодня пренія за столомъ? По морали вашего батюшки, напримѣръ, стоитъ каждому помѣщику сидѣть у себя на огородѣ царькомъ, чинить судъ и расправу надъ своими крѣпостными, да понадменнѣе держаться съ чиновничествомъ,—и рай долженъ водвориться на землѣ...

„— Конечно, прервала я его (мнѣ нисколько не хотѣлось слушать его философствованія,),—а вы бы желали, чтобы всѣ люди были равны и чтобы весь земной шаръ подѣлили между ними поровну. Я это уже знаю! Поговоримъ о другомъ. Вы любите природу?

„Онъ засмѣялся.

„— Вѣдь это васъ нисколько не интересуетъ, Надежда Павловна, и вы сдѣлали мнѣ этотъ вопросъ, какъ спросили бы меня, люблю-ли я салатъ, съ тѣмъ же любопытствомъ. Но

будь по-вашему, перенесемъ разговоръ на этотъ предметъ. Во-первыхъ, насколько я понялъ вашу мысль, вы не такъ формулировали вопросъ. „Любите-ли вы природу?“ — это все равно, что спросить: любите-ли вы жизнь? А я имѣлъ уже случай сообщить вамъ, что я къ ней болѣе чѣмъ равнодушенъ. Я, какъ послѣдователи Будды, Надежда Павловна, признаю, что *не быть* есть величайшее блаженство. Но вы не это, не правда-ли, желали знать, а то, сочувствую-ли я красотѣ окружающаго меня міра, или, проще, развито-ли во мнѣ эстетическое чувство? На это я отвѣчу вамъ: къ несчастію, да!

„— Почему же къ несчастію?

„— Потому что это роскошь, а ей не должно быть мѣста тамъ, гдѣ идетъ дѣло о хлѣбѣ насущномъ, потому что это вѣчный соблазнъ, отвлекающій отъ трезваго труда мысли, а каждому мыслящему человѣку въ наше время слѣдовало бы быть аскетомъ, Надежда Павловна.

„— Скажите, пожалуйста, спросила я его, — неужели въ Петербургѣ много молодыхъ людей съ такими мыслями, какъ у васъ?

„Кирилинъ гордо поднялъ голову.

„— Много-ли, неожиданно отвѣчалъ онъ, — нужно было сначала учениковъ Тому, Чье ученіе потомъ распространилось на весь міръ?

„— Я васъ слушать не хочу! воскликнула я, разсердясь не на шутку, и подняла Леди въ галопъ.

„Мушкетъ тотчасъ же поскакалъ за нею.

„Онъ его опять понесетъ, подумала я, и поѣхала снова шагомъ.

„— Я вашихъ вѣрованій не затрогиваю, Надежда Павловна, заговорилъ Кирилинъ, догоняя меня и сдерживая свою лошадь, — и еслибы вы дали мнѣ досказать, вы бы увидѣли, что я отношусь къ нимъ съ уваженіемъ. Но я вижу, что вы, какъ коронованныя особы, требуете лишь однихъ прямыхъ отвѣтовъ на ваши вопросы. Вы дѣйствительно царица.... Это не я выдумалъ, поспѣшилъ онъ оговориться,—это я со словъ господина Грайворонскаго повторяю, и я буду вамъ отвѣчать

какъ царицѣ. Многіе-ли думаютъ какъ я, это сказать я вамъ не могу; несомнѣнно то, что каждый мыслящій человѣкъ ненавидитъ настоящее положеніе вещей.... Что же касается до того небольшаго кружка передовыхъ людей, къ которому примыкалъ я, и который Богъ-вѣсть куда разнесенъ теперь бурей, то, конечно, всѣ они держались, болѣе или менѣе, тѣхъ же началъ и работали въ тѣхъ же цѣляхъ, — просвѣщать погрязшія въ предразсудкахъ народныя массы и разбивать нелѣпые кумиры, которымъ до сихъ поръ поклоняются люди....

„Какъ бы этотъ небольшой кружокъ петербургской молодежи принялся просвѣщать народныя массы? подумала я. — Батюшка сколько уже лѣтъ не можетъ убѣдить своихъ крестьянъ посылать дѣтей въ школу и больныхъ къ Карлу Ивановичу?...

„— Но я не могъ имъ весь отдаться, говорилъ между тѣмъ Кирилинъ, слѣдя внимательно за выраженіемъ моего лица,—я не гожусь въ аскеты: мнѣ мало одной отвлеченной идеи человѣческаго блага, я не могу пожертвовать ей красотой, искусствомъ, всею эстетическою стороной жизни. Я никакъ не могу признать, чтобы мнѣ было все равно жить въ венеціанскомъ дворцѣ, исписанномъ кистью Веронеза, или въ грязномъ чуланѣ на Пескахъ, лишь бы сытымъ быть...

„— Развѣ этого отъ васъ требуютъ? спросила я, все болѣе и болѣе удивляясь.

„Онъ небрежно пожалъ плечами.

„— Попадаются и такіе! Они послѣдовательны, примолвилъ онъ, и, какъ бы противъ его желанія, улыбка пренебреженія скользнула по его губамъ, — это все болѣе семинаристы, люди избитые, пришибленные съ раннихъ лѣтъ, впроголодь промаячившіе свое дѣтство и юность; они потомъ всю жизнь свою не могутъ уже иначе мыслить, какъ чрезъ фокусъ желудка. Поставьте предъ такимъ человѣкомъ рядомъ кусокъ телятины и Венеру Милосскую, онъ посмотритъ на нихъ и тотчасъ же сообразитъ, что телятина предметъ съѣдомый, а мраморъ въ снѣдь не идетъ, и изъ этихъ посылокъ выведетъ уже совершенно правильно, съ своей точки зрѣнія,

что Венера вещь для голоднаго безполезная и можетъ развѣ одну праздную скуку сытыхъ тѣшить, а потому—бей ее молотомъ на щебень!... Но, я, Надежда Павловна, примолвилъ Кирилинъ съ невеселою ироніей, — я злополучный человѣкъ! Я почелъ бы святотатствомъ занести руку на Милосскую Киприду и согласился бы лучше вѣкъ прожить на одномъ картофелѣ. Меня, вопреки моему разсудку, моей волѣ, влекутъ краски, линіи, звуки, весь этотъ блескъ и цвѣтъ стараго, сознательно осужденнаго мною, строя жизни. Я не умѣю быть послѣдовательнымъ, какъ тѣ люди. Я не могу ненавидѣть васъ, потому что вы барышня, аристократка...

„— Это, полагаю, никому и не нужно, сказала я, довольно озадаченная такимъ неожиданнымъ заключеніемъ.

„— Ахъ, нѣтъ! это было бы нужно, Надежда Павловна...

„Онъ не докончилъ.

„Мы выѣзжали на большую дорогу. Вдали, навстрѣчу къ намъ, неслись верховые.

„— Вотъ и наши!

„— Надежда Павловна, спросилъ меня поспѣшно Кирилинъ,—вы имѣете извѣстія отъ господина Кемскаго?

„— Нѣтъ еще, отвѣчала я, взглянувъ на него. „Къ чему это ему знать!“ подумала я.

„— Вы его очень любите? спросилъ онъ опять.

„— Кого это, Владиміра? Очень люблю... Онъ мнѣ братъ.

„— И только братъ?

„Онъ такъ смотрѣлъ на меня, что я невольно опустила вѣки.

„— Такихъ вопросовъ не дѣлаютъ, сказала я въ отвѣтъ ему.

„— Какъ заалѣло ваше блѣдное лицо, проговорилъ онъ вдругъ замирающимъ отъ волненія голосомъ.—Какъ вы дивно хороши, Надежда Павловна!...

„— Какъ ты проѣхала, Надя? спрашивалъ меня батюшка, подъѣзжая къ намъ съ Саррой и Грайворонскимъ.

„Они мнѣ объяснили, что, видя меня скачущею вдоль рѣки, они сначала не поняли, куда я направляюсь, потомъ до-

гадались и поѣхали всѣ по моимъ слѣдамъ, но, добравшись до поляны, наткнулись на лежащее поперекъ ея дерево и рѣшили, что я проѣхала какою-нибудь другою тропинкой. Они долго искали ея, не нашли и вернулись въ луга, откуда поѣхали уже прямо по дорогѣ. Никто изъ нихъ не хотѣлъ допустить, чтобъ я рѣшилась перескочить чрезъ то дерево.

„— Это было всего проще, сказала я, смѣясь.

„— Вы это сдѣлали, Надя? воскликнула, блѣднѣя, Сарра.— Я всю ночь сегодня не буду спать отъ этой мысли!

„— Какъ васъ Богъ спасъ, Надежда Павловна! сказалъ Грайворонскій, указывая на Лэди.—Взгляните, у вашей старушки до сихъ поръ ноги дрожатъ...

„Батюшка ничего не сказалъ и отвернулъ голову. Зная его, я бы не сказала навѣрное, былъ-ли онъ болѣе встревоженъ моею смѣлостью, чѣмъ доволенъ ею. Но какимъ восторженно-благодарнымъ взоромъ смотрѣлъ на меня въ это время Кирилинъ!...

„— Я виню себя въ вашемъ непріятномъ приключеніи, обратился къ нему Грайворонскій, — не кстати испугался за васъ. Позвольте вручить вамъ вашу шляпу,—я поднялъ ее дорогой...

„— Цѣлъ? спросилъ его батюшка.

„— Цѣлехонекъ, благодаря Надеждѣ Павловнѣ, отвѣчалъ весело Кирилинъ.—Могу теперь сказать: все спасено, кромѣ стыда.

„— Въ лейбъ-гусары не годишься, дѣйствительно! заключилъ батюшка.

„Мы поѣхали домой. Въ продолженіе всего пути Кирилинъ дразнилъ Сарру ея эгоизмомъ и увѣрялъ, что еслибы Грайворонскій свалился дорогой съ моста въ Семь, она никакъ не протянула бы ему руки, чтобы не замочить своихъ пальцевъ. Сарра наконецъ разсердилась и отъѣхала отъ него, говоря, что она Грайворонскаго спасла бы непремѣнно, а Кирилина оставила бы погибать, безъ всякой жалости.

„На дворѣ у насъ стояло нѣсколько фургоновъ; изъ нихъ выскакивали люди, каждый съ какимъ-либо музыкальнымъ инструментомъ въ рукѣ. Это прибылъ оркестръ изъ Ново-

селокъ, къ великому удовольствію его владѣльца; онъ такъ и сіялъ.

„Кирилинъ тотчасъ же отправился съ музыкантами, на пробу, въ большую залу. Грайворонскій о чемъ-то очень суетился; оказалось, что забыли привести партитуру его *Illusions et regrets;* онъ тотчасъ же послалъ за ней нарочнаго, прочитавъ напередъ далеко не „гуманную" нотацію первой скрипкѣ, исправлявшей должность покинувшаго его капельмейстера.

„Мы пошли къ себѣ съ Саррой переодѣваться.

„Чрезъ часъ насъ пригласили въ залу. Туда собрался весь домъ; люди толпились у дверей. Всѣхъ счастливѣе казался Карлъ Ивановичъ: онъ былъ любитель музыки и, какъ вы знаете, самъ каждый вечеръ предъ чаемъ исполнялъ на кларнетѣ все одну и ту же штучку изъ *Волшебной флейты*. Онъ расхаживалъ теперь по залѣ, потирая руки и улыбаясь во все лицо, и съ видомъ знатока останавливался предъ пульпетами, разглядывая разложенныя на нихъ ноты.

„*Illusions et regrets* исполнили первымъ нумеромъ. Вальсъ прямо былъ заимствованъ изъ извѣстнаго *Alpenhorn*, Прохa. Кирилинъ все время аплодировалъ soi-disant композитору кончиками пальцевъ съ такимъ насмѣшливымъ видомъ, что не замѣтить этого могъ только одинъ Грайворонскій. Снисходительный Карлъ Ивановичъ съ своей стороны изъявлялъ одобреніе, свѣсивъ голову на плечо и глубокомысленно покачивая ею сверху внизъ. Самъ композиторъ слушалъ съ полузакрытыми глазами,—отъ скромности или торжества,—не знаю.

„— Теперь вашъ польскій, Андрей Харламовичъ, польскій вашъ! закричалъ онъ съ послѣднимъ аккордомъ вальса, и самъ побѣжалъ раздавать партіи музыкантамъ.

„Кирилинъ выступилъ впередъ со скрипкой въ рукѣ и подалъ знакъ смычкомъ. Польскій загремѣлъ.

„Какъ сказать вамъ, что я почувствовала, что заговорило во мнѣ, когда я услыхала эту музыку при полномъ исполненіи оркестра? Въ мірѣ звуковъ есть такіе, которые какъ будто созданы лишь для тебя одной, которымъ откликнуться могутъ лишь тончайшія, глубоко схороненныя въ душѣ твоей

струны; онѣ, быть-можетъ, и не зазвенѣли бы никогда, если-бы не проникли до нихъ именно тѣ родные, вызывающіе звуки. Полонезъ Кирилина былъ такъ свѣжъ, такъ мелодично-новъ, въ ритмѣ его было такъ много того, что называютъ brio, онъ увлекалъ, уносилъ, подымалъ слушателя невольно; всѣ переглядывались, у каждаго горѣла въ глазахъ какая-то вдругъ вспыхнувшая молодая отвага; самъ батюшка, равнодушнѣйшій къ музыкѣ человѣкъ, поддался общему впечатлѣнію и сочувственно билъ тактъ ногой. Но для меня, Владиміръ, это была цѣлая поэма, волшебное царство ощущеній, въ которое я входила будто въ тотъ венеціанскій дворецъ, о которомъ недавно говорилъ Кирилинъ, очарованная и смущенная его блескомъ и красками. Безпредметною, но неизмѣримою нѣжностію расплывалось сердце, и рядомъ съ нею, съ самаго дна души, какъ кораллы изъ глубины моря, поднимались нетерпѣливо невѣдомыя мнѣ до тѣхъ поръ желанія свѣта, шума, ликованій... „Вы царица“, проносилось въ моемъ воображеніи, и предо мной проходила вереница сіяющихъ картинъ. То представлялся знойный берегъ надъ средиземными волнами, ковровые шатры подъ тѣнью яворовъ и пальмъ, бронзовыя лица покорной мнѣ толпы, бѣлые кони подъ яркими тканями и молчаливыя невольницы, мѣрно склоняющія надо мной страусовыя опахала; то лунная ночь, исполинская лѣстница съ мраморными изваяніями на каждой ступени ея, и пажи съ золотыми цѣпями, въ атласѣ и бархатѣ, бѣгущіе предо мной съ факелами въ рукахъ; а тамъ безконечный рядъ тонкихъ колоннъ подъ мавританскими сводами, подъ самые своды летящій фонтанъ, и балъ сіяющій тысячами огней, и подъ звуки этого польскаго легкою поступью скользятъ предо мной пара за парой, и кто-то, незримый между всѣми, робко и печально шепчетъ мнѣ опять: „вы царица“...

Il joue comme un ange! шепталъ мнѣ въ дѣйствительности Грайворонскій, наклоняясь къ моему уху и зажмуривая уже совсѣмъ глаза отъ избытка наслажденія.

„Да, *онъ* игралъ удивительно, и игралъ для меня, для меня одной, я это видѣла, я это понимала... Не самолюбіе его, не жажда похвалъ водили его смычкомъ,—нѣтъ: таин-

ственная нить связывала въ эту минуту его ощущенія съ моими. Передъ нимъ рисуются тѣ же картины, думала я, тѣ же образы проходятъ предъ нимъ,—„блескъ и цвѣтъ осужденной имъ жизни“, мелькнули его слова въ моей памяти, и я внутренно улыбнулась...

„— Bis, bis, сначала! закричалъ Грайворонскій, когда оркестръ кончилъ. Карлъ Ивановичъ присоединился къ нему.

„Кирилинъ искалъ отвѣта въ моихъ глазахъ.

„— По-моему, повтореніе всегда портитъ свѣжесть перваго впечатлѣнія, сказала я Грайворонскому, и тотчасъ же раскаялась, что это сказала.

„— Когда-нибудь въ другой разъ, торопливо промолвилъ Кирилинъ:—я лучше сыграю вамъ теперь элегію Эрнста.

„И онъ въ то же время взглянулъ на меня такимъ сіявшимъ радостью лицомъ, какъ будто говорилъ: „я понялъ васъ: излишне повторять то, что̀ дошло по адресу“.

„Я отрезвилась вдругъ. Обаяніе, навѣянное на меня музыкой, разсѣялъ суровый внутренній голосъ; онъ говорилъ мнѣ, что между мной и этимъ молодымъ человѣкомъ устанавливаются не совсѣмъ безупречныя отношенія, что хотя онъ до сихъ поръ ничего не сказалъ въ сущности, чего бы не говорилъ мнѣ Грайворонскій или всякій иной, почитающій нужнымъ курить ѳиміамъ дѣвушкѣ не совершенно безобразной, но что никакъ нельзя мѣрить одною мѣрой Кирилина и всякаго другаго. Онъ жилъ съ другими людьми, въ кругу чуждыхъ намъ понятій, онъ не признаетъ нашихъ приличій, онъ ненавидитъ наши „искусственныя условія;“ рѣзка, но за то искренна его рѣчь, и каждое слово его выражаетъ именно то, что̀ онъ въ это время чувствуетъ. Онъ даровитъ и знаетъ это, и полагаетъ поэтому, кажется, что не существуетъ ничего для него недозволеннаго. Онъ началъ со мной чуть не оскорбленіями; теперь, — и какъ быстро это совершилось, — другое чувство, повидимому, овладѣло имъ, и онъ какъ будто уже не въ силахъ скрывать его. Онъ и не почтетъ нужнымъ сдерживаться, онъ способенъ думать, что я... Сынъ Настасьи Савельевны! вспомнилось мнѣ, и мои опасенія пока

мнѣ вдругъ такъ забавными, что я готова была громко разсмѣяться.

„Тѣмъ не менѣе непріятное чувство залегло у меня, и я не могла уже отъ него избавиться. „Онъ мнѣ только испортилъ впечатлѣніе, вызванное его же музыкой: тѣмъ хуже для него!“ сказала я себѣ съ досадой, и глаза мои, — холодные, какъ сѣверное небо, увѣряли вы, Владиміръ, — совсѣмъ оледенѣли. Я видѣла это, какъ въ зеркалѣ, на лицѣ Кирилина; оно съ каждымъ мгновеніемъ становилось тревожнѣе и печальнѣе. „Что съ вами, отчего такая перемѣна?“ говорили мнѣ, не стѣсняясь присутствіемъ другихъ, батюшки, сидѣвшаго рядомъ со мной, его неотступные взгляды. И, крѣпко прижавшись головой къ своей скрипкѣ, онъ съ нервною дрожью водилъ смычкомъ по струнамъ, какъ бы злясь на то, что онѣ не умѣли довольно понятно выразить его тоску. Но я не хотѣла понимать его, я старалась не слышать этихъ умоляющихъ звуковъ; они могли меня подкупить, я это чувствовала,—а онъ потомъ увлекся бы опять какими-нибудь безумными надеждами...

„Два новые гостя изъ близкихъ сосѣдей вошли въ это время въ залу. Я очень обрадовалась ихъ пріѣзду; это давало мнѣ случай встать съ мѣста и занять другое, рядомъ съ ними, подальше отъ скрипки и отъ взглядовъ Кирилина.

„Но бѣдные сосѣди, пріѣхавшіе именно съ цѣлью наслушаться его игры (они узнали объ этомъ отъ музыкантовъ Грайворонскаго, проѣзжавшихъ мимо ихъ,), были очень обмануты въ своихъ надеждахъ. Кирилинъ, исполнивъ элегію Эрнста, объявилъ, что не можетъ болѣе играть, что у него страшно болитъ голова, и рука нейдетъ послѣ ѣзды верхомъ.

„Это такъ походило на правду, что даже Грайворонскій не рѣшился упрашивать его. Но отъ него не укрылось волненіе Кирилина,—это было и не трудно: Кирилинъ такъ дурно умѣлъ скрывать то, что чувствовалъ,—и, подсѣвъ ко мнѣ, онъ прошепталъ, принимая видъ чрезвычайно лукавый:

„— Il me semble, mademoiselle, que nôtre jeune maestro pousse sa reconnaïssance pour vous j'usqu' à la passion?

„Я такъ на него взглянула, что онъ не осмѣлился про-

должать и, замѣтивъ, что Кирилинъ уходитъ изъ залы, поспѣшилъ, смущенный, ему вслѣдъ, сказавъ мнѣ, что ему необходимо переговорить съ „музикусомъ“.

„Оркестръ продолжалъ играть, и мы слушали его почти до полуночи. У Сарры отъ усталости и музыки давно смыкались глаза, и она чуть не падала, тащась за мной наверхъ. Я также не безъ удовольствія очутилась въ постели. Снимая кольца на ночь, я замѣтила на моемъ столикѣ незнакомую мнѣ, довольно объемистую книжку. *Valentine*, par G. Sand, стояло въ ея заглавіи.

„— Это откуда ты взяла, Катя? спросила я горничную.

„— Настасья Савельевна принесли сюда и положили, отвѣчала она.

„Къ чему онъ это прислалъ мнѣ?“ подумала я и сказала Катѣ, что мнѣ эта книга не нужна и что она можетъ отнести ее назадъ къ Настасьѣ Савельевнѣ.

„— Онѣ уже спятъ теперь, отвѣчала Катя.

„— Все равно, отнесешь завтра утромъ.

„Она ушла. Я закрыла глаза, надѣясь тотчасъ же уснуть, но сонъ не приходилъ. Голова моя была тяжела и горѣла отъ прикосновенія подушки. Въ спальнѣ было душно: Катя утромъ наполнила всѣ мои вазы цвѣтами и не позаботилась унести ихъ вечеромъ; напоенный ими воздухъ томилъ и раздражалъ меня. Я вспомнила слова Карла Ивановича, что запахъ цвѣтовъ ночью „очень вредоносенъ есть“, но мнѣ жаль было будить Катю. Я встала, зажгла свѣчу и, окутавшись шалью, пошла отворить окно. Ночная свѣжесть волной влилась въ комнату. Надъ темнымъ садомъ безмятежно сіяло звѣздное небо, съ луговъ доносилось пѣніе послѣднихъ соловьевъ, — мы были уже въ концѣ мая... Я была не въ силахъ противиться искушенію постоять подольше на чистомъ воздухѣ и чувствовать, какъ онъ постепенно обнимаетъ меня всею своею проникающею прохладой. Я собрала изъ вазъ всѣ Катины букеты и медленно, одинъ за другимъ, стала выкидывать ихъ въ аллею, стараясь машинально попа-

дать въ полосу свѣта, которая ярко била туда изъ окна столовой: тамъ еще ужинали гости. „Если садовникъ не успѣетъ убрать ихъ завтра до первой батюшкиной прогулки, думала я въ это время, мнѣ непремѣнно достанется за мое „русское неряшество“, но у меня готовъ отвѣтъ: я скажу батюшкѣ, что розы подъ окномъ его кабинета вѣчно покрыты золой его трубки“...

„Въ это время вдругъ кто-то выскользнулъ изъ темной глуби деревьевъ и, прежде чѣмъ я успѣла узнать его, поднялъ съ земли выкинутые мной цвѣты и также быстро исчезъ во мракѣ.

„Я поспѣшно захлопнула раму и опустила стору. „Это не *пустынникъ*, онъ слишкомъ тяжелъ для подобныхъ упражненій“, подумала я, невольно улыбаясь. Такъ опять Кирилинъ! Онъ, значитъ, стоялъ подъ моимъ окномъ все это время, ждалъ.... Чего онъ ждалъ?.... Онъ, этотъ самонадѣянный мечтатель, воображающій перестроить весь міръ по своей фантазіи, онъ, какъ школьникъ, какъ этотъ маленькій гимназистъ, пріѣзжавшій въ прошломъ году съ матерью въ Рай-Воздвиженское, собираетъ выброшенные мною завядшіе цвѣты...

„Я опустилась въ кресло, усталая, неспособная болѣе мыслить. Какое-то оцѣпенѣніе овладѣло мной. Минувшій день съ его разнообразными впечатлѣніями смутно проносился предо мной, но я была не въ состояніи остановиться ни на одномъ изъ нихъ. Да я и не понимала, чего я искала, что мнѣ нужно было въ воспоминаніяхъ этого дня...

„Колоколъ на дворѣ пробилъ два часа.

„Я очнулась, встала и направилась къ кровати. Когда проходила мимо моего бюро, глаза мои остановились на книгѣ, присланной Кирилинымъ, — Катя перенесла ее туда съ ночнаго столика,

„— Къ чему онъ прислалъ ее мнѣ? спросила я себя и опять задумалась. Утренній разговоръ пришелъ мнѣ на память. Въ чемъ же заключается этотъ „букетъ“, о которомъ *онъ* говорилъ Саррѣ, съ такимъ пренебреженіемъ отзываясь о нашемъ англійскомъ чтеніи?....

„Я безсознательно открыла книгу. Она развернулась на томъ мѣстѣ, гдѣ Valentine, возвращаясь одна, ночью, верхомъ, съ сельскаго праздника, сбивается съ дороги, среди незнакомыхъ ей пустынныхъ долинъ, и вдругъ издалека доносится до нея „голосъ, чистый, сладкій, очаровательный мужской голосъ, молодой и звенящій, какъ звукъ гобоя“,—голосъ крестьянина Бенедикта.... Я дочла до конца главы. Неотразима была прелесть разсказа, и я не устояла. Я унесла романъ съ собой въ постель... Времени оставалось мало; я ни за что не хотѣла оставлять книгу у себя, и надо было, чтобы завтра утромъ Катя нашла ее на прежнемъ мѣстѣ и отнесла, какъ я ей приказывала, обратно къ Настасьѣ Савельевнѣ, — и я жадно принялась перелистывать главу за главой. Еще болѣе соблазна, быть-можетъ, придавало имъ это спѣшное, нетерпѣливое чтеніе... Да и когда же до этого бывали въ моихъ рукахъ подобныя книги! Необузданнымъ языкомъ говорила въ нихъ любовь, любовь, о какой я не слыхала до этой минуты, какая-то грозная, свирѣпая любовь, не признающая ничего, кромѣ одной себя, навязывающаяся какъ тиранъ и какъ тяранъ попирающая все то, чему до тѣхъ поръ я вѣрила, предъ чѣмъ я, безъ борьбы, безъ сомнѣній, преклонялась съ дѣтства. Жгучія, околдовывающія страницы, онѣ пробуждали во мнѣ невѣдомыя до тѣхъ поръ и беззаконныя, — я это сознавала, я говорила это себѣ,—ощущенія и помыслы... То леденѣла я подъ вліяніемъ невольнаго и непонятнаго ужаса, то вся горѣла и замирала, и краска стыда покрывала мое лицо, и сердце билось, какъ должно биться оно, казалось мнѣ, у преступника послѣ совершеннаго имъ преступленія... Но, безсильная уже противиться змѣиному ея обаянію, я только лихорадочно жаждала дойти до конца книги, надѣясь вырваться наконецъ изъ этого влекущаго, но грѣховнаго, но мучительнаго міра...

„Я читала до самаго утра, до самой той минуты, когда за дверями моей спальни послышались шаги и кашель Сарры. Я едва успѣла потушить свѣчу, положить книгу на бюро и улечься снова въ постель.

„Катя вошла въ спальню вслѣдъ за Саррой.

„— Оставьте меня, сказала я имъ,—мнѣ смертельно спать хочется, я дурно провела ночь...

„Но Сарра, какъ нарочно, была въ это утро въ отличномъ расположеніи духа; она не надулась, не противорѣчила мнѣ, забыла даже проговорить свое стереотипное: „for shame, Надя!“ Она пододвинула стулъ къ окну, вынула изъ кармана какую-то работу и, обернувшись ко мнѣ спиной, усѣлась, сказавъ:

„— Спите, дитя мое, я вамъ мѣшать не буду.

„А Катя между тѣмъ, не въ пору послушная и памятливая Катя, уходила изъ комнаты, унося съ собой недочитанную мною Valentine. О! съ какою злостью взглянула я на нее!...

„Что было дѣлать! Я забилась въ подушки и закрыла глаза. Спать буду! Но среди дремоты, мало-по-малу обнимавшей меня, въ раздраженныхъ нервахъ повторялись впечатлѣнія моей тревожной ночи: я то болѣзненно вздрагивала и съеживалась, то будто накаленныя зноемъ струи пробѣгали по всему моему тѣлу; въ блѣднѣющихъ, уже неясныхъ представленіяхъ перепутывались страстныя сцены романа съ эпизодами прошлаго дня, и предо мной возникалъ мой собственный образъ, верхомъ, въ незнакомомъ лѣсу, озаренномъ мѣсячнымъ сіяніемъ, и среди безмолвія и страховъ ночи доносится ко мнѣ издалека, изъ самой глубины, изъ самой теми лѣса „голосъ свѣжій и звенящій, какъ звукъ гобоя“, и поетъ онъ мотивъ полонеза Кирилина...

„Далеко за полдень разбудила меня Катя; она держала письмо въ рукѣ.

„— Генералъ приказали отдать вамъ, говорила она съ веселою улыбкой.

„Это было письмо отъ васъ, Владиміръ, первое со дня вашего отъѣзда! Я вырвала его изъ рукъ Кати и выпроводила ее изъ комнаты. Мнѣ надо было остаться одной, одной съ вами, о милый мой, одной съ тою острою болью, которая вдругъ защемила у меня въ сердцѣ, едва узнала я вашъ почеркъ. Я вскрыла конвертъ, прочла первыя строки, —

„Свѣтлый ангелъ мой, надежда моя“, писали вы,—и залилась вдругъ слезами, обильными, долгими, живительными слезами... Тяжелое бремя скатилось съ души моей вмѣстѣ съ ними; ихъ разрѣшающая благодать смывала и уносила навсегда, казалось мнѣ, всю эту тину неправедныхъ ощущеній, накипѣвшую въ ней со вчерашняго дня... Я схватила ваше письмо, Владиміръ, и, въ порывѣ восторженной благодарности, прижала его къ губамъ. Медленно, строку за строкой, принялась я затѣмъ читать его, пріостанавливаясь чуть не на каждомъ словѣ, улыбаясь стремительному росчерку иныхъ буквъ: въ нихъ говорили вы, другъ мой, ваша пылкая, честная душа... „О, прикрой меня твоими бѣлыми крылами!“ лепетала я, стремясь всѣмъ существомъ моимъ къ вамъ, подъ сѣнь, подъ защиту этихъ чистыхъ и сильныхъ крылъ... Я дочла письмо до конца и тутъ только замѣтила, что не прочла его,—я искала лишь вашихъ слѣдовъ на этомъ листкѣ бумаги, радовалась словамъ начертаннымъ вами и забыла о смыслѣ ихъ... Я перечла его сызнова. О себѣ вы говорили только, что отправляетесь немедленно, что вашему фрегату приказано слѣдовать въ Англію безостановочно и что вы постараетесь изъ Мальты написать намъ опять; все остальное письмо было посвящено исключительно мысли, заботѣ обо мнѣ. Оно дышало такою нѣжною привязанностью, такимъ спокойствіемъ, такою безграничною вѣрой въ меня!... „Откуда же эта недавняя тревога“, говорила я себѣ, растроганная и умиленная, „откуда это душевное смущеніе, налетѣвшее на меня какъ грозовая туча и предъ которымъ я, къ стыду моему, осталась безоружною и безотвѣтною? Что общаго между мной и тою выдуманною личностью, чувствамъ которой, сегодня ночью, я думала найти, я искала откликъ въ собственномъ сердцѣ? Пусть дерзкій молодой человѣкъ, прославшій мнѣ эту книгу, олицетворяетъ себя въ ея героѣ, пусть поручаетъ ему высказать мнѣ то, что не считаетъ удобнымъ выговорить самъ: онъ не понимаетъ, что такой поступокъ—оскорбленіе для меня, онъ не понимаетъ, потому что онъ ослѣпленъ своими мятежными убѣжденіями, своимъ страшнымъ самолюбіемъ, можетъ-быть, и авторитетомъ книгъ подобныхъ этой. Но я, могла-ли я,

хоть на одну минуту, забыть, что для меня радужнымъ вѣнцомъ,—я употребляю его же выраженія,—сложилось все, что̀ даетъ прелесть и цѣну жизни! Любимая отцомъ, не скованная ничьимъ произволомъ, я свободно отдала сердце лучшему, благороднѣйшему изъ людей, человѣку, для котораго я дороже всего на свѣтѣ и съ которымъ я никого не сравню! Достичь моей любви другому,—да развѣ это возможно? Осмѣлиться надѣяться на это, нѣтъ,—это даже не оскорбленіе, это безуміе!... И я безумна была сегодня ночью!" досказала я себѣ... Нервная дрожь пробѣжала у меня по тѣлу. Мнѣ вспомнилось, какъ въ дѣтствѣ, предъ сномъ, старая няня моя, осѣняя меня крестомъ, повторяла каждый разъ: „отъ лукаваго навожденія спаси тебя, Господи!" И,—какъ въ тѣ годы,—я набожно перекрестилась...

„Сарра не возвращалась ко мнѣ съ утра; она пошла гулять и поручила Катѣ звать меня въ садъ, какъ только окончу свой туалетъ. Катя, слегка передразнивая ее, сообщила мнѣ, что старушка пыталась нѣсколько разъ будить меня, но что ей каждый разъ жаль меня становилось, и она съ ворчаньемъ отходила отъ моей постели, наконецъ и совсѣмъ ушла, приказавъ мнѣ сказать, что воздухъ и движеніе необходимы послѣ такого нелѣпаго сна.

„Я послушалась ея совѣта, поспѣшила одѣться и отправилась въ садъ. Я долго гуляла одна по извилистымъ аллеямъ. Воздухъ и движеніе дѣйствительно разсѣяли и послѣдніе слѣды моего утомленія. Бодро и весело поднялась я на террасу, гдѣ разсчитывала найти Сарру, съ которою не встрѣтилась въ саду.

„— For shame, lazy Надя! не преминула воскликнуть она на этотъ разъ, едва увидала меня.—Скажите ей, пожалуйста, что стыдно вести такую неправильную жизнь: она только что встала, обратилась Сарра къ Карлу Ивановичу, сидѣвшему подлѣ нея.

„— О, это совсѣмъ нехорошо! сказалъ Карлъ Иваповичъ, поднимая на меня свои кроткіе голубые глаза. — Ваши крылатыя сестры встаютъ постоянно съ зарей, улыбаясь промолвилъ онъ, на родномъ своемъ языкѣ, указывая мнѣ на какую-

то птичку, которая, испуганная моимъ появленіемъ, взвилась съ перилъ балкона и съ коротенькою, порывистою пѣсней перелетѣла на ближнее дерево.

„— Вы всегда исполнены поэзіи, милый докторъ, но то, что вы сейчасъ сказали, никуда не годится: я слишкомъ холодна и положительна, чтобы походить на птицу, смѣясь отвѣчала я.

„— Ну, это бабушка два раза говорила (онъ хотѣлъ сказать „на-двое“, бѣдный,), возразилъ по-русски Карлъ Ивановичъ, покачивая недовѣрчиво головой и стараясь придать самое коварное выраженіе своему добродушному голосу.

„Кто-то за мной громко и нервно расхохотался. Я обернулась: Кирилинъ стоялъ тутъ и пронзительно глядѣлъ на меня. Я почему-то никакъ не думала встрѣтиться съ нимъ такъ скоро, и во мнѣ тотчасъ же заговорило неодолимое желаніе сдѣлать ему какую-нибудь непріятность.

„— Вы, извѣстно, злой насмѣшникъ, милый докторъ, сказала я озадаченному этимъ смѣхомъ и оробѣвшему вдругъ Карлу Ивановичу, — но, признаюсь вамъ, на сегодняшній день вы не ошиблись: сегодня нѣтъ птицы счастливѣе меня. Видите?

„Я вынула изъ кармана ваше письмо, Владиміръ, провела имъ нѣсколько разъ предъ очками Карла Ивановича и снова бережно, не спѣша, упрятала его.

„— О, я знаю отъ кого! радостно воскликнулъ докторъ.

„— Не знаете! дразнила я его.

„— Знаю и сейчасъ скажу, отвѣчалъ онъ, дразня меня въ свою очередь. — Могу сказать? все также коварно подмигивая мнѣ, спросилъ онъ.

„— Можете, можете!

„— Отъ Вла-ди-міръ А-ле-ксандровичъ господинъ Кемскій. Нна! протяжно и торжественно проговорилъ Карлъ Ивановичъ и даже ножкой подшаркнулъ.

„— О, very indeed, Надя? также радостно воскликнула Сарра,—вы получили письмо отъ mister Woldemar?

„— А вы думали отъ кого же? Отъ него, missy! Онъ живъ и здоровъ и шлетъ сердечный поклонъ свой вамъ, Сарра,

вамъ, докторъ, всему дому; мы получимъ отъ него скоро другое письмо изъ Мальты. Онъ все тотъ же—дорогой, милый Владиміръ! отвѣчала я, невыразимо довольная этимъ общимъ выраженіемъ любви къ вамъ, другъ мой, не менѣе довольная и тѣмъ, что слова мои кололи Кирилина какъ булавки; это не трудно было замѣтить по его внезапно посинѣвшимъ губамъ, по судорожному движенію плеча, съ какимъ онъ опустился на скамейку. Съ притворнымъ равнодушіемъ принялся онъ болтать ногой, устремивъ вдаль прищуренные глаза. „Знай же, знай это, дерзкій человѣкъ!“ думала я, не глядя на него и все видя между тѣмъ....

„А старики мои, ничего не замѣчая, какъ бы нарочно, то одна, то другой, обращались къ нему съ восторженными похвалами mister Woldemar'y, съ безконечными разсказами о подвигахъ и добродѣтеляхъ „милый господинъ Кемскій“.

„— О, говорилъ Карлъ Ивановичъ, предлагая даже, въ волненіи чувствъ своихъ, табатерку воображаемому собесѣднику;—вы его не знаете, господинъ Кирилинъ, но когда онъ опять вернется къ намъ, вы будете любить его „какъ родной братъ“, я это хорошо знаю, потому онъ „золотой шаловѣкъ есть, Владиміръ Иваничъ: онъ все имѣйтъ, чтобъ заслужить любовь!“

„Кирилинъ не выдержалъ.

„— Конечно, пропустилъ онъ, закусывая губу и постукивая кулакомъ по периламъ,—онъ далъ себѣ трудъ родиться!...

„— Да, да, подтвердилъ добрый Нѣмецъ, не понимая.

„— О, what is that? спросила Сарра, понимая еще менѣе.

„— Прочтите *Свадьбу Фигаро*, отвѣчалъ ей Кирилинъ, засмѣявшись своимъ злымъ, обрывистымъ смѣхомъ.

„— Это значитъ, missy, какъ можно спокойнѣе объяснила я,—что всѣ тѣ, кто знаетъ Вольдемара, могутъ благодарить Бога за то, что онъ родился на свѣтъ.

„— Justly, сказала Сарра и протянула мнѣ длинную полосу канвы, по которой она спѣшила докончить узоръ въ виду недалекихъ именинъ батюшки.

„Мы занялись шитьемъ. Всѣ смолкли. Только Карлъ Иванычъ отъ времени до времени вопросительно переводилъ

свои большіе глаза съ Кирилина на меня и обратно, видимо стараясь добраться до настоящаго смысла словъ, одобренныхъ имъ, но которыя теперь начинали казаться ему подозрительными.

„Такъ прошло нѣсколько минутъ.

„— А любопытно, докторъ, началъ первый Кирилинъ, оборачиваясь къ Карлу Ивановичу,—онъ уткнулъ локти въ колѣна и подперъ обѣми руками свое блѣдное лицо, причемъ только глаза его виднѣлись какъ двѣ сверкающія прорѣхи изъ-за чернаго завѣса волосъ, покрывшихъ съ обѣихъ сторонъ и лицо его, и руки,—любопытно было бы, въ психологическомъ отношеніи, опредѣлить: насколько нравственное значеніе человѣка, то его, что Французы называютъ valeur intrinsèque, находится въ зависимости отъ его внѣшней, матеріальной обстановки?

„Карлъ Ивановичъ растерянными глазами взглянулъ на говорившаго: несчастный, онъ не успѣлъ еще справиться съ одною задачей, а ему предлагаютъ уже другую, гораздо болѣе запутанную...

„Но Кирилинъ продолжалъ, какъ бы не замѣчая этого (да и какое было ему дѣло, понималъ-ли его Карлъ Ивановичъ, или нѣтъ,—не для Карла Ивановича говорилъ онъ):

„— Поставьте, напримѣръ, рядомъ, двѣ личности, совершенно одинаково, положимъ, образованныя, одаренныя равно способностями, энергіей, желаніемъ блага и такъ далѣе. Одна лишь между ними разница: одинъ изъ этихъ двухъ смертныхъ взросъ въ богатомъ старомъ домѣ, подъ историческимъ гербомъ, другой человѣкъ безъ имени, нѣчто въ моемъ родѣ, добавилъ Кирилинъ съ такимъ усиліемъ, какъ еслибы произносимыя имъ слова жгли его языкъ. Вотъ-съ, теперь и не угодно-ли прослѣдить въ судьбѣ каждаго изъ нихъ, какъ выразятся и на что послужатъ тѣ нравственныя данныя, которыми они владѣютъ оба въ равной степени.

„Онъ остановился, будто ожидая отвѣта. Но никто не отвѣчалъ; только Карлъ Ивановичъ промычалъ что-то совершенно непонятное. Я не отрывала глазъ отъ шитья.

„— Для одного, заговорилъ опять Кирилинъ, — жизнь —

устланная скатертью дорожка. Едва ступилъ онъ на нее,—и уже всѣ, не споря, признаютъ его способности, и онъ безъ исканія, безъ труда, безъ униженій тотчасъ же находитъ приложеніе имъ. Предъ честолюбіемъ его уступаетъ каждый,—кто станетъ гоняться за сильнымъ и богатымъ! Хочетъ онъ приносить пользу,—ту жиденькую, тѣсную пользу, не могъ не ввернуть Кирилинъ,—которая возможна при нынѣшнихъ условіяхъ общества,—и свои, и всякія другія средства у него въ рукахъ. Для такого человѣка нѣтъ въ жизни борьбы съ другими людьми, не можетъ, слѣдовательно, возникнуть въ немъ и ненависти къ этой жизни, къ этимъ людямъ! Умъ его не тупѣетъ въ безплодномъ протестѣ, въ сердцѣ нѣтъ ожесточенія. Онъ можетъ оставаться Шиллеровскимъ юношей до сѣдыхъ волосъ, до конца дней сохранить полное благодушіе къ людямъ, вѣрить въ нихъ и ждать отъ нихъ любви. И онъ правъ: онъ избранникъ, онъ владыка сердецъ, и они влекутся къ нему неудержимо и пламенѣютъ благодарностью за то только, что онъ позволяетъ себя любить!

„— Да, да, это правда, добродушно поддакнулъ докторъ.

„— А! вы говорите—правда! Вы сознаете это! воскликнулъ горячо Кирилинъ, вскакивая на ноги и откидывая назадъ волосы нетерпѣливою рукой.—Такъ не отводите же глазъ и отъ другаго, отъ того, кому судьба не мать, а мачиха, кто родился съ тѣми же правами на успѣхъ, на счастіе, и кому съ нахальнымъ смѣхомъ отказываетъ въ этомъ теперешнее общество! Образованный, но бѣдный и незнатный человѣкъ,—знаете-ли вы въ наши дни положеніе хуже этого? Все, чѣмъ онъ одаренъ отъ природы, что пріобрѣлъ воспитаніемъ, все это обращается ему въ страданіе, въ невыносимое бремя, все это служитъ презрѣннымъ людямъ поводомъ глумиться надъ нимъ, угнетать, топтать его! Куда ни ткнись, ему нигдѣ нѣтъ хода; чѣмъ способнѣе онъ, тѣмъ не менѣе дозволятъ ему приносить пользу, чѣмъ выше онъ окружающей среды, тѣмъ ненавистнѣе онъ ей!... И когда онъ, разбитый, подавленный сознаніемъ своего безсилія и одиночества, проситъ себѣ не любви, — гдѣ ему, жалкому ничтожеству, смѣть о любви думать!—но немножко снисхожденія и сочувствія, ему

это вмѣняется въ неслыханное, чуть не въ преступное притязаніе. Какъ смѣешь ты, червякъ ничтожный, поднимать голову къ звѣздамъ! И лучшая душа среди всей этой мертвечины не посмѣетъ заглянуть въ измученную душу этого червяка и согрѣть ее своимъ участіемъ!...

„Взволнованнымъ, почти рыдающимъ голосомъ говорилъ онъ. Этотъ голосъ проникалъ мнѣ въ душу, помимо моей воли. „Измученный, одинокій"... болѣзненно отзывались во мнѣ его слова... „Боже мой, говорила я себѣ, что же могу я для него сдѣлать!..."

„Я подняла голову: онъ опустился опять на скамейку и тяжело дышалъ, глядя вдаль, и слегка дрожавшими руками связывалъ распустившіеся концы платка на шеѣ...

„Карлъ Ивановичъ окончательно растерялся. Его вѣки покраснѣли и заморгали, и съ какимъ-то отеческимъ чувствомъ взглянулъ онъ на Кирилина.

„— О, господинъ Кирилинъ, заговорилъ онъ растроганно и нѣжно,—зачѣмъ вы такъ думаете? Повѣрьте мнѣ, господинъ Кирилинъ, я всегда готовъ любить... и пожалѣть васъ... И миссъ Мэкдефъ тоже, и Надежда Павловна, всѣ готовы, поспѣшилъ онъ прибавить, умоляя насъ взглядомъ поддержать его.

„— O certainly, пробормотала недоумѣвающая Сарра.

„Кирилинъ быстро обернулся и пытливо взглянулъ мнѣ въ лицо; но выраженіе его, вѣроятно, не соотвѣтствовало его тайному желанію.

„—Благодарю васъ, отрывисто промолвилъ онъ,—но я не о себѣ говорилъ, а вообще о людяхъ, которымъ нѣтъ мѣста при настоящихъ порядкахъ. Жалѣть меня покуда нѣтъ причины; мнѣ еще, пожалуй, могутъ позавидовать многіе, сказалъ онъ, гордо поднимая голову. Но не гордостью звучалъ его голосъ...

„— Да, да, радостно заговорилъ докторъ,—я знаю, мнѣ говорилъ вчера г. Грайворонскій, вы поступаете къ нему на большое жалованье.

„— Въ самомъ дѣлѣ! воскликнула я. „Его не будетъ здѣсь!" пронеслось у меня въ мысли...

„— Вы этому рады? спросилъ онъ, вскинувъ на меня глаза, полные упрека.

„— Конечно. Вы можете сдѣлаться великимъ композиторомъ, прославить ваше имя...

„— Какъ Глинка, съ горечью возразилъ онъ,—котораго такъ умѣли оцѣнить въ Россіи? Незавидная перспектива!

„Я страстно любила музыку Глинки, но умѣли или не умѣли оцѣнить ее вообще въ Россіи, я не знала и не могла съ нимъ спорить...

„— Русскій артистъ, русскій композиторъ, говорилъ между тѣмъ Кирилинъ съ новымъ злобнымъ смѣхомъ,—вѣдь это у насъ ничего болѣе, какъ une bête curieuse, Надежда Павловна! Или вы не знали этого, не знали, что правъ гражданства не заслужило до сихъ поръ искусство въ Россіи, и что ничтожнѣйшій гвардейскій прапорщикъ пользуется у насъ бо́льшимъ почетомъ, чѣмъ самый геніальный художникъ? Тѣшить на минуту праздное любопытство тунеядной толпы, наравнѣ съ ученымъ снигиремъ или зайцемъ, играющимъ на барабанѣ, и внушать къ себѣ уваженіе настолько же, насколько и они,—вотъ судьба русскаго артиста въ любезномъ отечествѣ!

„— Извините меня, monsieur Кирилинъ, прервала я его,— но я не вѣрю вамъ: это было бы ужасно!

„— Не вѣрите? сказалъ онъ, а между тѣмъ... Онъ остановился, но не трудно было понять, что въ его мнѣніи я сама принадлежу къ числу тѣхъ, для которыхъ геніальный русскій артистъ и заяцъ, играющій на барабанѣ, одно и то же.

„— Вы не вѣрите, Надежда Павловна, началъ онъ опять,— а повѣрите-ли вы мнѣ, что нѣтъ оскорбленій, которыхъ бы я не испыталъ въ этомъ несчастномъ качествѣ русскаго артиста? И гадко, и смѣшно вспомнить! Петербургскіе мои меценаты не подавали мнѣ руки, не узнавали меня на улицѣ, а у себя заставляли по цѣлымъ вечерамъ играть кадрили на потѣху своимъ золотушнымъ дѣтямъ и, не стѣсняясь, громко отвѣчали на вопросъ обо мнѣ какого-нибудь гостя изъ почетныхъ: „c'est un protégé à nous, un petit homme qui „ne joue pas mal du violon...“ Московскіе купцы обивали мнѣ

плечи своими подобными гирямъ пятернями и почитали себя въ правѣ съ первыхъ словъ называть меня *ты* и приглашать на *бутылочку шипучки*. И я пилъ съ ними шипучку, Надежда Павловна, потому что мнѣ было девятнатцать лѣтъ, и весь я кипѣлъ звуками, и нужно мнѣ было перелить ихъ въ чью-нибудь душу, а въ пьяныхъ восторгахъ этихъ грубыхъ слушателей все-таки было болѣе дѣйствительнаго сочувствія и ко мнѣ, и къ музыкѣ, чѣмъ въ казенномъ одобреніи вашихъ вылинявшихъ, бездушныхъ свѣтскихъ куколъ, которыя, прикрывъ зѣвоту вѣеромъ и лепеча сквозь зубы свое гнусное „charmant", внимали мнѣ съ тѣмъ же наглымъ равнодушіемъ, съ тѣмъ же высокомѣрномъ-холоднымъ взглядомъ, съ какимъ глядѣли бы онѣ на уличнаго шарманщика!...

„Долго еще говорилъ Кирилинъ. Преувеличены и рѣзки были его рѣчи, но каждое его слово западало мнѣ въ память. И многое становилось мнѣ понятнымъ въ этомъ сложномъ, странномъ характерѣ, многое уже начинала я извинять ему за его непризнанныя стремленія, за безысходную тоску его ожесточенной души, за то горячее негодованіе, съ которымъ возставалъ онъ противъ бездушія людскаго, противъ незаслуженныхъ оскорбленій. Карлъ Ивановичъ правъ: онъ дѣйствительно „несчастный молодой человѣкъ", думала я, и съ этимъ убѣжденіемъ мнѣ суждено было не разставаться болѣе...

— —

„Тѣмъ временемъ общество наше разбрелось. Сарра отправилась къ себѣ за какимъ-то недостающимъ ей моткомъ шерсти. Карлъ Ивановичъ взглянулъ на часы и, объявивъ, что ему давно пора въ больницу, поспѣшилъ вслѣдъ за нею.

„Мы остались одни съ Кирилинымъ.

„Безпокойство овладѣло мной; я безотчетно поднялась съ мѣста.

„— Надежда Павловна, пять минутъ, не болѣе, умоляю васъ! прошепталъ онъ дрожащимъ голосомъ.

„Также безотчетно повиновалась я ему...

„— Вы счастливы сегодня, Надежда Павловна, началъ онъ,—вы такъ радовались письму вашего суженаго...

„— Человѣка, который меня всей душой любитъ! живо сказала я, отвѣчая намеку, который, казалось мнѣ, заключался въ его словахъ, и чуть не примолвила:—это не суженый героини той книги...

„— Любитъ?—Глаза Кирилина засверкали. — Любитъ и уѣхалъ отсюда?

И онъ злобно засмѣялся.

„— Онъ не могъ, сказала я,—его долгъ...

„— Не могъ! Долгъ его! повторилъ, прерывая меня, Кирилинъ.—Да позвольте васъ спросить, что̀ такое долгъ? Эластическая рамка, растяжимая до безконечности или доводимая до ничтожества, по прихоти каждаго, пышное слово безъ опредѣленнаго содержанія, смыслъ котораго съ сотворенія міра и до нашихъ временъ измѣнялся милліоны разъ и каждою единицей изъ числа милліоновъ, населяющихъ вселенную, толкуется разно! И изъ-за этого слова, изъ-за этого призрачнаго понятія человѣкъ, который васъ любитъ, говорите вы, рѣшается разстаться съ вами, покидаетъ то, что̀ должно быть ему дороже всего на свѣтѣ!... Нѣтъ-съ, такъ не любятъ!

„— Онъ хотѣлъ остаться, извиняла я васъ опять,—это батюшка...

„Искуситель не далъ мнѣ кончить.

„— Вы изрекаете ему послѣдній приговоръ, Надежда Павловна! Отецъ вашъ заставилъ его, онъ подчинился, у него не хватило стойкости воспротивиться деспотической волѣ вашего отца! И это у васъ любовью называется? О, на его мѣстѣ, воскликнулъ Кирилинъ,—и ничьи еще человѣческіе глаза не говорили мнѣ того, что̀ прочла я въ эту минуту въ его глазахъ,—какая же власть могла бы заставить меня разстаться съ вами на одинъ часъ, на одно мгновеніе!

„Владиміръ, другъ мой, я не возражала, я не находила уже словъ, я уже не видѣла сквозь сумрачный флёръ, который этотъ человѣкъ успѣлъ накинуть на меня. „Такъ не любятъ,“ тоскливо звучало въ моихъ ушахъ.

„— Довольно, оставимъ этотъ разговоръ, могла я только выговорить.

„Но онъ не щадилъ меня, онъ жестоко пользовался торжествомъ своимъ.

„—Нѣтъ, говорилъ онъ,—чувство его къ вамъ — эпизодъ въ его жизни, это не вся его жизнь! Онъ подчиняется вашему обаянію—еще бы! Когда вы сходите по ступенямъ этого балкона, безжизненный камень, и тотъ, я увѣренъ, проникается счастіемъ подъ вашимъ прикосновеніемъ, но это чувство не поглощаетъ его всецѣло, коли дозволяетъ онъ править имъ холодному, произвольному умствованію или чужому вліянію. Того-ли въ правѣ вы ожидать? И такъ-ли вы любимы, Надежда Павловна! воскликнулъ онъ, закрывая лицо руками.

„Я слушала его, оцѣпенѣлая и холодная...

„— О, еслибы страсть властна была вызывать страсть, говорилъ онъ,—еслибы въ дѣлѣ чувства существовала справедливость, вы бы не глядѣли съ такимъ презрительнымъ сожалѣніемъ на этого пролетарія, изнывающаго у вашихъ ногъ, котораго вы можете сейчасъ же велѣть вышвырнуть вонъ черезъ вашихъ холопей, но который умретъ завтра по первому знаку вашей руки...

„— Но, Бога ради, чего вы хотите отъ меня? спросила я его почти съ отчаяніемъ: мнѣ было невыносимо тяжело.

„— Чего я хочу?—Онъ какъ бы очнулся.—Знаю-ли я это самъ! Я знаю лишь то, что жить я могу только въ вашемъ присутствіи, что вдали отъ васъ я съ ума сойду или пущу себѣ пулю въ лобъ, а я завтра переѣзжаю къ Грайворонскому. Это рѣшилось вчера вечеромъ... Я понялъ, что мнѣ ничего другаго не остается дѣлать, тихо и протяжно примолвилъ онъ.

„— И хорошо сдѣлали, проговорила я съ усиліемъ и стараясь улыбнуться,—Новоселки не далеко, вы можете пріѣзжать сюда когда хотите, а между тѣмъ мало-по-малу станете отвыкать отъ насъ.

„— Отвыкать! воскликнулъ онъ съ новымъ порывомъ.— Вы сами не знаете, Надежда Павловна, какою роковою силой владѣете вы!... Есть сказаніе, продолжалъ онъ тише:— въ древней Элладѣ, въ глубинѣ заповѣдныхъ лѣсовъ, сокрыты были отъ взоровъ смертныхъ таинственныя и грозныя богини.

Кто дерзалъ проникнуть подъ ихъ священныя сѣни и взглянуть въ дивное лицо ихъ, тому уже не суждено было жить; онъ долженъ былъ изнемогать и гаснуть и до могилы томиться тѣмъ чуднымъ и гибельнымъ видѣніемъ.. Томиться и изнемогать, безнадежно, до могилы, и блаженствовать въ то же время, и каторжную свою муку не желать промѣнять на царскій вѣнецъ, на всѣ сокровища земныя,—вотъ что̀ суждено тому, на комъ хоть разъ остановились ваши загадочные, неотразимые глаза!

„— Андрей Харламовичъ, прошу васъ, оставимъ это, говорила я чрезъ силу.

„— Вы меня не хотите даже выслушать, упрекалъ меня онъ.—А въ дѣтствѣ, помните, кому повѣрялъ я свои печали, чей дѣтски-ласковый голосъ удерживалъ меня отъ опасныхъ проказъ? Вы забыли, да и знали-ли вы когда-нибудь, чѣмъ и тогда вы были для меня? Рано заговорила во мнѣ моя цыганская кровь, рано началъ я протестовать и возмущаться, и тяжела была для меня воля другихъ. А я смирялся между тѣмъ, и молчалъ, и оставался чистъ, потому что, иначе, я зналъ, мнѣ бы не остаться здѣсь, а я и тогда не понималъ, какъ можно жить и не видѣть васъ! Когда Васи не стало, я рыдалъ безумно, но не по немъ я плакалъ,—Вася былъ баричъ, и я прощалъ ему это лишь потому, что онъ походилъ на васъ лицомъ,—нѣтъ, я плакалъ, потому что зналъ, что съ его смертью я долженъ буду покинуть этотъ домъ, а для меня домъ этотъ— это были вы и никто болѣе! И когда дѣйствительно повезли меня въ Москву, я ничего не хотѣлъ брать съ собой отсюда.... вы помните, Павелъ Васильевичъ отдалъ мнѣ тогда всѣ вещи, принадлежавшія Васѣ: я все оставилъ моей матери, а у нея утащилъ карандашомъ писанный портретъ, снятый съ васъ, когда вамъ пошелъ тринадцатый годъ. Онъ до сихъ поръ у меня, онъ меня никогда не покидалъ, и предъ ликомъ этой тринадцатилѣтней дѣвочки не разъ въ моей безпутной жизни, въ минуты тоски и раскаянія, я плакалъ такими слезами.... Не со вчерашняго дня дороги вы для меня, Надежда Павловна!

„Я уже не прерывала его.

„— Кто болѣе меня, говорилъ онъ, блѣдный отъ волненія,—имѣетъ право любить васъ? У меня нѣтъ будущаго; нѣтъ имени, нѣтъ званія, мнѣ суждено весь вѣкъ мой зависѣть отъ каприза меценатовъ-невѣждъ, въ родѣ вашего „пустынника“, или пропадать гдѣ-нибудь въ провинціальномъ оркестрѣ, да спиться съ горя, какъ подобаетъ всякому талантливому человѣку въ Россіи! Ни одного свѣтлаго луча въ этой темной жизни, ничего у меня нѣтъ, ни впереди, ни нынче, кромѣ этой безумной, неизсякаемой любви моей къ вамъ, подругѣ и божеству моего дѣтства! Отнять ее у меня, это значитъ вырвать у нищаго послѣдній кусокъ хлѣба изъ горла! Говорите, станетъ-ли у васъ на это духа?

„— Эта любовь не можетъ принести вамъ счастія, отвѣчала я, и самыя убѣжденія ваши...

„— Мои убѣжденія! Вы ихъ поставили вверхъ дномъ, Надежда Павловна! прервалъ онъ меня, съ какимъ-то отчаяннымъ движеніемъ руки.—Предъ вами я ничего не помню, подъ вашимъ обаяніемъ ваши кумиры становятся моими кумирами! Я признаю,—и глаза его словно окутали меня всю безпредѣльною страстью,—я долженъ признать, что эти безукоризненныя линіи, эти дивныя руки и этотъ гордый поворотъ шеи и величавую прелесть всѣхъ вашихъ движеній, все это не въ состояніи создать сразу грубая природа, что для этого надо было напередъ пройти цѣлымъ поколѣніямъ предковъ, незнакомыхъ съ нуждой, воспитанныхъ на то, чтобы властно жить и мыслить. Я признаю, что вы рождены владычицей, и что какъ владычица должны вы быть обставлены, хотя бы тысячи людей должны были для этого умирать съ голоду!... И самъ бы я, самъ, собственною рукой, подписалъ подобный приговоръ! Вотъ до какой низости я дошелъ, Надежда Павловна! домолвилъ Кирилинъ и усмѣхнулся короткою и печальною усмѣшкой.

„Я подняла на него глаза и усмѣхнулась тоже...

„Онъ рванулся съ мѣста, схватилъ мою руку и, жадно прижавшись къ ней губами, пролепеталъ чуть слышно:

„— О, вы никогда не поймете, какъ я люблю васъ!

„Я вырвала у него руку, оттолкнула его, поспѣшно встала...

„Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ стоялъ отецъ мой.

„Онъ былъ страшенъ какъ привидѣніе, показалось мнѣ, и грозенъ былъ для меня его взглядъ подъ сплошною тѣнью сдвинувшихся бровей, но голосъ его звучалъ все такъ же ровно и спокойно, когда, обратившись ко мнѣ:

„— А миссъ Мэкдефъ гдѣ? спросилъ онъ.

„— Она только-что ушла, сейчасъ придетъ назадъ.

„Какого страшнаго усилія стоили мнѣ эти нѣсколько словъ, про то одинъ Богъ знаетъ!

„Батюшка прошелся нѣсколько разъ по террассѣ и вдругъ остановился передъ Кирилинымъ.

„— Къ Грайворонскому? когда? коротко отрѣзалъ онъ.

„— Завтра утромъ, отвѣчалъ еще взволнованнымъ голосомъ Кирилинъ.

„— Предъ отъѣздомъ зайдешь ко мнѣ.

„Сарра въ это время показалась на ступеняхъ лѣстницы; она держала въ рукѣ связку шерсти и умильно улыбалась еще издали батюшкѣ.

„— Вы будете обѣдать сегодня *одни* съ Надеждой Павловной, сказалъ онъ ей:—я ѣду сейчасъ въ Лаврентьевское: у меня тамъ сгорѣлъ амбаръ съ хлѣбомъ.

„Онъ повернулся и ушелъ, не взглянувъ ни на кого изъ насъ.

„— O, Good Lord!—и Сарра всплеснула руками.—Что это сдѣлалось съ генераломъ? Какое у него страшное лицо сегодня! У него вѣрно сгорѣло хлѣба на очень большую сумму, это его такъ и разстроило!

„Бѣдная missy! какъ она хорошо знала отца моего!

„Я оглянулась. Кирилина уже не было....“

„Батюшка вернулся въ тотъ же вечеръ и на другой день передъ обѣдомъ уѣхалъ опять. Я съ нимъ не видалась: онъ не заходилъ ко мнѣ, я чувствовала себя слишкомъ слабою сойти внизъ. Я не спала, не ѣла, ни о чемъ не спрашивала; я весь день сидѣла, неподвижная, въ длинномъ креслѣ, у окна и глядѣла вверхъ на проходящія тучи. Сарра безпокои-

лась, закидывала меня вопросами. Но какой отвѣтъ могла я ей дать? Я сама не понимала, что̀ со мной происходитъ....

„На третій день вечеромъ я только-что успѣла уговорить Сарру идти къ себѣ спать и, оставшись одна, готовилась начать письмо къ вамъ, Владиміръ,—эта мысль, написать вамъ, мучила меня все это время,—какъ дверь моей спальни отворилась, и вошла Настасья Савельевна.

„— Павелъ Васильевичъ вернулись сейчасъ и приказали навѣдаться о вашемъ здоровьѣ, барышня, сказала она мнѣ.

„Я на нее взглянула. Глаза ея опухли, и всегда румяное лицо ея было блѣдно, какъ бы послѣ болѣзни.

„— Что̀ съ вами, Настасья Савельевна?

„— А что̀-съ?

„— Да вы на себя не похожи.

„— Ничего-съ, пройдетъ, тихо проговорила она и поднесла руку къ глазамъ, которые вдругъ наполнились слезами.

„У меня сердце забилось, забилось....

„— Нѣтъ, вы должны мнѣ сказать, Настасья Савельевна, я прошу васъ, умоляю, скажите, я должна знать!...

„— На что̀ вамъ знать, барышня, на что̀! тоскливо возражала она.

„— Я хочу, мнѣ надо... Я знаю, о чемъ вы плачете! воскликнула я.—Что̀ тамъ было? Говорите!...

„Она со страхомъ и недоумѣніемъ подняла на меня свои заплаканные глаза.

„— Почемъ вы знаете, барышня?

„— Вы бы не плакали, Настасья Савельевна, еслибы.... Сынъ вашъ уѣхалъ?

„— Уѣхалъ.... въ Новоселкахъ теперь жить будетъ....

„— Онъ видѣлся съ батюшкой?

„— Видѣлся, едва могла выговорить она, и опустилась въ кресло.

„— Вотъ вамъ стаканъ воды, вотъ fleur d'orange, выпейте. Успокойтесь, милая, и разсказывайте все, все, говорила я, сама чуть держась на ногахъ.

„Она выпила, утерла слезы.

„— Лучше бы ему совсѣмъ на свѣтъ не родиться, чѣмъ

мнѣ черезъ него такую мýку терпѣть! примолвила она, тяжело вздыхая.

„— Мýку? Что̀ онъ сдѣлалъ?

„— Вы знаете, Надежда Павловна, отвѣчала она, опуская голову, точно сама была въ чемъ-нибудь виновата. — Вѣдь вздумалъ онъ, безумный, влюбиться въ васъ!

„Я въ свою очередь опустила голову, смущенная, не находя слова въ отвѣтъ....

„— И въ кого онъ это родился, бездушный онъ человѣкъ? продолжала жаловаться Настасья Савельевна. — Отецъ его, Харламъ Ивановичъ, мой покойный, такъ тотъ далъ бы себя, кажись, по суставчикамъ изрубить за генерала, за благодѣтеля своего. А сынокъ-то нашъ любезный, да посмѣлъ ему этакія слова говорить!... Вѣдь для настоящаго господина, какъ Павелъ Васильевичъ Чемисаровъ, почти шепотомъ говорила уже Настасья Савельевна,—нельзя, кажется, выдумать пуще обиды, Надежда Павловна; простая я женщина, а понимаю...

„— Не мучьте меня, прервала я ее. — Разсказывайте скорѣе, что̀ происходило тамъ?

„— Барышня вы моя, дорогая, извольте, разскажу. Только ради самого Христа Спасителя, простите вы ему, безумному, да поклянитесь вы мнѣ на крестѣ на своемъ, памятью голубушки матушки вашей покойницы, что разказъ-отъ мой въ этихъ стѣнахъ и умретъ, что никому вы, ни Саррѣ Ѳедоровнѣ, никому....

„— Вотъ вамъ мой крестъ, Настасья Савельевна! я сняла его и поцѣловала.—А теперь говорите скорѣе!

„Но осторожная Настасья Савельевна отправилась сначала заглянуть въ гостиную и, увѣрившись, что тамъ никого нѣтъ, тихо потянула за собой дверь спальни, беззвучно притворила ее и задвинула задвижку; потомъ усадила меня на кровать, придвинула къ ней стулъ и, усѣвшись сама, заговорила:

„— Прихожу я вчера утромъ, барышня, къ генералу со счетами... Онъ, знаете, обыкновенно, проглядитъ счеты, подпишетъ, да и отправитъ меня въ контору. А тутъ онъ, вижу, отложилъ книжку мою въ сторону, куритъ и глядитъ на меня. „Сынъ вашъ“, говоритъ, „сегодня уѣзжаетъ?“ — „Сей-

„часъ уѣзжаетъ“, говорю; „и экипажъ, и подвода за вещами „присланы изъ Новоселокъ“. Генералъ поглядѣлъ на меня опять. „Надѣюсь,“ говоритъ, „что онъ сюда не вернется.“ Мнѣ, знаете, сначала и не-въ-домекъ. „Да-съ,“ говорю, „онъ „нанялся у господина Грайворонскаго, по контракту.“ А батюшка вашъ, вижу, за ухо начинаетъ себя дергать. Плохо, думаю, и замолчала. „Не-зачѣмъ ему пріѣзжать сюда,“ говоритъ онъ. „Захотите повидаться, можете къ нему во вся„кое время въ Новоселки съѣздить. Поняли?“ У меня ноги такъ и подкосились. Чѣмъ это провинился сынъ мой? хочу спросить, и не посмѣла. Сами знаете, съ батюшкой съ вашимъ не разговоришься иной разъ. Всталъ онъ, прошелся по комнатѣ и приказываетъ мнѣ послать къ нему сейчасъ Андрея. Вышла я ни жива, ни мертва; прихожу къ Андрюшѣ; вижу, уносятъ его кое-какія вещи, а самъ онъ сидитъ на чемоданѣ посередь горницы, лицо руками закрылъ, не слышитъ, что я пришла. Жаль мнѣ такъ его стало, скажу вамъ, Надежда Павловна! Вижу, очень тяжело ему уѣзжать. „Андрюша,“ говорю, „ступай, генералъ тебя требуетъ.“ Онъ какъ вскинется вдругъ: „Что я ему холопъ что-ли? Какое онъ имѣетъ право меня требовать?“ Однако ничего, вскочилъ и пошелъ. Я за нимъ,—тревога меня, знаете, разбираетъ, какъ бы онъ хуже еще, не дай Богъ, не осердилъ генерала. Приходимъ; вошелъ онъ въ кабинетъ, а я въ гардеробной осталась, сквозь стеклянную дверь все оттуда видно, да и дверь не вплоть притворена. Слышу, говоритъ ему генералъ: „Передала тебѣ мать мое приказаніе?“— „Нѣтъ, ничего она мнѣ не передавала“. — „Такъ вотъ тебѣ „мой приказъ: въ Рай-Воздвиженское не ѣздить“. — „А это „почему?“ спрашиваетъ мой-то. И такъ смѣло, знаете, прямо въ очи батюшкѣ вашему глядитъ. Мать Пресвятая Богородица! думаю, что это будетъ? Павелъ Васильевичъ смотрятъ на него; а онъ ничего, глазъ своихъ не опускаетъ. „Не понимаешь?“—„Не понимаю“, говоритъ. Не понимаю и сама я, барышня, а только вижу — бѣда! За притолку даже ухватилась, ноги не держатъ. А батюшка вашъ поближе къ нему ступилъ и глухо эдакъ, знаете: „Надеждѣ Павловнѣ“, говоритъ, „ты какія рѣчи держалъ?“ Гляжу, Андрюша мой

въ лицѣ перемѣнился, головой тряхнулъ, точно дрожью его проняло. „Говорилъ, что чувствовалъ“, отвѣчаетъ, и все такъ же дерзко на Павла Васильевича уставился. Батюшка вашъ блѣдный даже весь сдѣлались. Однако попріудержалъ себя, вижу. „Такъ вотъ за это чувствованье!“ только и сказали, и показываютъ это ему рукой: уходи, молъ, прочь... А онъ нѣтъ, стоитъ, не двигается. Да вдругъ и понесъ. „Вы“, говоритъ, „меня какъ пса отсюда выгоняете! Такъ я вамъ на про-„щанье скажу, что чувство свободно, что воленъ я любить „вашу дочь, и никакая, говоритъ, сила въ цѣломъ мірѣ не „можетъ заставить меня не любить ея!“ Да къ тому еще, барышня, что вздумалъ прибавить? „И она“, говоритъ, „воль-„на любить меня, коли заговоритъ въ ней сердце. Вы сами „постарались сдѣлать изъ меня ей равнаго“, — это онъ, без-стыжій, насчетъ своего воспитанія укоряетъ генерала-то, — „за что, впрочемъ“, говоритъ, „я теперь не благодарить, а „проклинать бы васъ долженъ!...“ Вы что про эти слова ска-жете, Надежда Павловна? прервала себя Настасья Савельевна, принимаясь снова плакать.

„— Что же батюшка? спрашивала я, чувствуя, какъ ли-хорадочный жаръ подымался у меня отъ груди къ головѣ и искры прыгали въ глазахъ.

„— Молчитъ, только за ручку кресла ухватился, да ухо мнетъ себѣ до-синя. А Андрей-то свое, точно обрадовался, что вышелъ ему случай грубіянство свое показать. „Ваши „предки“, говоритъ, и злобно такъ смѣется, „съ царями въ „родствѣ считались, а у меня дѣдъ былъ крѣпостной чело-„вѣкъ, такъ вы почитаете меня за тлю презрѣнную, что можно „ногой раздавить. Но молодое, говоритъ, здоровое чувство раз-суждаетъ не такъ. Оно видитъ во мнѣ человѣка,...“ — „Безъ разума, безъ воли надъ собой, не человѣкъ — животное!“ огорошилъ его вдругъ Павелъ Васильевичъ. Онъ было что-то опять началъ, а батюшка вашъ подступилъ къ нему близе-хонько, и не то чтобы кричать на него, а то-есть самымъ ти-химъ манеромъ, только такъ страшно, что я даже сѣла: не то, чувствую, свалюсь. „Довольно“, говоритъ. „Счастливъ твой Богъ, что отца ты своего сынъ! Но знай вѣрно, что если увижу

„я тебя съ моею дочерью, я тебя убью!...“ И не помню уже затѣмъ ничего, барышня, какъ ушла я, какъ домой прибѣжала. Упала я на постель свою, только дверь успѣла притворить, чтобы не слышно было никому моего рыданья... Плачу, разливаюсь, время-то, дѣло свое позабыла, удержаться не могу... Только вдругъ, слышу, дверь моя скорехонько отворилась, и Андрюша вошелъ, спрашиваетъ: „Гдѣ вы, маменька?“ Увидалъ меня. „О чемъ вы плачете?“ спрашиваетъ. „Не о чемъ больше, „какъ о тебѣ“, говорю. Онъ опять съ этою злостью своею. „Покорнѣйше васъ благодарю!“—„Я“, говорю, все, всѣ твои безумныя слова слышала. Бога ты не боишься, Андрюша!“— „А позвольте спросить“,—смѣется это онъ надъ матерью,— „за какіе грѣхи прикажете мнѣ Его бояться?“ Я не удержалась, вскочила. „Не видать тебѣ никогда счастья на свѣтѣ“, говорю ему, „за гордость твою, да за неблагодарность! Эти- „то грѣхи караетъ Богъ пуще всего. Или забылъ ты, что „генералъ тебѣ съ самаго дѣтства твоего замѣсто отца род- „наго былъ, воспиталъ тебя, замарашку, вмѣстѣ съ соб- „ственными дѣтьми своими, на ноги тебя поставилъ, далъ „кусокъ хлѣба въ руки. Денно и нощно долженъ бы ты „Творца милосерднаго за него молить, а ты“, говорю... — „Воспиталъ замѣсто роднаго отца!“ перебиваетъ онъ меня, „а сегодня какъ собаку выгналъ отъ себя! Или вы не слы- „шали? Воспиталъ онъ меня на потѣху тщеславія своего „барскаго, чтобъ его люди за это хвалили. А правъ моего „воспитанія онъ признавать не хочетъ! Не знаете вы“, говоритъ, „этихъ аристократовъ надменныхъ! Будь я геній „первоклассный“, говоритъ, „такъ онъ и тутъ меня бы „равнымъ себѣ не почиталъ“. — „Еще бы ты выдумалъ“, отвѣчаю это я, „съ Павломъ Васильевичемъ Чемисаровымъ „себя равнять!“ Повѣрите, Надежда Павловна, онъ даже затрясся весь отъ злости. „Вы,“ говоритъ, „экономка, а не мать! „Съ вами толковать нечего!“—„Экономка,“ говорю, „да, была „экономка и буду, потому, пока я въ домѣ, генералъ можетъ „спать спокойно: копѣйка его у меня не пропадетъ. Такъ за „это ты бы уважать, а не шпынять меня долженъ. Могла бы „я, говорю, сама теперь зажить барыней: по милости гене-

„рала, и землица есть у меня, и каждый годъ отъ жалованья „своего могла откладывать,—для тебя же все берегла! А я съ „утра до ночи вверхъ да внизъ, ногъ не жалѣючи, бѣгаю по „дому какъ угорѣлая, потому не хочу, чтобы генералъ поду- „малъ, что могу я хоть на минуточку милости его позабыть. По- „коль захочетъ, потоль и служить ему буду, не прогнѣвайся, „говорю. А ты, воспитанный человѣкъ, гдѣ у тебя душа? куда „разумъ-то ты свой дѣвалъ? И какъ это, говорю, языкъ у „тебя повернулся сказать генералу, что воленъ ты любить Надежду Павловну!"—„Что же это", заоралъ онъ на меня, „или ужь и вы не признаете за мною права испытывать чело- „вѣческія чувства, къ кому я хочу?..."—Просто, говорю вамъ, барышня, безумный какъ есть!... „Да ты только подумай, „Андрюша, что это ты говоришь, куда ты это заѣхалъ! Вѣдь „наша барышня, ты знаешь, по всей Россіи изъ первыхъ не- „вѣстъ..." Онъ опять на меня:—„Да что вы", кричитъ, „мнѣ „этимъ глаза колете! Я къ ней сватаюсь, что-ли?..." Сбилъ меня съ толку совсѣмъ... А самъ по комнатѣ какъ бѣшеный ходитъ, лицо что у мертвеца, волосы себѣ съ головы рветъ... Какъ ножомъ это меня по сердцу рѣжетъ. И зло-то меня на него беретъ, и мучусь-то я за него... Вѣдь какой ни есть онъ, барышня, все же сынъ мнѣ, одинъ вѣдь онъ у меня, объ- ясняла, надрываясь слезами, Настасья Савельевна. — „Послу- „шай", говорю, „Андрей",—вижу, какъ съ ребенкомъ малымъ надо съ нимъ говорить,—„самъ вѣдь ты знаешь, что Надежда „Павловна, почитай, просватана. Неужели-жь ты думаешь, „она своего Владиміра Александровича на тебя промѣняетъ?" Думаю, пойметъ онъ хоть это. А онъ вдругъ какъ фыркнетъ! „Да что", говоритъ, „за невидаль такая вашъ Владиміръ Але- „ксандровичъ! Чѣмъ это онъ лучше меня?" Ну, ужь тутъ, ба- рышня, я и совсѣмъ изъ себя вышла. „А тѣмъ, говорю, что „онъ, какъ солнышко, всякому свѣтитъ и всѣмъ отъ него „тепло и хорошо. И хотя", говорю, „настоящій онъ, столбо- „вой баринъ, и состояніе у него большое, и ни отъ кого онъ „не зависитъ, а долгъ свой понимаетъ, покорствуетъ ему, самъ „себѣ, значитъ, хочетъ честь заслужить. Ты какъ полагаешь, „легко ему было отсюда уѣзжать? Три года на кораблѣ во-

„кругъ свѣта проѣздилъ, всякую нужду себѣ видѣлъ, пріѣхалъ сюда, прожилъ зиму; чаялъ, бѣдный, къ веснѣ свадьбу „справить. А тутъ его опять въ вояжъ потребовали. И поѣхалъ онъ, вмѣсто свадьбы, съ дорогою невѣстою разстался „Богъ вѣсть опять на срокъ на какой; и ни слова не промолвилъ, стиснулъ зубы, да и поѣхалъ, потому знаетъ, на „каждомъ, на большомъ и маломъ, обязанность лежитъ, исполняй ее, да молчи... А ты, говорю, все это себя *человѣкомъ* „величаешь. А какой ты человѣкъ? Кому отъ тебя тепло, кого „ты радостью подарилъ? Окромя горя ничего отъ тебя мать „родная до сихъ поръ не видѣла. Что ты изъ жизни-то своей „по-сейчасъ сдѣлалъ? Кабы не тотъ же все генералъ Чемисаровъ, тянулъ бы ты теперь лямку въ солдатской шинели. „А жилъ-то ты чѣмъ въ Москвѣ, да въ Питерѣ? Скрышкой „что-ли твоей? А долги твои кто платилъ? И такъ ты это „хорошо“, говорю, „все понимаешь, что этого благодѣтеля „твоего, генерала, — ты сейчасъ чуть не проклялъ въ глаза. „Да какая тебя курица можетъ любить послѣ этого! А ты „еще смѣешь равнять себя къ такому господину, какъ Владиміръ Александровичъ Кемскій“... И не знаю, матушка барышня, продолжала Настасья Савельевна,—чего бы я ему еще не выпѣла, потому ужь очень я расходилась. Только онъ за шапку. „Такъ цѣлуйтесь, говоритъ, съ этимъ господиномъ, „а я вамъ больше не сынъ!“ Кинулся какъ шальной изъ горницы и былъ таковъ...

„— Какъ же у васъ стало духа, воскликнула я, — такъ жестоко укорять его въ эту минуту! Онъ и такъ уже долженъ былъ страдать невыносимо...

„Она съ удивленіемъ взглянула на меня сквозь влажную завѣсу слезъ, стекавшихъ ей на щеки.

„— Помилуйте, Надежда Павловна, не гладить же мнѣ его по головкѣ за дурь его неслыханную!

„Но голова уже ходила у меня кругомъ. Я только видѣла предъ собой этого несчастнаго, униженнаго, никому не милаго изгнанника... Я была оскорблена за него, за самое себя...

„— За что его отсюда выгнали, какъ негодяя какого-нибудь, какъ намедни этого пьянаго конюха? говорила я, и ды-

ханіе мое спиралось у горла, и во рту было сухо, и я не давала уже себѣ отчета въ моихъ рѣчахъ. — Что онъ сдѣлалъ? Вы слышали: развѣ онъ сватался ко мнѣ? Онъ меня любитъ... Такъ кто же можетъ ему запретить меня любить? Что же, полагаютъ, я сама не сумѣю защитить мое сердце?

„— Матушка барышня, возражала, все болѣе и болѣе теряясь, Настасья Савельевна,—да какъ же онъ смѣетъ думать о васъ?

„О, какъ отвратительны, отвратительны до тошноты показались мнѣ эти слова!

„— Какъ онъ смѣетъ? А почему бы онъ не смѣлъ? Что же, вы думаете, я бы не посмѣла?...

„— Вамъ любить моего Андрюшу! чуть слышно проговорила Настасья Савельевна, всплескивая руками и блѣдная отъ страха.—Да, какъ же это можетъ быть!...

„— Я не люблю его, оставьте меня...

„И, не властная уже совладѣть съ собой, я упала на подушки въ истерическомъ ознобѣ.

„Настасья Савельевна перепугалась, кинулась опрометью къ двери...

„— Ради Бога, заклинаю васъ, успѣла я чрезъ силу удержать ее,—не зовите никого, не нужно, пройдетъ... Оставьте меня, оставьте одну...

„Но она не послушалась меня, отыскала конфорку, чайникъ, насильно напоила меня чаемъ. Дрожь унялась. Къ утру я наконецъ заснула свинцовымъ сномъ...

„Мы увидѣлись съ батюшкой на другой день послѣ разговора съ Настасьей Савельевной. Тяжело было это свиданіе. По наружности, батюшка былъ все тотъ же,—только блѣднѣе обыкновеннаго казался онъ, — онъ поздоровался, заговорилъ со мной привѣтливо, какъ прежде, глаза его не отворачивались отъ меня, но изъ иныхъ, едва уловимыхъ оттѣнковъ его голоса, изъ звуковъ этихъ, быть-можетъ, слишкомъ уже спокойныхъ его рѣчей я поняла: что-то оборвалось между мною и имъ, что-то такое, чего связать вновь не въ силахъ былъ

уже никто изъ насъ, чему уже суждено было такъ и оставаться на вѣки порваннымъ между отцомъ и мною... И, признаюсь, я была равнодушна къ этому въ ту минуту. Я была дочь моего отца, и никогда еще это не сказывалось во мнѣ такъ сильно, какъ теперь. Если до дна души возмущена была его гордость, и не могъ уже никогда простить онъ мнѣ, что я, послѣдняя изъ Чемисаровыхъ, я, суженая избраннаго имъ человѣка, единственно между всѣми достойнаго, въ его мнѣніи, породниться съ нимъ, могла допустить высказать себѣ унизительное въ глазахъ его признаніе, то и я, въ свою очередь, не могла простить ему незаслуженное униженіе имъ моей гордости, моей дѣвичьей совѣсти... „Я убью тебя, если увижу съ моею дочерью“, говорилъ онъ Кирилину. Мнѣ не столько страшны были эти слова,—я не могла себѣ представить, чтобъ они когда нибудь могли осуществиться,—сколько оскорбляли они меня, глубоко, нестерпимо... Что же онъ думалъ,—Кирилинъ былъ такъ для меня опасенъ, что ему было достаточно подойти ко мнѣ, и я сразу забуду все, мои обѣты, мою привязанность къ суженому, котораго избралъ не одинъ же отецъ мой, который и не захотѣлъ бы взять меня изъ его рукъ, еслибы только отъ моего отца зависѣла я, еслибы въ этомъ не участвовала я сама, моя личная, ничѣмъ нестѣсненная, никѣмъ неподкупленная воля? А вздумайся мнѣ въ самомъ дѣлѣ полюбить Андрея Кирилина, неужели, такъ несправедливо и произвольно изгоняя его отсюда, суровый отецъ мой полагалъ застращать меня? Я его дочь, погнуть меня не такъ легко; не принадлежи уже мое сердце другому, да я полюбила бы Кирилина наперекоръ всему, желѣзной волѣ моего отца я противопоставила бы мою, женскую, но такую же безтрепетную волю, и чья взяла бы верхъ, про то Богъ знаетъ!...

„Холодно разстались мы въ тотъ день съ батюшкой, холодно встрѣтились вновь. Потекли печальные, молчаливые и однообразные дни. Ангелъ мира улетѣлъ навсегда изъ нашего большаго дома; повѣяло какою-то глухою, давящею грустью подъ высокими сводами, гдѣ такъ долго дышалось мнѣ свободно и легко. Погода измѣнилась, пошелъ цѣлый рядъ дождли-

выхъ дней. И цѣлые дни выжидала я у моего окна, когда-то сквозь неустанно набѣгавшія тучи проглянетъ лучъ солнца, и снова подымутъ мои любимыя липы свои отягченные влагой листья... Мнѣ было душно въ этихъ стѣнахъ, гдѣ все для меня теперь глядѣло уныло и подозрительно, гдѣ, будто тѣни, не слышно, съ какою-то небывалою робостью, казалось, двигались слуги по коврамъ, и не слышно было уже озабоченнаго голоса и торопливаго шага Настасьи Савельевны, еще такъ недавно раздававшихся одновременно на всемъ пространствѣ дома.

„Бывало, въ то время, за столомъ у батюшки, сижу я весь обѣдъ, не разжимая губъ. Карлъ Ивановичъ подыметъ голову, долго, вопросительно глядитъ на меня и снова опуститъ глаза и тихо вздохнетъ. Уловитъ вздохъ этотъ Сарра, обернется въ мою сторону, также пристально взглянетъ и нетерпѣливо поведетъ плечомъ; для нея я до конца осталась неразрѣшенною загадкой... А батюшка, какъ бы ничего не замѣчая, спокойно продолжаетъ говорить съ Фрейманомъ о хлѣбахъ и сѣнокосѣ...

„Я написала вамъ въ это время длинное письмо. Я никого не называла, не передавала никакихъ подробностей, но душевное настроеніе мое сквозило въ немъ изъ-за каждой строки. Я отправила письмо въ Лондонъ, по оставленному вами адресу. Получили-ли вы его? И что вы изъ него поняли?..

„О Кирилинѣ замеръ слухъ, точно исчезъ онъ подъ землей, и давно травой поросла его могила. Не знаю, было-ли это такъ на самомъ дѣлѣ, но мнѣ представлялось, что всѣ въ домѣ сговорились не произносить его имени предо мной. Боялись-ли они батюшки, хлопотали-ли о моемъ *спокойствіи*,— все равно, они возбуждали во мнѣ недоброе къ себѣ чувство: въ моихъ понятіяхъ, это было съ ихъ стороны или постыдная робость, или новое средство оскорбить меня... О, какъ неискусны и близоруки казались мнѣ всѣ эти мои *оберегатели*, какъ называла я ихъ тогда, злобно смѣясь надъ ними и негодуя въ глубинѣ моей души! Не удивляйтесь этимъ выраженіямъ; да, я научилась за это время негодовать и возмущаться не хуже Кирилина: и тяжелъ, и унизителенъ былъ для

меня этотъ неожиданный гнетъ осторожнаго молчанія, вопросительныхъ взглядовъ, вздоховъ сожалѣнія близкихъ мнѣ людей. Они подозрѣваютъ меня въ чемъ-то, они подстерегаютъ меня, говорила я себѣ. Я ошибалась, я была не права, я взводила на нихъ небывалыя вины: добрые старички мои, Сарра, Карлъ Ивановичъ, они, вѣроятно, ничего не подозрѣвали, они, можетъ быть, даже ни о чемъ и не догадывались,—они любили меня искренно и нѣжно, и недоумѣвали, и безпокоились за меня потому именно, что ничего не понимали... Но въ состояніи-ли была я разобрать это въ то время? Они представлялись мнѣ врагами, потому что смущенное сердце мое враждовало со всѣмъ этимъ завѣтнымъ, родимымъ міромъ моего былаго и уже невозвратнаго счастія...

„Я думала о Кирилинѣ каждый день, и забота о немъ вытѣсняла у меня мало-по-малу всякую иную мысль. Я ни о чемъ не разспрашивала, но чутко прислушивалась ко всему, что могло имѣть хотя бы далекое отношеніе къ нему. Я знала, что Настасья Савельевна не видалась съ сыномъ со времени его отъѣзда, что она не выѣзжала изъ Рай-Воздвиженскаго, болѣла и не выходила отъ себя. Грайворонскій давалъ пиръ проѣзжему флигель-адъютанту; мы, разумѣется, не поѣхали; но Катя отпросилась у меня по этому случаю сходить въ Новоселки и, вернувшись вечеромъ, цѣлый часъ разсказывала мнѣ про всякія великолѣпія этого праздника. Между прочимъ, я узнала отъ нея, что оркестръ игралъ тамъ въ продолженіе всего обѣда, подъ управленіемъ „Андрея Харламовича“, но что когда вечеромъ онъ былъ призванъ снова для танцевъ, то „Андрей Харламовичъ“ отказался дирижировать и ушелъ къ себѣ. Извѣстіе это меня встревожило: я предвидѣла,—и не даромъ,—что самолюбіе Кирилина не долго уживется съ такою неделикатною, грубою, въ сущности, натурой, какою мнѣ всегда представлялся этотъ сладкій *пустынникъ*. „Да и съ кѣмъ уживется онъ, и что будетъ съ нимъ по„томъ?“ спрашивала я себя, и болѣзненно отзывались во мнѣ эти вопросы. „О, еслибъ я была на мѣстѣ его матери“, думала я, „я бы умѣла найти тѣ проникающія, миротвор„ныя слова, которыя, какъ чистый елей, по чудному выраже-

„нію Пушкина, пролились бы на его душевныя раны. А что „умѣла она сказать ему, эта жалкая женщина?..“ Въ дѣтствѣ, бывало, онъ смирялся отъ одного моего слова, отъ взгляда. Онъ правъ былъ, когда говорилъ мнѣ недавно, что и тогда я была всевластна надъ нимъ. Помню, разъ,—мнѣ было тогда 12 лѣтъ, а *ему* 15,—за урокомъ математики, учитель, раздосадованный его невниманіемъ, — Кирилинъ былъ въ математикѣ очень плохъ,—разсердился до того, что ударилъ его линейкой по рукѣ. Какъ у звѣря лѣснаго засверкали глаза у мальчика; онъ вскочилъ, схватилъ со стола грифельную доску и замахнулся ею на учителя. „Андрюша!“ успѣла я только вскрикнуть и, внѣ себя отъ страха, схватилась за голову. Онъ взглянулъ на меня: грифельная доска выпала у него изъ рукъ, онъ опустился на мѣсто и, перекинувшись ко мнѣ чрезъ столъ: „Надя, милая, простите!“ сказалъ и залился слезами. „Не меня просите, — его“, сказала я, указывая на учителя. Онъ живо отеръ слезы. „Про„стите меня, Петръ Ѳедоровичъ“, сказалъ онъ такимъ честнымъ и задушевнымъ голосомъ, что учитель его обнялъ и извинился въ свою очередь.... А въ другой разъ,—мы гораздо еще моложе были въ ту пору, — онъ отыскалъ какъ-то на берегу Семи, въ камышахъ, дикихъ утятъ. Съ восторгомъ разказывалъ онъ мнѣ, что птенчики уже оперились, кормятся сами и скоро начнутъ плавать. „Ахъ, Андрюша, какъ хорошо бы „перенести ихъ въ нашъ маленькій прудъ: мы бы ходили кор„мить ихъ каждый день хлѣбомъ, они бы знали насъ и сдѣлались бы ручными.“ — „Хорошо, Надя“, отвѣчалъ онъ, „я „ихъ завтра вамъ принесу“. И на другой день, чуть свѣтъ, онъ отправился на рѣку, пробрался въ камыши, отыскалъ утятъ и, осторожно забравъ ихъ, уложилъ къ себѣ за куртку. Но, пробираясь назадъ, онъ поскользнулся и упалъ въ воду, а мѣсто было глубоко, и онъ утонулъ бы, еслибы не успѣлъ удержаться за какую-то вербу. И два часа пробылъ онъ въ водѣ, коченѣя отъ утренняго холода, замиравшею рукой удерживаясь за спасительную лозу, думая только объ одномъ — принести мнѣ въ цѣлости свою находку. Какой-то проѣзжавшій лугомъ крестьянинъ вытащилъ, наконецъ, его и привезъ

домой въ сильнѣйшей лихорадкѣ. Онъ нѣсколько дней лежалъ больной въ постели и терпѣливо все это время принималъ скверныя микстуры Карла Ивановича, переносилъ брань Настасьи Савельевны и Француза-гувернера. Когда мы увидѣлись съ нимъ послѣ этого, онъ сказалъ мнѣ, что всѣ они ужасно надоѣли ему своими поученіями, „а все же я сдѣлалъ то, что „вы хотѣли, Надя, и всегда буду дѣлать....“

„Сколько бывало такихъ случаевъ, вспоминала я, въ которыхъ сказывалась безграничная нѣжность этого пылкаго мальчика ко мнѣ. И все тотъ же остался онъ! На чужой сторонѣ, когда, предоставленный самому себѣ, онъ мучительно отыскивалъ себѣ дорогу среди холодной, безучастной къ нему толпы, его тоска и отчаяніе разрѣшались облегчающими слезами предъ портретомъ той же дѣвочки, которой онъ когда-то повѣрялъ свои печали, предъ „божествомъ“ своего дѣтства. Онъ вернулся сюда, полный предубѣжденій и злобы къ людямъ, „отказывающимъ ему въ его мѣстѣ на солнцѣ“, но его ожесточенная, очерствѣлая душа просила снисхожденія къ себѣ всѣ у той же „подруги дѣтства“, которую ничто не могло заставить его разлюбить. И душа его, скованная жизненнымъ холодомъ, — я твердо вѣрила этому, — она отогрѣлась бы и разцвѣла опять, какъ цвѣтокъ на солнцѣ, подъ вліяніемъ женскаго, тихаго, примирительнаго участія....

„И снова, и опять возвращалась я все къ одной и той же мысли. Что же требовалъ онъ, наконецъ, отъ меня такого ужаснаго, за что сочли нужнымъ безжалостно выгнать его отсюда, лишить именно того, что, можетъ-быть, единственно могло бы спасти его отъ ожидающихъ бѣдъ, отъ его собственной, необузданной природы? И въ тѣ минуты,—я могу признаться въ этомъ теперь, наканунѣ смерти,— я бы, кажется, отдала полжизни, чтобъ увидѣть его на одно мгновеніе, чтобъ успѣть только сказать ему: „Успокойся, бѣдное, измученное „сердце, я не забуду тебя, хотя бы весь міръ вооружился на меня за это!...

„Разсѣялись тучи, небо запылало іюльскимъ зноемъ, въ лугахъ уже звенѣли косы, и звонкія пѣсни доносились оттуда

и будили меня каждое утро. Давно-ли милая, знакомая картина?—теперь я уныло глядѣла на нее изъ моего окна. Не стало уже у меня откликовъ на эти широкіе беззаботные звуки. Я предпочитала теперь бродить въ невозмутимомъ затишьѣ сада, по пустыннымъ аллеямъ, въ полдень или подъ вечеръ, когда стихало всякое людское движеніе, и ничто вокругъ меня, ни шелестъ вѣтвей, ни щебетъ замолкнувшихъ птицъ, не мѣшало мнѣ „все думать, думать объ одномъ....“ Невыносимая тоска овладѣвала мной иногда во время этихъ одинокихъ прогулокъ, и, прислонясь къ дереву, я подолгу плакала, ломая себѣ руки, спрашивая себя: какъ вырвать изъ сердца эту точившую меня ядовитую тоску. „Обошелъ меня, приворотнаго зелья подсыпалъ мнѣ недобрый человѣкъ,“—часто вспоминались мнѣ при этомъ слова какого-то разсказа моей Кати.... Но *недобрый человѣкъ*—вѣдь это былъ онъ, тотъ опальный, у котораго теперь ничего не оставалось на свѣтѣ, кромѣ „неизсякаемой“ любви его ко мнѣ!...

„— Не хочешь-ли сегодня верхомъ на сѣнокосъ? спросилъ меня однажды батюшка, вставая изъ-за стола.

„Я согласилась.

„Сарра была въ восторгѣ; она давно не ѣздила, побѣжала одѣваться, прыгая чрезъ ступени какъ дѣвочка.

„Она, какъ всегда, поѣхала впередъ съ батюшкой. Кавалеромъ моимъ былъ Фрейманъ. Подъ нимъ былъ Мушкетъ и покорно несъ свою красивую голову, чуя руку опытнаго всадника. Я вспомнила ту прогулку!.. Досадное какое-то чувство промелькнуло у меня: „*Ему* бы никогда не слѣдовало садиться верхомъ: онъ былъ такъ смѣшонъ тогда“.

„Я обрадовалась этому чувству, мнѣ хотѣлось удержать его: мнѣ словно легче стало въ этотъ мигъ, будто что-то вырвало меня изъ темной неволи и выпустило опять, какъ ласточку, подъ синій куполъ неба...

„Мы въѣхали въ луга; они пестрѣли народомъ, и вотчина привѣтствовала батюшку, по обыкновенію, дружными, громкими криками. Эти крики, звяканье желѣза о точила, визгливый женскій смѣхъ, да густой говоръ мужскихъ голосовъ, звонко разносившіеся на необъятномъ пространствѣ въ чис-

томъ вечернемъ воздухѣ,—все это пахнуло на меня неожиданною, давнишнею отрадой. Я почувствовала себя на мгновеніе прежнею, счастливою Надей, тою Надей, которую вы знали, Владиміръ...

„Батюшка остановился; его окружила толпа крестьянъ; онъ принялся толковать съ ними, подозвалъ Фреймана. Я осталась одна, позади, любуясь красками, движеніемъ степнаго раздолья, которое зеленымъ океаномъ разстилалось предо мной и сливалось гдѣ-то съ небомъ въ недосягаемой дали...

Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная,

припомнилось мнѣ, и я вполголоса стала читать, покачиваясь на сѣдлѣ:

Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась!...

„Вдругъ, чѣмъ-то испуганная, моя Леди дрогнула и отпрянула въ сторону. Я удержала ее, обернулась.

„Изъ-за высоко-наметанной копны показался человѣкъ... Я его тотчасъ узнала: это былъ онъ, Кирилинъ...

„Остриженные его волосы прикрывала крестьянская низенькая шляпа, армякъ накинутъ былъ на плечи.

„— Я васъ жду здѣсь каждый день, Надежда Павловна. Наконецъ-то!... прогорилъ онъ чуть слышно: онъ задыхался отъ волненія...

„Слетѣла какъ дымъ моя свѣтлая минута; я была опять во власти этого человѣка!...

„Не сдалась я сразу.—нѣтъ; первымъ движеніемъ моимъ было хлестнуть лошадь, и она вынесла меня впередъ, далеко отъ него...

„Но роковая власть шептала мнѣ въ то же время: „онъ рискуетъ для тебя жизнью, а ты бѣжишь!...“

„Я дала вольтъ.

„Онъ стоялъ на томъ же мѣстѣ, скрестивъ руки, не отрывая взгляда отъ меня, на-виду у тысячи человѣкъ, изъ которыхъ каждый могъ выдать его...

„Я приложила палецъ къ губамъ, кивнула ему и медленно проѣхала въ трехъ шагахъ отъ него.

„Точно долгъ исполнила я свой какой-то... Я попала въ водоворотъ, и уже никакія силы земныя не могли спасти меня отъ бездны... Гдѣ были вы, ангелъ мой хранитель!...

„Кирилинъ скрылся. Его никто не замѣтилъ, и приключеніе мое прошло безъ послѣдствій.

„Чрезъ нѣсколько дней затѣмъ пріѣхалъ къ намъ Грайворонскій. Это было его первое посѣщеніе послѣ праздника, на-который мы не поѣхали. Онъ былъ, что говорится, aigre-doux: и дулся, и казался сконфуженнымъ, въ одно и то же время. Батюшка, разумѣется, не обратилъ на это никакого вниманія, да и не долго занимался имъ; онъ ушелъ съ Фрейманомъ въ кабинетъ, предоставивъ гостя Карлу Ивановичу и мнѣ.

„Г. Грайворонскій сконфузился еще болѣе и съ видимымъ трудомъ цѣплялъ одну за другую свои растерянныя фразы. Я въ свою очередь не знала, какъ приступить къ предмету, который единственно могъ быть для меня занимателенъ въ разговорѣ съ нимъ.

„Карлъ Ивановичъ нежданно явился мнѣ на помощь.

„— Что вашъ оркестръ? спросилъ онъ у Грайворонскаго.

„— Ничего, живетъ, отвѣчалъ тотъ.—Я имъ очень много занимался въ послѣднее время, примолвилъ онъ самодовольно.

„— А вашъ молодой дирижеръ что же? спросилъ опять Карлъ Ивановичъ, съ очевиднымъ любопытствомъ заглядывая въ глаза Грайворонскаго.

Гость слегка нахмурился.

„— Да, конечно, онъ талантливъ, но не совсѣмъ, кажется, ладитъ съ музыкантами... Удивительные это молодые люди въ наше время, обратился Грайворонскій ко мнѣ, — самонадѣянность какая-то у нихъ непонятная, непослѣдовательность! Отъ низшихъ никакого противорѣчія себѣ не терпятъ, а сами никому подчиниться не хотятъ... Конечно, поспѣшилъ онъ добавить, — въ нашъ образованный вѣкъ каждый человѣкъ имѣетъ право требовать къ себѣ уваженія, но на все же есть мѣра, не правда-ли, Надежда Павловна? У насъ вотъ не-

давно съ господиномъ Кирилинымъ произошла маленькая размолвка. Судите сами, имѣлъ-ли я право сѣтовать: вечеромъ у меня на праздникѣ дамамъ захотѣлось потанцовать; посылаю я за оркестромъ; вдругъ мнѣ говорятъ, господинъ Кирилинъ объявилъ, что дирижировать танцами не станетъ, что это не его дѣло...

„Я давно предвидѣла и ожидала эту жалобу, и отвѣтъ на нее былъ у меня готовъ.

„— Конечно, сказала я, вы совершенно правы, и неразсудительный поступокъ господина Кирилина можно извинить только тѣмъ, что онъ еще не привыкъ къ провинціальнымъ обычаямъ.

„— То-есть, какъ же, какъ вы это понимаете? живо спросилъ Грайворонскій, который, кажется, болѣе всего на свѣтѣ боялся прослыть за провинціяла.

„— Онъ привыкъ къ порядкамъ большихъ оркестровъ въ Петербургѣ и Москвѣ, объяснила я; — тамъ, я знаю, капельмейстеръ никогда не дирижируетъ танцами; для этого есть особый дирижеръ...

„— По составу своему, оркестръ мой не уступитъ любому столичному! воскликнулъ Грайворонскій.

„— Въ томъ и дѣло. Кирилинъ, вѣрно, и полагалъ, что у васъ заведенъ такой же порядокъ, какъ и тамъ.

„Лицо господина Грайворонскаго просіяло.

„— Конечно, сказалъ онъ, — онъ могъ такъ думать. Я, впрочемъ, очень и не настаивалъ... У меня Шлосманъ, — вы знаете его, Карлъ Ивановичъ,—спеціалистъ по части танцевъ...

„И, повидимому, совершенно успокоенный, г. Грайворонскій, прощаясь со мной, пожалъ мнѣ руку съ такимъ чувствомъ, будто благодарилъ за наставленіе.

„— О, какая вы *хитрый!* обратился ко мнѣ, смѣясь, Карлъ Ивановичъ, когда онъ уѣхалъ: — какъ вы это тонко ему сказали... Господинъ Грайворонскій совсѣмъ ничего не понимаетъ, таинственно продолжалъ онъ.—Господинъ Грайворонскій совсѣмъ не въ ту сторону глядитъ, онъ не можетъ понять, въ чемъ хромаетъ нашъ бѣдный Андрей Харламычъ

Еслибъ онъ что-нибудь понималъ, онъ бы не взялъ себѣ *такой дирижеръ*...

„— А развѣ онъ не годится? съ сердечнымъ замираніемъ спросила я.

„Карлъ Ивановичъ вздохнулъ и печально покачалъ головой.

„— У него очень много *таланта*, сказалъ онъ. Солистъ онъ большой можетъ быть, если будетъ много заниматься. Но вести оркестръ—это не все одно... Il faut encore quelque *chosse*, примолвилъ почему-то докторъ по-французски и поднялъ значительно палецъ ко лбу.—У меня такъ есть два музыканта знакомые, изъ моей *земля*, они *настоящій дѣло въ музыка понимаютъ*, они мнѣ говорили. У *господинъ Кириминъ разумъ быстрій*, онъ все скоро схватитъ, только, знаете, все это цвѣточки, наверху, неосновательно, онъ мало знакомъ съ theorie, инструментовъ не знаетъ. Русское воспитаніе, знаете, примолвилъ Карлъ Ивановичъ, и опять вздохнулъ...

„Кто-то вошелъ, разговоръ прервался. Я ушла на верхъ, тоскливо спрашивая себя: „Что съ нимъ станетъ тогда, ку„да онъ дѣнется!...“

„А онъ, онъ не предвидѣлъ грозившей ему бѣды, не заботился о ней; онъ объ одномъ только думалъ: какъ бы увидѣть меня опять. Онъ каждый день, въ крестьянской одеждѣ, ждалъ въ лугахъ новаго случая встрѣтиться со мной. Катя, ходившая гулять на сѣнокосъ, наткнулась на него тамъ, узнала, очень удивилась его костюму, спросила его, почему онъ въ усадьбу не идетъ. Онъ отвѣчалъ ей, что „ма„ленечко поссорился съ матерью“, и ждетъ, пока она пріѣдетъ къ нему въ Новоселки, „а раньше не буду“.—„Видите, „какой вы гордый!“ замѣтила ему на это Катя и, передавая мнѣ это, примолвила: „про васъ, барышня, спрашивалъ.—Здорова-ли, говоритъ, Надежда Павловна, что это ее на сѣнокосѣ не видать? Показались бы, народъ повеселѣе, чай, „косить сталъ.—Это точно, говорю,—барышня наша, что „красное солнышко.—То-то, говоритъ онъ,—а она за тучу хо„ронится.—И такой онъ чудной, право, смѣется, балагуритъ „о мной, а самъ худой такой, блѣдный стоитъ, и глаза у

„него точно плакать сбираются, такіе большіе стали, какъ у „больнаго. Должно-быть, порядкомъ допекла его наша Настасья „Савельевна", заключила Катя, подсмѣиваясь... Не знала она, какъ терзали меня ея слова!...

„Этимъ не кончится, предчувствовала я. И я не ошиблась.

„Жары у насъ стояли страшные. Цѣлый день приходилось сидѣть въ комнатахъ съ полузакрытыми ставнями, томясь и зноемъ, и невольнымъ бездѣйствіемъ. Всѣ оживали только вечеромъ, сходились пить чай къ батюшкѣ въ кабинетъ, самую прохладную комнату въ цѣломъ домѣ, а когда заходило солнце, отправлялись гулять всѣмъ обществомъ. Въ 10 часовъ батюшка, по обыкновенію, уходилъ къ себѣ, Карлъ Ивановичъ провожалъ его, а мы съ Саррой оставались въ саду, и прогулки наши продолжались далеко за полночь.

„Темно было въ дремавшихъ аллеяхъ, луна на исходѣ успѣла уже скрыться; мы возвращались изъ парка. Сквозь легкое кисейное платье меня начинала пронимать ночная свѣжесть, я прибавила шагу. Утомившаяся Сарра поотстала отъ меня, но едва дошла я до конца липовой аллеи, какъ услыхала испуганный крикъ ея: „Надя, Надя, насъ преслѣдуютъ, остановитесь". И въ то же время кто-то стремительно выскочилъ изъ-за липъ на дорожку и остановился предо мной.

„— Не пугайтесь, это я, Надежда Павловна, прошепталъ знакомый голосъ:—мнѣ не въ мочь вдали отъ васъ, я долженъ васъ видѣть...

„— Что вы дѣлаете! Вы губите себя! полумертвая отъ страха, едва могла я выговорить.

„— Какое мнѣ дѣло! Умереть у вашихъ ногъ, я только того и желалъ!

„— А меня вы забыли? Что будетъ со мной тогда? промолвила я, сама не понимая, что говорило во мнѣ, за кого мнѣ было страшно въ эту минуту.

„— Что будетъ съ вами? повторилъ онъ, и внезапнымъ блаженствомъ зазвучалъ его голосъ.—О! тысячу жизней за эти слова ваши!...

„На пескѣ скрипѣли спѣшные шаги Сарры; она [illegible] уже близко и продолжала кричать: „Надя, На

„— Сова противная! злобно проговорилъ Кирилинъ и такъ же быстро исчезъ во мглѣ.

„— Вы слышали, вы видѣли! Кто это былъ? спрашивала встревоженная Сарра, подбѣгая ко мнѣ и схватывая меня за плечи дрожавшими, холодными руками.

„— Что такое? Кого это? отвѣчала я, нажимая сердце рукой: такъ оно билось у меня.

„— Какъ кого? Да онъ пробѣжалъ мимо меня, къ вамъ... Онъ долженъ быть здѣсь гдѣ-нибудь, близко... Это воры, разбойники! Бѣжимъ, Надя, они насъ ограбить хотятъ! отчаянно шумѣла Сарра и, уцѣпившись за меня, тащила меня впередъ, не слушая моихъ увѣщаній.

„Мы были уже подлѣ дома, и на террасѣ въ темнотѣ блестѣлъ огонекъ чей-то сигары.

„Батюшка! показалось мнѣ, и я въ свою очередь уцѣпилась за Сарру, боясь упасть.

„Но это былъ не батюшка, Фрейманъ. Онъ поспѣшно сбѣжалъ на крикъ Сарры, съ испугомъ спрашивая, что случилось?

„Сарра насказала ему цѣлую гору страховъ.

„Онъ выслушалъ ее и засмѣялся.

„— Какіе это разбойники, сударыня, помилуйте! это просто изъ луговъ кто-нибудь до нашихъ вишень добирался. Я вотъ сейчасъ пойду дать нагоняя сторожу; онъ, вѣрно, спать завалился, а въ грунтовый сарай, пожалуй, не трудно забраться.

„Сарра тотчасъ же и примолкла; ей стало стыдно своего крика, и она прошла къ себѣ съ виноватымъ лицомъ, какъ всегда бывало это съ нею въ подобныхъ случаяхъ.

„Но эта новая встрѣча съ Кирилинымъ не обошлась мнѣ такъ дешево, какъ первая.

„На другой день за столомъ батюшка обратился къ Саррѣ съ вопросомъ:

„— Мнѣ говорили, васъ вчера ночью кто-то испугалъ въ саду, сударыня. Какъ это было? Потрудитесь разсказать.

Бѣдная missy сконфузилась и начала извиняться, говоря, что вельно она, можетъ-быть, напрасно испугалась,

но что она положительно видѣла, какъ кто-то мимо нея пробѣжалъ за липами, какъ будто гнался за Надей...

„— А ты, Надя, не видала... этого разбойника? договорилъ батюшка, остановивъ на мгновеніе на мнѣ свои строго проницательные глаза. Я поняла, что онъ хотѣлъ сказать. Я лгать не умѣла, да и укололъ глубоко меня его вопросъ.

„— Разбойника я никакого не видала, смѣло отвѣчала я.

„Онъ понялъ въ свою очередь, и на его лицѣ промелькнуло выраженіе, котораго я никогда не забуду, и которое никогда еще на моей памяти не искажало его благородныя черты: какое-то безумное отчаяніе и дикая жажда мести... Но быстрѣе вспыхнувшей зарницы потухли глаза его, и онъ, съ полуусмѣшкой, все тѣмъ же своимъ невозмутимымъ тономъ сказалъ Сарръ:

„— Я велѣлъ нарядить трехъ надежныхъ людей сторожами въ садъ и, если кого поймаютъ, привести ко мнѣ. Я съ виноватымъ справлюсь!

„Я убѣжала послѣ обѣда къ себѣ въ спальню и, запершись одна, долго плакала какъ безумная. Подъ предлогомъ головной боли, я не сошла къ чаю, выпроводила отъ себя Сарру и, дождавшись, когда смерклось, отправилась внизъ, къ Настасьѣ Савельевнѣ.

„Она собиралась уже спать ложиться и чрезвычайно встревожилась моимъ посѣщеніемъ.

„Я не дала ей слова выговорить.

„— Настасья Савельевна, время дорого, не теряйтесь, не плачьте, дѣйствовать надо!.. Сынъ вашъ губитъ себя. Вчера онъ пробрался въ садъ, ночью, остановилъ меня въ аллеѣ. Его видѣла миссъ Мэкдефъ, она его не узнала, но объ этомъ батюшка знаетъ, онъ догадался, кто это былъ... Батюшка велѣлъ нарядить людей... его поймаютъ, приведутъ къ нему... Страшно подумать, что можетъ случиться...

„— Іисусе Христе, убьетъ онъ его, убьетъ! вскрикнула Настасья Савельевна, падая въ кресло.

„—Вы должны съ нимъ увидаться, предварить его; сегодня же, не теряя времени, постарайтесь его найти, скажите...

„— Развѣ онъ меня послушаетъ, барышня! возразила она, ломая себѣ руки и качая головой такъ, какъ будто она не держалась у нея на плечахъ.

„— Скажите ему отъ меня, что если онъ меня дѣйствительно любитъ, онъ долженъ беречь и себя, и меня...

„— Матушка барышня, какъ же это я скажу ему? заикаясь промолвила Настасья Савельевна.

„— Такъ и скажите! нетерпѣливо приказывала я ей.— Скажите, что я его не забуду, что я всегда буду для него прежняя подруга дѣтства, — помните мои слова, — что его участь дорога мнѣ... Но чтобъ онъ не старался видѣться со мной... Это невозможно теперь... Онъ только даромъ играетъ своею жизнью... А я этого не хочу! Слышите, скажите ему, я этого не хочу!..

„Она глядѣла на меня взглядомъ, отупѣвшимъ отъ изумленія и страха...

„— Да ступайте же, не теряйте времени, мнѣ нельзя оставаться у васъ долго: замѣтитъ Сарра, батюшка узнаетъ, начнутъ подозрѣвать и меня, и васъ...

„Она вскочила съ мѣста въ новомъ перепугѣ отъ этихъ словъ.

„— Господи, Творецъ милосердый! заголосила она, мечась во всѣ стороны:—всѣхъ-то онъ запутаетъ, всѣхъ погубитъ! И умомъ вѣдь не прикинешь, съ какой стороны подойти-то къ нему!

„— Повторите ему то, что̀ слышали отъ меня: онъ долженъ будетъ послушаться... А не то, скажите ему, что и я отъ него откажусь, какъ всѣ...

„— Скажу, барышня вы моя драгоцѣнная, скажу, говорила она, кидаясь цѣловать мои руки,—поѣду немедля, отыщу его. Дай вамъ Богъ много лѣтъ и счастья за то, что не оставляете его своимъ вниманіемъ. Дѣйствительно, всѣми-то покинутъ, всѣми презрѣнъ...

„Она принялась плакать.

„— Съ Богомъ, голубушка моя, съ Богомъ! торопила я ее:—поѣзжайте и, какъ бы поздно вы ни вернулись, заходите ко мнѣ, я буду ждать васъ.

„Я вернулась къ себѣ, а она отправилась въ Новоселки. Настала ночь; часы бѣжали одинъ за другимъ, а ея все не было. Я не ложилась, погасила свѣчи и сидѣла у открытаго окна, безцѣльно глядя въ глубокую темь аллей. Необычные, тяжелые шаги раздавались то въ одной, то въ другой сторонѣ сада: это были дозорные, наряженные по батюшкиному приказанію... „Пришли, сторожатъ“, говорила я себѣ презрительно и горько, „берегутъ меня отъ искусителя, какъ плѣн„ную царевну... Это отецъ мой вздумалъ на старости лѣтъ „разыграть со мной сцену изъ старинной сказки... А онъ, „неустрашимый рыцарь мой, сейчасъ вотъ влетитъ ко мнѣ въ окно на крылатомъ конѣ... И смѣшно, и гадко!..“

„И я засмѣялась громко такимъ злымъ смѣхомъ, что сама вздрогнула, услыхавъ его. Это былъ отголосокъ другаго, слишкомъ знакомаго мнѣ смѣха, того, что̀ первый, какъ дальній грохотъ наступающей бури, смутилъ завѣтную тишь моего неба. „Давно-ли, давно-ли“, заскребло вдругъ у меня въ ка„комъ-то глухомъ уголку сердца, „ничего этого не знала я, „ни этихъ замираній, какъ будто предъ смертью, ни этихъ „постыдныхъ чувствъ... Такъ незлобиво было у меня на душѣ, „такъ свѣтло глядѣла я въ будущее, ни одной тучки не чер„нѣло на чистой лазури,—будущее, это было неизмѣнное про„долженіе все того же безмятежнаго моего счастія. Какъ про„зрачная глубина нашей Семи, должно было оно, казалось, „вынести меня до гроба все тою же, безупречною, гордою, „счастливою!... Отецъ мой, Владиміръ,—я поровну дѣлила серд„це между ними, и за ними кончался міръ для меня. Давно„ли, давно-ли это было?... А теперь, Боже мой, Боже! Зазву„чалъ этотъ смѣхъ, заговорили тѣ смущающіе звуки, блеснули „темнымъ пламенемъ глаза, полные мольбы и страданія, и я... „Страшно подумать, какъ на врага глядитъ теперь на меня „отецъ мой, нѣкогда боготворимый мною отецъ... Владиміръ!.. „Но отчего же“, спрашивала я себя съ отчаяніемъ, „не могу „я, не могу никакими силами вызвать снова на память ми„лыя черты дорогаго лица? Еслибы, кажется, хоть на одинъ „мигъ воскресъ предо мной его честный, довѣрчивый взглядъ, „я бы ожила опять къ прежней жизни, и, какъ утренній ту-

„манъ подъ полуденными лучами, разсѣялись бы околдовавшія „меня темныя чары. Но милыя черты точно ушли отъ меня „въ какую-то недостижимую даль, и тщетно зову я ихъ от„туда, въ отраду себѣ и спасеніе. Что-то безлицое и безмолвное „возникаетъ вмѣсто ихъ передо мной,—а между тѣмъ ря„домъ, какъ живой, непрошенный, торжествующій и мрачный, „стоитъ другой, неотступный образъ... И каждый изгибъ, каж„дая складка его повторяетъ мнѣ его слова, а слова эти, они „и такъ уже, какъ отравленный напитокъ, льются мнѣ въ „грудь и жгутъ ее каждый день, каждый часъ. Какими же „сѣтями опуталъ меня этотъ человѣкъ? Чѣмъ успѣлъ онъ за„цѣпить за всѣ мои живыя струны и затянуть ихъ въ своей „безжалостной рукѣ?... Боже мой! Неужели это любовь?“ съ ужасомъ подумала я. „Эта грызущая боль, этотъ мятежный „строй мыслей и чувствъ, эта непрерывная, невыносимая то„ска,—такъ это все называется любовью!...“

„— Евстигней! раздалось вдругъ изъ самой глубины сада.

„— Я — а!

„И на дорожкѣ подо мной живо затормошился кто-то...

„— Держи! кричали ему.

„Я вскочила съ мѣста... и снова упала...

„Евстигней кинулся на голосъ... Что-то невидимое, но слишкомъ понятное для меня, происходило въ саду. Крики, людской топотъ, внезапный шелестъ раздвигаемыхъ кустовъ, слышались среди непроницаемой ночи. Противъ оконъ моихъ, въ темныхъ окнахъ батюшки показался, заходилъ свѣтъ... „Онъ услышалъ, онъ проснулся, онъ пошелъ въ садъ. Они „поймаютъ *его!*“

„Я схватилась за голову, судорожно сжимая ее помертвѣлыми руками...

„Новый крикъ донесся издали, со стороны Бѣлаго камня. Ближайшіе голоса отвѣчали ему; тяжелые шаги бѣгомъ устремились по тому направленію... Ночь погрузилась опять въ свое гробовое молчаніе. „Онъ въ паркѣ, уйдетъ-ли онъ отъ нихъ?... „Господи, спаси его!“

„Цѣлая вѣчность прошла для меня въ этой несказанной тревогѣ...

„Снова шаги и голоса, и все ближе, и ближе..." Они идутъ „назадъ... Одни?" Я всѣмъ тѣломъ высунулась въ окно, жадно и трепетно ожидая перваго слова, перваго звука...

„Но ничего, ничего, кромѣ смутнаго, непонятнаго говора. „О, Творецъ мой, какое мученье!"

„Они направились къ батюшкиному флигелю... Невозмутимо дремлетъ воздухъ, ни тѣни вѣтра, ничего не доносится оттуда до меня, умирающей отъ ожиданія.

„Но вотъ наконецъ разошлись они. Двое изъ нихъ идутъ въ мою сторону и бранятся будто. Слова ихъ уже явственно долетаютъ до меня.

„— Заяцъ! Еще смѣешь предъ самимъ генераломъ говорить! Объ эту пору заяцъ въ овсахъ сидитъ. Какой это заяцъ, когда, слышалъ ты вѣдь самъ, Иванъ Копыто его за полу ухватилъ, да вырвался онъ у него...

„Я уже не слышала болѣе. „Онъ спасенъ, спасенъ! Боже „милосердный, благодарю Тебя!" И до утра просидѣла я на томъ же мѣстѣ, безъ мысли, безъ движенія...

„На зарѣ, едва заиграли первые лучи на занавѣсахъ моихъ оконъ, дверь спальни осторожно отворилась, и неслышною поступью вошла Настасья Савельевна.

„— Барышня, вы такъ и не ложились! воскликнула она, увидавъ меня.

„— Нѣтъ, я не могла, здѣсь происходили такіе ужасы!...

„— Знаю, барышня, знаю, говорила она торопливо, — я дождалась его, видѣла....

„— Что же онъ? Говорите скорѣе!...

„Я не стану передавать безконечнаго разсказа Настасьи Савельевны, въ которомъ главную роль играла она сама, ея собственные страхи и похожденія. Съ трудомъ добилась я наконецъ того, что относилось къ ея сыну. Онъ былъ въ саду и, дѣйствительно, едва ушелъ изъ рукъ сторожа, поймавшаго его за платье. Онъ приказалъ мнѣ сказать чрезъ Настасью Савельевну, „чтобъ я не безпокоилась, что его живаго не „возметъ никто".

„— Да обѣщалъ-ли онъ вамъ не ходить къ намъ въ садъ по ночамъ? спрашивала я Настасью Савельевну.

„— Ничего не обѣщалъ, окромя того, что̀ я вамъ сказала, отвѣчала она съ сердцемъ. — Вернулся это онъ, еле дышетъ, повалился какъ снопъ на диванъ.... Билась я съ нимъ, билась, по крайности часъ добрый уговаривала его, слова ваши передавала: хорошо, говоритъ, скажите вотъ то-то и то-то. И ни слова больше про это. Только одинъ разговоръ у него и есть,—все это про васъ, Надежда Павловна....

„— Что̀ же онъ говоритъ?

„Она махнула рукой.

„— Э! Не спрашивайте лучше! Что̀ безразсудныя-то слова повторять! Я даже, — повѣрите, барышня, — слушаю его, да думаю: вѣрно-ли это сынъ мой? Не подмѣнили-ли ужь мнѣ его въ колыбелкѣ? Кровь, то-есть, свою не узнаю въ немъ... И вы напрасно себя безпокоите изъ-за него, голубушка, барышня вы моя, не стоитъ онъ этого, право-слово, не стоитъ... Ступайте, ложитесь въ кроватку, не нудьте себя изъ-за него, неуча... И мнѣ-то пора убираться скорѣе отъ васъ. Вишь, солнышко взошло, не дай Богъ, гдѣ-нибудь съ генераломъ на лѣстницѣ встрѣчусь....

„Она заторопилась.... Я не удерживала ея, я была измучена тѣломъ и душой....

„Лампада меркнетъ, Владиміръ.... Силы слабѣютъ день ото дня. По цѣлымъ суткамъ иногда не въ состояніи я двинуть рукой, поднять голову съ подушки. А страданій нѣтъ, мысль такъ же дѣятельно, такъ же упорно работаетъ надъ прошлыми ощущеніями, и чѣмъ ближе подхожу я къ роковой развязкѣ, тѣмъ осязательнѣе и отчетливѣе, кажется, возникаютъ они вновь предо мной.... Мнѣ надо спѣшить, спѣшить, воспользоваться послѣдними проблесками уходящей жизни.... Вы должны все знать, все, до конца....

„Дни текли за днями, но они не приносили мнѣ успокоенія. Извѣстія изъ Новоселокъ были все тревожнѣе. Карлъ Ивановичъ, принимавшій искреннее участіе въ судьбѣ Кирилина, сообщилъ мнѣ однажды въ большомъ смущеніи, что между Грайворонскимъ и молодымъ его капельмейстеромъ произошелъ окончательный разрывъ вслѣдствіе того, что по-

слѣдній отказался положить на ноты какую-то польку, которую Грайворонскій вздумалъ ему насвистывать; что Кирилину еще не совсѣмъ отказано, но это лишь до того времени, когда получится изъ Москвы отвѣтъ отъ одного музыканта, приглашаемаго Грайворонскимъ на мѣсто Кирилина.

„— Что же будетъ дѣлать этотъ несчастный, когда ему совсѣмъ откажутъ? воскликнула я.

„Карлъ Ивановичъ поглядѣлъ на меня, печально повелъ плечами....

„— Я съѣзжу въ Новоселки, постараюсь потолковать съ нимъ, сказалъ онъ.—Можетъ-быть, что-нибудь и придумаемъ.

„Онъ, дѣйствительно, отправился туда въ тотъ же день, вернулся, увидался со мной опять. Онъ болѣе прежняго казался теперь смущеннымъ и, начиная говорить со мной, отворачивался, будто боясь встрѣтиться со мной глазами.

„— Я нашелъ его очень разстроеннымъ, передавалъ онъ мнѣ про Кирилина, — но не своимъ положеніемъ собственно, онъ слишкомъ даже беззаботно относится къ своему положенію, я нахожу. Онъ говорилъ, что ему все равно, „гдѣ бы „ни влачить свою жалкую жизнь“. Онъ такъ и сказалъ, примолвилъ Карлъ Ивановичъ,—и это очень не хорошій *симптомъ*, потому, это доказываетъ, онъ не о томъ думаетъ, *что* ему надлежитъ, а совсѣмъ о другомъ, *что* ему можетъ очень, очень большой вредъ сдѣлать....

„— Какой вредъ? спросила я, пристально взглянувъ на доктора.

„— О! отвѣчалъ онъ и показалъ на голову:—это у него не хорошо.

„— Онъ боленъ? воскликнула я.

„Карлъ Ивановичъ, въ свою очередь, взглянулъ на меня; его большіе глаза вопрошали и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто укоряли меня.

„— Я не виновата, докторъ, клянусь вамъ! вырвалось у меня, сама не понимаю какъ.

„Онъ взялъ меня за обѣ руки.

„— О, я знаю, знаю, я все понялъ теперь, заговорилъ добрый человѣкъ, и слезы повисли у него на рѣсницахъ,—вамъ

жалко, потому, у васъ золотое сердце, а вы не виноваты, вы не можете быть виноваты, потому, вы ein nobles Fräulein, Надежда Павловна, я понимаю, да!... Вы не безпокойтесь *объ этотъ бѣдный молодый человѣкъ;* я не буду отъ васъ скрывать: я боюсь воспаленія,—докторъ опять указалъ на голову,—но я надѣюсь его вылѣчить: онъ молодъ, шансовъ всегда при молодости очень много. Но вы сами... Я вами не доволенъ, я давно хотѣлъ вамъ сказать, вы перемѣнились, цвѣтъ лица у васъ больной... У васъ душа не покойна, заключилъ онъ.

„— Вылѣчите *его*, докторъ, а обо мнѣ поговоримъ послѣ, отвѣчала я, высвобождая свои руки изъ его рукъ и улыбаясь ему, насколько оставалось у меня силъ.

„Карлъ Ивановичъ глубоко-глубоко вздохнулъ и опустилъ голову на грудь.

„— О! сказалъ онъ:—наше прекрасное Рай-Воздвиженское, его теперь нельзя уже называть раемъ, Надежда Павловна!...

„Предвидѣнія доктора были основательны: Кирилинъ тяжело занемогъ. Съ нимъ сдѣлалась горячка. Карлъ Ивановичъ по два раза на день ѣздилъ въ Новоселки. Онъ перевезъ туда Настасью Савельевну, испросивъ на это согласіе батюшки: она безъ этого ни за что̀ не соглашалась ѣхать. Батюшка даже разсердился, говоря, что нечего ей у него спрашиваться, когда дѣло идетъ о ея долгѣ, что она глупая женщина. Докторъ усадилъ ее къ больному и никого, кромѣ ея, не пускалъ къ нему въ комнату. „Онъ много бредитъ," сообщалъ мнѣ значительно Карлъ Ивановичъ, „а въ бреду говоритъ много такого, чего не нужно слушать постороннимъ"...

„Двое сутокъ онъ былъ такъ опасенъ, что докторъ и домой не пріѣзжалъ... Со мной сдѣлалось какое-то отупѣніе: я дышала, двигалась, отвѣчала на вопросы, но сердце не билось у меня, я не знала, куда шла, не понимала, кому и на что̀ я отвѣчаю. Я видѣла только предъ собой бѣдную, маленькую горницу, какою ее описалъ мнѣ какъ-то Карлъ Ивановичъ, съ окномъ завѣшеннымъ простыней, и въ углу, на кожаномъ диванѣ, среди безмолвія окружающихъ, Кирилина,

умирающаго съ моимъ именемъ на устахъ... Часы бѣжали, и возбужденное ужасомъ воображеніе прибавляло къ этой картинѣ все новыя и новыя подробности, и каждая изъ нихъ отзывалась новою, гнетущею болью въ исхудалой груди моей.

„Опасность миновала наконецъ. Въ одинъ свѣтлый день Карлъ Ивановичъ отыскалъ меня въ саду, куда я убѣгала съ утра, подальше отъ людскихъ взоровъ. Самъ онъ былъ свѣтелъ, какъ этотъ прохладный и улыбающійся день, и какая-то праздничная радость мелькала на его лицѣ. Онъ еще слова не промолвилъ, а я уже бѣжала ему навстрѣчу, восклицая:

„— Лучше ему, докторъ, лучше?

„— Гораздо лучше! отвѣчалъ Карлъ Ивановичъ. — Кризисъ прошелъ благополучно; онъ спалъ къ ряду двѣнадцать часовъ и, проснувшись, всѣхъ узналъ и заболталъ какъ канарейка. Но вы знаете, я очень строгъ, говорилъ добрякъ, весело потирая себѣ руки,—я ему приказалъ молчать... Дней черезъ десять онъ будетъ совсѣмъ здоровъ, можетъ уѣхать отсюда...

„— Уѣхать! повторила я безсознательно.

„— Да, я ему буду совѣтывать уѣхать скорѣе въ Москву; тамъ онъ найдетъ себѣ занятіе. Это будетъ самое лучшее для него... и для всѣхъ, примолвилъ докторъ, понижая голосъ и не глядя на меня.

„Еще прошли двѣ недѣли. Кирилинъ былъ уже на ногахъ. Изъ Москвы пріѣхалъ въ Новоселки Нѣмецъ, музыкантъ, преемникъ его. Карлъ Ивановичъ сообщилъ мнѣ это извѣстіе, но при этомъ даже не упомянулъ имени Кирилина. Я не спрашивала ничего, я боялась спросить... Какъ вдругъ разъ, за обѣдомъ, батюшка обратился съ такими словами къ Карлу Ивановичу:

„— Вы въ Новоселки перестали ѣздить?

„— Да, теперь не нужно, отвѣчалъ тотъ.

„— Больному лучше?

„— Слава Богу, совсѣмъ поправился.

„— Совсѣмъ? повторилъ отецъ мой и, помолчавъ, сказалъ:—я слышалъ, что Грайворонскій прогналъ его отъ себя?

„— Господинъ Грайворонскій взялъ на мѣсто господинъ

Кирилинъ *другой капельмейстеръ*, тихо, съ опущенными глазами, проговорилъ Карлъ Ивановичъ, и въ выраженіи его какъ будто слышалось: зачѣмъ унижать подобнымъ словомъ бѣднаго молодаго человѣка!...

„Съ невыразимою благодарностью взглянула я на него...

„— А онъ все у Грайворонскаго живетъ? возразилъ батюшка; презрительная усмѣшка скользнула по его стиснутымъ губамъ.

„— Онъ болѣе *не у господинъ Грайворонскій*, отвѣчалъ съ запинкой и еще тише Карлъ Ивановичъ.

„— А гдѣ же?

„— Онъ въ Новоселкахъ, но не у *господинъ Грайворонскій;* онъ нанялъ себѣ квартиру у *одинъ мужикъ*... Онъ скоро долженъ уѣхать совсѣмъ отсель, примолвилъ докторъ, какъ бы съ намѣреніемъ успокоить батюшку.

„— А по сю пору отчего не уѣхалъ? и батюшкинъ голосъ дрогнулъ отъ внезапно вспыхнувшаго въ немъ гнѣва.

„Карлъ Ивановичъ растерялся и не отвѣчалъ ни слова.

„Отецъ мой перевелъ съ него на меня свои разгорѣвшіеся глаза. „Онъ надѣется увидѣться съ тобой“, вотъ что явственно говорили они мнѣ. Я не выдержала, опустила вѣки, лицо мое покрылось горячею краской... мнѣ хотѣлось вскочить, броситься къ его ногамъ...

„Но батюшка уже отвернулся отъ меня и, какъ ни въ чемъ не бывало, заговорилъ съ докторомъ о какомъ-то постороннемъ предметѣ. За то Сарра, все менѣе и менѣе понимавшая, что происходило вокругъ нея, но съ каждымъ днемъ приходившая все въ большее изумленіе, Сарра приставала ко мнѣ цѣлый вечеръ, требуя то съ плачемъ, то чуть не съ угрозами, чтобъ я объяснила ей, почему такъ сердито глядѣлъ на меня батюшка за столомъ. Я вышла изъ терпѣнія наконецъ и отвѣчала: „потому что я намѣрена удалиться, „какъ Робинзонъ, на пустынный островъ, гдѣ мнѣ никто на„доѣдать не будетъ“. Англичанка моя приняла эти слова за страшную для себя обиду и ушла отъ меня, хлопая дверьми. Мнѣ только того и нужно было, я заперлась въ спальнѣ, въ

которой проводила одна почти всѣ мои вечера, со времени той встрѣчи съ Кирилинымъ въ саду...

„Въ началѣ августа (помните, Владиміръ, предсказаніе, сдѣланное вамъ какою-то ворожеей во время вашего кругосвѣтнаго путешествія: она говорила вамъ: бояться чернаго человѣка и августа мѣсяца?)—до послѣдняго часа моего буду я помнить этотъ день, 5-е число,—я, по обыкновенію, ушла послѣ вечерняго чая къ себѣ и сидѣла недвижно и уныло у любимаго моего окна, какъ въ дверь мою кто-то тихо постучался.

„Я невольно вздрогнула.

„— Кто тамъ?

„— Я-съ.

„И Настасья Савельевна осторожно проскользнула въ двери и тотчасъ же заперла ихъ за собой.

„Я ее почти не видала, не имѣла случая говорить съ ней, съ того времени, когда она переѣхала къ больному сыну въ Новоселки. Она даже не совсѣмъ еще и вернулась оттуда, а наѣзжала только каждый день по дѣламъ хозяйства въ Рай-Воздвиженское. Ея появленіе въ этотъ часъ предвѣщало мнѣ новую тревогу...

„— Что случилось? спросила я, подъ этимъ впечатлѣніемъ.

„Настасья Савельевна, вмѣсто прямаго отвѣта, кинулась цѣловать мнѣ руки.

„— Матушка барышня, заговорила она наконецъ,—простите вы меня заранѣе, обѣщайте не гнѣваться на меня...

„— Да что такое? Говорите скорѣе!

„— И не знаю, матушка, какъ приступить, какъ сказать вамъ, отвѣчала она, озираясь по сторонамъ,—въ жизнь свою въ такихъ дѣлахъ не бывала! И ни за что не хотѣла я, не соглашалась... Два дня умаливалъ онъ меня, на колѣни даже становился. „И не проси, ни за что, ни за какія блага не „согласна я“, говорю это я ему... Только сегодня такихъ уже онъ мнѣ ужасовъ понаобѣщался. (Настасья Савельевна ударилась въ слезы): не выдержало сердце мое материнское, согласилась я, наконецъ, по немъ сдѣлать...

„Я поняла.

„— У васъ письмо ко мнѣ отъ вашего сына?

„— Такъ точно, барышня вы моя милая...

„— Дайте мнѣ его.

„Она дрожащими руками достала изъ-за платья письмо, бережно завязанное въ платокъ, и передала мнѣ... Я вскрыла печать...

„— Матушка, Надежда Павловна, какъ прочтете, письмо-то сожгите, голубушка вы моя; неравно кому попадетъ въ руки....

„Я прочла внимательно до конца и затѣмъ, при ней, сожгла на свѣчкѣ письмо.

„Настасья Савельевна тщательно собрала весь пепелъ и бросила его въ печку.

„— Вы знаете, о чемъ онъ мнѣ пишетъ? спросила я ее.

„— Не знаю, барышня, не знаю; онъ мнѣ не говорилъ, да я и не спрашивала... И такъ ужь мнѣ страха довольно...

„— Вы съ сыномъ вашимъ сегодня увидитесь?

„— Да, матушка, онъ наказывалъ привезти ему отвѣтъ сейчасъ же. Лошади ждутъ меня за околицей...

„— Поѣзжайте же и скажите ему: хорошо.

„— Больше ничего, барышня?

„— Нѣтъ, онъ пойметъ...—Она принялась было опять за цѣлованье, я отняла руки.—Поѣзжайте, Настасья Савельевна, оставьте меня...

„Онъ писалъ, что уѣзжаетъ, долженъ ѣхать, что его вынуждаютъ къ тому и обстоятельства, и люди, но уѣхать, не увидѣвъ меня, не простившись со мной, быть-можетъ навсегда, онъ не въ силахъ... „Мнѣ нечего болѣе терять, говорилъ онъ, „и если вы мнѣ откажете, я застрѣлюсь подъ вашими окна„ми“... „Вы не можете отказать въ этомъ мнѣ“, писалъ онъ дальше, „какъ не можетъ солнце лишить лучей своихъ тѣла „небесныя, увлекаемыя имъ въ своемъ теченіи. Вы должны „знать, что я живу только для васъ и чрезъ васъ; я бы не „писалъ вамъ теперь, я бы уже умеръ отъ горячки или подъ „дубиной вашихъ аргусовъ, еслибы не слышалъ отъ васъ сло-

„ва, изъ котораго я въ правѣ заключить, что вамъ было бы „жаль меня“... Онъ кончалъ, заклиная меня придти сегодня, „когда всѣ улягутся въ домѣ, въ китайскій павильонъ, мѣсто „самое безопасное, такъ какъ, по отдаленности его отъ дома, „сторожа никогда туда не доходятъ“...

„Я отдаюсь вамъ на судъ, Владиміръ, — казните память мою презрѣніемъ вашимъ, самою тяжкою для меня казнью, о безупречный другъ мой! но я сказала, не скрыла отъ васъ,— я безъ размышленія, не колеблясь, согласилась на это свиданіе... Для меня оно представлялось неизбѣжнымъ, какъ судьба. Рано или поздно, я должна была съ *нимъ* свидѣться... Не выгонять его, какъ послѣдняго негодяя, не напускать на него муживовъ съ рогатинами долженъ былъ гордый отецъ мой: ему слѣдовало посадить меня съ собой въ карету и везти куда-нибудь подалѣе, хоть на край свѣта. Онъ презиралъ такого маленькаго человѣка, какимъ былъ сравнительно съ нимъ Кирилинъ. Кирилина презирать было нельзя, — онъ всего себя отдалъ одному чувству, и какъ Самсонъ былъ онъ силенъ этимъ чувствомъ... Не иди я теперь на прощанье съ нимъ, онъ сегодня же застрѣлился бы подъ моими окнами, какъ писалъ онъ, или завтра пробрался бы ко мнѣ ночью... Его убили бы у меня,—у меня въ комнатѣ! Что же, лучше было бы это?...

„Въ домѣ погасли всѣ огни. Колоколъ на дворѣ пробилъ одиннадцать. Я отправила Катю спать, сказавъ, что раздѣнусь сама, что мнѣ надо еще написать письмо къ тетушкѣ... Она ушла. Беззвучными шагами подошла я къ ея двери: она долго возилась въ своей горницѣ, наконецъ замолкла... Сарра спала уже давно; въ темномъ корридорѣ слышалось ея тяжелое храпѣніе... Пора мнѣ!... Я закуталась въ бурнусъ, погасила свѣчи... и вдругъ вся обмерла отъ невыразимаго ужаса: изъ кіота, озаренный свѣтомъ одинокой лампы, прямо глядѣлъ на меня строгій ликъ Божіей Матери, и темныя уста ея какъ будто шевелились, будто говорили: „куда ты отъ меня въ этотъ „поздній часъ? Куда? остановись!...“ Я закрыла глаза и съ протянутыми впередъ руками кинулась въ сѣни: ощупью, придерживаясь къ стѣнѣ, все еще не смѣя раскрыть замкнутые глаза, спустилась я съ лѣстницы. Наружная дверь ея была,

по обыкновенію, не заперта,—я очутилась на дворѣ, противъ службъ, и, минуя ихъ, прошла благополучно до ограды, а оттуда въ садъ.

„Ночь была тепла до духоты; длинныя синія тучи, похожія видомъ на стадо исполинскихъ ящерицъ, медленно тянулись по небу, и тускло желтѣвшими окраинами ихъ напоминалъ о себѣ невидимый мѣсяцъ. Узкая дорожка, по которой, вся замирая еще, пробиралась я къ павильону, унизана была свѣтляками; ихъ дымчато-мерцающіе огоньки двигались впереди меня въ скошенной травѣ, будто какая-то подземная сила выслала ихъ освѣщать мой тайный, незаконный путь... Чей-то, не то дѣтскій, не то птичій, голосъ пронзительно застоналъ гдѣ-то вблизи въ ту самую минуту, когда я заворачивала по аллеѣ къ Семи, и что-то, встревоженное и незримое, пронеслось предъ мною во мракѣ, задѣвая крыльями за кусты... Ужасъ овладѣлъ мной снова; я остановилась, я готова была бѣжать, сейчасъ бѣжать назадъ, въ мою покинутую комнату, и тамъ, лицомъ во прахѣ предъ образомъ Заступницы Небесной, молить Ее о защитѣ, о прощеніи...

„Уже явственно доносился до меня шумъ водопада, и изогнутая крыша павильйона чернѣла въ высотѣ на свинцовомъ фонѣ отученнаго неба. „Еще нѣсколько шаговъ...“ шептало мнѣ искушеніе... „онъ тамъ, онъ ждетъ, чтобы сказать „тебѣ послѣднее „прости“, прежде чѣмъ идти снова на бой „съ враждебною, съ неумолимою жизнью... И ты уйдешь? Ли„шишь его послѣднихъ силъ для той суровой битвы?...“

„— Надежда Павловна, вы?...

„Это былъ онъ. Онъ разслышалъ шаги мои, сбѣжалъ съ пригорка, онъ искалъ меня среди темной аллеи.

„Я не могла отвѣтить,—сердце билось у меня такъ, какъ будто хотѣло выскочить изъ груди...

„— Гдѣ вы? подайте голосъ! Что съ вами? спрашивалъ онъ въ испугѣ, подбѣгая ко мнѣ.

„— Не знаю. Я... устала... едва была я въ состояніи выговорить.

„Онъ донесъ скорѣе, чѣмъ довелъ меня до павильона, уса-

дилъ на диванъ и палъ мнѣ въ ноги, съ судорожнымъ, безумнымъ рыданіемъ...

„О, моя богиня, вы пришли... вы не отвергли меня!... лепеталъ онъ задыхающимся голосомъ.

„— Встаньте, Кирилинъ, встаньте, молвила я черезъ силу.

„Но онъ не отрывался отъ моихъ ногъ и, прижавшись лицомъ къ краю моего платья, продолжалъ рыдать неудержимо...

„— Другъ мой, довольно, перестаньте, говорила я...

„Рука моя въ темнотѣ нечаянно коснулась его волосъ. Онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ... Я поспѣшила отнять руку,—онъ ее удержалъ на-лету...

„— Оставьте, умоляю васъ, оставьте, прошепталъ онъ, прижимая ее къ своему пылавшему лбу.

„Такъ прошло нѣсколько мгновеній. Я сидѣла недвижно, безъ словъ, безъ мысли; я понимала только, что подъ моею рукой стихало его волненіе, что безжалостно было бы отымать ее...

— О, еслибы вся жизнь могла пройти въ этомъ снѣ! сказалъ онъ наконецъ, медленно приподымаясь, и, не выпуская руки моей, сѣлъ рядомъ со мной.

„— Я исполнила ваше желаніе, Кирилинъ, начала я,—я пришла съ вами проститься...

„— Проститься! воскликнулъ онъ. — Да развѣ я выпущу васъ отсюда!

„И въ страстномъ увлеченіи онъ сжалъ мнѣ руки съ такою силой, что я вскрикнула отъ боли.

„Я вырвала ихъ у него, поднялась съ мѣста...

„— Не думаете-ли вы удержать меня здѣсь противъ моей воли?

„Онъ снова кинулся къ моимъ ногамъ.

„— Не слушайте меня, умолялъ онъ,—свѣтлый геній мой, не слушайте безумца! Знаю-ли я, что говорю, владѣю-ли теперь собой?... Поймите: вѣдь я переживаю единственную счастливую минуту, которая суждена мнѣ въ жизни. Она не возобновится уже никогда, никогда! Я заплачу за нее вѣчностью непробуднаго мрака... Не говорите же мнѣ о прощаніи, дайте мнѣ выпить до дна изъ чаши этого мгновеннаго блаженства!...

„Безмолвно и безвластно опустилась я на диванъ; онъ зналъ, какихъ струнъ онъ касался!...

„Полный мѣсяцъ выходилъ изъ-за тучъ, и задумчивый свѣтъ его внезапно освѣтилъ блѣдныя, изнеможенныя черты колѣнопреклоненнаго Кирилина. Мнѣ вспомнилось все; невыразимая жалость защемила у меня въ сердцѣ...

„— О, какъ вы измѣнились, какъ похудѣли! вырвалось у меня невольно.

„— А вы какъ полагаете? легко переносить разлуку съ вами? Спросите вотъ у этого кактуса, примолвилъ онъ съ мимолетною усмѣшкой, указывая на уставленныя растеніями ступени кіоска,—какъ я, не казистъ онъ и колючъ,... а спросите, способно-ли ему жить безъ тропическаго солнца?

„— Но вы знаете, эта разлука неизбѣжна... примолвила я.

„ Неизбѣжна, да... глухо и вздрагивая повторилъ онъ... все навѣки кончено...

„— Не надо отчаяваться, другъ мой; я надѣюсь, что въ будущемъ...

„Онъ устремилъ въ самую глубь моихъ глазъ свои сверкавшіе какъ пламя глаза.

„— Я не могу жить безъ васъ, Надежда Павловна, ни единаго мгновенія не могу, — поняли вы это? О какомъ будущемъ говорите вы? Не о томъ-ли, когда вернется этотъ вашъ суженый и завладѣетъ вами?... Вы надѣетесь, что онъ будетъ снисходительнѣе вашего отца; онъ, въ великодушномъ презрѣніи своемъ къ моему ничтожеству, не запретъ для меня дверей своего дома, онъ позволитъ мнѣ свободно наслаждаться зрѣлищемъ своего счастія, своихъ восторговъ... Да тысяча смертей лучше, чѣмъ такое будущее!...

„— Я не властна, Кирилинъ, слабо возражала я, стараясь избѣгнуть его неотрывавшагося взгляда, — будьте разсудительны; вы хотите...

„— Я хочу, пылко прервалъ онъ меня,—чтобы конца не было этой божественной ночи!

„Я не находила словъ въ отвѣтъ ему... Его неотступные глаза, и эта душная ночь, и запахъ лилій, возносившихъ свои бѣлоснѣжныя головки подъ окна павильона, и лунное сіяніе,

озарявшее его причудливо расписанныя стѣны, пробуждали во мнѣ неизъяснимое смущеніе; какая-то проникающая, сладостная до боли, истома оковывала мои члены, и отуманенные глаза горѣли отъ проступавшихъ на нихъ непонятныхъ слезъ...

„— Это невозможно, вы знаете... надо смириться, другъ мой, проговорила я наконецъ, пересиливъ себя. — Скажите мнѣ лучше, что думаете вы предпринять, куда полагаете ѣхать?

„— Зачѣмъ вы спрашиваете? Не все-ли это равно? отвѣчалъ онъ, и отъ звуковъ его голоса болѣе еще, чѣмъ отъ этихъ безнадежныхъ словъ, повѣяло на меня вдругъ какимъ-то могильнымъ холодомъ. — Я отпѣлъ себѣ панихиду, Надежда Павловна, а настоящій мигъ—это тотъ пиръ, которымъ когда-то угощали осужденныхъ наканунѣ казни.

„Онъ обманывалъ меня, онъ никуда не уѣдетъ, онъ застрѣлится, выходя отсюда!...“ пронеслось у меня въ головѣ.

„— Но я не хочу, чтобы вы погибли! Слышите-ли? Я приказываю вамъ жить! воскликнула я, стремительно наклоняясь къ нему, и руки мои упали на его плечи.... Помимо воли, помимо самой себя, отдалась я внезапному порыву: онъ охватилъ меня быстрѣе и нежданнѣе, чѣмъ гроза, ударяющая въ соломенную крышу. Все, что пережила я, что вынесла изъ-за этого человѣка въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ,—тревога за него и страхъ, разладъ съ отцомъ, тоска моя, мои тайныя слезы,—все это слилось теперь въ одно безпредѣльное желаніе, въ одну всепоглощающую мысль: спасти его, спасти во что бы ни стало!...

„— Жить! Вы мнѣ велите жить! говорилъ онъ между тѣмъ, и слова его звенѣли теперь какимъ-то опьяненіемъ счастія, и дрожащими устами покрывалъ онъ поцѣлуями мои похолодѣлыя руки....— Знаете-ли вы, что я могу жить только любимый вами! Ваша любовь одна можетъ поднять меня съ долу, совершить чудо моего воскресенія! Какъ спутанному орлу вернетъ она мнѣ крылья, съ ней все придетъ, — силы, воля, вдохновеніе! Выше царей земныхъ вознесетъ она меня, эта любовь!... Да и предъ какимъ же владыкой земли, воскликнулъ онъ вдругъ, откидывая голову (онъ замиралъ отъ восторга), — предъ кѣмъ когда-либо представало это волшебное

видѣніе, скользнувшее будто бы для меня съ неба по золотому лучу мѣсяца? какому счастливцу сіяли звѣзды, подобныя этимъ глазамъ?....

„Неотразимая волна увлекала меня... Голубые огни прыгали у меня въ глазахъ, какое-то невѣдомое, алчущее волненіе разливалось по мнѣ лихорадочнымъ трепетомъ....

„— Живите! повторила я.

„— Договори же, прошепталъ онъ изнывающимъ отъ блаженства голосомъ,—договори, царица этой чародѣйной ночи, скажи, что ты любишь меня!...

„Онъ обвилъ меня обѣими руками и привлекалъ къ себѣ... и лицо мое запылало подъ его горячимъ дыханіемъ...

„— Кирилинъ!... нѣтъ! оставьте меня, оставьте!... молила, я, вырываясь изъ этихъ страстныхъ и мощныхъ рукъ....

„Но онъ не слушалъ: его огненныя губы уже касались моихъ губъ. Я была безсильна, безпомощна....

„Я очнулась, и, съ сознаніемъ моей погибели, моего неслыханнаго позора, закипѣло разомъ въ душѣ моей чувство невыразимой ненависти къ виновнику его...

„— О, бездушный, безсовѣстный человѣкъ! не владѣя собой, дрожа отъ негодованія, стыда и раскаянія, упрекала я его. — Какимъ адскимъ обманомъ довели вы меня до этой пропасти! Я погибла, я пропала въ этой жизни и въ вѣчной,—понимаете-ли вы, безбожный человѣкъ? Вы этою бездной отплатили мнѣ за то, что я, какъ сестра родная, принимала участіе въ вашей жалкой судьбѣ, за мои слезы, за мое заступничество, за то, что я съ отцомъ... Отецъ мой, мой честный отецъ! Боже мой! Что будетъ съ нимъ!... И кто же? Вы! Вы, кого воспиталъ онъ какъ сына, вы обезчестили его дочь!... Не другомъ, не братомъ вернулись вы въ этотъ домъ, которому вы всѣмъ обязаны, а лютымъ, заклятымъ врагомъ! Вы подругу вашего дѣтства приговорили къ вѣчному сраму, къ безвыходной, къ безконечной мукѣ! Какую казнь, говорите, заслужили вы за это страшное дѣло!...

„— Довольно, молчи! Не произноси этихъ несправедли-

выхъ словъ! восклицалъ онъ въ отвѣтъ, пламенно обнимая мои колѣни.

„Я оттолкнула его, вырвала изъ рукъ его мое платье...

„— Не трогайте меня! Вы мнѣ гадки!

„— Гадокъ? повторилъ онъ, какъ бы не разслушавъ.

„— Да, да, гадки! повторила я, повинуясь неодолимому отвращенію, которое онъ внушалъ мнѣ къ себѣ теперь.—Или вы думали, что я сознательно, добровольно пала въ ваши объятія?...

„Онъ прервалъ меня.

„— Надя, жизнь моя, умоляю васъ придите въ себя...

„— Какъ вы смѣете называть меня такъ! вскрикнула я на него.—Я для васъ Надежда Павловна Чемисарова, слышите-ли?... Я несчастная, погибшая дѣвушка, но я не сообщница ваша!... Клянусь вамъ моимъ разгнѣваннымъ Богомъ, тѣмъ Богомъ, въ котораго не вѣрите вы и который готовитъ вамъ страшную кару,—воля моя не причастна моему преступленію...

„— Ваша воля не причастна... Что вы хотите сказать этимъ? спрашивалъ онъ, не перемѣняя положенія и подымая на меня недоумѣвающіе глаза.

„— Я васъ никогда не любила, никогда, никогда! Слышите-ли вы это? Вы были всѣми покинуты, никому не милы, родная мать готова была отказаться отъ васъ, я помнила прежнее дѣтство, я жалѣла васъ, другаго чувства я никогда не знала къ вамъ! Вы опутали меня, и я теперь понять даже не могу, какъ вы сдѣлали это, завлекли меня, воспользовались этою ночью, моимъ невѣдѣніемъ, слабостью моей... Но душа моя никогда не принадлежала вамъ, она осталась свободна, чтобы вѣчно терзаться моимъ грѣхомъ и ненавидѣть его!

„Онъ поднялся на ноги, блѣдный при лунномъ свѣтѣ, какъ призракъ надъ могилой...

„— Вы взволнованы, Надежда Павловна, беззвучно и медленно заговорилъ онъ,—я иначе не могу объяснить себѣ ваши невообразимыя рѣчи. Успокойтесь, прошу васъ, и отвѣчайте мнѣ одумавшись: вы не любите... никогда не любили меня?

„— Я уже вамъ сказала, я знаю, что говорю: никогда! Я любила, люблю одного Владиміра Кемскаго, съ которымъ вы меня сегодня на вѣки разлучили!...

И, вспомнивъ про это, сердце мое точно порвалось на куски; я упала на диванъ, захлебываясь жгучими, ядовитыми слезами.

„Кирилинъ обошелъ кругомъ павильона какимъ-то дикимъ, растеряннымъ шагомъ, какъ волкъ въ своей ямѣ.

„— Вы меня не любили, сказалъ онъ, останавливаясь предо мной,—не любили и отдались мнѣ?

— Не любила, нѣтъ. И не отдавалась вамъ! отвѣчала я на этотъ безсовѣстный упрекъ...—Оскорбленіе осушило мои слезы, я стояла прямо и презрительно смотрѣла ему въ лицо.— Я пришла спасти васъ, вѣря вамъ, не подозрѣвая, что могло меня ждать здѣсь... А вы знали, вы воспользовались, вы взяли меня безъ жалости, безъ пощады...

„— Еще разъ спрашиваю, Надежда Павловна!—и слова его шипѣли, проходя сквозь скрипѣвшіе его зубы: онъ былъ страшенъ!—вы никогда не любили меня? Это послѣднее ваше слово?

„— Я презираю и себя, и васъ,—вотъ мое послѣднее слово! сказала я и упала снова на диванъ, закрывая руками глаза. Умереть въ это мгновеніе—о, какое было бы это счастіе для меня!

„Онъ залился вдругъ какимъ-то сатанинскимъ хохотомъ...

„— Вы правы, Надежда Павловна! Я васъ обманулъ, завлекъ, я воспользовался... Я *взялъ* васъ, вы не отдались! Аристократки, какъ вы, не могутъ любить пролетаріевъ, какъ я; мы можемъ внушать имъ лишь жалость къ нашей горькой участи, какъ животное, чрезъ которое проѣхала ихъ карета!... А мы, безсовѣстные, въ благодарность за неизреченную эту милость, *беремъ* ихъ силой и ввергаемъ ихъ души въ геенну огненную!... Да понимаете-ли вы, воскликнулъ онъ, внезапно перемѣняя выраженіе,—и выраженія этого я, пока жива, не забуду,—понимаете-ли вы, вѣрующіе въ милостивца Христа, что грѣхъ вашъ въ настоящую минуту не въ примѣръ тяжеле того, въ которомъ вы съ такимъ

презрѣніемъ отрицаете всякое сообщничество со мной? Богъ нашъ грозный и карающій, положимъ, но и онъ не дозволяетъ употреблять въ брани отравленныя стрѣлы. А у васъ что̀ слово, то новый ядъ въ рану, и безъ того уже смертельную. Или вы думали, что я могъ пережить эту ночь? Я сказалъ вамъ: идя сюда, я отпѣлъ себѣ заранѣе панихиду. Я зналъ, барышня, примолвилъ онъ съ новымъ горькимъ смѣхомъ, что законовъ мнѣ вашихъ не передѣлать, и что за такіе пиры люди, какъ я, платятъ дорого... И долгъ свой я уплатилъ бы честно... Но тогда я унесъ бы въ могилу благоуханіе вашихъ поцѣлуевъ, какъ вожделѣнный и лучшій даръ, который я могъ взять отъ земли... Но вамъ не угодно было оставить мнѣ и тѣнь обольщенія. Вы, единственная звѣзда, свѣтившая въ моей жизни, и для которой догорала сегодня эта жизнь,—вы обратились въ безчеловѣчнаго палача моего... „Умирай, безутѣшный, безнадежный, виновный“, велите вы „мнѣ, „уноси съ собой въ тотъ вѣчный мракъ ненависть мою „и презрѣніе! Какое мнѣ дѣло до той муки, съ которою „испустишь ты послѣдній вздохъ твой, лишь бы я могла, въ „собственныхъ глазахъ, спасти свою сословную честь, сказать „себѣ, что я не пала, не могла пасть въ объятія человѣка „безъ имени, котораго мой безобразный свѣтъ не даетъ права „любить!“...

„— Свѣтъ, сословная честь! повторяя его слова и рыдая прервала его: — такъ вотъ вы чѣмъ объясняете себѣ мое отчаяніе!...

„Онъ вздрогнулъ, взглянулъ на меня... Я отвернулась...

„— Что̀ бы ни было, проговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія, — отчаяніе ваше безполезно: могила все скроетъ... Я не выйду изъ нея напоминать вамъ объ этой ночи...

„Онъ кинулся вонъ изъ павильона...

„Въ дверяхъ, между имъ и свѣтлѣвшею синевой предразсвѣтнаго неба, показалась темная фигура... Кирилинъ отшатнулся...

„— Батюшка! спасите! крикнула я и всѣмъ тѣломъ рухнулась предъ нимъ.

„Онъ оттолкнулъ меня ногой и, не переступая порога:

„— Ты помнишь мое слово? сказалъ онъ Кирилину.

„— Помню, какъ бы на мигъ дрогнувъ, но бевтрепетно, отвѣчалъ тотъ.

„— Пойди сюда!

„Я хотѣла встать... и снова упала. Голосъ мой замеръ, не двигались члены...

„— Черезъ ея тѣло прикажете? спросилъ Кирилинъ, и въ этомъ вопросѣ прозвучала для меня послѣдняя нота того безконечнаго и разбитаго мною чувства, изъ-за котораго погибалъ онъ теперь...

„Отецъ мой нагнулся, приподнялъ меня и оттащилъ къ дивану...

„Они сошли со ступеней... Слова ихъ доходили до меня, какъ иногда во снѣ звуки, неслышимые ухомъ, а принимаемые какимъ-то внутреннимъ, невѣдомымъ нервомъ...

„— Она ни въ чемъ не виновата, говорилъ Кирилинъ,— я ее умолялъ, она боялась отказать, я грозилъ ей застрѣлиться, въ случаѣ, еслибъ она отказала мнѣ...

„— Довольно, пора кончить! говорилъ отецъ мой.—Лобъ крести!...

„— Не извольте безпокоиться. Мы здѣсь не мелодраму разыгрываемъ. Я самъ знаю, что мнѣ надо дѣлать...

„— Умирай же какъ собака! послышался дрожавшій отъ гнѣва шепотъ.

„— Умру какъ свободный человѣкъ! прозвенѣлъ въ послѣдній разъ молодой голосъ.—Не берите лишняго грѣха на совѣсть, благодѣтель!...

„И все смолкло разомъ. Только какой-то, почудилось мнѣ, глухой, внезапный плескъ раздался и смутилъ на мгновеніе однообразный гулъ падающихъ водъ...

„Я вскрикнула, и свѣтъ выкатился изъ глазъ моихъ.

„Высокая комната, обтянутая полинялымъ зеленымъ штофомъ, и на стѣнѣ прямо предо мной портретъ во весь ростъ женщины, въ бѣломъ платьѣ, съ розой въ рукѣ, освѣщенный на половину вечернимъ свѣтомъ, — вотъ что представилось мнѣ, когда я открыла глаза...

„— Кто это? прошептала я, силясь приподнять голову и тщетно стараясь припомнить, гдѣ я видѣла эту розу и эту миловидную, высокую бѣлокурую женщину...

„Я лежала на постели... Въ головахъ у меня кто-то спѣшно задвигался, и надо мной наклонилось вдругъ морщинистое, блѣдное лицо, окутанное во что-то черное...

„Я слабо вскрикнула, въ глазахъ помутилось...

„Мнѣ дали понюхать чего-то очень сильнаго, отъ чего я пришла въ себя и снова открыла глаза... Подлѣ меня стоялъ Карлъ Ивановичъ; онъ держалъ между пальцами стклянку, пробка отъ нея торчала у него въ зубахъ; онъ внимательно сквозь очки свои глядѣлъ на меня.

„Я очень обрадовалась ему и улыбнулась.

„Доброе лицо его все освѣтилось радостью. Онъ закивалъ головой и осторожно взялъ меня за пульсъ.

— Вы не узнали вашу тетушку, Надежда Павловна? спросилъ онъ меня чрезъ нѣсколько времени и, поднявъ очки, глянулъ по ту сторону кровати.

„— Тетушку? повторила я, недоумѣвая.

„Черная особа снова наклонилась надо мной. Я узнала въ ней мать Варсоноѳію.

„— Это вы, ma tante?...

„— Я, другъ мой, я, отвѣчала она беззвучно. — Какъ ты себя чувствуешь?

„— Я? ничего... Развѣ я больна, Карлъ Ивановичъ?

„— О, немножко, немножко, это скоро пройдетъ, поспѣшно заговорилъ онъ и помахалъ по воздуху рукой, какъ бы приглашая меня не дѣлать безполезныхъ вопросовъ.

„Мать Варсоноѳія поправила на мнѣ одѣяло, приподняла осторожно подушку подъ моею головой....

„— Гдѣ я, тетушка? спрашивала я ее.

„Она, не отвѣчая, подняла глаза на Карла Ивановича.

„— Тутъ лучше, воздухъ чистый, большая комната, поспѣшилъ онъ опять заговорить.

„— Эта комната твоей матери, Надя, тихо промолвила мать Варсоноѳія.

„— Маменьки? Это она! прошептала я, узнавая ее вдругъ

въ бѣлокурой красавицѣ, глядѣвшей на меня со стѣны съ такою безконечною нѣжностью....

„Слезы проступили у меня на глазахъ.... Тетушка замѣтила это и заботливо отерла ихъ платкомъ.... Карлъ Ивановичъ съ досадой взглянулъ на нее....

„Онъ былъ не правъ: я заплакала безсознательно, не понимая, не помня ничего, кромѣ этого, мною же сейчасъ проговореннаго слова: „маменька“....

„— Гдѣ Сарра? спросила я опять.

„Карлъ Ивановичъ задергалъ очки свои, видимо затрудняясь отвѣтомъ.

„— Она уѣхала.... ей очень нужно было.... пробормоталъ онъ наконецъ, пытливо всматриваясь въ мое лицо.

„Но я не спрашивала: куда? зачѣмъ? Мнѣ было все равно...

„Докторъ приложилъ руку къ моему лбу.

„— Не болитъ у васъ голова? спросилъ онъ.

„— Нѣтъ.... Мнѣ спать хочется....

„Я проснулась на другой день.... Голова моя была свѣжа, я даже не чувствовала себя особенно слабою. Въ продолженіе дня я узнала отъ тетушки, что больна я давно, „пошла вторая недѣля“, что ее выписалъ батюшка изъ монастыря, а самого его нѣтъ, онъ уѣхалъ вчера въ екатеринославское наше имѣніе и неизвѣстно когда вернется.... Я не удивлялась ничему, ни о чемъ не разспрашивала: все это будто нисколько меня не касалось....

„Я стала поправляться, но съ возвратомъ физическихъ силъ не возвращалась память. — Прошлое не существовало для меня; словно какое-то непроницаемое покрывало легло между имъ и прозябаніемъ,—не нахожу иного выраженія,— наступившихъ для меня дней. Я туда и не старалась заглянуть: тамъ было что-то темное и страшное, говорило мнѣ не сознаніе, а какое-то такое же темное чутье. Я узнала, что Сарра уѣхала въ Англію, что батюшка назначилъ ей большую пенсію, что Катя моя отправлена къ матери, куда-то далеко, что и Настасьи Савельевны нѣтъ въ домѣ, она переѣхала жить въ губернскій городъ... Но все это было для меня звуками, ничѣмъ

болѣе; съ этими именами не связывалось для меня никакого впечатлѣнія, я даже съ трудомъ вспоминала, кто именно были эти лица, почему, съ какихъ поръ извѣстны они мнѣ... Въ этой высокой, старинной, почти незнакомой мнѣ комнатѣ ничто не напоминало прежней моей жизни: меня съ этою цѣлью, вѣроятно, и перевели сюда... Комната была угольная; одна сторона ея выходила въ садъ, другая на красный дворъ. Тамъ каждый день утромъ, въ положенный часъ выводили изъ конюшни лошадей на прогулку, и я, какъ ребенокъ, нетерпѣливо ждала каждый день этой выводки, забавлялась рѣзвыми скачками, веселымъ ржаньемъ моихъ четвероногихъ любимцевъ. Съ такимъ же нетерпѣніемъ ждала я завтрака, обѣда, вечерняго чая.... Повторяю, не жизнь, прозябаніе это было... Тетушка подолгу читывала мнѣ вслухъ разныя книги, по большей части русскія, и это доставляло мнѣ большое удовольствіе: смысла читаемаго я не понимала, но заслушивалась тихаго, медленнаго и проникающаго голоса матери Варсонофіи. Я помѣщалась обыкновенно въ это время въ длинномъ креслѣ, противъ портрета маменьки, и въ какомъ-то безотчетномъ умиленіи глядѣла по цѣлымъ часамъ на прелестный, молодой и кроткій обликъ моей матери, безсознательно ища его повторенія въ не менѣе когда-то прекрасномъ лицѣ ея сестры. Иной разъ отцвѣтшія черты матери Варсонофіи оживали для меня мгновенною юностью, все перемѣшивалось тогда въ моемъ больномъ воображеніи, и мнѣ представлялось, что уже не тетушку я слышу, а что изъ свѣжихъ и алыхъ устъ двадцатилѣтней красавицы, изображенной на томъ полотнѣ, льется этотъ пѣвучій, убаюкивавшій меня голосъ...

„Много-ли времени провела я въ этомъ состояніи, я не помню... Я начинала уже выходить на воздухъ, въ садъ, одна... Тетушка привела ко мнѣ однажды даму почтенной наружности: это оказалась Швейцарка, madame Beck, выписанная батюшкой откуда-то на мѣсто моей бѣдной Сарры. Она помѣстилась въ ея комнатѣ, наверху, сходила поить меня чаемъ утромъ и вечеромъ и при этомъ почти никогда не раскрывала рта. Сама тетушка начинала поговаривать объ

отъѣздѣ; она соскучилась по своей обители и ждала только батюшки...

„Онъ вернулся наконецъ. Я первая услыхала колокольчикъ и мѣрный топотъ въѣхавшей во дворъ его четверки. Всѣ бывшіе въ комнатѣ побѣжали ему навстрѣчу. Я кинулась къ окну. Онъ сидѣлъ въ коляскѣ съ Фрейманомъ и, проѣзжая мимо моихъ оконъ, поднялъ голову. Онъ увидѣлъ меня, и что-то радостное, показалось мнѣ, мелькнуло на его лицѣ; я закивала ему головой, онъ тотчасъ же отвернулся... Я опустилась въ кресло и заплакала... То были горькія, ѣдкія слезы: сознаніе воскресало во мнѣ вмѣстѣ съ ними, еще не полное, еще смутное, но роковое сознаніе какого-то неизгладимаго прошедшаго...

„Мать Варсоноѳія и Карлъ Ивановичъ, вернувшись, говорили, что батюшка здоровъ, съѣздилъ благополучно.

„— А я... не увижусь съ нимъ, тетушка?

„— Увидитесь, увидитесь, завтра! отвѣчалъ вмѣсто нея докторъ.—Сегодня нельзя, онъ усталъ съ дороги; поздно теперь, вечеръ, онъ скоро ляжетъ спать...

„Я не противорѣчила, я поняла, что батюшка не спѣшилъ увидаться со мной...

„Онъ не спѣшилъ, онъ не хотѣлъ меня видѣть. Я тщетно прождала его весь тотъ обѣщанный мнѣ день; съ утра била меня лихорадка, глаза мои не отрывались отъ двери, въ которую онъ долженъ былъ войти... Онъ не приходилъ.

„— Что же батюшка, ma tante? спрашивала я. Она не отвѣчала; тѣнь отъ длинныхъ рѣсницъ все такъ же падала на ея блѣдныя щеки; она не подымала ихъ, только длинные пальцы исхудалой руки ея слегка дрожали, перебирая крупныя зерна ея аметистовыхъ четокъ. Карлъ Ивановичъ явился ко мнѣ на минуту, спросилъ о здоровьи, пощупалъ пульсъ и ушелъ куда-то съ какимъ-то неестественно озабоченнымъ видомъ: онъ просто боялся моихъ вопросовъ...

„Я не могла терпѣть долѣе... Я хочу его видѣть! повторяла я себѣ въ продолженіе всего того дня, и я рѣшилась.

„— На слѣдующее утро послѣ чая,—это было въ воскресенье, тетушка ушла къ обѣднѣ, со мной оставалась одна ma-

dame Beck,—я поднялась съ кресла, въ которомъ до того неподвижно сидѣла, взглянула на портретъ матушки, перекрестилась и направилась къ двери...

— Où allez vous? взволнованнымъ голосомъ спросила меня вдругъ изумленная Швейцарка.

„— Je vais chez mon père, madame, отвѣчала я, мѣряя ее взглядомъ съ ногъ до головы.

„Она хотѣла что-то сказать и не смогла, опустила глаза...

„Я отворила дверь.

„Она выходила въ темный корридоръ; я едва могла разсмотрѣть другую маленькую дверь, которая вела въ гардеробную батюшки.

„Я смѣло и быстро пробѣжала ее, но когда вошла въ кабинетъ, силы измѣнили мнѣ... Я схватилась руками за первое попавшееся мнѣ кресло и такъ и замерла...

„Отецъ мой сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, низко опустивъ голову надъ какими-то бумагами. Онъ услыхалъ шаги мои, глянулъ, узналъ меня...

„— Что вамъ угодно? проговорилъ онъ, блѣднѣя, и поднялся съ мѣста.

„Но я не вняла этимъ жестокимъ словамъ, этому ледяному взгляду... Я рванулась къ нему... Я обнимала его судорожно трепетавшими руками... Я прижималась къ его колѣнямъ моимъ облитымъ слезами лицомъ.

„— Батюшка! говорила я сквозь душившія меня рыданія! — ради нашего ангела... ради покойницы маменьки, не глядите на меня такъ!...

„Онъ дрогнулъ при этомъ имени... не выдержала его желѣзная природа... Онъ наклонился ко мнѣ, взглянулъ мнѣ въ лицо и сказалъ послѣ долгаго, мучительнаго колебанія:

„— Что же ты хочешь отъ меня, погибшая?...

„— Простите!... едва оставалось мнѣ силы прошептать.

„— Простить?—Онъ приподнялъ меня за плечи и, не отнимая отъ нихъ рукъ своихъ, погрузилъ въ глаза мои свои исполненные безконечной печали глаза. — Понимаешь-ли, ты все убила во мнѣ... послѣднее!...

„Въ это, именно въ это мгновеніе всецѣло воскресало во

мнѣ сознаніе. Въ первый разъ, во всемъ ея неизрекаемомъ ужасѣ, освѣтило оно предо мной страшную картину той ночи, смерти... Какъ переносятъ такія мгновенія, я и теперь сказать не могу...

„— Понимаю, отвѣчала я,— и одного прошу я у Бога — смерти!..

„Батюшка опустилъ руки... Что-то похожее на испугъ промелькнуло на его лицѣ... О, онъ еще не вычеркнулъ меня всю изъ своего сердца: мысль, что я не вынесу, что я могу умереть, устрашала егѣ!...

„— Казнись, глухо произнесъ онъ,—признайся во всемъ Владиміру... Онъ можетъ простить тебя...

„Я поняла, — это была послѣдняя искра въ безнадежной ночи, обнимавшей его старость... Ему, во всю жизнь свою не склонявшему ни предъ кѣмъ свою честную, гордую голову, теперь оставалась одна лишь эта робкая надежда на ваше прощеніе, на великодушіе ваше, Владиміръ!... Но мнѣ признаться, сказать вамъ, вамъ, что я... Нѣтъ, думала я, это хуже смерти!...

„— Никогда, никогда, батюшка!...

„Онъ взглянулъ на меня опять: такого выраженія тоски и отчаянія я никогда еще не встрѣчала на этомъ лицѣ.

„— Я получилъ сегодня письмо отъ Грайворонскаго, сказалъ онъ,—онъ проситъ твоей руки. Какъ, по твоему, осмѣлился бы онъ, еслибы не дошло до него?...

„Голосъ батюшки оборвался; онъ не досказалъ и отошелъ отъ меня.

„— Батюшка! взывала я къ нему, ломая себѣ руки:—скажите Владиміру... напишите ему все! Только не я, не я!...

„Онъ обернулся.

„— Нѣтъ, ты, и никто болѣе!... Я могъ простить во имя *ея*... святой... Но я тебѣ ни покровитель, ни заступникъ... Да и ты, полагаю, примолвилъ отецъ мой съ какимъ-то невыразимымъ оттѣнкомъ и гордости, и презрѣнія,—ты сама не захотѣла бы, чтобъ онъ взялъ тебя изъ жалости ко мнѣ?

„Я согласилась, я обѣщала, сквозь слезы, сквозь прожигающія слезы...

„Отецъ увезъ меня въ Одессу, оттуда моремъ въ Константинополь, Грецію, Италію... Я увидала синія южныя волны и тѣ мѣста, любимыя солнцемъ, которыя я мечтала когда-то посѣтить объ руку съ вами, о, другъ мой, счастливая, безупречная, какъ вы... Теперь подъ это лучезарное небо юга я приносила съ собой безвозвратное отреченіе отъ жизни, и не властно уже было оно вызвать новое пламя къ испепеленномъ сердцѣ... Я не могла простить себя, ни за васъ... ни за *него!*...

„На другую зиму мы поѣхали въ Москву... Бѣдный отецъ мой! Онъ писалъ вамъ объ этомъ въ Иркутскъ, онъ еще чего-то ждалъ для меня, онъ надѣялся...

„— Помни слово! сказалъ онъ мнѣ, возвращаясь съ того бала, гдѣ мы, въ Москвѣ, въ первый разъ встрѣтились съ вами...

„Но вы знаете, я не сдержала его, я не могла тогда... не могла. Много лѣтъ нужно было...

Я умираю, другъ мой, жизнь отходитъ... рука уже не повинуется мнѣ... Не знаю, прочтете-ли вы эти послѣднія строки... а я уже не разбираю... свѣтъ потемнѣлъ...

„Умираю, исполнивъ обѣтъ... Съ сладостными слезами благодарю Отца моего Небеснаго... Онъ дозволилъ,—я успѣла... вы узнаете все... Вѣрю!... Мы увидимся, Владиміръ, тамъ... гдѣ ни плача, ни воздыханій... Онъ проститъ меня... грѣшную!... Онъ проститъ и его... чья скорбная, упрекающая тѣнь стояла неотступно... за кого проплакала я всѣ слезы мои, до могилы молилась... Онъ ушелъ отъ меня въ вѣчность непримиренный, проклинающій... но онъ любилъ!... Любовь... люб...“

На этомъ полусловѣ прервалась рукопись Надежды Павловны. Послѣднія строки, начертанныя ею, можно было, дѣйствительно, разобрать лишь съ величайшимъ трудомъ. Подъ этими строками, нѣсколько ниже, дрожащимъ, но крупнымъ и четкимъ почеркомъ,—очевидно, рукой матери Варсонофіи,—помѣчено было:

„1855 года декабря 11-го, въ половинѣ восьмаго утра, „войдя утромъ къ Надѣ, застала ее преставьшеюся. Скончалась въ ночь такъ тихо, что бывшая у постели сестра Але-

„ксандра и не замѣтила. Наканунѣ, послѣ вечерень, сподоби-„лась причаститься Святыхъ Таинъ и затѣмъ пожелала опо-„чить. Во снѣ и отошла. Тетрадь сія лежала подъ подушками, „и 10-го числа сестра Александра видѣла, что Надя еще въ „нее вписывала. Меня давно просила, когда умретъ, отослать „къ тебѣ, что̀ и исполняю. Зная чувства твои въ покойницѣ, „ничего къ сему не прибавлю. Въ книгѣ Царствъ сказано: „*вкушая, вкусихъ мало меда и се азъ умираю:* такова была „и ей судьба.

„Господи, въ селеніяхъ праведныхъ упокой душу ея!“

КОНЕЦЪ.

ДВѢ МАСКИ.

(СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ).

ДВѢ МАСКИ.

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ *).

(Памяти Дм. Ив. Нарышкина).

Le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable.
Boileau.

Я плылъ по Волгѣ вверхъ на *Самолетскомъ* пароходѣ. Погода стояла великолѣпная; пассажировъ было мало; поваръ—какой-то доморощенный Каремъ, какихъ создавали Гоголевскіе *Пѣтухи* крѣпостныхъ временъ,—кормилъ отлично... Препріятное было путешествіе.

Остановились мы однажды у одной изъ пристаней, на которыхъ пароходы *Самолета* запасаются дровами. Пока ихъ носили, я, во спасеніе отъ неизбѣжныхъ при этомъ грохота и толкотни, ушелъ наверхъ къ капитану, на рубку (точно-ли это впрочемъ называется *рубкою*, я, право, не знаю, извините, читатель).

Тамъ уже сидѣлъ на скамейкѣ единственный товарищъ мой по первому классу, съ которымъ мы второй день поѣдали камскія стерляди и заѣдали ихъ астраханскими арбузами, съ самымъ трогательнымъ единомыслiемъ. Между имъ и мною,—удивительно, какъ эти путешествія на рѣчныхъ

*) Впервые напечатанъ въ декабрской книжки „Русскаго Вѣстника“ за 1874 годъ.

пароходахъ, да еще когда поваръ хорошъ и провизія свѣжа, располагаютъ къ благодушію!—успѣли уже установиться самыя дружескія, чуть не нѣжныя отношенія.

Онъ служилъ членомъ суда въ одной изъ низовыхъ губерній, былъ нѣсколько плѣшивъ и тученъ, улыбался очень пріятною, мягкою улыбкой и ѣхалъ за женой въ Москву, куда она отправилась на консультацію къ доктору Захарьину. Жену эту онъ увезъ три года тому назадъ, хотя ему въ то время было уже за сорокъ лѣтъ, а ей двадцать. Любили они другъ друга страстно. Дѣтей у нихъ не было, и вслѣдствіе этого-то обстоятельства онъ и отправилъ ее въ Москву на консультацію... Фамиліи его я и понынѣ не знаю, а звали его Флегонтомъ Ивановичемъ.

Сидѣлъ онъ тамъ, наверху, на *рубкѣ*, и, прищурившись, глядѣлъ на противоположный берегъ Волги, надъ самымъ обрывомъ котораго индѣ зеленѣли уже рѣдкія кущи стараго, запущеннаго сада, и уныло выглядывали изъ-за нихъ заколоченныя досками окна еще очень красивой въ своемъ запустѣніи помѣщичьей усадьбы.

Много, очень много въ эти два дня пробѣжало мимо насъ по обоимъ берегамъ Волги-матушки такихъ опустѣлыхъ покинутыхъ усадьбъ съ ихъ забитыми и покинутыми окнами, растасканными крышами и уже успѣвшими почернѣть пеньками фруктовыхъ садовъ, вырубленныхъ варварскими руками...

— Еще одна! кивнулъ я, подходя, моему спутнику.

— Да-съ, проговорилъ онъ сквозь зубы, не перемѣняя положенія;—и кому отъ этого лучше стало?.. И, какъ бы испугавшись такого вырвавшагося у него нелиберальнаго восклицанія:—Дрова рубишь, щепки летятъ—понятно! промолвилъ онъ, словно извиняясь за что-то.

Я, въ свою очередь, поспѣшилъ либерально улыбнуться.

— А этой мнѣ въ особенности жаль! сказалъ Флегонтъ Иванычъ съ какимъ-то особеннымъ удареніемъ.

— Знакомая вамъ?

Онъ ерзнулъ всѣмъ тѣломъ, оборачиваясь отъ усадьбы ко мнѣ лицомъ, вытащилъ изъ пальто платокъ, которымъ при-

нялся протирать стекла своего pince-nez, и глядя на меня тѣмъ многозначительнымъ и мрачнымъ взглядомъ, какимъ— замѣтили вы, читатель?—глядятъ всѣ близорукіе люди при этомъ занятіи:

— Близко-съ! отвѣчалъ онъ и даже вздохнулъ.

Я такъ и почуялъ впереди *исторійку*...

— Я-съ тутъ пять лѣтъ судебнымъ слѣдователемъ прослужилъ, заговорилъ Флегонтъ Иванычъ, кивая на уѣздный городъ, предъ которымъ мы стояли, а тамъ, ткнулъ онъ большимъ пальцемъ себѣ за спину,—*тамъ*, почитай, все свободное отъ службы время проводилъ за эти пять лѣтъ... И пріятно проводилъ-съ! вздохнулъ онъ опять.

— Чья она? спросилъ я.

— А *теперича* она, отвѣчалъ онъ, теперича принадлежитъ она графу Бобрищеву-Пушкину, если не продалъ... Только я про то время говорю, когда владѣлъ ею дядя этого самаго графа, Дмитрій Иванычъ Горбатовъ-Засѣкинъ.

— Старое имя!

— Съ нимъ и кончилось! въ третій разъ вздохнулъ Флегонтъ Иванычъ:—ну, и,—не совсѣмъ смѣло добавилъ онъ,—ну, и *баринъ* былъ!.. Да главное, человѣкъ-то хорошій!.. Образованный, артистъ... Ходитъ себѣ, бывало, по кабинету, руки за спину закинетъ, и стихи себѣ подъ носъ бормочетъ. Страсть къ нимъ имѣлъ, что наизусть зналъ!.. Время его воспитанія такое ужъ было; нынче, конечно, вѣкъ серіозный, это можетъ-быть нѣсколько и...

Онъ не договорилъ и глянулъ мнѣ въ лицо:

— А не дурное, по правдѣ сказать, было это времячко, ей-Богу недурное-съ! вдругъ воскликнулъ онъ, и тутъ же подозрительно оглянулся...

Я не отвѣтилъ. Онъ продолжалъ:

— Музыку любилъ... Органъ у него превосходнѣйшій былъ, и гдѣ-то онъ теперь, этотъ органъ? *Баха* все исполнялъ на немъ... Вы музыкантъ?

— Не совсѣмъ, а про Баха слыхалъ...

— Ну, такъ онъ это все исполнялъ Баха. Единственно духовною музыкой занимался...

Флегонтъ Иванычъ робко улыбнулся, какъ бы опять за что-то извинялся.

— Слабость имѣлъ онъ одну...

— Пилъ? сказалъ я, разумѣя слабость, какъ разумѣетъ ее всякій на родныхъ пажитяхъ вскормленный Россіянинъ...

— Что вы, помилуйте! громко уже засмѣялся мой спутникъ,—человѣкъ такого воспитанія!.. Нѣтъ-съ, я говорю слабость, потому что все-таки... Онъ-съ спиритъ былъ!..

— А! протянулъ я.

— Такъ точно! И даже больше-съ, суевѣренъ былъ и...

Флегонтъ Иванычъ заерзалъ на своей скамейкѣ, вздѣлъ pince-nez на носъ, и съ какимъ-то вдругъ рѣшительнымъ выраженіемъ,—словно сказалъ себѣ: а была не была!

— Конечно, послѣ того, что съ нимъ было... качнулъ онъ головою снизу вверхъ.

— А что съ нимъ было? тотчасъ же полюбопытствовалъ я, присосѣживаясь къ нему на скамейку.

Флегонтъ Ивановичъ откашлянулся.

— Можетъ, изволите помнить-съ, сказалъ онъ,—у Пушкина есть одна вещь:

Онъ имѣлъ одно видѣнье
Непостижное уму,
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему,

и такъ далѣе... Такъ вотъ это самое и съ нимъ было. И хотя, конечно, въ нашъ вѣкъ положительной науки это, такъ-сказать, представляется анахронизмомъ, — бѣдный Флегонтъ Иванычъ, видимо, ужасно боялся *отстать отъ вѣка*,—однакоже, дѣйствительно, и понынѣ еще многое остается темно и даже, можно сказать, есть случаи, которые вы никакимъ индуктивнымъ методомъ... Такъ вотъ-съ именно съ нимъ былъ такой случай,—перебилъ себя мой спутникъ, видимо чувствуя, что запутывается въ неисходной фразѣ, — и самая даже его смерть представляетъ собою такое странное явленіе...

— Вы тутъ были? воскликнулъ я, уже серьезно заинтересованный.

— Нѣтъ-съ, я тогда уже былъ переведенъ въ Саратовъ.

А только мнѣ извѣстно... Впрочемъ, если не скучно вамъ будетъ, я это вамъ все сначала передамъ-съ...

— Сдѣлайте милость!

Пароходъ тѣмъ временемъ свистя отчаливалъ отъ пристани.

Флегонтъ Иванычъ закурилъ сигару—сигары были у него прескверныя,—и, пыхтя ею съ видимымъ наслажденіемъ, заговорилъ:

— Познакомился я съ Дмитріемъ Иванычемъ случайно. Тутъ у насъ по Волгѣ, изволите знать, искони бѣ существуетъ фабрикація фальшивыхъ ассигнацій и монеты. Гнѣзды цѣлыя поколѣніями этимъ живутъ, и судебному слѣдователю здѣсь, почитай, однимъ этимъ родомъ дѣлъ и приходится заниматься. И бѣдовыя эти дѣла, скажу вамъ!... Только вотъ-съ, по случаю именно такого дѣла, пришлось мнѣ быть у него въ Сосенкахъ,—три молодца тутъ у меня попались. Мошенники, то-есть, жесточайшіе; такъ онъ у тебя изъ рукъ и выскальзываетъ, и водитъ, и путаетъ, и находчивъ, бестія,—не остережешься съ нимъ, бѣда!... Промаялся я эдакъ съ ними отъ ранняго утра и до вечерень. Ни пимши, ни ѣмши, языкъ пересохъ, повѣрите, такъ что едва двигаю. А дѣло въ сентябрѣ, дождь съ утра ливмя льетъ, выйти изъ избы нельзя. А изба-то душная, тѣсная,—притомъ обыскъ, знаете, бабы ревутъ, дѣти пищатъ,—голова то-есть просто ходуномъ ходитъ, до обморока... Только къ самому тому времени, какъ мнѣ кончать, гляжу—къ избѣ коляска какая-то подъѣхала. Входитъ человѣкъ: баринъ, говоритъ, проситъ вашу милость, не угодно ли къ нимъ въ усадьбу будетъ откушать?

— А кто баринъ? спрашиваю.

— Дмитрій Иванычъ Горбатовъ-Засѣкинъ.

— Не имѣю чести знать, а только скажи, что очень благодаренъ—и буду, потому ѣсть хочется смерть!

— Приказано, говоритъ, васъ ожидать здѣсь, коляска прислана...

Вотъ-съ я и поѣхалъ,—и думаю себѣ: кто этотъ благодѣтель такой? Потому хотя я и насупротивъ его въ городѣ жилъ, а про него не слыхивалъ никогда. Дѣло въ томъ, что онъ только въ томъ году пріѣхалъ въ эту свою усадьбу на

лѣто, а до того по лѣтамъ все за границей жилъ, а главное его имѣніе не здѣсь, а въ Полтавской губерніи состояло...

Пріѣзжаю я такимъ образомъ къ нему. Вхожу... И вы можете себѣ легко представить, какое пріятнѣйшее, можно сказать, чувство я испыталъ послѣ той избы, вони, духоты и крика. Свѣтло, лампы горятъ во всѣхъ комнатахъ, благоуханіе,—человѣкъ, видимо, богатый и со вкусомъ: картины, цвѣты горками стоятъ... То-есть, знаете, какъ *по духовному:* мытарства всѣ пройдя, въ Царство Небесное попалъ!... Прохожу нѣсколько комнатъ. Кабинетъ въ два свѣта, полки съ книгами кругомъ, инструменты на столахъ, глобусы, карты разложены... И съ кресла самъ хозяинъ встаетъ, — невысокій ростомъ, только что-то такое тонкое во всей фигурѣ, черты прямыя, — вѣдь это у насъ въ русскихъ лицахъ рѣдкость,— ну, и все это такое въ немъ привѣтливое и красивое, самъ съ головы до ногъ въ черный бархатъ одѣтъ... А человѣкъ ужь не молодой, видно, за сорокъ давно, и на волосахъ боберъ, знаете,—одни глаза еще совсѣмъ молодо улыбаются...

Встаетъ.

— Вы, говоритъ съ перваго слова,—сильно проголодались?

— Признаюсь, отощалъ! отвѣчаю.

— И прекрасно, сейчасъ за столъ сядемъ! Здравствуйте! протягиваетъ онъ мнѣ черезъ столъ руку. И точно это мы съ нимъ ужь цѣлый вѣкъ знакомы.

Разсказываю я вамъ это первое мое съ нимъ знакомство, потому съ этого же перваго дня, дѣйствительно, онъ мнѣ такое чувство внушилъ, будто самый онъ мнѣ кровный, близкій человѣкъ былъ. Полюбилъ я его несказанно, признаюсь вамъ. Я, знаете, почитай сирота отъ первыхъ годовъ жизни, воспитывался у родственниковъ, у бѣдныхъ; состояньице у самого отъ отца осталось не Богъ знаетъ какое. Попалъ однако въ университетъ, вышелъ *дѣйствительнымъ*... Ну-съ, а затѣмъ куда же? Пріѣхалъ сюда и—такъ и погрязъ въ службѣ и тинѣ провинціальной... Не прошло двухъ лѣтъ, и я чувствовалъ ужь, что меня все начинаетъ засасывать это болото, какъ вдругъ посылаетъ мнѣ Промыселъ спасеніе... То-есть, такъ-таки спасеніе какъ есть, смѣю вамъ доложить, потому я—со

всею искренностью скажу вамъ,—потому я отъ тоски запивать даже началъ, прямо говорю...

А Дмитрій Иванычъ мой—съ такими людьми я и въ Москвѣ, когда въ университетѣ былъ, не имѣлъ случаевъ встрѣчаться,—человѣкъ тонко воспитанный, *изящный*, какъ говорилось во время оно, весь, знаете это, какъ бы пропитанный Европою... И такой человѣкъ съ перваго разу меня, совсѣмъ невѣдомаго ему, темнаго провинціала, можно сказать, какъ совсѣмъ себѣ равнаго, какъ стараго пріятеля принимаетъ,—послѣ уже только я узналъ, что слышалъ онъ про меня, что я взятокъ не беру, и съ секретаремъ уголовной палаты по этому случаю очень непріятное одно столкновеніе имѣлъ, такъ даже, что изъ-за этого я чуть изъ службы не вылетѣлъ;—очень мнѣ это тогда лестно показалось, и, знаете, подняло это меня сразу въ собственныхъ моихъ глазахъ...

Долго вамъ разсказывать не стану, а только совсѣмъ у меня иная жизнь пошла съ тѣхъ поръ, *очеловѣчился* опять и, какъ имѣлъ я честь вамъ докладывать, какъ только урвется у меня, бывало, отъ службы часъ свободный, я сейчасъ въ *Сосенки* (усадьба эта бывшая его такъ называется). Было это въ скорости послѣ освобожденія крестьянъ; тутъ, вы знаете, уставныя грамоты, надѣлы крестьянамъ пошли, все это новое колесо заходило... Дмитрій Иванычъ въ мировые посредники поступилъ,—три года прослужилъ,—тогда лучшіе люди шли въ эту должность... Вспомню это время—сердце щемитъ иной разъ: и люди эти гдѣ, и надежды, надежды, что̀ тогда у всѣхъ насъ золотымъ лучемъ горѣли впереди?

Пріѣзжалъ онъ въ *Сосенки* и когда изъ посредниковъ выбылъ. Пріѣдетъ раннею весною, а уѣзжаетъ по первопутку; зимы въ Римѣ проводилъ обыкновенно... Вотъ жалуется онъ мнѣ какъ-то разъ, что лѣто у насъ на сѣверѣ коротко, уѣзжать рано изъ деревни приходится.

— Осени у насъ тутъ совсѣмъ нѣтъ, а это лучшая пора года, говоритъ,—на Украйнѣ что̀ за осени бываютъ, посмотрѣли бы вы! „Тамъ долго ясны небеса“, примолвилъ онъ къ этому изъ Пушкина.

— У васъ тамъ, вѣдь, богатѣйшее имѣніе есть? замѣчаю я ему на это.

У него даже глаза загорѣлись:

— На Пслѣ, говоритъ, и мѣстоположеніе—лучшаго во всей Европѣ не знаю!

— Ну, и домъ, и всякое удобство? спрашиваю.

— Лучше здѣшняго, отвѣчаетъ.

— И живали вы тамъ?

— Родился, все дѣтство тамъ провелъ, и потомъ живалъ подолгу.

— А теперь и совсѣмъ не бываете?

— Нѣтъ, говоритъ.

— Разлюбили?

Онъ вдругъ, показалось мнѣ, будто въ лицѣ перемѣнился.

— Нельзя! съ очень страннымъ какимъ-то выраженіемъ молвилъ онъ мнѣ на это.

Знакомъ въ тѣ поры былъ я съ нимъ уже четвертый годъ, и... *странности* его были мнѣ извѣстны. Однако это меня все же удивило, и припомнилъ я тутъ, что во все продолженіе этого нашего знакомства о чемъ и о чемъ мы съ нимъ ни переговорили, но объ этомъ малороссійскомъ имѣніи онъ какъ бы избѣгалъ всегда говорить... „Что за притча!“ думаю себѣ,—однако и на этотъ разъ не рѣшился я почему-то спросить его: отчего это „нельзя“ ему жить тамъ, гдѣ и „долго ясны небеса“, и удобство всякое есть, и гдѣ, видимо, ему самому хотѣлось бы жить... Только намоталъ я себѣ это на усъ.

А *странности* его—это былъ вотъ тотъ самый его *спиритизмъ*, съ котораго я началъ говорить вамъ о немъ. Пока онъ, знаете, посредникомъ былъ, намъ объ этомъ предметѣ рѣдко приходилось съ нимъ трактовать, потому онъ очень дѣломъ своимъ былъ занятъ, да и бесѣды-то въ то время вообще были, такъ-сказать, болѣе политическаго свойства. А какъ отслужилъ онъ свои три года, не захотѣлъ служить дольше,— въ эти три года, знаете, разочаровался онъ во многомъ, и зачинавшееся тогда „мужицкое царство“, какъ говорилъ онъ, претило ему, — съ этихъ поръ и сталъ я замѣчать: какъ къ

нему ни пріѣдешь, застаешь его постоянно за книгою духовнаго, или, вѣрнѣе сказать, мистическаго содержанія. Былъ у него въ библіотекѣ цѣлый отдѣлъ такихъ книгъ, и надъ шкафомъ этимъ даже латинская надпись читалась: Diis ignotis,—*невѣдомымъ богамъ*, значитъ, посвящено... Дорогія, старинныя тутъ изданія были, для библіомана—настоящія сокровища! Я, знаете, къ старымъ книгамъ всегда пристрастіе имѣлъ,—такъ съ этой стороны онѣ мнѣ большой интересъ представляли, и кое-съ-чѣмъ я поэтому наглядным, такъ-сказать, образомъ познакомился. Тутъ-съ могли вы найти всю, если такъ выразиться, классическую литературу мистическихъ знаній: Аполлонія Тіанскаго, Парацельса, Альберта Великаго, Кардана и прочихъ: ну-съ и изъ новыхъ Сведенборга, Экартсгаузена, извѣстную Seherin von Prevost, Еѳраима Леви, Аллана Кардека и такъ далѣе. Дмитрій Иванычъ зачитывался всѣмъ этимъ всласть, и хотя онъ былъ человѣкъ очень сдержанный и, какъ говорится нынче, *убѣжденій* своихъ не любилъ съ-оника выкладывать, а тѣмъ болѣе *навязывать* ихъ кому бы ни было, однако по близости моей съ нимъ не могъ я не видѣть, что онъ все дальше и дальше отъ интересовъ, такъ-сказать, мірскихъ уходитъ въ область какихъ-то — *нетрезвыхъ*, какъ казалось мнѣ въ то время, мечтаній... Было же это въ самое то время, когда начиналось у насъ верченіе столовъ и прочее; о Юмѣ приходили къ намъ изъ Петербурга извѣстія — въ газетахъ писали, и Дмитрій Иванычъ подробныя даже письма о его *сеансахъ* оттуда получалъ. Признаюсь вамъ, очень досадно мнѣ это было, что такой умный и образованный человѣкъ, какимъ былъ онъ дѣйствительно, могъ такъ довѣрчиво относиться ко всему этому *шарлатанству*,—потому все это я иначе не понималъ, какъ шарлатанство и *аберрація*, такъ-сказать, и ничего *сверхъестественнаго* въ природѣ разумъ мой и по сейчасъ допустить не можетъ... Хотя, конечно, такіе случаи, вотъ какъ съ Дмитріемъ Иванычемъ, иной разъ и самый скептическій разумъ могутъ въ тупикъ поставить.

Сочиненія Фламаріона изволили читать, *La pluralité des mondes, les mondes habités* и подобныя имъ? Много книгъ такого рода стало появляться въ послѣднее время. Дмитрій Ива-

нычъ во всѣ эти произвольныя, надо сказать, гипотезы вѣрилъ какъ въ дважды два четыре. По его понятіямъ, человѣкъ представляетъ собою низшую ступень безконечной лѣстницы существъ, которыя, восходя по этой лѣстницѣ путемъ все новыхъ и новыхъ существованій, постепенно совершенствуясь въ нихъ и очищаясь, доходятъ наконецъ до Высшаго Существа, до Бога. Всѣ видимые и невидимые нами міры обитаемы этими существами, находящимися на различныхъ ступеняхъ развитія. По всей этой безконечной цѣпи, между этими различными ступенями развитія, идетъ постоянное общеніе... Словомъ-съ, *манифестаціи*, *духи*, и все это, какъ есть спиритское ученіе, о которомъ вамъ, вѣроятно, еще лучше чѣмъ мнѣ извѣстно, потому у васъ Петербургѣ, говорятъ, цѣлыми обществами этимъ занимаются...

Я, съ своей стороны, ничего этого допустить не хотѣлъ, и постоянно съ нимъ спорилъ, такъ что онъ даже сталъ избѣгать говорить со мной объ этомъ...

Только въ самый тотъ вечеръ, когда я ему напомнилъ о его малороссійскомъ имѣніи, зашла у насъ какъ-то опять объ этомъ рѣчь. Въ сентябрѣ это опять было, на дворѣ скверно, съ Волги вѣтеръ пронзительнѣйшій, каминъ горѣлъ у него въ кабинетѣ съ утра. Вотъ-съ и сидимъ мы съ нимъ предъ огонькомъ, и толкуемъ... И замѣчаю я, что мой Дмитрій Иванычъ какъ-то особенно оживленъ и нервенъ. Надо вамъ сказать, что онъ сердцемъ страдалъ, и бывали у него днями сильные припадки, такъ что иной разъ по цѣлымъ часамъ молчалъ. А отойдетъ когда, онъ какъ бы обрадуется, какъ бы вознаграждаетъ себя, заговоритъ тѣмъ охотнѣе; только, какъ говорю вамъ, чувствовалось въ немъ тогда какое-то особенное нервное возбужденіе...

Не помню, съ чего началось, а перешло на всякіе необыкновенные случаи, изъ которыхъ, по его заключенію, истекало то, что между человѣкомъ и „таинственными, молъ, силами міра невидимаго“ существуетъ несомнѣнная де связь.

— Положимъ, и существуетъ, говорю я ему на это, — только необходимости-то этой связи вы мнѣ ничѣмъ не докажете. Допустимъ, говорю,—что все это не обманъ чувствъ,

и всѣ эти таинственныя явленія представляютъ собою фактъ безспорный, но дѣло въ томъ, что имъ нѣтъ никакой причины быть. Въ мірѣ, говорю,—все такъ мудро, стройно и логично устроено, явленія такъ правильно и естественно вытекаютъ одно изъ другаго, что среди нихъ нѣтъ мѣста *случайности*...

Въ это время часы на каминѣ, — старинные, знаете, *съ курантами* были у него эти часы,—прогремѣли девять.

— Вотъ-съ, говорю ему, — все равно, что эти часы: въ опредѣленный, урочный моментъ играютъ они то, что предназначено имъ исполнять создавшимъ ихъ мастеромъ. Вообразите же себѣ, что къ нимъ вы бы вздумали придѣлать еще какіе-нибудь колокольчики, которые, кромѣ этихъ опредѣленныхъ моментовъ, звонили бы еще неожиданно, когда лишь имъ вздумается. На какую, спрашиваю васъ, потребу могло бы это послужить?

— А на такую, отвѣчаетъ онъ мнѣ пресерьезно,—что они будили бы васъ своимъ звономъ въ тѣ минуты, когда бы вы менѣе всего этого ожидали.

— Покорнѣйше благодарю, засмѣялся я на это,—мнѣ этого вовсе не требуется.

Дмитрій Иванычъ весь откинулся вдругъ въ спинку своего кресла.

— Видно такъ, говоритъ онъ,—они васъ и не будятъ. А я,—и отъ пламени камина что-ли, только лицо его въ эту минуту даже испугало меня своею блѣдностью,—я, говоритъ, слышалъ этотъ таинственный звонъ... Поздно слишкомъ, едва слышно договорилъ онъ къ этому.

Я, знаете, какъ стоялъ, такъ и остолбенѣлъ. Гляжу на него перепуганный, думаю: не послать-ли за Лѣсовскимъ,— докторъ у насъ уѣздный былъ...

А онъ ничего, приподнялся опять и принялся щипцами подкидывать дровецъ въ каминъ. Улыбнулся и поднялъ глаза на меня.

— Вы, говоритъ,—Ѳома невѣрный; поколь сами перстовъ въ раны не вложите, потоль вѣры не дадите,—такъ это?

— Пожалуй и такъ, отвѣчаю.

— Такъ дать вложить? смѣется.

— Что такое?

— Персты ваши въ раны мои?

— Нѣтъ, говорю,—я вамъ настолько вѣрю, насколько самому себѣ вѣрить могу.

— За это спасибо, говоритъ онъ.

Я засмѣялся.

— Вы знаете, говорю,—что добросовѣстный человѣкъ нерѣдко самъ себѣ не вѣритъ.

— Допускаю, засмѣялся и онъ,—только, во всякомъ случаѣ, пока я живъ, объ этомъ никому ни слова.

Я обѣщалъ. И разсказалъ онъ мнѣ слѣдующую преудивительную исторію.

I.

Служилъ я въ кавалергардахъ; ротмистромъ уже былъ, эскадрономъ командовалъ. И старшимъ офицеромъ былъ у меня пріятель мнѣ закадычный, по фамиліи Гордонъ, потомокъ стариннаго англійскаго рода, обрусѣвшаго еще со временъ Петра. Отецъ его, старый генералъ 1812 года, былъ богатый пензенскій помѣщикъ, а онъ со мною вмѣстѣ воспитывался въ лицейскомъ пансіонѣ, въ Царскомъ Селѣ; вмѣстѣ оттуда поступили мы въ полкъ,—словомъ, съ самаго дѣтства почти съ нимъ не разлучались. Былъ онъ малый очень красивый, и въ лицѣ его сохранился родовой англійскій, бѣлокурый и правильный типъ, да и въ характерѣ была у него та рѣшительность и неожиданность рѣшенія, какія мы встрѣчаемъ въ англійской расѣ, и чего у *насъ*, почитай, вовсе нѣту. У женщинъ имѣлъ онъ успѣхъ необыкновенный,—и въ тотъ моментъ, когда начинается моя исторія, былъ уже второй годъ въ связи съ одною изъ прелестнѣйшихъ тогда женщинъ въ Петербургѣ... Называть вамъ ее по фамиліи я не стану, потому она до сихъ поръ жива и очень извѣстна, а буду звать ее по имени: Натальей Андреевной... Объ отношеніяхъ ея къ Гордону никто въ мірѣ, кромѣ меня, не зналъ, и то только потому, что обстоятельства необходимо требовали участія третьяго, вполнѣ преданнаго имъ, лица. Супругъ Натальи Андреевны очень ревновалъ ее въ ту пору,—и я, изъ дружбы, разыгрывалъ въ свѣтѣ роль влюбленнаго въ нее, отводя такимъ образомъ глаза мужа отъ настоящаго предмета женином страсти... Но не въ этомъ рѣчь...

Происходило все это въ 1844 году. Весною Наталья Андреевна съ мужемъ уѣхала на воды въ Германію, въ надеждѣ вернуться зимой въ Петербургъ. Не тутъ-то было. Входитъ ко мнѣ однажды, въ началѣ зимняго сезона, Гордонъ—жили мы съ нимъ въ одномъ зданіи, въ казармахъ,—и даетъ мнѣ прочесть письмо отъ нея, отчаянное письмо, на двѣнадцати страницахъ, исписанныхъ по-женски вдоль и поперекъ, сущность котораго состояла въ томъ, что мужъ, вмѣсто Петербурга, везетъ ее на зиму въ Римъ, что она съ ума сходитъ отъ одной этой мысли, и что поэтому—или онъ, Гордонъ, долженъ все бросить и тотчасъ же ѣхать также въ Римъ, или она, если онъ только на это согласенъ будетъ, кинетъ мужа и прискачетъ въ Петербургъ, „быть его служанкою, рабою, все, что̀ онъ захочетъ изъ нея сдѣлать“, — словомъ, одно изъ тѣхъ страстно-нелѣпыхъ и прелестныхъ въ нелѣпости своей писемъ, какія въ состояніи писать лишь одна безъ памяти любящая, и притомъ любящая въ первый разъ, женщина... Я прочелъ.

— Что̀ же дѣлать теперь? говорю.

— Это безумство! отвѣчалъ Гордонъ, расхаживая по комнатѣ и пожимая плечами:—въ отставку меня великій князь—Михаилъ Павловичъ покойный тогда гвардіей командовалъ,—ни за что не выпуститъ, а за границу и подавно; кинуть же ей мужа и ѣхать сюда—это значитъ губить себя на вѣкъ, и я былъ бы мерзавецъ, еслибы допустилъ ее сдѣлать такое... безумство, повторилъ онъ.—Я поэтому отправилъ къ ней сейчасъ письмо: умоляю ее всѣмъ ей дорогимъ... имѣть терпѣніе и не прекословить мужу... а я, съ своей стороны, пишу, буду стараться въ концѣ зимы устроить себѣ какъ-нибудь поѣздку за границу, и тогда, разумѣется, я прямо въ Римъ...

— Да какъ же ты думаешь устроить это? спрашиваю его опять.

— Да никакъ не думаю, обернулся онъ быстро на меня;—но вѣдь, согласись ты, то, что̀ она предлагаетъ, невозможно, безумно... Ты согласенъ, что это невозможно? съ какими-то тревожными глазами, вижу, требуетъ онъ отъ меня отвѣта.

— Конечно, такъ! не могъ я не согласиться.

У него лицо повеселѣло.

— То-то, говоритъ,—а потому у меня одна надежда—время! Она успокоится, привыкнетъ къ разлукѣ...

И ни вздоха. Словно онъ даже радъ былъ этой мысли, что она привыкнетъ...

— Э, э, думаю себѣ,—вода, видно, на убыль пошла!

И стало мнѣ ужасно досадно за эту бѣдную женщину: томится она теперь, милая, и слезы льетъ украдкой отъ мужа по этомъ молодцѣ, а онъ въ то же время...

Однако я и его зналъ,—онъ цѣлый годъ добивался ея, и затѣмъ, еще такъ недавно, такъ горячо любилъ, такъ тосковалъ, когда она уѣзжала весною... Странно!.. Притомъ это былъ не вѣтреный, не *легкій* человѣкъ,—чувствовалъ онъ глубоко и сильно,—и если теперь у него, видимо, начиналось охлажденіе къ ней, то необходимо, думалъ я, существуетъ на это какая-нибудь особенная причина... Но какая? Письмо, только-что мною прочитанное, свидѣтельствовало лучше всего, что повода къ этому никакъ нельзя было искать со стороны Натальи Андреевны...

Мысль одна какъ молнія блеснула у меня въ головѣ.

— Мирра! проговорилъ я себѣ.

А *Мирра* вотъ что значило:

Мѣсяца три предъ этимъ, только-что мы изъ лагеря вернулись, пріѣхала изъ-за границы поселиться въ Петербургѣ одна двоюродная сестра моя, Маргарита Павловна Оссовицкая. Была она меня старше лѣтъ на пятнадцать, вышла замужъ рано и жила съ тѣхъ поръ то въ провинціи, то въ Москвѣ. Я, признаюсь, едва помнилъ о ея существованіи, когда въ одинъ прекрасный Божій день получилъ отъ нея записку, въ которой она, „въ качествѣ ближайшей родственницы“, извѣщала меня о своемъ пріѣздѣ и полушутливо, полунастоятельно вытребывала меня къ себѣ немедленно. „Провинціальная кузина“, да къ тому же не молодая,—въ этомъ, вы понимаете, не могло быть ничего заманчиваго для „блестящаго кавалергарда“, какимъ я почиталъ себя, да и какимъ—теперь, подъ старость, можно въ этомъ признаться,—я и дѣйствительно былъ въ ту пору. Я кинулъ, поморщившись, записку ея на столъ,—но

въ то же время припомнилось мнѣ, какъ однажды, въ раннемъ моемъ дѣтствѣ, эта самая Маргарита Павловна ублажала покойнаго отца моего, собиравшагося меня высѣчь за какую-то крупную шалость. „Такъ вотъ за это тотчасъ же и пойду къ ней!“ рѣшилъ я великодушно, надѣлъ каску и отправился. Жила она на Сергіевской, въ двухъ шагахъ... Велѣлъ о себѣ доложить. Выбѣгаетъ ко мнѣ на встрѣчу еще свѣжая, круглая, съ веселыми глазами и веселыми ямочками на румяныхъ и крѣпкихъ какъ яблоко щекахъ, сорокалѣтняя барыня, безъ чепца и въ какомъ-то распашномъ капотѣ и прямо кидается цѣловать меня. Само добродушіе—и самъ Саратовъ!

И вотъ-съ у этого самаго Саратова была дочь—Мирра...

Вы всѣ, воскликнулъ на этомъ мѣстѣ Дмитрій Иванычъ,—вѣрующіе въ одни „физіологическіе законы организмовъ“, объясните мнѣ, пожалуста, какими чудесами у такихъ матерей, какъ Маргарита Павловна, могутъ рождаться такія созданія, какова была Мирра? Ни единой, ни внѣшней, ни внутренней, черты сходства не существовало между ними. У круглолицей, черноглазой и курносой кубышки, хохотуньи и сплетницы, дочь была стройная, блѣдноокая и словно вся ушедшая въ себя дѣвушка, полная неизъяснимой и какой-то таинственной прелести. Кто видѣлъ ее хоть однажды, тотъ не могъ уже забыть выраженія ея загадочныхъ, будто туманомъ подернутыхъ, глазъ, неожиданно поднимавшихся на тебя въ иныя минуты съ какою-то дѣвственно вызывающею смѣлостью и упорно затѣмъ глядѣвшихъ до тѣхъ поръ, пока ты самъ невольно не опускалъ своихъ вѣкъ..! Этотъ взглядъ ея, да ея необыкновенные орѣховаго цвѣта волосы, тяжесть которыхъ словно придавливала книзу ея маленькую голову,—ихъ нельзя было забыть, повторяю.

— А вѣдь, ей-же-ей, моя дочь! хохотала Маргарита Павловна, сама указывая на это несходство дочери съ ней,—она съ первой же минуты начала со мною обращаться какъ съ ближайшимъ родственникомъ, выбалтывая все, что у нея было на душѣ:—отъ меня и отъ Петра Петровича покойнаго, и другихъ дѣтей никого у насъ и не было съ тѣхъ поръ. А онъ, помнишь, мущина былъ, что говорятъ у насъ мужики,

ражій, здоровенный, глаза на выкатѣ у него были. И на него ни капельки не похожа Мирра, тонкая вся, будто точеная, distinguée,—и характеромъ-то вся *чудная* какая-то!...

— *Чудна* она была съ дѣтства, разказывала мнѣ словоохотливая кузина,—упорная и вдумчивая не по лѣтамъ; и смѣялась-то она, и плакала не по-дѣтски, не такъ какъ смѣются и плачутъ дѣти—въ перерывъ, то солнце, то дождь. Забьется иной разъ въ темный уголъ,—весь домъ бывало переполошитъ, насилу отыщешь, и не смѣй ее оттуда тронуть,—сидитъ вся съежившись, и не то плачетъ, а слезы какъ изъ кувшина льются, безъ стона, безъ вздоха... Перепугаешься, бывало, ужасъ!—Что съ тобою, цыпочка, о чемъ? Ни слова не отвѣчаетъ. И такъ, и сякъ выспрашиваешь, утѣшаешь... Оставь, говоритъ, мама, мнѣ сладко плакать! Поди ты съ ней! А въ другой разъ какъ примется шалить, весь домъ вверхъ дномъ поставитъ,—что твой кадетъ! Жалостлива была очень,—къ нищенкамъ и по сю пору страсть у нея, готова по часамъ сидѣть съ ними и о *божественномъ* толковать. Сны необыкновенные какіе-то ей снились: ангелы крылатые, старики въ золотыхъ шапкахъ, и все это они съ ней разговоры вели... Иной разъ, повѣришь, какъ начнетъ она эти сны свои и разговоры съ ангелами передавать, со мною чуть не дурно дѣлается... Не жилецъ она на землѣ! говорю себѣ... А то еще къ пятнадцати годамъ стали съ ней припадки лунатизма дѣлаться, ясновидѣніе какое-то явилось. Смерть отца предсказала она мнѣ за мѣсяцъ времени, и сама чуть не померла отъ ужаса тогда: ей вдругъ привидѣлся гробъ, а въ немъ Петръ Петровичъ... и будто кто-то говоритъ ей въ ухо: февраля 10-го... А онъ въ то время, здоровехонькій, на выборахъ былъ въ Симбирскѣ... Вернулся въ Москву, заболѣлъ, и, день въ день, какъ говорила она, такъ и жизнь кончилъ... Ну, а теперь, слава Богу,—заканчивала обыкновенно Маргарита Павловна,—съ тѣхъ поръ, какъ полѣчилась она за границей, все это какъ будто совсѣмъ прошло: чудная она хоть и осталась, только ужь припадковъ, знаешь, нѣтъ прежнихъ. Швальбахъ ей очень помогъ... Тутъ Маргарита Павловна наклонилась къ моему уху и шептала мнѣ, многозначительно

прижмуривая правый глазъ:—а, Богъ дастъ, замужъ выйдетъ, и совсѣмъ какъ всѣ будетъ!...

Выдать замужъ Мирру—спала и видѣла ея мать; для этого и въ Петербургъ пріѣхала жить. „Выбору больше, говорила она,—пусть себѣ по сердцу найдетъ, а мнѣ ничего другаго и не нужно: состоянія хватитъ у нея и на двоихъ, и одного только молю Бога, чтобы хорошій человѣкъ былъ. А пока пусть повеселится“...

Но Мирра была не даромъ *чудная*. Повезли ее на балъ въ grand monde, въ первый разъ; она была сразу замѣчена, окружена и вернулась домой въ восторгѣ. Маргарита Павловна плавала въ сердечномъ упоеніи отъ успѣховъ дочери... Вдругъ, на другой же день, дочь объявляетъ ей, что она другой разъ на балъ ни за что, ни за что не поѣдетъ.—Что такое, почему?—Не могу, говоритъ.—Да ты объясни, отчего?—Тамъ всѣ, отвѣчаетъ,—другъ друга ненавидятъ, тамъ *тьма*... На томъ и стала. Мать чуть не плакала, но привыкла никогда ей не противорѣчить,—и со *свѣтомъ* такъ онѣ и покончили. Въ италіянскую оперу стали ѣздить, но страстный голосъ Віардо такъ раздражительно дѣйствовалъ на Мирру, что она возвращалась изъ театра больная и всю ночь затѣмъ спать не могла; пришлось отказаться и отъ этого... Оставался французскій театръ, тогда во всемъ своемъ блескѣ, съ Bressant, Louise Mayer, мужемъ и женой Allan,—и Мирра страстно наслаждалась ихъ игрою. Но тутъ произошло слѣдующее: давали въ ту пору одну неистовѣйшую мелодрамму, *Mademoiselle de Lafaille*, въ которой между прочими ужасами героиню піесы погребаютъ заживо. Влюбленный въ нее герой проникаетъ въ склепъ, скидываетъ крышку гроба, взваливаетъ себѣ трупъ любезной на плечи и уноситъ ее куда-то, гдѣ она, разумѣется, приходитъ въ себя и выходитъ за него замужъ. Брессанъ былъ необыкновенно хорошъ въ этой роли... Только когда увидѣла его Мирра выбѣгающаго изъ темной глубины театра съ недвижною, блѣдною какъ сама смерть, Louise Mayer на плечѣ, услышала крикъ его: „morte ou vivante, tu seras à-moi!“—съ ней сдѣлался нервный припадокъ, и мать увезла ее безъ чувствъ изъ театра. Это былъ послѣдній актъ *выѣздовъ*

Мирры.—Ты видишь, мама, какая я негодная, объявила она,—будемъ дома сидѣть!...

И какъ хорошо было у нихъ *дома*, на Сергіевской, въ большомъ деревянномъ домѣ, въ которомъ устроились они на всемъ просторѣ деревенскихъ привычекъ! Свѣтло, уютно, широко, по поламъ бѣгутъ ковровыя дорожки, розаны на окнахъ и клѣтки съ канарейками, старинная штофная мебель чинно разставлена у стѣнъ... Придешь, бывало, вечеромъ:—въ обширной столовой за огромнымъ самоваромъ сидитъ желтозубая и полинялая Нѣмка Röschen, экономка Маргариты Павловны, а сама она, бочкомъ къ столу, быстро вяжетъ на длинныхъ спицахъ какой-то нескончаемый шарфъ, и въ то же время читаетъ черезъ плечо вслухъ французскій романъ, выпуская изъ него „негодяція страницы", какъ выражалась она. Мирра, на другомъ концѣ, опершись обоими локтями на столъ и уткнувъ въ ладони свою милую головку,—это была ея любимая поза,—слушаетъ безмолвно и недвижно... „Садитесь и молчите!" говоритъ она входящему, не подымая глазъ,—и ты садишься и слушаешь,—а хозяйка продолжаетъ читать, пока Röschen не зашипитъ вдругъ обиженнымъ и хриплымъ голосомъ: „ви верно желайтъ, штобъ шай совземъ простудился?" Мирра улыбнется, Маргарита Павловна, не дочитавъ страницы, поспѣшно захлопнетъ книгу и, словно вырвавшись на волю, затрещитъ звончѣе всѣхъ своихъ канареекъ о всякихъ городскихъ и придворныхъ новостяхъ, ближайшимъ источникомъ которыхъ служила ей одна старая фрейлина изъ Таврическаго дворца, сверстница и пріятельница ея. Заѣдутъ двѣ, три дамы, кое-кто изъ товарищей-кавалергардовъ, которыхъ я познакомилъ съ Оссовицкими,—всѣхъ чаще Гордонъ,—и такъ же часто, какъ я, то-есть почти каждый день, молодой и молчаливый малый, звали его Скобельцынымъ, сосѣдъ ихъ по Симбирску, проводившій также зиму въ Петербургѣ и „съ самаго дѣтства влюбленный безнадежно въ Мирру", шепнула мнѣ однажды замѣтно покровительствовавшая ему Маргарита Павловна; Мирра за то съ нимъ почти никогда не говорила... Соберется такимъ образомъ человѣкъ восемь, девять, весело зазвучатъ молодые голоса, Мирра

оживится, заалѣетъ... Гордонъ сядетъ къ фортепіано... Онъ былъ изъ тѣхъ прирожденныхъ, не умѣющихъ ноты прочесть, музыкантовъ, какихъ такъ много на Руси, игралъ со слуха и съ перваго раза все, что̀ ни услышитъ, и имѣлъ при этомъ какой-то необыкновенно мягкій, убаюкивавшій туше. Заиграется онъ, бывало, а Мирра вдругъ, оборвавъ на половинѣ разговоръ съ тѣмъ или другимъ, быстро подойдетъ къ инструменту, обопретъ голову на руки и слушаетъ, уставившись на игравшаго своимъ вдумчивымъ и неотступнымъ взглядомъ.

Что̀ говорилъ онъ въ тѣ минуты, о чемъ думала она,

То было-ль хладное презрѣнье
Души готовой отцвѣсти,
. . . . . .
Землѣ беззвучное прости—
Иль тайный отблескъ жизни прежней?

Не знаю, но и теперь, какъ живые, свѣтятся предо мною эти странные, фатидическіе глаза...

Вся эта, какъ выражаются теперь, „обстановка“, эта „деревня посередь самого Петербурга“, какъ говорилъ я себѣ тогда, нравилась мнѣ сначала лишь какъ контрастъ тому водовороту придворной и свѣтской жизни, въ который погруженъ я былъ до тѣхъ поръ по самое горло. Слушая невинное сплетничанье и полные безконечной любви разсказы румяной „кузины“ о дочери, покоясь взглядомъ на чистомъ, строгомъ обликѣ Мирры, я отдыхалъ отъ всѣхъ тѣхъ честолюбивыхъ и тщеславныхъ помышленій и разсчетовъ, которыми полна была моя голова, какъ полны были ими тогда, гораздо еще болѣе чѣмъ нынѣ, головы молодыхъ людей моего положенія. Инымъ, уже чуждымъ мнѣ, еще милымъ по старой памяти, но уже пережитымъ мною и смѣшнымъ, казалось мнѣ тогда, вѣяло въ этомъ деревянномъ домѣ съ его канарейками и ковровыми дорожками... Мы всѣ въ ту пору нѣсколько *печоринствовали*, и Лермонтовъ, скажу мимоходомъ, былъ прежде всего представитель тогдашняго поколѣнія *гвардейской молодежи*... Но *разочарованность*, или, вѣрнѣй, *безочарованность* моя—мнѣ шелъ двадцать восьмой годъ, а „*историческаго*“, то-есть „преходящаго“ *чувства*, какъ обозначалъ любовь по-

койный Константинъ Аксаковъ, я еще не испытывалъ,—начала мало-по-малу уступать чему-то другому, что̀ я на первыхъ порахъ самъ разобрать въ себѣ не могъ... Прежде всего стало мнѣ вдругъ досадно на Мирру за то, что она меня неизмѣнно называла „дядей“.—„Потому что ея кубышкѣ-матери вздумалось представить меня ей въ этомъ званіи, разсуждалъ я, такъ вѣдь это же не резонъ! И родства въ сущности между ею и мною нѣтъ никакого, и еслибы вздумалось мнѣ сдѣлать глупость, я бы могъ...“ И, наткнувшись разъ на такую мысль, эта *глупость* съ каждымъ днемъ уже все чаще лѣзла мнѣ въ голову,—и съ каждымъ днемъ все больнѣе становилось для меня сознаніе, что это была, дѣйствительно, *глупость!* Для Мирры я рѣшительно былъ ничѣмъ инымъ какъ *дядей*, я и чувствовалъ, что былъ имъ для нея безповоротно! А самого меня влекла къ ней какая-то неодолимая сила. Я... Но распространяться о моихъ чувствахъ считаю безполезнымъ; скажу коротко, что поступилъ я вторымъ нумеромъ, послѣ господина Скобельцына, въ число *безнадежныхъ* обожателей Мирры. И, какъ всѣ *безнадежные*, упорствовалъ, не отступалъ, и, упрятывая, насколько хватало силъ, несчастную страсть мою „въ глубь сердца“, сидѣлъ чуть не съ утра на Сергіевской, растравляя все сильнѣй мою рану и находя въ этомъ какую-то ѣдкую сладость...

И вотъ въ это самое время произошелъ у насъ разговоръ съ Гордономъ по поводу письма Натальи Андреевны... Я понялъ все: онъ радъ былъ, что мужъ увозитъ ее въ Римъ, что она не будетъ сюда, что онъ свободенъ... Онъ любилъ Мирру!...

За нѣсколько дней предъ этимъ мы возвращались съ нимъ ночью пѣшкомъ отъ Оссовицкихъ. Шли и молчали...

— А знаешь, вдругъ заговорилъ онъ,—что эта твоя племянница...

— Какая племянница! перебилъ я его досадливо: терпѣть я не могъ эти родственныя клички.

Онъ засмѣялся.

— Ну, какъ не племянница!.. Да все равно,—Мирра Петровна...

— Что̀ Мирра Петровна?

Онъ примолкъ опять, какъ бы собираясь съ мыслями...

— Она, словно самому себѣ проговорилъ онъ затѣмъ,— она какая-то неуловимая и неосязаемая... какъ сонъ... А кого увлечетъ она, увлечетъ до смерти!...

Я именно то же самое думалъ въ ту минуту. Но мнѣ стало досадно, что это думаетъ и говоритъ о ней другой.

— Она просто дѣвушка съ плохимъ здоровьемъ, сказалъ я громко,—нервна, и притомъ балована съ дѣтства...

— Нѣтъ, закачалъ головою Гордонъ,—она *не отъ міра сего!*... Читалъ ты *Серафиту* Бальзака?

— Нѣтъ, не читалъ...

— Ну, вотъ тамъ... Я тебѣ пришлю книгу, она у меня есть! заключилъ онъ, какъ-то обрывая вдругъ, и мы разошлись по своимъ квартирамъ.

И я тогда, въ ту же минуту, не догадался! Но я былъ такъ увѣренъ въ любви его къ *той*... И онъ не догадался, какъ видно: онъ бы такъ прямо не выдалъ себя *мнѣ* въ противномъ случаѣ! говорилъ я себѣ съ надрывающею тоской...

Я вспомнилъ еще:

Съ мѣсяцъ тому назадъ, Гордонъ просилъ меня велѣть вставить разбитое имъ какъ-то стекло на миніатюрномъ портретѣ Натальи Андреевны, который онъ носилъ съ первыхъ дней ихъ связи на груди, въ золотомъ медальонѣ, привѣшенномъ къ цѣпочкѣ креста. Надо было поручить это какому-нибудь темному ювелиру, который никакъ не могъ бы знать, кто изображенъ на портретѣ. Порученіе это я исполнилъ въ тотъ же день, но Гордона дома не было, когда я привезъ медальонъ обратно; я положилъ его къ себѣ въ столъ и забылъ о немъ. И вотъ уже цѣлый мѣсяцъ лежитъ онъ у меня въ столѣ, а онъ о немъ и не спрашиваетъ...

— Леонидъ, сказалъ я, выдвигая ящикъ,—а стекло давно вставлено.

Онъ остановился посреди комнаты и уставился на меня, какъ бы не понимая, о чемъ я говорю.

— Ахъ, да! воскликнулъ онъ наконецъ и слегка покрас-

нѣлъ,—взялъ медальонъ и, не кинувъ даже взгляда на него, поспѣшно сунулъ его въ карманъ рейтузъ.

— Бѣдная Наталья Андреевна, сказалъ я нарочно,—а какъ она тебя любитъ!

Онъ—ни слова! Прошелся еще раза два по комнатѣ, толкнулся къ двери и ушелъ къ себѣ.

Сомнѣнья для меня не оставалось. Точно ножомъ рѣзало меня по сердцу...

А Мирра,—Мирра что же? допрашивалъ я себя.

Тысячи мелочей, пропущенныхъ мною доселѣ безъ вниманія, воскресали въ моей памяти.

Во-первыхъ, ея туманные глаза, какъ будто потемнѣли за послѣднее время,—да, синѣе, глубже стали,—я это замѣтилъ недавно и пораженъ былъ этимъ, помню; въ ихъ зрачкахъ теперь переливались какія-то горячія струйки, что-то *разумѣющее* и счастливое будто сказывалось въ нихъ иной разъ... И улыбка стала иная,—не та, прежняя ея, словно отрѣшенная отъ всякой внутренней радости улыбка, которую тотъ же Гордонъ опредѣлилъ ей однажды, шутя, стариннымъ французскимъ выраженіемъ: rien ne m'est plus, plus ne m'est rien! „Не скажу никому, что у меня на душѣ“, казалось, говорила эта теперь чуть не лукавая улыбка. И съ этимъ словно воскресшимъ къ жизни взглядомъ, съ этими по-нову улыбавшимися устами, она уже глядѣла на Гордона, не подходила, какъ прежде, слушать его игру, опираясь обоими локтями на доску фортепіано и неотступно воззрясь ему въ лицо, когда онъ садился за инструментъ. Она теперь уходила подальше отъ него, въ темный уголъ залы, и, закрывъ глаза своею блѣдною рукой или уткнувшись въ кипсекъ, слушала его, недвижная какъ мраморъ... И рѣже она теперь говорила съ Гордономъ, но, когда это случалось, что-то неуловимое, смятенное и разнѣженное звучало въ ея голосѣ, что-то, что сама она словно старалась—и не могла—побороть...

Нѣтъ, и съ этой стороны у меня не могло оставаться сомнѣній!..

II.

Они любили другъ друга, и тайна ихъ весьма скоро не для одного меня перестала быть тайной. Сотоварищъ мой по несчастію, Скобельцынъ, все рѣже и рѣже сталъ появляться на Сергіевской. Röschen, до страсти привязанная къ Миррѣ, все чаще и чаще испускала придавленные вздохи, косясь на нее изъ-за самовара своими овечьими глазами. Маргарита Павловна все назойливѣе приставала ко мнѣ съ разспросами о Гордонѣ и съ какимъ-то полуперепуганнымъ, полуторжествующимъ лицомъ шептала мнѣ на ухо: „Что-жь, лучшей партіи, пожалуй, и не найти: онъ по всему Мирочкѣ пара, и я, конечно, если онъ ей нравится... А что, ты не знаешь, скоро онъ думаетъ сдѣлать предложеніе?..“

А онъ... Смущался-ли онъ своими отношеніями къ Натальѣ Андреевнѣ, или въ этихъ первыхъ аккордахъ молодой любви, въ этомъ еще не выговоренномъ, но уже неудержимо сказывавшемся чувствѣ онъ находилъ высшую сладость и боялся отравить ее малѣйшею примѣсью,—но онъ какъ бы все еще не рѣшался, медлилъ, видимо откладывая со дня на день минуту рѣшительнаго объясненія...

У насъ съ нимъ послѣ того разговора о Натальѣ Андреевнѣ какъ-то разомъ порвалось все прежнее. Онъ какъ бы видѣлъ во мнѣ живой упрекъ тому, что наполняло теперь его душу, и явно избѣгалъ меня. Мы уже видались только на службѣ и у Оссовицкихъ. Какъ это, увы, нерѣдко случается въ жизни, двадцатилѣтніе друзья, почти братья, между нами внезапно, безъ словъ, безъ объясненій, легла глубокая и—я это чувствовалъ,—уже непроходимая пропасть.

А время бѣжало между тѣмъ, перевалило и за Новый 1845 годъ. Рѣшительная минута для Сергіевской ожидалась Маргаритой Павловной съ едва уже скрываемымъ нетерпѣніемъ. Еще томительнѣе, можетъ-быть, ждалъ я. „Когда же, когда будетъ конецъ этому мученію? говорилъ я себѣ.—Скорѣе бы объявлены были они женихомъ и невѣстой,—и тогда прощай, Мирра, я удалюсь, перейду въ армію, въ глушь, гдѣ бы и имени твоего никто мнѣ напомнить не могъ!...“

Былъ ясный и морозный январскій день. Великій князь промучалъ насъ въ манежѣ пѣшимъ ученіемъ отъ восьми часовъ и до двѣнадцати. Я вернулся къ себѣ безъ ногъ, повалился на постель и заснулъ какъ убитый. Въ третьемъ часу будитъ меня мой Назарычъ:

— Маргарита Павловна прислала просить васъ, чтобъ сейчасъ пожаловали.

Я вскочилъ.

— Что такое?

— А кто-жь ихъ знаетъ, только просятъ, чтобъ скорѣе какъ можно.

Въ сѣняхъ у нихъ встрѣчаетъ меня она сама.

— Гдѣ Леонидъ Сергѣевичъ?

— Леонидъ... Не знаю!

— Ты его видѣлъ сегодня?

— Видѣлъ. Четыре часа вмѣстѣ въ манежѣ скорый шагъ продѣлывали.

— Онъ здоровъ?

— Здоровехонекъ!

— Ты слышишь, Миррочка? крикнула ей мать, увлекая меня въ гостиную, гдѣ сидѣла въ углу дивана Мирра съ побѣлѣвшими губами и своимъ прежнимъ, туманнымъ и упорнымъ, взглядомъ,—ты слышишь: Митя съ нимъ все утро скорымъ шагомъ ходилъ и говоритъ—здоровехонекъ!...

— Можетъ-быть, проговорила отчетливо Мирра, — только съ нимъ *несчастье!*

— Какое несчастье, Богъ съ тобою! начала было Маргарита Павловна, но, увидавъ входившаго въ эту минуту слугу,

которому, какъ оказалось, приказано было отъ меня зайти на квартиру къ Гордону:

— Ну что? кинулась она къ нему.

— Ихній человѣкъ, отвѣчалъ тотъ,—говоритъ, что Леонидъ Сергѣичъ, вернувшись изъ манежа, письмо получили и сейчасъ, какъ были въ мундирѣ, выбѣжали — на извощика и уѣхали.

— Куда—онъ не знаетъ?

— Говоритъ: въ Михайловскій дворецъ.

— А письмо откуда? поспѣшно встала съ дивана Мирра.

— А онъ говоритъ — изъ ихъ усадьбы, и что такъ надо полагать, ихъ тятенька оченно больны сдѣлались.

— Я знала! промолвила Мирра, въ какомъ-то изнеможеніи опускаясь снова на свое мѣсто.

— Больше ничего не узналъ? спросила опять посланца ея мать.

— Ничего-съ!

— Хорошо, ступай!... Вообрази, обернулась она ко мнѣ,— сидимъ мы эдакъ съ нею здѣсь, часъ тому назадъ, и очень весела она, даже запѣла какъ-то... Вдругъ схватилась рукой за грудь: съ Леонидомъ Сергѣичемъ, говоритъ, несчастье!... Это опять ея припадки пошли!—чуть слышно промолвила она мнѣ и пошла къ дочери.—Ну, и что-жь такое, Миррочка, старикъ его заболѣлъ. Ну, и даже если... всѣ подъ Богомъ ходимъ! Конечно, это для него большое огорченіе. Только убиваться изъ-за этого, Миррочка...

— Онъ уѣдетъ! прямо выговорила Мирра, не смущаясь моимъ присутствіемъ.—Вотъ онъ! тутъ же вскликнула она...

Я испуганно глянулъ на нее...

Дѣйствительно, черезъ мигъ въ передней раздался сильный ударъ звонка, и вслѣдъ за нимъ спѣшные шаги Гордона послышались въ залѣ. Это было поразительно!...

Маргарита Павловна побѣжала ему на встрѣчу.

— Что вашъ батюшка?

— Вы почемъ знаете? спросилъ онъ удивленно.

— Мы сейчасъ къ вамъ посылали... вашъ человѣкъ...

— Да, онъ очень боленъ, заговорилъ Гордонъ, не ожидая

дальнѣйшихъ объясненій,—онъ былъ блѣденъ и, видимо, глубоко взволнованъ, — ему 68 лѣтъ... и я одного лишь Бога молю, чтобъ его въ живыхъ застать!... Я сейчасъ отъ великаго князя: онъ такъ милостивъ былъ, курьерскую подорожную велѣлъ мнѣ выдать... Лошадей сейчасъ приведутъ... Я только заѣхалъ проститься, Маргарита Павловна, съ вами... и съ Мир...

Голосъ его дрогнулъ и замигали рѣсницы.

Мирра стояла вся блѣдная, не подымая глазъ, опершись рукою о круглый столъ подлѣ дивана. Я видѣлъ, какъ дрожала эта рука.

Гордонъ глядѣлъ на нее. Наступило на мигъ какое-то общее неловкое молчаніе.

Онъ обернулся ко мнѣ.

— Засѣкинъ, ты не откажешься присмотрѣть за моими людьми и *Баярдомъ?* Я не успѣлъ сдѣлать никакого распоряженія...

— Разумѣется, сказалъ я, — да возьми мою дубленку на дорогу: Крещенскіе морозы стоятъ на дворѣ.

— Спасибо. Я ни о чемъ объ этомъ не подумалъ, натянуто улыбнулся онъ. И глаза его опять направились въ сторону Мирры.—Это извѣстіе... и въ *такую* минуту... вырвалось и не досказалось у него надорванною, стенящею какою-то нотой.

Маргарита Павловна даже хныкнула.

— Полноте вы, полноте, голубчикъ вы мой! Авось, Богъ милостивъ, и батюшкѣ полегчаетъ, и сами вы къ намъ скоро вернетесь.

— А ѣхать, такъ и собираться пора, поспѣшилъ я сказать, глядя на все болѣе и болѣе блѣднѣвшую Мирру и предвидя, что она вотъ-вотъ и грохнется оземь.

— Пора, повторилъ онъ какъ бы безсознательно, — прощайте, Маргарита Павловна! Онъ подошелъ къ ней къ рукѣ.

— До свиданія, говорите: до свиданія! замахала она на это обѣими руками.

— Дѣйствительно такъ, промолвилъ какъ бы внезапно отвердѣвшимъ голосомъ Гордонъ,—до *свиданія!*

И быстро шагнулъ къ столу, за которымъ стояла Мирра.

— Что̀ бы ни было, Мирра Петровна, чрезъ мѣсяцъ, я надѣюсь, мы увидимся опять.

И онъ протянулъ ей руку.

Она дала ему свою, подняла голову и, потянувъ ее впередъ, медленно, все ближе и ближе вглядывалась въ его лицо. И вдругъ откинулась назадъ, отдернула руку и закрыла себѣ ею глаза.

— Никогда, никогда больше! вскрикнула она и зашаталась.

— Что̀ ты, что̀ ты! кинулась къ ней мать:—не слушайте ея, Леонидъ Сергѣевичъ, поѣзжайте себѣ съ Богомъ.

— Пойдемъ; съ нею нервный припадокъ...

Я схватилъ его подъ руку и утащилъ.

— Что̀ же это такое? растерянно глянулъ онъ на меня, когда мы очутились на улицѣ.

— А то, не могъ отказать я себѣ въ злобномъ удовольствіи сказать ему, — а то, что это еще посерьезнѣе Натальи Андреевны.

Онъ схватилъ себя за голову и чуть не опрометью побѣжалъ въ казармы. Почтовая тройка ждала тамъ на дворѣ. Чрезъ полчаса я усадилъ его въ кибитку, пожалъ ему руку,—ни ему, ни мнѣ не вздумалось при этомъ поцѣловаться по обычаю,—и вернулся на Сергіевскую узнать о здоровьи Мирры.

Она спала глубокимъ, „мертвымъ“ сномъ, сказала мнѣ ея мать, а заснула, только-что мы съ Гордономъ ушли отъ нихъ.

III.

На другой день я зашелъ къ нимъ часу въ седьмомъ послѣ обѣда. Мирра съ Röschen ушли къ вечернѣ въ приходъ. Маргарита Павловна разказала мнѣ, что дочь проспала восемнадцать часовъ сряду и проснулась утромъ бодрая и спокойная.

— Съ нею, говорила она, — всегда такъ бываетъ послѣ припадковъ (*кузина* продолжала называть „припадками“ эти странныя предвидѣнія, это double vue ея дочери,):—заснетъ мертвымъ сномъ и встанетъ какъ встрепанная.

Сама Мирра скоро вернулась изъ церкви. Она дѣйствительно казалась спокойною, ласково привѣтствовала меня и тотчасъ же сѣла за какое-то шитье. Пришелъ Скобельцынъ, очевидно какъ-нибудь уже прослышавшій объ отъѣздѣ *ривала*. „Что васъ такъ давно не видать было?“ улыбнулась она ему даже. Онъ весь вспыхнулъ отъ радости, подсѣвъ къ ней, и сталъ передавать какія-то новости изъ ихъ мѣстъ. Она слушала его, казалось, съ интересомъ, и улыбка нѣсколько разъ опять пробѣгала по ея губамъ. Вечеръ прошелъ въ тихихъ разговорахъ; о Гордонѣ не помянуто было ни единымъ словомъ, точно его никогда и на свѣтѣ не было...

Такъ прошла еще недѣля. Что происходило въ душѣ Мирры, сказать бы никто не могъ: она была ровна, ясна духомъ, ходила по утрамъ съ Röschen гулять въ пустынный Таврическій садъ, шила по вечерамъ, тихо и неторопливо, какъ прежде, вела бесѣду съ гостями. И бесѣды все были тѣ же, старыя, немудреныя бесѣды; только имени Гордона, будто по

какому-то тайному уговору, не произносилъ никто изъ насъ, да крышка фортепіано была спущена надъ клавіатурой и заперта на ключъ. Вздумалось мнѣ какъ-то сѣсть за инструментъ.

— А какъ бы отпереть? спросилъ я Мирру.

— Не надо, получилъ я въ отвѣтъ.

— Что не надо? переспросилъ я нѣсколько озадаченный.

— У меня голова болитъ, коротко промолвила она на это, а Маргарита Павловна, многозначительно поднявъ брови, уставилась на меня и замигала.

Вотъ-съ заворачиваю я однажды съ Воскресенской на Сергіевскую, гляжу—идетъ Мирра со своей Нѣмкой изъ Таврическаго. Я вылѣзъ изъ саней и пошелъ съ ними. Подходя къ ихъ дому, я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и зазвонилъ у крыльца. Вдругъ слышу взволнованный голосъ:

— Какая страшная!...

Оборачиваюсь. Мирра стоитъ вся блѣдная, какъ въ тотъ часъ прощанія съ Гордономъ, и неподвижными глазами глядитъ на только-что проѣхавшую карету. Изъ спущеннаго окна ея рисовался въ поворотѣ ракурсъ бархатной шляпки, выглядывавшей оттуда назадъ въ нашу сторону.

— Кто это? вскрикнулъ я.

— Не знаю, страшная, страшная... Эти глаза... Они жгутъ!..

Она вбѣжала въ отворившуюся тѣмъ временемъ дверь на крыльцѣ, не скидавая шубки и шляпы прошла въ гостиную и опустилась тамъ, будто подкошенная, въ кресло.

— Что еще такое? перепуганно вскрикнула Маргарита Павловна, спѣшно выбираясь изъ-за стола, на которомъ она въ отсутствіи дочери развлекала себя граппасьянсомъ.

Röschen поспѣшила объяснить, что она не понимаетъ, что сдѣлалось съ „Fräulein Миррочка“, что онѣ подходили къ крыльцу, и въ это время проѣхала дама въ каретѣ, и даже, показалось ей, очень красивая, „eine nette Dame“, и поглядѣла въ ихъ сторону, и что она, Röschen, не „видѣлъ, за что себя Миррочка такъ перепугалъ.“

— Господи! промолвила бѣдная кузина, подошла къ дочери и потихоньку накрыла рукой ея глаза.

Мирра сама прижала эту руку своими обѣими руками и затихла. Минуты черезъ двѣ она отвела ее, встала, обняла мать и, поцѣловавъ ее въ щеку, ушла къ себѣ въ сопровожденіи Röschen, не произнеся ни слова.

— Необыкновенная! тяжело вздохнула Маргарита Павловна, когда мы остались вдвоемъ.

— Послушайте, молвилъ я,—вѣдь это все дѣйствительно необыкновенно, и вы должны были бы серьезно посовѣтоваться объ этомъ съ докторами!

Она рукой махнула:

— И не говори! Хуже разстроится! Что я изъ-за этого промаялась съ нею за-границей!... Терпѣть ихъ не можетъ!... И всѣ-то они, сколькихъ я тамъ ни видала, все одно толкуютъ: дѣвичьи, говорятъ, немощи, — съ замужствомъ пройдетъ... Только все это не даромъ! встревоженно домолвила *кузина*.

— Вы про что говорите?

— Да вотъ это, сейчасъ... И *то*, намедни, съ Леонидъ Сергѣичемъ съ бѣднымъ—Маргарита Павловна заплакала,— я и думать даже не смѣю... А только знаю, не даромъ сказала она, что не увидятся они болѣе:—смерть-то отца своего она когда еще предсказала!...

Я вздрогнулъ невольно.

— Но она, замѣтилъ я,—она спокойна... Если она его... любитъ, какъ же это согласить съ той мыслью, что они болѣе не увидятся никогда?

— А ты думаешь, у нея есть теперь эта мысль? Она не помнитъ, я увѣрена! Она совсѣмъ не помнитъ иногда, что говоритъ въ своихъ припадкахъ... Тогда про отца вотъ то же было... У нея какая-то будто двойная жизнь; только перепутано это у нея все такъ, что иной разъ и не поймешь, гдѣ она *отъ себя*, а гдѣ *помимо* что-то дѣйствуетъ въ ней и говоритъ. Теперь вотъ, я знаю, она каждый день думаетъ о Леонидѣ Сергѣичѣ и дни считаетъ, когда ему вернуться. Значитъ, забыла, что говорило въ ней *то* тогда!... А вотъ теперь опять новое! Какіе-то опять „злые глаза“! И у кого-то мо-

гутъ быть „злые глаза“ на эту мою голубушку невинную! Заплакала *кузина* снова.

Въ эту минуту вошелъ слуга съ какой-то наскоро сложенною и незапечатанною запиской на серебряномъ подносѣ.

— Пришелъ вашъ человѣкъ, доложилъ онъ мнѣ,—говоритъ-съ, очень нужное!

Я развернулъ записку и тотчасъ же узналъ почеркъ. Она накидана была карандашомъ по-французски, не подписана и заключала въ себѣ двѣ строки:

„Я пріѣхала утромъ. Мнѣ необходимо васъ видѣть. Жду васъ весь день. У матушки, на Набережной“.

На моемъ лицѣ въ этотъ мигъ выразилось, должно-быть, что-то такое странное, что добрая *кузина*, забывая собственную тревогу, озабоченно вскликнула:

— Что съ тобой, Митя?

— Вы правы, отвѣчалъ я неудержимо,—все это „не даромъ“!

Она пристала ко мнѣ съ разспросами... Я успокоилъ ее, какъ могъ, и поспѣшилъ уйти.

Въ сѣняхъ ожидалъ меня мой человѣкъ.

— Кто принесъ эту записку? спросилъ я.

— Сами заѣзжали.

— Сейчасъ?

— Такъ точно. Вытребовали меня черезъ дежурнаго къ каретѣ и отдали. Сказывали, что съ вами сейчасъ встрѣтились на Сергіевской, и чтобъ вамъ немедленно отнести туда.

Эта бархатная шляпка, выглядывавшая изъ кареты, эти глаза, что „жгли“ бѣдную Мирру,—это была Наталья Андреевна...

IV.

Сани мои стояли у крыльца Оссовицкихъ. Я сѣлъ и помчался на Набережную.

Карета Натальи Андреевны заворачивала у крыльца большаго дома ея матери, когда я подъѣхалъ къ нему. Меня тотчасъ же приняли, или, вѣрнѣе, сама она выбѣжала на встрѣчу мнѣ на площадку лѣстницы во второмъ этажѣ.

— Arrivez, arrivez! услышалъ я снизу ея голосъ,—я только-что пріѣхала и—очень рада васъ видѣть!...

Голосъ былъ звонокъ и веселъ, въ виду, очевидно, швейцара и лакеевъ, стоявшихъ на лѣстницѣ. Я зналъ, что, когда останемся мы вдвоемъ, пойдетъ, что̀ говорится, другой разговоръ.

Я вошелъ съ нею въ маленькую, уютную гостиную ея бывшаго дѣвическаго аппартамента, оставшагося незанятымъ со времени ея замужства, и въ которомъ она остановилась теперь... Она пріѣхала одна; мужъ ея долженъ былъ или пріѣхать черезъ нѣсколько дней, или вовсе не пріѣхать,—это зависѣло отъ какихъ-то одному ему вѣдомыхъ обстоятельствъ,—и въ послѣднемъ случаѣ она должна была черезъ двѣ недѣли ѣхать обратно къ нему въ Вѣну, а оттуда съ нимъ вмѣстѣ въ Римъ...

Все это передала она мнѣ все тѣмъ же звонкимъ и веселымъ голосомъ въ теченіе коротенькаго путешествія съ лѣстницы по корридору, который велъ въ ея покои. Но лишь только дверь гостиной заперлась за нами, она указала мнѣ въ углу кресло, сѣла сама насупротивъ меня, и черные глаза ея мгновенно засверкали, какъ двѣ яркія звѣзды:

— Знаете-ли вы, что я съ ума схожу! начала она разомъ;—*онъ* писалъ мнѣ, чтобъ я не разрывала съ мужемъ. Я покорилась; я чуть не умерла тамъ съ тоски, но я ему повиновалась: я готова была ѣхать въ Римъ... Вдругъ получаю одно письмо... и въ тотъ же вечеръ выѣхала изъ Вѣны!... Мужъ не хотѣлъ меня пустить... Сцены у насъ были ужасныя! Но я сказала ему, что моя мать умираетъ, требуетъ меня къ себѣ... Лгала, выдумывала... Мы почти совсѣмъ разсорились, но я поставила на своемъ, послала за штулвагеномъ, и одна, съ горничной, нигдѣ не ночуя, на шестой день добралась до Петербурга. И для чего!—всплеснула она вдругъ отчаянно руками,—что̀ узнаю я здѣсь!... Это вѣрно, что *онъ* уѣхалъ? быстрымъ переходомъ въ тонѣ кинула она мнѣ этотъ вопросъ и подозрительно, почти злобно глянула мнѣ прямо въ глаза.

— Уѣхалъ еще на прошлой недѣлѣ, сказалъ я,—его отецъ умираетъ.

— Отецъ!...

Она поднялась въ волненіи съ мѣста, подошла къ столу, раскрыла и закрыла лежавшую на немъ какую-то книгу, опять сѣла, и сжавъ брови и дрожа губами:

— А вы, Засѣкинъ,—я васъ почитала за лучшаго моего друга,—скажите мнѣ прямо: какую роль играете вы во всемъ этомъ?

— Въ чемъ? вскликнулъ я, изумленный и, признаюсь, нѣсколько оскорбленный тономъ этого вопроса.

— Я все знаю, сказала она на это:—сестра моя Гагина писала мнѣ въ Вѣну,—писала entr'autres, что въ свѣтѣ удивляются, что вы съ Гордономъ совсѣмъ исчезли, и что говорятъ, будто вы съ нимъ заняты одной какою-то особой, une jeune personne de province, которую видѣли одинъ разъ у Красносельскихъ на балѣ, что она очень хороша собой, богата, и что вы тамъ проводите съ нимъ всю жизнь... И въ то же почти время *онъ* пишетъ мнѣ, чтобъ я покорилась, ѣхала въ Римъ... О, Боже мой!... Я пріѣхала сюда ночью, а утромъ, чуть свѣтъ,—сестра еще спала, я ее разбудила: она ничего не знаетъ, c'est la vertu même, mais

выдала себя ей, не понимаю!... Но я узнала, кто *она!* Фамилія ея Оссовицкая, у нея мать, живутъ на Сергіевской, и вы познакомили *его* съ нею. Кто такія эти Оссовицкія?

Маргарита Павловна Оссовицкая, проговорилъ я серьезнымъ тономъ и отчеканивая каждое слово,—двоюродная мнѣ сестра, дочь роднаго брата моей...

— Но вы, быстро перебила меня Наталья Андреевна,—вы можете жениться на *ней?*

— На Маргаритѣ Павловнѣ? спросилъ я, будто не понявъ:—она на пятнадцать лѣтъ меня старѣе...

— Не смѣйте смѣяться! топнула она ногой:—вы знаете, о комъ я говорю:—на *ней*, на дочери, вы могли бы жениться?...

— Могъ бы... еслибъ она захотѣла, проговорилъ я, стараясь скрыть подъ улыбкой то тоскливое чувство, которымъ опять при этой мысли залегло на сердцѣ...

— А! вскликнула молодая женщина, и губы ея задрожали: опять,—такъ *она* не хочетъ! Она любитъ другаго! *Его?..*

Я не отвѣчалъ.

— И *онъ* ее!..

Она схватилась за голову:

— Такъ это правда? О, я несчастная! Онъ ее любитъ? Отвѣчайте!... да отвѣчайте же, Христа ради!

— Онъ мнѣ не признавался въ этомъ, сказалъ я, избѣгая прямаго отвѣта.

— Да развѣ я не понимаю, не слышу изъ каждаго звука вашего голоса! Il ne m'aime plus!..

Слезы приливали у нея къ горлу...

— Я ее видѣла сейчасъ, эту вашу красавицу... Une pâlotte efflanquée, какіе-то вылинявшіе глаза... Гдѣ же его клятвы! Онъ говорилъ мнѣ сто разъ, что никогда не женится!.. О, проклятъ будь тотъ день, когда я уѣхала! Будь я тутъ, я бы не допустила!.. И къ чему вы его познакомили!.. Il est beaucoup plus beau que vous,—вы должны были предвидѣть, что она *его* полюбитъ, а не васъ!..

— Да, я долженъ былъ это предвидѣть! растерянно повторилъ я себѣ внутренно этотъ никакъ мною нежданный

чисто женскій упрекъ, и поднялъ на нее глаза, которые какъ-то невольно держалъ все время опущенными.

Это была женщина лѣтъ 28, во всемъ цвѣтѣ молодости, красоты и—страсти. Усталость отъ дороги и душевная тревога сказывались въ темныхъ полукружьяхъ подъ глазами, отъ которыхъ еще пронзительнѣе, еще ярче сверкалъ пламень ихъ золотистыхъ, изжелта-черныхъ зрачковъ. Подъ плотно охватывавшимъ ее бархатнымъ платьемъ ходила волной ея высокая грудь и вздрагивали пышныя плечи, „античною формой“ которыхъ любовался въ тѣ дни „весь Петербургъ“. Лихорадочный румянецъ то вспыхивалъ, то пропадалъ на ея матово-горячемъ лицѣ... Сравнивая ее съ собою, Мирра дѣйствительно должна была представляться ей ничѣмъ инымъ какъ „une pâlotte efflanquée“.

Она встала опять, обошла кругомъ комнаты точно львица въ клѣткѣ, глянула въ окно, вернулась снова въ свой уголъ... Губы ея сложились въ ѣдкую и высокомѣрную улыбку:

— Я не хочу! J'y laisserai ma réputation, но этого не будетъ! Клянусь вамъ въ этомъ всѣмъ, что̀ есть только святаго на свѣтѣ! Сама погибну, но не позволю... Онъ мнѣ клялся, онъ заставилъ меня забыть долгъ... все!.. Дѣтей у меня нѣтъ... некого любить! Забыть не для кого!.. *Онъ* все былъ для меня, вся моя жизнь! Я не отдамъ его... не отдамъ... не отдамъ! уже истерически, сквозь судорожно сжавшіеся зубы повторяла она...

И вдругъ, къ ужасу моему, съ громкимъ рыданіемъ она, какъ стояла, такъ и бухнулась къ моимъ ногамъ.

— Спасите меня, Засѣкинъ, вы можете,—не доводите меня до отчаянія, до скандала!.. Спасите самого его, онъ вамъ другъ... А если вы сами любите *ее*, тѣмъ болѣе это долгъ вашъ!..

— Бога ради, что̀ вы дѣлаете! упрашивалъ я ее, подымая и сажая въ кресло:—могутъ каждую минуту войти, услышать...

Я кинулся къ двери.

Въ сосѣдней комнатѣ, къ счастію, никого не было.

Я далъ ей выплакаться...

— Ну, а теперь, когда вы нѣсколько успокоились, скажите, чѣмъ я могу служить вамъ?

Она схватила меня за обѣ руки:

— Напишите ему... Нѣтъ, прервала она себя вдругъ,—я сама... Напишите мнѣ только его адресъ,—вотъ здѣсь, на столѣ, мой несессеръ...

— А вы, начала она, когда я кончилъ,—вы, мой другъ, дайте мнѣ сейчасъ честное слово, что исполните свято мою просьбу!

— Вы будете просить невозможнаго? сказалъ я.

— Нѣтъ, отвѣчала на это Наталья Андреевна; она успѣла уже совладать съ собою, и голосъ ея, повинуясь волѣ, звучалъ теперь ровно и отчетливо,—нѣтъ, и мнѣ даже вашего слова не нужно: то, о чемъ я буду просить, столько же въ вашемъ, сколько и въ моемъ интересѣ... Вы любите эту дѣвушку?

Я запнулся...

— Все равно, поспѣшила сказать она,—вы имъ родня, другъ... Во всякомъ случаѣ вы ей желаете добра?

— Ужь конечно! вскликнулъ я.

— Такъ вы скажите... предварите ихъ,—ея мать,—что есть женщина—вы даже можете назвать меня, я позволяю!—которая не допуститъ *его* жениться на ней, что онъ связанъ съ этою женщиной, и она не отдастъ его никому, ни за что!.. Скажите, что она на все готова, что она изъ-подъ вѣнца, еслибы до того дошло, вырветъ *его* у нея!.. Вы видите,—примолвила къ этому Наталья Андреевна,—что я говорю вамъ это теперь не въ горячкѣ, не въ безуміи, а совершенно спокойно. И вы, я знаю, передадите имъ то, что я прошу васъ имъ сказать, потому что вы у-вѣ-ре-ны,—протянула она,—что то, что я говорю, я исполню!..

Глаза ея заискрились снова, изъ-подъ заалѣвшихъ и раскрывшихся губъ блеснули бѣлые, маленькіе и острые зубы,—и все это вмѣстѣ представилось мнѣ въ ту минуту, улыбнулось какою-со безпощадною и хищною улыбкой.

— C'est Vénus toute entière à sa proie attachée!

Вспомнился мнѣ Расиновскій стихъ... Она не ошибалась:

я, дѣйствительно, былъ увѣренъ теперь, что она „готова на все“!..

— Скàжете? говорила мнѣ между тѣмъ Frau Venus. *)

Я утвердительно повелъ головою.

Она протянула мнѣ свою красивую руку:

— Mercì! Пока мужа нѣтъ, вы можете меня найти дома каждый день entre trois et quatre. Если онъ вздумаетъ пріѣхать, это будетъ труднѣе: le malheureux—она презрительно приподняла плечи,—продолжаетъ думать до сихъ поръ, что опасенъ для него *вы!*.. Вы можете тогда написать мнѣ: онъ писемъ моихъ не читаетъ.

Я взялъ каску и поднялся.

— Не сердитесь на меня слишкомъ, сказала мнѣ она прощаясь,—за все, что̀ могло вамъ показаться непріятнымъ въ нашемъ разговорѣ!

— И было бы изъ-за чего сердиться,—не сталъ бы! Вы дали мнѣ сегодня случай наткнуться на то, въ чемъ, я полагалъ до сихъ поръ, рѣшительно отказано нашимъ, русскимъ барынямъ. Вы—*характеръ*, Наталья Андреевна!

— Люблю! коротко отвѣчала она мнѣ на это, и двѣ крупныя слезы выкатились у нея изъ-подъ рѣсницъ...

Я *съ чувствомъ* поцѣловалъ у нея руку и вышелъ.

— А мнѣ, говорилъ я себѣ, спускаясь съ лѣстницы,—судьба—я тогда называлъ это *судьбою*,—назначила роль орудія къ осуществленію того, что̀ такъ странно предчувствовано было Миррой!..

Но, признаюсь вамъ теперь, роль этого орудія нисколько не претила мнѣ въ ту минуту. Предварить близкихъ, *родныхъ* мнѣ особъ о томъ, что̀ могло имъ угрожать, въ данномъ случаѣ было моимъ долгомъ,—было бы имъ даже и тогда, если-бы не былъ я такъ рѣшительно уполномоченъ предварить ихъ тою самою особой, отъ которой могла итти опасность. Совѣсть моя чиста, говорилъ я себѣ: самъ я не при чемъ, я *только орудіе*, и положеніе таково, что я могу объявить объ этомъ самому Гордону, и онъ не въ правѣ сѣтовать на меня

*) *Tannhäuser*, Heine.

за то... А между тѣмъ послѣ *этого* предвидѣніе Мирры окажется дѣйствительностью. Они не увидятся болѣе!.. А тамъ время... она можетъ забыть его... даже скоро забудетъ, когда узнаетъ объ этой его связи съ другою женщиной...

И новыя, безумныя надежды заискрились въ моей взбудораженной головѣ. За этими надеждами я не видѣлъ... я забывалъ все другое...

V.

Вечеромъ въ тотъ же день я отправился на Сергіевскую. Тамъ сидѣла фрейлина изъ Таврическаго, какія-то еще, невѣдомыя мнѣ, дамы, Скобельцынъ и привезенный имъ какой-то толстый Симбирякъ, страдавшій насморкомъ и трубившій по этому случаю носомъ въ свой огромный фуляръ точно въ охотничій рогъ... Шелъ оживленный разговоръ по поводу только-что сообщенной фрейлиною новости самаго свѣжаго изданія: въ высшихъ областяхъ петербургскаго свѣта наканунѣ объявлены были три свадьбы разомъ. Хотя, начиная съ самой вѣстовщицы, съ четверть уже вѣка забытой этимъ свѣтомъ, имѣвшія сочетаться пары знакомы были гостямъ Маргариты Павловны развѣ только по общеизвѣстнымъ ихъ фамиліямъ, всѣ онѣ судили и рядили о нихъ будто о самыхъ близкихъ себѣ людяхъ, выражали имъ сочувствіе или порицаніе и называли ихъ, со словъ точно также не видавшей ихъ въ глаза Таврической обитательницы, интимными ихъ уменьшительными, при чемъ, разумѣется, весьма затруднились бы отвѣтить, еслибы вздумали ихъ спросить, напримѣръ, кого слѣдуетъ разумѣть подъ *Мими:* Марью, Марѳу или Людмилу? а подъ *Лили:* Лизавету, Елену, или ту же Людмилу?...

Однѣ хозяйки не принимали участія въ этихъ интересныхъ преніяхъ: Мирра слушала, очевидно думая о чемъ-то другомъ; Маргарита Павловна, слегка выпятивъ губу впередъ, особенно усердно трудилась надъ своимъ шарфомъ, — она, какъ всякая добропорядочная мать, почитала in petto

такой разговоръ о чужихъ свадьбахъ чѣмъ-то въ родѣ личной непріятности...

Я также далеко не былъ расположенъ болтать. То, что имѣлъ я сообщить *кузинѣ*, не выходило у меня изъ головы, и сказывалось вѣроятно особенно озабоченнымъ выраженіемъ на моемъ лицѣ, потому что Мирра нѣсколько разъ, поднявъ голову, щурилась и пытливо взглядывала на меня, а ея мать, не отрываясь отъ своего шарфа, обращалась ко мнѣ съ пѣвучими возгласами: „Митя, кто тебя обидѣлъ сегодня?“ или „что притуманилась, зоренька ясная?“—вслѣдствіе чего даже одна изъ невѣдомыхъ мнѣ дамъ, что-то въ родѣ писательницы, сочла нужнымъ отпустить съ кисло-сладкою улыбкою:

— Такія звѣзды, какъ monsieur Засѣкинъ, не станутъ горѣть для немногихъ!

— А вы меня, сударыня, за уличный фонарь принимаете? отпустилъ я ей на это, въ свою очередь.

Она обидѣлась и уѣхала.

Къ одиннадцати часамъ поднялись и остальные...

Кузина, какъ только мы остались втроемъ, принялась меня бранить за „грубость“ де ея пріятельницѣ, которая мнѣ-молъ этого никогда не проститъ. Я отвѣчалъ ей, что пріятельница ея—дура, и что заботы у меня есть поважнѣе того, проститъ она мнѣ или не проститъ.

Хотя все это сказано было мною съ видомъ и тономъ шутки, но Мирра, какъ бы тотчасъ же почуявъ, что скрывалось за этимъ, кинула свое шитье на столъ и вышла изъ комнаты.

Я не медля приступилъ къ дѣлу:

— Не было у васъ послѣ меня съ *нею* (я кивнулъ на дверь, куда вышла Мирра,) разговора на счетъ сегодняшней встрѣчи?

— Дама въ каретѣ съ злыми глазами? быстро подхватила Маргарита Павловна. — Нѣтъ, Боже сохрани! И ты, Митя, смотри, ни слова съ ней объ этомъ!

— Будьте покойны!... Даму эту я знаю, заговорилъ я опять.

— Что ты! Она даже руками всплеснула.

— Да. Записка, которую я получилъ у васъ здѣсь, была отъ нея.

— Отъ этой самой...

Алчущее любопытство гораздо болѣе, чѣмъ тревога, изображались въ эту минуту въ растворенномъ ртѣ, въ выскакивавшихъ изъ подъ своихъ вѣкъ круглыхъ глазахъ *кузины*.

— Кто она такая? зашептала она, присосѣживаясь ко мнѣ плечомъ къ плечу.

— Этого вамъ, пожалуй, и знать не нужно, сказалъ я;— и для васъ, и для нея даже гораздо лучше, чтобъ это осталось тайной. Дѣло ни въ имени ея, ни въ фамиліи, а въ томъ, что дочь ваша со своею сверхъестественною чуткостью встревожилась не даромъ: женщина эта, если еще не совсѣмъ теперь... но можетъ быть дѣйствительно опаснымъ ей врагомъ!

— Врагомъ! Миррочкѣ, этому ангелу! За что? даже вся задрожала она, бѣдная.

— Пугаться заранѣе нечего, началъ я опять,—а вы меня выслушайте!

И я сообщилъ ей все, что уже вамъ извѣстно...

Она ахала и охала, принималась не разъ плакать, всплескивала руками, качала головой и перпендикулярно и горизонтально, хватала меня то за руки, то за плечо и кончила тѣмъ, что вскинулась на меня:

— Какъ же ты это, батюшка, *такого* ко мнѣ въ домъ ввелъ?

— Какого *такого?*

— Да этого *Англичанина* негоднаго! (Бѣдный Гордонъ, вчерашній „голубчикъ Леонидъ Сергѣичъ“!)...

— Чѣмъ онъ негодный?

— Да какъ же, съ чужой этто женой...

— Ахъ, Господи, не могъ не засмѣяться я, — вы такихъ и не встрѣчали никогда?

Кубышка моя сама не могла не улыбнуться:

— Конечно... холостое дѣло!... Такъ ты бы меня хоть предварилъ. Когда онъ Миррѣ сталъ аттенціи показывать... Шепнулъ бы мнѣ: берегитесь, молъ, у него вотъ такъ и такъ, связь, и онъ измѣнщикъ...

— Онъ не *измѣнщикъ!* сказалъ я,—онъ искренно увлекся Миррой и горячо ее даже любитъ, я увѣренъ, а съ той женщиной онъ думалъ покончить... Онъ надѣялся на разлуку, на отсутствіе ея...

— Такъ ты бы такъ мнѣ все это въ ту пору и сказалъ: я бы и Миррочку остерегла, и самому ему дала понять: не суйся, молъ, знаемъ!

— Съ какого права сталъ бы я вамъ это *въ ту пору* говорить? невольно улыбнулся я опять.

— Съ какого? очень удивилась она моему вопросу,—помилуйте, скажите, вѣдь ты мнѣ здѣсь родня ближайшій, матери-то наши родныя сестры были, я тебя съ дѣтства...

— Тутъ дѣло не въ родствѣ, а въ чести! перебилъ я ее:—что бы вы сказали, еслибъ я вдругъ вашу тайну, безъ вашего спроса, сталъ бы выдавать третьему лицу, въ виду того, что я этимъ могу послужить его пользѣ? То, что я вамъ сейчасъ сообщилъ, я не *выдалъ*, а *передалъ* вамъ потому, что мнѣ *поручено это вамъ передать*,—поймите эту разницу!

Бѣдная женщина опустила голову, тяжко вздохнула и принялась опять плакать.

— Да, сквозь эти слезы говорила она, — хорошо вамъ съ вашими *пуанъ д'онёрами* этими, а съ Миррочкой-то какъ мнѣ быть теперь?... Она у меня съ полуслова пойметъ, знаю, — да полуслово-то это какъ выговорить матери, когда это ровно что ножомъ ее рѣзать!...

Я молчалъ... Мнѣ было и жутко, и больно... и опять вдали мерцавшія *надежды*...

— А она... *та-то*... очень она любитъ его? заговорила снова *кузина*.

— Вы можете сами разсудить изъ того, что я передалъ вамъ...

— Да, бѣдовая, видно, закачала она своею *простоволосою* головой:—а мужъ у нея старый?

— Не старый еще.

— А сама она belle femme, очень?

— Красавица!

— Брюнетка или блондинка?

— Рыжая!

— Неправда, прервала она,—я спрашивала Röschen, говоритъ: eine hübsche Brunette!

— Ну и прекрасно, воскликнулъ я нетерпѣливо,—только вы ничего болѣе отъ меня не узнаете, и не для чего вамъ меня и спрашивать! Не о ея наружности, а о томъ, чего можете вы ожидать отъ нея, слѣдуетъ вамъ думать!

Маргарита Павловна вдругъ гордо подняла голову.

— Нечего намъ отъ нея ждать, а ей безпокоиться! Чужихъ любовниковъ дочь моя ни у кого отымать не станетъ! промолвила она, покраснѣвъ отъ волненія: — такъ ты ей и скажи!...

— Хорошо, скажу!...

— Такъ и скажи! повторила она, утвердительно и самодовольно кивая...

Я простился съ нею и вышелъ...

Проходя залу, слышу вдругъ голосъ Мирры:

— Дмитрій Ивановичъ!

Въ первый еще разъ называла она меня такъ,—это удивило меня...

Я обернулся.

Она стояла спиною къ окну, полузакрытая тяжелою штофною занавѣсью, и глядѣла оттуда на меня какъ изъ рамки...

— Вы говорили съ мамой про ту женщину, что утромъ?...

— Говорилъ, сказалъ я, помолчавъ. Подслушивать не въ ея характерѣ: она догадалась! разсудилъ я мысленно.

— И... про... про Леонида Сергѣича? договорила она.

— Дда... и про него, отвѣчалъ я, смутясь невольно.

Она примолкла, опустила голову; что-то въ родѣ усмѣшки пробѣжало по ея лицу... Безъ словъ отдѣлилась она отъ окна, прошла мимо меня къ фортепіано, на которомъ лежала кипа ея нотъ, достала изъ-подъ нихъ ключикъ и, протягивая его мнѣ:

— Вы хотѣли играть въ тотъ разъ... Вотъ вамъ!...

Я недоумѣло шагнулъ къ ней...

— Садитесь, сыграйте! почти повелительно промолвила Мирра.

Я машинально откинулъ крышку...

— Что-нибудь веселое! сказала она.

— Веселое? повторилъ я съ тѣмъ же недоумѣніемъ.

— А то какъ же? отвѣчала она съ улыбкой, странное выраженіе которой заставило меня безсознательно опустить глаза.

Я заигралъ какую-то модную тогда польку. Мирра облокотилась на доску инструмента и стала слушать...

— Миррочка, ты это играешь? послышался тутъ же изъ гостиной удивленный голосъ Маргариты Павловны, раскладывавшей тамъ граншасьянсъ на сонъ грядущій.

— Нѣтъ, это Дмитрій Иванычъ *пошпшается*, крикнула на это Мирра въ отвѣтъ.

Я продолжалъ играть, смутно чувствуя въ то же время, что въ этомъ было что-то подневольное, глупое и оскорбительное для меня... Но еще глупѣе было бы отказываться, еще оскорбительнѣе признать въ этомъ оскорбленіе...

Я едва былъ въ состояніи докончить. Руки мои въ какомъ-то изнеможеніи скользнули съ клавишей на мои колѣни.

— Ну вотъ вы теперь и довольны! медленно и отчетливо выговорила Мирра.

Я вскинулся на нее опущеннымъ до этой минуты взглядомъ... На ея лицѣ, въ туманныхъ глазахъ, въ этой снова бродившей по блѣднымъ устамъ ея улыбкѣ я прочелъ теперь явственно упрекъ, исполненный такой тоски, горечи и презрѣнія ко мнѣ, что меня ожгло будто горячимъ желѣзомъ. „Ты погубилъ мое счастіе изъ личнаго, жалкаго разсчета!“ говорилъ мнѣ теперь весь этотъ стройный, печальный и безпощадный обликъ...

Я хотѣлъ что-то сказать, объяснить... Но Мирра уже вышла изъ комнаты.

Я кинулся вонъ какъ безумный. Пробѣжавъ мимо храпѣвшаго въ сѣняхъ слуги, забывъ тамъ шинель и калоши, я откинулъ болтъ входной двери и очутился на улицѣ.

Тамъ выла злая январская вьюга. Крупныя мерзлыя хлопья били меня по лицу, попадали за воротникъ, лѣзли подъ обшлага моего тонкаго сюртука. Я бѣжалъ домой, погружая въ навалившія груды снѣга мои лакированные сапоги съ ка-

кимъ-то наслажденіемъ. Въ этомъ пронзающемъ ощущеніи холода и влаги я искалъ отвлеченія отъ того чего-то невыразимо мучительнаго, что̀ будто пудовикомъ гнело мою голову и сверлило какъ буравъ сквозь черепъ въ мозгу...

„Да, веселись теперь, будь доволенъ, проносилось у меня тамъ, — жалкій, презрѣнный себялюбецъ! Твоя *совѣсть чиста*, ты *не выдалъ*, ты *передалъ*. Нелѣпыя угрозы обезумѣвшей женщины ты нашелъ выгоднымъ для себя принять за нѣчто дѣйствительно осуществимое и грозное и обратить себя въ *орудіе*... Противъ *кого? Въ чье* орудіе? Ты преклонялся предъ тѣмъ *характеромъ*, а въ этой нѣжной молодой жизни не подозрѣвалъ ни устойчивости, ни глубины... Ты могъ, ты долженъ былъ оградить, спасти эту молодую, дорогую для тебя жизнь; но изо всѣхъ предстоявшихъ тебѣ путей ты избралъ тотъ, въ концѣ котораго, вмѣсто одной, являются три жертвы... Предъ тобой впереди горѣли какія-то надежды... Вотъ онѣ, надежды твои: ненависть ея и презрѣніе!...“

Я насилу дотащился до своей квартиры. Ознобъ пронималъ меня всего насквозь. Словно клещи какого-то исполинскаго рака сжимали и рѣзали мнѣ голову. Огонь вынесенной мнѣ навстрѣчу старымъ моимъ Назарычемъ свѣчи ударилъ мнѣ въ глаза будто двумя острыми какъ шило и нестерпимо палившими лучами... Я вскрикнулъ отъ боли и покатился навзничь безъ чувствъ...

VI.

Очнулся я недѣли черезъ три; оказалось, что я въ ту ночь страшнѣйшимъ образомъ распростудился, и сдѣлалось со мною то, что̀ тогда называли бѣлою горячкой, а теперь чуть-ли не брюшнымъ тифомъ зовутъ, и что я даже одно время былъ очень опасенъ...

Очнулся я, и первое, помню, что̀ сознательно представилось моему зрѣнію, была какая-то женская фигура, сидѣвшая на стулѣ у ногъ моей постели и которую слабо освѣщалъ свѣтъ чего-то, свѣчи или лампы, стоящаго за мною. Помню, что фигура эта мнѣ что-то или кого-то напомнила, и что ощущеніе этого темнаго вспоминанія было непріятное, потому что я закрылъ глаза и не хотѣлъ уже открывать ихъ, пока и на самомъ дѣлѣ не уснулъ крѣпкимъ, какъ узналъ я впослѣдствіи, спасительнымъ сномъ.

Уже нѣсколько времени спустя, когда я вступилъ въ періодъ настоящаго выздоровленія, я узналъ эту женщину.

Это была Röschen, Нѣмка Маргариты Павловны, которую добрая *кузина* оставила ходить за мною, по случаю отъѣзда своего въ Москву.

Еще позднѣе, Röschen рѣшилась сообщить мнѣ, какъ „плакалъ бѣдный Маргаретъ Пауловна“, оставляя меня, и для чего она уѣхала въ Москву.

Уѣхала она потому, что Мирра выходила замужъ—за Скобельцына!...

Она сама этого захотѣла, сама предложила это Скобельцыну, предполагала Нѣмка, — потому что самъ онъ никогда бы не рѣшился, „er hätte sich niemals entschieden!...“

— Не знаю, что было между ними сказано, передавала она мнѣ,—только разъ вечеромъ, когда Маргарита Павловна вернулась отъ васъ,—это было дня черезъ четыре послѣ того, какъ вы заболѣли, и она почти цѣлый день, die gute, gute Frau von Ossovitski, сидѣла у васъ, — Скобельцынъ und nu war er glücklich wie ein Taübchen, какъ голубокъ счастливый,—сталъ просить у нея руки Fraülein Миррочки. „Маргаретъ Пауловна очень перепугалъ себя“, но Мирра объявила, что и она этого желаетъ, и проситъ только, чтобъ онѣ сейчасъ же, сейчасъ собрались въ Москву, и чтобы тамъ была свадьба, и до поста, настаивали они оба со Скобельцынымъ... Маргаритѣ Павловнѣ очень этого не хотѣлось, очень не хотѣлось особенно оставить своего Vetterchen, sein Mitia (то-есть меня, своего „Митю“), положеніе котораго внушало ей въ то время самыя серьезныя опасенія. Но Мирра завѣрила ее, что опасаться нечего и что вы будете здоровы, и Frau von Ossovitski ей повѣрила, „потому Fraülein Миррочка всегда напередъ можетъ угадайть“,—говорила Röschen какъ о чемъ-то совершенно простомъ и естественномъ, — и согласилась. И онѣ очень скоро, и съ женихомъ, отправились въ Москву, а меня оставили ходить за вами, пока доктора не скажутъ, что вы внѣ опасности и я вамъ больше не нужна... И вотъ я за вами ходила, какъ умѣла, можете den Herrn Doktor спросить, и вы, слава Богу, совсѣмъ, совсѣмъ выздоравливаете, и я—Röschen при этомъ скорчила препротивную заискивающую рожу,—я теперь очень бы желала скорѣе ѣхать въ Москву, потому безъ меня Frau von Ossovitski навѣрно забудетъ, что въ приданомъ Fraülein Миррочки цѣлая дюжина сорочекъ еще не помѣчена ея вензелемъ...

Я тутъ же отпустилъ ее, далъ денегъ, велѣлъ благодарить *кузину*, и она, тоже счастливая „wie ein Täubchen“, отправилась немедля во-свояси.

Я широко вздохнулъ съ ея отъѣздомъ. Непріятное впечатлѣніе, которое присутствіе ея у моей постели произвело на меня въ первую минуту воскресавшаго сознанія, переходило въ этомъ фазисѣ моего выздоровленія въ чувство близкое къ отвращенію. То, что она разсказывала, раздражало меня, какъ

что-то назойливое, томительное и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы совсѣмъ чуждое, далекое, до чего уже мнѣ не было никакого дѣла. Странная перемѣна совершалась со мною: новая приливавшая въ организмъ мой волна жизни какъ бы несла съ собой отрѣшеніе отъ всѣхъ узъ, заботъ и связей прошлаго. Прежнее, недавнее, то, что еще три недѣли назадъ такъ всецѣло наполняло, волновало и терзало мою душу, было словно все забыто въ страданіяхъ и бреду моей болѣзни. Съ тѣхъ поръ словно прошли года, и все это представлялось мнѣ чѣмъ-то въ родѣ когда-то читанной, но на половину уже истертой надписи... А то, что еще хранилось въ моей памяти, эта блѣднолицая, непонятная, фантастическая Мирра, представлялось мнѣ чѣмъ-то жуткимъ, мрачнымъ, чуть не страшнымъ,— именно *страшнымъ*, на чемъ менѣе всего хотѣлось мнѣ останавливать, удерживать мысль...

— Я ищу свободы и покоя,
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть...

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы,
Я бъ желалъ навѣки такъ заснуть,—
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы, и пр.

повторялъ я себѣ въ то время, помню, съ какимъ-то запоемъ эти стихи Лермонтова въ тѣ рѣдкія минуты, когда полковые товарищи, усердно, слишкомъ усердно выражавшіе своими посѣщеніями участіе свое ко мнѣ, оставляли меня одного...

— Vous faites peau neuve, mon cher, comme les coleoptères *)! смѣялся остроумнѣйшій изъ нихъ, ротмистръ Булдаковъ, подмѣтивъ во мнѣ такую „перемѣну декораціи“.— Ты изъ *субъективнаго* россійскаго эскадроннаго командира въ *объективнаго* нѣмецкаго мотылька обращаешься, и изъ кавалергадской конюшни летишь прямо in's Blau, въ самую глубь лазури!...

Онъ былъ правъ въ томъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ, что конюшня, фронтъ и все мое недавнее кавалергардское честолюбіе начинали мнѣ тогда представляться чѣмъ-то не менѣе противнымъ, чѣмъ сама Röschen и К°.

*) Извѣстный классъ насѣкомыхъ.

Тотъ же Булдаковъ въ одно прекрасное утро объявилъ мнѣ, что Гордонъ вернулся изъ отпуска и, узнавъ, что я боленъ, просилъ узнать: можетъ-ли онъ посѣтить меня?

— Гордонъ? сказалось у меня внутренно при звукѣ этого имени:—это опять *то!*...

Булдаковъ, не дождавшись отъ меня съ перваго раза отвѣта, повторилъ о своемъ порученіи.

— Кто же ему мѣшаетъ? сказалъ я.

— Это уже ваше дѣло разбирать! засмѣялся онъ.—Пробѣгала между вами кошка, или нѣтъ, и какого она цвѣта, я не знаю, а только онъ хотѣлъ знать предварительно: будетъ-ли тебѣ пріятно его посѣщеніе?

— Никакой кошки между нами я не знаю, отвѣчалъ я, невольно морщась,—и пусть онъ приходитъ, когда ему вздумается!...

Онъ пришелъ на другой же день. Онъ казался такъ же худъ и блѣденъ, какъ и я самъ, и слѣды сраданія явно читались на его впаломъ и пожелтѣвшемъ лицѣ.

— Какъ *она* насъ обоихъ!... какъ бы не смѣлъ договорить я себѣ.

— Ты также... боленъ былъ? промолвилъ я съ нѣкоторымъ усиліемъ.

— Да... я тамъ такъ измучился, глядя на его мученія... Это было ужасно!... Цѣлую недѣлю продолжалась его агонія...

Онъ продолжалъ говорить о скончавшемся отцѣ, о раздѣлѣ съ братьями, о своихъ дѣлахъ. О *томъ* ни слова, ни намека... Я слушалъ его равнодушно...

— Я оставляю полкъ! вдругъ сказалъ Гордонъ послѣ довольно долгаго перерыва, какъ-то мелькомъ скользнувъ взглядомъ по мнѣ: онъ съ самаго прихода, я замѣтилъ, какъ бы избѣгалъ моихъ глазъ.

— Да?... И какое мнѣ до этого дѣло! думалъ я.

— Да! подтвердилъ онъ:—графъ Воронцовъ—они старые друзья съ моимъ покойнымъ отцомъ были,—намѣстникъ Кавказскій, беретъ меня въ адъютанты. Завтра приказъ выйдетъ... И я ѣду чрезъ два дня. Тамъ на весну готовится большая экспедиція...

— Поздравляю: полковникомъ вернешься! сказалъ я на это, чтобы сказать что-нибудь...

— Если лобъ не прошибетъ пуля! засмѣялся онъ неестественнымъ смѣхомъ и, поднявшись съ мѣста, заходилъ по комнатѣ, по старой своей привычкѣ, откинувъ полы сюртука и глубоко запустивъ руки въ карманы рейтузъ.

— А *Серафиту* ты и не успѣлъ прочесть? спросилъ онъ все также, показалось мнѣ, неестественно улыбаясь, остановившись предъ столомъ, на которомъ, нетронутая, лежала его книга.

— Вотъ оно сейчасъ начнется! кольнуло меня опять *то* назойливое ощущеніе...

— Нѣтъ, сказалъ я громко,—и не прочту! Возьми ее назадъ!...

Онъ стоялъ, руки въ карманахъ, низко опустивъ голову и задумавшись надъ этою книгой...

— Нѣтъ, тихо и медленно проговорилъ онъ по долгомъ молчаніи,—я не возьму. А ты окажи мнѣ услугу, отошли ее... *по адресу*... Въ память того... что было, ужь чуть внятно досказалъ онъ.—Можешь? сказалъ Гордонъ, помолчавъ опять.

— Хорошо, проговорилъ я также тихо.

Онъ прошелся еще раза два по комнатѣ, подошелъ ко мнѣ:

— Ну, прощай, Засѣкинъ. Если успѣю, забѣгу еще проститься..: Дѣла предъ отъѣздомъ конца нѣтъ... А не буду, не взыщи!

Онъ наклонился, какъ-то торопливо поцѣловалъ меня въ щеку и быстро пошелъ къ дверямъ.

— Если ты, остановился онъ тамъ неожиданно,—если ты въ чемъ-нибудь... виноватъ предо мною,—голосъ его дрогнулъ,—суди тебя Богъ и твоя совѣсть. Я... я тебя прощаю, Засѣкинъ...

И онъ исчезъ.

Я тупо поглядѣлъ ему вслѣдъ. Слова его въ ту минуту не представляли для меня значенія. Я былъ только радъ тому, что онъ ушелъ, и что о *томъ*, чемъ-то темномъ и мучительномъ, никто уже болѣе не заведетъ со мною рѣчи.

VII.

Гордонъ не заходилъ болѣе ко мнѣ. Онъ уѣхалъ, какъ говорилъ, черезъ два дня, послѣ шумнаго и веселаго обѣда, даннаго ему товарищами, которые очень его любили и провожали всѣмъ полкомъ на тройкахъ до *Четырехъ Рукъ* *). Заѣхавшій оттуда ко мнѣ Булдаковъ, — блестящее и неосторожное часто остроуміе котораго должно было, по собственному его сознанію, служить вѣчно помѣхою для его карьеры,—откровенно и добродушно завидовалъ блестящей судьбѣ, которая ожидала уѣхавшаго пріятеля, при расположеніи къ нему такого начальника, какимъ извѣстенъ былъ графъ Воронцовъ, и безконечныхъ случаяхъ отличиться, какіе представляла тогдашняя боевая служба на Кавказѣ.

— По женской части, перечислялъ онъ,—тамъ, по правдѣ сказать, должно-быть слабо: въ „красу Черкешенокъ младыхъ" я вѣрю мало, cela doit être sale et mal peigné... И это къ его же явной выгодѣ служитъ, потому что здѣсь l'amour des femmes непремѣнно, рано или поздно, сломила бы Гордону шею, какъ мнѣ мой языкъ... А затѣмъ, вообрази же себѣ: южное небо, горы, походъ... и кахетинское вино! Еще-ли не счастіе человѣку! Только самъ-то онъ будто плохо, я замѣтилъ, вѣритъ этому счастію. Отъ избытка радости, или отъ предчувствія? примолвилъ Булдаковъ, какъ бы ожидая отъ меня отвѣта,—и, не дождаашись его,—вѣдь судьба—индѣйка, говорилъ еще *Аристотъ*, греческій мудрецъ...

— Аристотъ учо-о-о-ный...

---

*) Первая тогда перекладка на Московскомъ шоссе.

началъ было онъ, но тутъ же, вспомнивъ слова, сложенныя на тотъ же мотивъ однимъ его однофамильцемъ, извѣстнымъ тогда во всемъ Петербургѣ повѣсою, запѣлъ:

При сниманьи фра-а-а-аковъ,
Ночью въ три часа,
Офицеръ Булда-а-а-а-аааааковъ
Тянетъ хереса, тянетъ хе-ре-са...

— А я готовъ пари держать, неожиданно серьезно закончилъ онъ, пытливо глядя мнѣ въ лицо, — что и въ болѣзни твоей, и въ томъ, что Гордонъ перешелъ на Кавказъ, во всемъ этомъ главную роль играютъ божественныя плечи *** (онъ назвалъ по фамиліи Наталью Андреевну); она васъ обоихъ съ ума *свела*, она же и *развела!*...

— Она за границей должно-быть! пожалъ я на это плечами.

— Теперь, но была здѣсь! вскликнулъ Булдаковъ,—и ты предъ самой болѣзнью былъ у нея,—мнѣ говорила сестра ея, Гагина,—и она въ первые дни каждый день посылала узнавать о твоемъ положеніи... А потомъ пріѣхалъ Гордонъ, и они видѣлись,—это я опять навѣрное знаю,—и затѣмъ она вдругъ собралась и уѣхала... Уѣхала даже вся больная, это все ея семейство говоритъ... Не знаю, что̀ тутъ между вами тремя произошло, но что какая-то драма была, въ этомъ я ни на минуту не сомнѣваюсь!...

Я не отвѣчалъ ему. А произошло со мной то, что Петербургъ служба и все, что̀ окружало меня, становилось для меня съ каждымъ днемъ невыносимѣе. Пользуясь законнымъ поводомъ моей болѣзни и всякихъ грозныхъ послѣдствій ея, услужливо исчисленныхъ въ свидѣтельствѣ, которое выдалъ мнѣ пріятель, полковой докторъ, я подалъ въ отставку. Но главнокомандующій нашъ, великій князь, — хоть я далеко не принадлежалъ къ числу его любимцевъ,—не захотѣлъ выпустить меня изъ полка и вмѣсто отставки велѣлъ отчислить въ безсрочный отпускъ, „въ имѣніе и за границу, до излѣченія болѣзни“, сказано было въ приказѣ.

Съ первыми весенними днями я отплылъ въ чужіе края на Любекскомъ пароходѣ...

Недѣли за двѣ до отъѣзда я получилъ письмо отъ Маргариты Павловны Оссовицкой. Оно было третье счетомъ, — на два первыя я не отвѣчалъ. Это третье письмо было гораздо холоднѣе предыдущихъ: *кузина* почти офиціальнымъ тономъ извѣщала меня, что дочь ея Мирра нѣсколько дней назадъ сочеталась бракомъ съ Евстигнеемъ Степановичемъ,—Скобельцынъ, увы, назывался *Евстигнеемъ!* — что она совершенно счастлива, велитъ мнѣ кланяться и пожелать добраго пути, такъ какъ онѣ узнали, что я отпущенъ и ѣду на дняхъ за границу, а сами онѣ тоже на дняхъ отправляются на цѣлый годъ въ Симбирскую деревню.

Я отвѣчалъ на это насколько могъ любезнѣе, благодарилъ за ихъ „дорогую мнѣ всегда память“, посылалъ имъ въ свою очередь всякія „сердечныя пожеланія и искреннія поздравленія“, а въ концѣ письма говорилъ, что общій нашъ знакомый „Леонидъ Сергѣевичъ Гордонъ, предъ отъѣздомъ своимъ на Кавказъ, поручилъ мнѣ передать—если на то будетъ ея, Маргариты Павловны, дозволеніе, прибавилъ я отъ себя,—дочери ея, Миррѣ Петровнѣ, прилагаемую при семъ книгу, въ воспоминаніе добрыхъ вечеровъ, проведенныхъ нами прошлою зимой у нихъ, на Сергіевской.“

Серафита, переплетенная, по моему распоряженію, въ изящный, малиноваго цвѣта сафьянный переплетъ, отправлена была съ письмомъ въ тотъ же день въ Москву, по извѣстному мнѣ адресу *кузины*.

Переписка наша съ нею на томъ и покончилась.

Я былъ въ Баденѣ и игралъ въ рулетку,—это было въ іюлѣ мѣсяцѣ,—когда кто-то изъ соотечественниковъ, подойдя ко мнѣ, сообщилъ мнѣ съ таинственнымъ видомъ, и по-русски, что онъ получилъ только-что изъ Петербурга письмо, содержащее въ себѣ „не совсѣмъ веселыя извѣстія о нашихъ кавказскихъ дѣлахъ“.

Я тотчасъ же пошелъ за нимъ, хотя мнѣ везло, и нумеръ 16-й, на который я все время ставилъ, только-что вышелъ два раза кряду...

Письмо извѣщало о походѣ графа Воронцова въ Дарго, о трудномъ дѣлѣ въ Ичкеринскомъ лѣсу, на возвратномъ пу-

ти, о смерти генерала Пассека и почти совершенномъ „избіеніи“ его отряда въ такъ-называемой *сухарной экспедиціи* и проч. Много знакомыхъ, говорятъ, добавлялъ писавшій, убито въ этихъ дѣлахъ, но онъ еще не успѣлъ узнать ихъ имена...

А чрезъ нѣсколько дней, русскія дамы въ Баденѣ не встрѣчались иначе какъ съ громкимъ оханьемъ и возгласами:

— Vous savez la nouvelle, — ce pauvre Gordon! Quel malheur!... il était si bien!... Et comme il polkait, ma chère!... Tué raide... à vingt sept ans,—c'est affreux!... Vous venez à la musique ce soir?...

Гордонъ былъ убитъ пулею въ грудь навылетъ, въ трехъ шагахъ отъ Пассека, къ которому былъ посланъ съ приказаніями отъ главнокомандующаго.

Въ то же почти время во всѣхъ газетахъ можно было прочесть, что мужъ Натальи Андреевны назначенъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при одномъ изъ итальянскихъ дворовъ...

VIII.

Зимою я вернулся въ Петербургъ. Несмотря на лѣченіе за-границей и хотя, въ сущности, самъ чувствовалъ себя довольно здоровымъ, но по наружности *выглядѣлъ* я, какъ говорятъ василеостровскіе Нѣмцы, еще довольно плохо. Благодаря этому счастливому обстоятельству, попечительное начальство сжалилось надо мною и отпустило меня наконецъ *въ чистую*. Я надѣлъ фракъ, радуясь моей свободѣ, и, по правдѣ сказать, не зная самъ, что̀ мнѣ дѣлать съ нею...

На душѣ у меня былъ тотъ же холодъ, то же равнодушіе, къ которымъ я взывалъ годъ тому назадъ стихами Лермонтова. Я достигъ ихъ: прошлое было окончательно отбыто. „Въ груди дышали жизни силы“, я обрѣлъ искомые „свободу и покой...“ А за тѣмъ же что̀? спрашивалъ я себя—и не находилъ отвѣта.

Я много читалъ, читалъ, какъ со временъ Онѣгина *) и понынѣ читаютъ всѣ такъ-называемые *образованные люди* на Руси, безъ подготовки, безъ плана и безъ послѣдовательности,—хватаясь за все, что̀ только выходило *новаго и серьезнаго*, и извлекая изъ этого гораздо болѣе сумбура въ головѣ, чѣмъ

*) Сталъ вновь читать онъ безъ разбора:
Прочелъ онъ Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шанфора,
Madame de Staël, Биша, Тиссо,
Прочелъ скептическаго Беля,
Прочелъ творенья Фонтенеля,
Прочелъ и нашихъ кой-кого,
Не отвергая ничего. *Евг. Онѣг.* Гл. VIII.

удовлетворенія той *жажды знанія*, которую, за отсутствіемъ другихъ цѣлей, возбуждалъ я въ себѣ всѣми силами. Я искалъ общества *умныхъ людей*, изловчался въ довольно невинныхъ эпиграммахъ на счетъ всякихъ тогдашнихъ порядковъ и не безъ нѣкотораго самодовольства сознавалъ себя все болѣе и болѣе споспѣшествующимъ въ довольно рѣдкой тогда, еще менѣе благодарной, но за то небезопасной роли *фрондера*. „А что, говорилъ я себѣ иной разъ, если вдругъ пригласятъ меня къ Цѣпному мосту, а оттуда съ *синимъ* усачомъ да прямо въ Вятку?“ И, признаться-ли вамъ въ моемъ ребячествѣ, „въ груди дрожали жизни силы“ съ какой-то особою гордостью при этой мысли...

Въ свѣтѣ, куда я появлялся довольно часто, многіе начинали избѣгать меня, явно боясь компрометтироваться; меня это тѣшило въ моемъ духовномъ бездѣльи... Tempi passati Въ итогѣ—я скучалъ нестерпимо...

Жилъ я тогда въ домѣ Жербина, что на Михайловской площади. Подъ Новый годъ, возвращаясь къ себѣ поздно домой, гляжу—домъ дворянскаго Собранія горитъ всѣми освѣщенными своими окнами; у подъѣзда конные жандармы, на площади ряды каретъ... Маскарадъ!... Отправиться развѣ?...

Отправился; взялъ внизу билетъ, поднялся по лѣстницѣ—и остановился на полпути противъ большаго зеркала, поправить галстукъ и прическу.

Въ это самое время, легкимъ и быстрымъ шагомъ спускаясь по ступенькамъ и шурша изящнымъ шелковымъ домино, какая-то маска пріостановилась на мигъ у загороженной мною узкой площадки:

— Pardon, Monsieur!...

Я поспѣшилъ посторониться. Она мелькомъ повернула изъ подъ капюшона голову въ мою сторону:

— Засѣкинъ! послышался мнѣ вдругъ какъ бы знакомый голосъ:—какъ я рада васъ... *тебя* видѣть! поправилась она.

— И я также! засмѣялся я.

— А ты меня знаешь развѣ? запищала она уже маскированною интонаціей.

— Настолько вѣроятно, насколько ты меня,—это азбука!... А ты ужь домой ѣдешь?

— Да, тамъ скука ужасная... по случаю Новаго года. Pas une âme connue!

— Une ame à damner? отпустилъ я.

— Пожалуй... А по-твоему, я непремѣнно должна быть un démon?

— Само собою: ангелы не ѣздятъ въ маскарадъ... И слава Богу! Пойдемъ назадъ со мною,—je risque la damnation!

— Пойдемъ! глухо засмѣялась она подъ маской. — А знаешь, говорила она, просунувъ руку свою подъ мою и медленно подымаясь по лѣстницѣ, при чемъ тонкія оконечности ея ножекъ, словно дразня мой жадный взглядъ, едва коснувшись ступенекъ, исчезали и выступали опять на мгновеніе, одна послѣ другой, изъ-подъ тяжелой ткани длинной ея юбки,—знаешь, что ты главная причина того, что я здѣсь? Я надѣялась видѣть тебя...

— „*Главная*“, я согласенъ, сказалъ я: — все равно, что женское письмо; *главное*—предлогъ, вздоръ, первая вещь, попавшаяся подъ глаза. А вотъ небрежный post scriptum, то, гдѣ заключается весь смыслъ и вся тайна писаннаго, — это все-таки *не я?*

Подъ маской слегка засмѣялись опять:

— Ты скроменъ, и за это слѣдуетъ тебѣ награда! Я не такъ выразилась: — post scriptum — это именно *ты!* А *главное*... главное—то, что я умираю отъ тоски, Засѣкинъ! вырвалось у нея съ какою-то страстною искренностью.

Опять знакомые звуки... Неужели *она?*... Но она далеко отсюда...

— И я тѣмъ же боленъ! молвилъ я ей въ отвѣтъ:—только поводы къ этому у насъ, надо полагать, не одинаковы, и даже совсѣмъ, должно-быть, противоположны: я тоскую отъ недостака,—ты, нѣтъ сомнѣнія, отъ преизбытка.

— Чего преизбытка?

— Любви, разумѣется.

— Какой любви? вскликнула она какъ бы съ сердцемъ.

— Вопервыхъ, надо полагать, законной... Мужъ... и, вѣроятно, ревнивецъ...

— Мужъ! повторила маска какъ бы нѣсколько озадаченно:—У меня мужа нѣтъ... Я вдова!...

— Само собою, сказалъ я, — всѣ женщины вдовы подъ маской...

Мы вошли въ залу. Она уже замѣтно рѣдѣла. Сильные міра, усердно посѣщавшіе маскарадъ въ ту пору, успѣли исчезнуть. Гвардейскіе офицеры, въ *венеціанкахъ* на плечахъ и шляпахъ *по формѣ*, понуро вели на верхъ, ужинать, разноцвѣтныя домино, съ какими-то шишаками на головахъ. Всякіе Грузины и Черкесы изъ *Собственнаго конвоя* тащили, улыбаясь съ торжествомъ достойнымъ лучшей участи, повисшихъ у нихъ на рукѣ невозможныхъ барынь съ невозможными спинами, подъ невозможными сквозными косынками. Подъ портретомъ, у Царской ложи, возсѣдала аристократія маскарадныхъ *завсегдателей*. Кругомъ ихъ слышались звонкій визгъ, и плескъ рукъ, и картавый парижскій говоръ...

— Подальше, подальше отъ нихъ! шептала мнѣ моя маска, проходя мимо,—кто-нибудь можетъ меня узнать!...

Тѣнь сомнѣнія пробѣжала у меня въ головѣ.

— Кого же изъ этой компаніи можетъ она знать и бояться?... Или я ошибаюсь?...

Мы усѣлись въ одной изъ боковыхъ залъ.

— Я не лгу, говорила маска,—я, въ самомъ дѣлѣ, вдова: въ сердцѣ у меня могила...

— А у меня опорожненный погребъ, — nous sommes manche à manche, поспѣшилъ я отвѣтить: мнѣ нисколько не хотѣлось въ эту минуту, чтобы разговоръ нашъ принялъ сентиментальный оттѣнокъ.

Моя маска какъ бы тотчасъ же поняла это:

— А что же, заторопилась она молвить какимъ-то вдругъ какъ бы повеселѣвшимъ голосомъ, приподымая опущенную голову,—а *прежнее* твое куда же дѣвалось?

— Прежде всего, что ты понимаешь подъ моимъ „прежнимъ“?

— Разумѣется *ее?*

— Имя ея—легіонъ! лгалъ я немилосердно:—опредѣли!

— Она... Маска какъ бы колебалась одно мгновеніе, — прошлою зимой ты хотѣлъ жениться на ней. Довольно тебѣ этого опредѣленія?

И темные глаза изъ-за ихъ прорѣзокъ заискрились мгновенно какимъ-то фейрверочнымъ огнемъ...

Будто чѣмъ-то холоднымъ и острымъ кольнуло меня отъ этихъ словъ, отъ этого взгляда; я судорожно прижмурился...

— Это былъ кошмаръ! вырвалось у меня невольно.

— Кошмаръ! медленно проговорила домино,—да... *Le tout était un mauvais rêve!* добавила она какъ бы про себя.

Она сжалась, словно дрогнувъ, достала платокъ изъ кармана и поднесла его ко рту подъ длинною шелковою бородкой своей маски.

Отъ этого платка донесся до меня тонкій, давно знакомый запахъ *ириса*... Я уже не сомнѣвался: — эти изжелта-темные глаза съ ихъ фейерверочнымъ блескомъ, „божественныя плечи", какъ называлъ ихъ Булдаковъ, которыя я отгадывалъ подъ тяжелыми складками ея капюшона, — это была она, Наталья Андреевна!

Словно угаръ какой-то, кинулся мнѣ въ голову этотъ тонкій, проницающій запахъ *ея*. Я вдругъ *почувствовалъ* красоту этой женщины, а съ нею и то, что одну эту женщину въ мірѣ я могъ любить... и что я ее любилъ теперь, любилъ какимъ-то пьянымъ, одуряющимъ и уже всего меня уносившимъ чувствомъ...

— Хочешь знать мою тайну? заговорилъ я вдругъ, овладѣвая рукою, въ которой держала она платокъ, и жадно нагинаясь къ нему лицомъ.

Она тихо высвободила руку.

— Что съ тобой? сказала она съ оттѣнкомъ изумленія.

— Что? повторилъ я:—ты не поняла?

— Нѣтъ! слегка закивала она головой.

— Да... какъ всегда! Ты... *Она*, началъ я опять, осиливая насколько могъ обнимавшее меня всего волненіе, — *она* никогда не хотѣла понять меня!

— Про кого ты говоришь?

— Про ту женщину, которую я люблю... любилъ всегда... и которая этого никогда знать не хотѣла!

— Ты любилъ... протянула вопросительно маска,—а она?

— А она любила другаго.

— И ты это зналъ?

— Зналъ-ли? Этотъ другой былъ другъ мой, и, чтобъ отклонить отъ него подозрѣніе въ свѣтѣ, я, по ея волѣ...

— А этотъ другой, быстро прервала она меня,—*онъ* любилъ... эту женщину?

— Да! отвѣчалъ я не сейчасъ.

— И кинулъ?

— Не знаю! опустилъ я невольно глаза подъ ея загорѣвшимся взглядомъ.

— Да, кинулъ, безпощадно, разомъ, грубо... кинулъ какъ горничную! порывисто и горько зазвучалъ голосъ изъ-подъ маски,—она чуть не умерла тогда, эта женщина!...

— А я, съ новымъ приливомъ неодолимой страсти заговорилъ я опять, — я готовъ бы былъ какъ собака умирать у ея ногъ!

— Съ какихъ поръ? тихо засмѣялась она вдругъ, повертываясь всѣмъ лицомъ ко мнѣ.

— Отъ вѣка! воскликнулъ я.

Я не лгалъ: мнѣ дѣйствительно казалось въ эту минуту, что я *отъ вѣка* любилъ,—не могъ не любить—ее.

Она какъ бы задумалась.

— И, въ самомъ дѣлѣ, ты и въ то время, когда...

— Когда я отводилъ отъ *другаго* глаза ея мужа, помогъ я досказать ей съ невольною улыбкой.

— Vous preniez au sérieux votre rôle de *Chandelier?* *) уже какъ бы сочувственнымъ откликомъ послышался мнѣ снова ея смѣхъ.

Пылкія, пламенныя рѣчи полились изъ моихъ устъ. Я былъ краснорѣчивъ, я это чувствовалъ, какъ краснорѣчиво всякое искреннее, свободно высказывающееся чувство. То, что она была подъ маской, закутанная въ это непроницаемое

*) Подъ этимъ заглавіемъ извѣстная піеса А. де-Мюссе.

домино, придавало мнѣ какую-то неслыханную смѣлость и возбуждало воображеніе всею прелестью фантазіи и тайны. И слова мои не уносило вѣтромъ, я это опять-таки чувствовалъ,—она слушала меня, опустивъ голову, но бородка ея маски быстро шевелилась, я видѣлъ, подъ ея усиленнымъ дыханіемъ.

— Она вся жизнь, страсть, красота, эта женщина, говорилъ я,—и еслибъ она рѣшилась полюбить другой разъ...

Я не докончилъ.

Она сняла перчатку съ лѣвой руки и какъ бы разсѣянно перебирала другою кольца на ея длинныхъ, прелестнаго очерка пальцахъ. „Да, я все такъ же хороша, будто говорило мнѣ это движеніе, — вотъ тебѣ въ доказательство мои все тѣ же красивыя руки“. Я такъ и уставился на нихъ...

— Que nous veut-on? громко и нѣсколько надменно проговорила въ это время она.

Я поднялъ глаза.

Въ трехъ шагахъ отъ насъ остановились двѣ маски. Одна изъ нихъ, также непроницаемо закутанная, какъ и моя дама, пристально глядѣла на нее изъ-подъ опущеннаго на самые глаза капюшона.

Спутница ея, услыхавъ громкій споръ Натальи Андреевны, ухватила ее подъ руку и, шепнувъ ей что-то на ухо, повлекла съ собою въ большую залу.

— И что же, еслибъ эта женщина рѣшилась, завязывая опять прерванный разговоръ, начала моя красавица,—„рѣшилась въ другой разъ“, что бы ее ждало: тѣ же мученья и та же развязка?

— Beau masque, засмѣялся я,—опасенія твои напоминаютъ мнѣ того господина, который никогда не ѣдалъ устрицъ: не стану, говорилъ онъ, потому что, еслибъ я попробовалъ разъ, онѣ бы мнѣ, можетъ-быть, понравились, а я не хочу, чтобъ онѣ мнѣ нравились. А я вотъ, Дмитрій Засѣкинъ, знаю только то, что я на дняхъ ѣду въ Италію.

— Въ Италію? Для чего? воскликнула она.

— Veder Napoli e poi morir: увидѣть еще разъ *твои* глаза и подъ тѣмъ небомъ, а затѣмъ умереть, если они прикажутъ.

— А если ихъ нѣтъ въ Италіи, *этихъ* глазъ? спросила она помолчавъ.

— Поѣду за ними въ Сибирь, куда ихъ давно слѣдовало бы сослать за всякія ихъ преступленія.

— Propos de bal masqué, громко засмѣялась она, и поднялась съ мѣста,—поздно, я спать хочу.

— Покорнѣйше благодарю! поклонился я, подавая ей руку.

— А это за то, чтобы вы не говорили вздора, отвѣтила она, медленно подвигаясь со мною къ выходной двери.—Что̀ еслибъ одна изъ тѣхъ женщинъ, которымъ вы *считаете почему-то* ,*долгомъ* говорить эти нѣжности,— подчеркнула она,—повѣрила вамъ на-слово?

— Не испробуешь—не узнаешь, сказалъ я на это,—а слово мое вѣрно.

— Какъ и то, живо возразила она,—что все *прежнее*— „кошмаръ", и что ничего у васъ отъ него въ сердцѣ не осталось?

— Что̀ же дѣлать! весело пожалъ я плечами:—les *absentes* ont tort. Тѣмъ хуже для нихъ.

— *И для мертвыхъ тоже*, тихо, внятно и печально проговорилъ кто-то около насъ.

Мы оба съ нею вздрогнули, оба обернулись.

У самыхъ дверей, прижавшись къ стѣнѣ, стояла та же маска, что̀ за нѣсколько минутъ предъ этимъ обратила на себя наше вниманіе;—я ее тотчасъ же узналъ. Это была довольно высокая и худая, надо было полагать, особа, судя по свободно и длинно падавшимъ отъ самыхъ плечъ складкамъ ея чернаго домино. Глаза совершенно исчезали за кружевомъ, которымъ обшитъ былъ плотно окутывавшій все лицо ея капюшонъ. Глухой звукъ раздавшихся изъ-подъ него словъ не напоминалъ ни одного вѣдомаго мнѣ голоса...

— Lâchez-moi, прошептала Наталья Андреевна, быстро высвобождая свою руку изъ-подъ моей,—и узнайте непремѣнно, кто это!..

И она исчезла прежде, чѣмъ я успѣлъ опомниться.

IX.

Я прямо подошелъ къ таинственной особѣ.

— Позвольте узнать, не безъ нѣкотораго, признаюсь, сердечнаго біенія спросилъ я ее,—относится-ли то, что вы сейчасъ сказали, ко мнѣ, или къ... къ той, которая была со мною... или наконецъ къ обоимъ намъ?

Маска медленно повела головой внизъ.

— Къ обоимъ намъ, значитъ... Я имѣю честь быть вамъ знакомымъ? спросилъ я опять.

Она кивнула еще разъ.

— И... эта дама тоже?

— Нѣтъ! выразила она опять движеніемъ головы.

— Что же значили эти ваши слова, сказанныя *намъ обоимъ*, когда изъ насъ двухъ *ее* вы совсѣмъ не знаете?

— Вы поняли! такъ же глухо, но внятно проговорила маска.

Мнѣ стало жутко... Да, мы оба поняли... но къ чему—и кто же это?...

— Я былъ бы весьма счастливъ, молвилъ я опять, стараясь совладать съ чувствомъ какого-то безотчетнаго страха, который внушала мнѣ эта странная особа,—еслибы вы удостоили меня нѣсколькихъ словъ въ объясненіе того, что вы сказали.

Она отрицательно закивала опять.

— Вы не желаете!.. И нѣтъ средства склонить... Умолить васъ? попробовалъ я шутливаго тона.

Маска долго молчала, недвижная и какъ бы зоркая изъ-подъ своего кружева...

— Мы увидимся! проговорила она наконецъ.

— Когда? вскрикнулъ я.

— Черезъ годъ, послышался мнѣ ея отвѣтъ послѣ новаго, томительнаго для меня молчанія.

— Черезъ... Это мистификація! молвилъ я себѣ, какъ-то вдругъ совершенно успокоившись и заинтересованный теперь только тѣмъ, кому вздумалось этимъ забавляться.

— И здѣсь опять, въ маскарадѣ? уже весело спросилъ я маску.

— Гдѣ бы ты ни былъ! словно проронила она...

Я окончательно разсмѣялся.

— Ну, конечно! Даже въ Италіи? добавилъ я, отдаваясь весь мысленно снова тому блаженному чаду...

Она не отвѣчала. Изъ дверей, безцеремонно проталкиваясь широкими плечами сквозь толпу выходившихъ, показалась ея спутница, держа на рукѣ большую турецкую шаль. Она окутала ею маску, и обѣ онѣ вышли на лѣстницу.

— А кто ты, милая моя, я все же узнаю!

Я сбѣжалъ за ними, успѣлъ довольно скоро отыскать свою шинель въ швейцарской и выбѣжалъ на подъѣздъ въ то самое время, какъ маска, подсаживаемая лакеемъ въ шинели и какой-то ваточной фуражкѣ на головѣ, поднималась на подножку неуклюжей наемной кареты.

Спутница влѣзла за нею. Онѣ отъѣхали.

Я вскочилъ въ первыя подвернувшіяся извощичьи сани и велѣлъ ѣхать за каретой. Прозябшія ея клячи бѣжали довольно быстро. Ванька мой зато оказывался черезчуръ плохъ, и, не смотря на обѣщанный ему серебряный рубль,—тогда таковые еще имѣлись,—едва поспѣвалъ настолько, чтобы не потерять мнѣ лишь ее изъ виду. Къ счастію, ночь была довольно свѣтлая, и я видѣлъ, какъ карета, переѣхавъ Симеоновскій мостъ, повернула въ Литейную и, прослѣдовавъ по ней вдоль до Кирочной, заворотила опять въ эту улицу. На этомъ заворотѣ сани мои уже довольно далеко отстали отъ кареты, и я начиналъ терять надежду догнать ее, какъ вдругъ она остановилась у какого-то забора.

— Пошелъ, пошелъ скорѣе! кричалъ я своему извощику.

Но, еще не доѣзжая до мѣста, мы увидали съ нимъ, что маски, выпрыгнувъ изъ кареты, скользнули въ калитку, прорѣзанную въ этомъ заборѣ.

Я кинулся за ними вслѣдъ во дворъ, высоко уставленный дровами съ обѣихъ сторонъ. Онѣ быстро перебѣжали его и исчезли за другою калиткой, выходившей на Фурштатскую.

Эта калитка оказалась уже запертою снаружи въ ту минуту, когда я успѣлъ добѣжать до нея,—слѣдовавшій за ними слуга, видно, догадался... И въ то же время съ той стороны донесся до меня скрипъ колесъ по мерзлому снѣгу, шумъ захлопнутой дверцы... Ихъ тамъ — это было ясно,—ждала другая, своя карета...

Оставалась одна надежда: допросить кучера извощичьей кареты, оставшейся на Кирочной... Я побѣжалъ назадъ; увы, и онъ уѣхалъ, пока я возился тамъ у калитки...

„Съ чѣмъ же я пріѣду къ *ней*, къ моей черноокой красавицѣ?“ долго стоялъ я, одураченный, на тротуарѣ, и въ досадѣ на тощаго возницу, не успѣвшаго доставить меня вовремя къ мѣсту, рѣшительно отвергъ предложеніе его везти меня обратно и отправился пѣшкомъ домой.

Какъ инако глядѣла теперь эта зимняя ночь сравнительно съ той, когда я въ горячечномъ жару бѣжалъ въ казармы отъ *того* блѣдноокаго призрака!... Тамъ, въ Собраніи, одну минуту отъ словъ этой таинственной маски повѣяло на меня тѣмъ, прежнимъ, ненавистнымъ теперь мнѣ... Но тутъ нѣтъ ничего общаго, говорилъ я себѣ:—маска, нѣтъ сомнѣнія, свѣтская женщина, знакомая Натальи Андреевны; намекъ на Гордона—случайный откликъ темныхъ старыхъ слуховъ о его страсти къ ней; сама она, маска, пріѣзжала не для насъ совсѣмъ, у нея въ маскарадѣ было свое, *сердечное* дѣло, требующее особенной тайны: это лучше всего доказывается этими двумя каретами, сквознымъ дворомъ, переодѣтымъ лакеемъ, всѣми этими старыми преданіями любовныхъ похожденій... И ей была неудача въ маскарадѣ, уже смѣялся я внутренно:—того, для кого она пріѣзжала, тамъ не было, или, хуже, онъ занятъ былъ другой, и ей захотѣлось вымѣстить все это злобнымъ словомъ на насъ, невинныхъ,—на мнѣ, счастливцѣ...

Розы цвѣли у меня на душѣ. Никогда еще, казалось мнѣ, такимъ привѣтнымъ блескомъ не горѣли звѣзды въ высокихъ небесахъ, какъ въ эту холодную зимнюю ночь... Я думалъ о Натальѣ Андреевнѣ, о нежданной встрѣчѣ, объ этомъ внезапномъ и какъ бы между тѣмъ давно-давно горѣвшемъ во мнѣ пламени къ ней... Да, я давно, всегда любилъ ее, *не могъ не любить*, повторялъ я себѣ съ какою-то злостью за то, что раньше не открылъ въ себѣ этого чувства,—любилъ еще въ то именно время, когда, *по милости Гордона* „je fesais le chandelier“... И какъ прелестно сказала она мнѣ это сейчасъ!... Она самая блестящая, самая красивая и самая живая женщина въ Петербургѣ... И она... Я пойду за нею на край свѣта!... И какъ очутилась она здѣсь?... Это *судьба*... да, сама судьба этого хочетъ! Эти руки, эти глаза, эти „божественныя плечи“,—я ихъ увижу опять... увижу безъ маски!...

Я не спалъ всю ночь.

На другой день я едва дождался времени, когда, по свѣтскимъ обычаямъ, можно ѣхать къ людямъ съ визитомъ, и поскакалъ на Набережную.

— Здѣсь остановилась Наталья Андреевна ***? спросилъ я входя у швейцара.

— Тутъ-съ.

— Давно она пріѣхала?

— На прошлой недѣлѣ.

— Одна, или съ мужемъ?

— Однѣ-съ...

— Дома она?

— Дома-съ. Прикажете доложить?

— Доложи.

Онъ зазвонилъ. Съ перилъ лѣстницы свѣсилась голова лакея.

— Къ графинюшкѣ, возгласилъ старикъ-швейцаръ, называя ее по привычкѣ прежнимъ дѣвическимъ ея титуломъ,—къ графинюшкѣ господинъ Засѣкинъ!

Голова исчезла.

Я ждалъ какъ въ лихорадкѣ.

Лакей появился снова:

— Извиняются, не такъ здоровы, не могутъ принять...

— Что это значитъ?... Какъ ошеломленный вышелъ я на подъѣздъ...

— Можетъ-быть, въ окошкѣ... въ ребяческой надеждѣ, что она, можетъ-быть, теперь у окна смотритъ на меня, говорилъ я себѣ, перебѣгая черезъ улицу на широкій тротуаръ по сторонѣ Невы...

Но никого въ окнахъ видно не было. *Она* не высматривала меня оттуда,—„я нисколько не былъ для нея интересенъ“...

Сердце у меня упало. Она не хочетъ меня видѣть... А вчера? Вѣдь это она была, она,—она даже подъ конецъ голоса своего не измѣняла... И она говорила: „еслибъ эта женщина рѣшилась во второй разъ“... Она, значитъ, не обо мнѣ думала, говоря это: кто-то другой... Тамъ, можетъ-быть, въ Италіи... Она о немъ думала! Она, можетъ-быть, уже и *рѣшилась*... Ужасно!...

Ревность, злость, оскорбленное самолюбіе, цѣлая семья змѣй засосали у меня разомъ въ груди...

Иду я такимъ образомъ вдоль Невы, понуривъ голову, то медленными, то быстрыми шагами ступая въ раздумьи по широкимъ гранитнымъ плитамъ тротуара; гляжу: идетъ ко мнѣ какой-то господинъ въ новенькой бекешѣ съ серебристымъ бобровымъ воротникомъ, и, еще не доходя до меня нѣсколькихъ шаговъ, учтиво приподнимаетъ глянцовитую шляпу и также учтиво улыбается.

Всматриваюсь,—Скобельцынъ!

Меня будто повело всего...

А онъ продолжаетъ улыбаться и, дойдя до меня, протянулъ мнѣ руку:

— Какая пріятная встрѣча! заговорилъ онъ любезнымъ тономъ,—совсѣмъ не ожидалъ... Вы притомъ же перемѣнили костюмъ,—въ первую минуту я даже не совсѣмъ призналъ васъ... Мнѣ говорили, что вы за-границей... А не то я бы непремѣнно счелъ долгомъ...

А по глазамъ его вижу: лжетъ, ни малѣйшаго намѣренія не имѣлъ... И прекрасно сдѣлалъ!...

— Да, отвѣчалъ я ему,—я недавно оттуда вернулся, и скоро... на дняхъ собираюсь опять... А вы давно здѣсь, и надолго?...

— Какъ вотъ-съ съ представленіями кончу и отпуститъ министръ, принялся онъ снова, и уже самодовольно, улыбаться:—я, объяснилъ онъ,—удостоенъ на нынѣшнихъ выборахъ избраніемъ дворянства... въ губернскіе предводители...

— Искренно поздравляю васъ!... И вы здѣсь... одни? рѣшился я наконецъ выговорить съ первой минуты встрѣчи съ нимъ томившій меня вопросъ.

Онъ какъ бы смутился на мигъ, показалось мнѣ.

— Одинъ! довольно твердо проговорилъ онъ однако.

— А... Мирра Петровна?...

— Она... Я ее въ Москвѣ оставилъ.

— Съ матерью?...

— Да-съ... съ нею!...

— Такъ онѣ обѣ въ Москвѣ? переспросилъ я, глядя ему въ лицо.

— Обѣ-съ!

Онъ кашлянулъ, словно поперхнувшись.

— Какъ теперь здоровье... вашей супруги? началъ я опять.

Замѣтная тѣнь печали пробѣжала въ большихъ голубыхъ глазахъ Скобельцына.

— Ничего-съ... все то же! какъ бы вздохнулъ онъ.

— *То же?* протянулъ я за нимъ.

— Да-съ. Это у нея, знаете, врожденное... Чувствительность чрезвычайная. Грудь слаба...

— Вы еще... не отецъ семейства? спросилъ я, помолчавъ и стараясь при этомъ пріятно улыбнуться.

Онъ вдругъ вспыхнулъ весь...

— Нѣтъ-съ, промямлилъ онъ,—и снимая свою новую шляпу:—не смѣю болѣе удерживать... и самому мнѣ тутъ нужно... къ министру финансовъ... записаться...

— Очень радъ, что имѣлъ случай видѣть васъ! молвилъ я, пожимая ему руку,—а вы гдѣ здѣсь остановились,—въ гостиницѣ?...

— Нѣтъ-съ..! я... въ частномъ домѣ! торопливо прогово-

рилъ Скобельцынъ и также торопливо удалился, видимо избѣгая необходимости сообщить мнѣ свой адресъ.

Я растерянно обернулся ему вслѣдъ.

— Кто же это, наконецъ, былъ вчера: *она* или *не она?* ворочалось въ головѣ моей мучительное недоумѣніе.

Я сѣлъ въ свои сани и поѣхалъ домой.

На столѣ у меня лежало письмо, только-что, доложилъ мнѣ Назарычъ, принесенное какою-то „дѣвчонкою изъ магазина“. Отъ кого письмо и изъ какого магазина, онъ, по угрюмости своей и лѣни, разумѣется, не догадался спросить...

На письмѣ—сложенномъ втрое листкѣ почтовой бумаги—запечатанномъ облаткой безъ конверта, чьимъ-то круглымъ французскимъ почеркомъ надписано было коротко: „Monsieur Dmitri Zasékine“, а ниже приписано по-русски: „домъ Жербинъ“.

Письмо писано было тѣмъ же почеркомъ, по-французски, и говорило буквально слѣдующее:

„Домино, имѣвшее случай встрѣтиться вчера съ господиномъ Д. Засѣкинымъ (avec monsieur D. Zasékine) проситъ его сообщить ему *немедленно* о результатѣ его поисковъ, если таковые были имъ сдѣланы, относительно извѣстной ему встрѣчи.

„Надо полагать (il est probable), что исполненіе этого порученія покажется господину Засѣкину во всякомъ случаѣ (quoi qu'il en soit) менѣе затруднительнымъ, чѣмъ ѣхать строить воздушные замки въ Сибирь (que d'aller bâtir des châteux en Espagne en Sibérie)“.

Répondre aux lettres R. W.“ При семъ слѣдовалъ адресъ одного извѣстнаго въ Петербургѣ женскаго моднаго магазина.

Я воскресъ душою. Этотъ насмѣшливый намекъ ея на то, что я обѣщалъ ѣхать „за глазами“ ея въ Сибирь, исполнялъ меня безконечною радостью. Она не забыла, она шалитъ, ликовалъ я внутренно, — она продиктовала письмо своей модисткѣ, она тѣшится продолженіемъ маскарадной интриги,— *les suites d'un bal masqué*, вспомнилась мнѣ даже какая-то комедія подъ этимъ названіемъ... Ей хочется помучить, поиграть со мной... Какъ кошкѣ, какъ всякой женщинѣ, увѣрен-

ной въ своей власти... Она не принимаетъ меня, а пишетъ, дразнитъ... Что же,—пусть! Покоримся, но такъ, чтобъ ей самой захотѣлось укоротить мой искусъ, захотѣлось самой скорѣе увидаться со мной...

Я сѣлъ за столъ и, въ отвѣтъ на записку, накидалъ полушутливое, полунѣжное письмо, въ которомъ сообщалъ „волшебницѣ, скрывающейся подъ вчерашнимъ домино“, что я напалъ на слѣдъ весьма запутанной и сложной интриги, которая можетъ быть окончательно раскрыта лишь при помощи ея всесильныхъ чаръ, вслѣдствіе чего, прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшимъ розыскамъ, я осмѣливаюсь умолять о новомъ случаѣ увидаться съ нею, дабы, во-первыхъ, имѣть возможность передать ей устно имѣющіяся уже у меня данныя, въ тѣхъ неуловимыхъ ихъ подробностяхъ, которыя недоступны письменной передачѣ, а за тѣмъ—чтобы выслушать дальнѣйшій отъ нея по этимъ обстоятельствамъ приказъ. При этомъ слегка указывалось, что „необходимый для дѣла случай этотъ“ могъ бы, можетъ-быть, представиться въ маскарадѣ въ Большомъ Театрѣ, имѣющемъ быть черезъ два дня, „если только домино не предпочтетъ *принять* меня въ другомъ, менѣе многолюдномъ мѣстѣ“ (подразумѣвалось: у себя дома)...

Письмо это я повезъ самъ въ указанный мнѣ магазинъ, спросилъ хозяйку,ославъ ей предварительоо мою карточку, и тотчасъ принятъ былъ ею въ маленькой комнатѣ, составлявшей часть ея собственнаго апартамента.

— Вы знаете, кому должно быть передано письмо подъ этими буквами? спросилъ я, указывая ей на четко выведенныя мною на конвертѣ его R. и W.

— Certainement, monsieur! засмѣялась Француженка.

— И передать можете скоро?

— Черезъ часъ оно будетъ доставлено.

— Лично? спросилъ я, глядя ей въ глаза.

Она лукаво прищурилась.

— Vous en demandez trop, monsieur, и я не въ правѣ вамъ отвѣчать.

— Я спрашиваю потому, что это письмо требуетъ скорѣйшаго отвѣта и, еслибъ я могъ надѣяться, что вы увидитесь съ

этою дамой у себя, я бы могъ заѣхать самъ къ тому времени... за ея отвѣтомъ, примолвилъ я съ удареніемъ...

Француженка поняла и приняла строгій видъ.

— Ma complaisance ne peut aller jusque là, monsieur! возразила она съ напускнымъ достоинствомъ, — я могу обѣщать вамъ только, что письмо будетъ непремѣнно доставлено по назначенію, — и ничего болѣе: l'honneur de ma maisou m'impose des devoirs que je ne saurais enfreindre!...

Послѣ такой внушительной фразы о „чести“ ея корсажей и юпокъ, мнѣ оставалось только поклониться и уйти...

Прошелъ день, другой, третій,—отвѣта нѣтъ. Я не выходилъ изъ дому, не пилъ, не ѣлъ и вздрагивалъ съ головы до ногъ при каждомъ ударѣ колокольчика въ передней.

Наконецъ утромъ, на четвертыя сутки, городской почтальонъ принесъ письмо, на которомъ я тотчасъ же узналъ почеркъ моей красавицы, хотя она очевидно старалась измѣнить его...

„*Волшебница* (La *magicienne* de l'autre soir), писала она, — выражаетъ господину Засѣкину искреннее сожалѣніе свое о томъ, что не имѣетъ уже здѣсь никакого способа придти къ нему на помощь своимъ магическимъ жезломъ (sa baguette magique), ни даже выслушать его интересныя сообщенія. Она уѣзжаетъ,—она уѣхала (elle part—elle est partie). Veder *la Siberia* e poi morir.“

„Уѣзжаетъ, уѣхала, la Siberia“, въ первую минуту я ничего не понялъ...

Чрезъ четверть часа я, едва владѣя собой, входилъ въ сѣни дома ея матери.

— Наталья Андреевна *** дома? спросилъ я, насколько могъ спокойнѣе.

— Изволили уѣхать! отвѣчалъ старикъ-швейцаръ, тяжело подымаясь съ своего кресла и подымая на лобъ круглыя въ серебряной оправѣ очки.

— Съ визитами? спросилъ я, все еще не вѣря.

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ онъ, насмѣшливо, показалось мнѣ, глядя на меня изъ-подъ этихъ приподнятыхъ огромныхъ очковъ своихъ,—онѣ совсѣмъ изъ города изволили выѣхать.

— Когда?...

— Вчерась утромъ, въ двѣнадцатомъ часу.

— За границу обратно?

На лицѣ старика, знавшаго меня издавна, выразилось какъ бы участіе въ моей тревогѣ.

— Въ имѣніе свое поѣхали-съ, въ Малороссію, проговорилъ онъ почему-то шопоткомъ.

— Въ какую губернію?

— Въ Полтавскую, слышно...

— У нея тамъ имѣніе? такъ и вскликнулъ я.

— Въ наслѣдство получили, объяснилъ онъ, — отъ дѣдиньки, графа Матвѣя Ѳимыча,—можетъ слышали, померли они недавно,—такъ отъ нихъ досталось имъ. Вступать во владѣніе отправились. За этимъ и изъ-за границы пріѣзжали...

— Уѣхала?.. Одна? Сердце у меня такъ и прыгало...

— Повѣренный-съ съ ними-съ, взяли здѣсь — чиновника. Братецъ ихній, графъ Петръ Юрьичъ, намѣревались тоже ѣхать, да занемогли, вотъ уже третій день въ постели... Такъ онѣ... рѣшились однѣ...

Я ужь не слушалъ его и выбѣжалъ изъ сѣней...

— На Адмиралтейскую площадь, въ Казначейство, гдѣ подорожныя берутъ! крикнулъ я моему кучеру, вскакивая въ сани.

Имѣніе покойнаго графа Матвѣя Ѳимовича, доставшееся теперь Натальѣ Андреевнѣ и куда она уѣхала вчера „съ повѣреннымъ-чиновникомъ“, то-есть все равно что ни съ кѣмъ,— имѣніе это, знакомое мнѣ съ дѣтства, отстояло въ какихъ-нибудь 25—30 верстахъ отъ моего собственнаго *Доброволья*, въ томъ же уѣздѣ Полтавской губерніи... „Судьба, сама судьба все это устраиваетъ!“ повторялъ я себѣ въ упоеніи...

Вечеромъ того же дня я скакалъ въ кибиткѣ по Московскому шоссе, платя по цѣлковому на водку мчавшимъ меня ямщикамъ, къ великой досадѣ моего Назарыча, бранившагося со мною за это, къ великой моей потѣхѣ, чуть не на каждой станціи...

. . . . . .

— Veder la Siberia? расхохоталась Наталья Андреевна,

когда я въ первый разъ вошелъ въ уютную, глухую, маленькую гостиную, избранную ею въ обиталище въ затерянномъ углу огромнаго, занесеннаго снѣгомъ, барскаго дома, и въ которой она въ эту минуту грѣла у пылавшаго камина свои обутыя въ узорные чулки и темно-синія атласныя туфли, ножки...

— E poi morir! договорилъ я, страстнымъ, неодолимымъ движеніемъ падая къ этимъ ногамъ...

Въ этой „Сибири“ я провелъ съ нею полтора мѣсяца самаго безумно-счастливаго времени во всей моей жизни...

X.

Я уѣхалъ за нею въ Неаполь.

Она не обманывала меня тогда подъ маскою, говоря, что у нея нѣтъ мужа. Она была дѣйствительно вдова, въ томъ по крайней мѣрѣ смыслѣ, что между ею и мужемъ оставались уже общими лишь обитаемый ими великолѣпный palazzo на Chiaja, Французъ-поваръ, да совмѣстныя обязанности ихъ дипломатическаго положенія по части пріемовъ и выѣздовъ, обѣдовъ и вечеровъ. Затѣмъ—у мужа была танцовщица, преусердно плясавшая въ San Carlo въ зеленомъ трико до пояса *);—у Натальи Андреевны...

При широкой свободѣ итальянскихъ нравовъ и обычаевъ тѣхъ временъ, отношенія наши, еслибъ и были менѣе тщательно скрываемы нами, не смутили бы конечно ни чьей совѣсти. Но тайна наша была дорога намъ; я любилъ ее съ такимъ благоговѣніемъ, а она, при всей пылкости своей природы, такъ умѣла сдерживаться, такъ дорожила вмѣстѣ съ тѣмъ этою холодною внѣшностью пріемовъ, подъ которою какъ бы еще пронзительнѣе, еще глубже забирало насъ пламенемъ страсти, что самый строгій censor morum, увидавъ насъ вмѣстѣ, не могъ бы въ этихъ отношеніяхъ подыскать, что говорится, ни сучка, ни задоринки...

Такъ прошелъ почти годъ,—годъ ясный какъ итальянское небо, безъ тучки на его сіяющей лазури. И конца, казалось мнѣ иногда, не видать этому безконечному счастью.

---

*) Королевское повелѣніе воспрещало, цѣломудрія ради, тѣльный цвѣтъ тогдашнему неаполитанскому кордебалету.

Ноябрь, по новому стилю, уже приходилъ къ концу. Вдругъ получаю письмо изъ Россіи, отъ котораго я чуть съ ногъ не свалился.

Въ моемъ Добровольи сгорѣла устроенная еще покойнымъ моимъ отцомъ въ довольно большихъ размѣрахъ фабрика солдатскаго сукна, принимавшая казенные заказы на значительныя суммы денегъ. Послѣдній подрядъ, къ счастію, былъ сданъ за нѣсколько дней предъ этимъ, но весь новый запасъ шерсти, станки и машины погибли въ пожарѣ вмѣстѣ съ самимъ зданіемъ, а—что хуже всего,—старикъ управитель мой, испытанный и знающій человѣкъ, такъ пораженъ былъ случившимся, что слегъ въ постель и, какъ доносилъ мнѣ объ этомъ его молодой помощникъ, врачи даже сомнѣвались, останется-ли онъ живъ.

Дѣло шло почти обо всемъ моемъ состояніи,—это было для меня ясно. Надо было или тутъ же на все махнуть рукою, или немедленно скакать въ Россію и отыскать средства вывернуться изъ сквернаго, но, быть-можетъ, еще поправимаго положенія.

Наталья Андреевна первая мужественно потребовала, чтобъ я ѣхалъ, не теряя минуты. Мужъ ея весьма джентльменскимъ образомъ предложилъ мнѣ кредитоваться у него, насколько этого потребуютъ первые расходы на возведеніе фабрики вновь. Я благодарилъ и, разумѣется, отказался.

— И не нужно, говорила мнѣ наединѣ моя красавица,—я сама богата и вся твоя. Но ты такъ безтолковъ, что, пожалуй, откажешься и у меня взять. Такъ слушай: я практичнѣе тебя и съ моимъ женскимъ инстинктомъ найду рессурсы тамъ, гдѣ ты, можетъ-быть, совсѣмъ растеряешься. Поѣзжай же сейчасъ въ Добровольe, et parez au plus criant,—а чрезъ мѣсяцъ я сама пріѣду туда, въ свое Матвѣево, et nous aviserons!... То, что теперь представляется тебѣ великимъ несчастіемъ, можетъ сдѣлаться источникомъ новаго для насъ блаженства: сколько разъ говорилъ ты мнѣ, какъ бы хотѣлось тебѣ пережить еще разъ тѣ прошлогодніе полтора мѣсяца въ Матвѣевѣ „подъ вой и плачъ русской метели“! Поѣзжай же и жди меня.

Я уѣхалъ почти счастливый.

Дѣла мои, когда я прибылъ на мѣсто, оказались менѣе отчаянными, чѣмъ это рисовалось мнѣ въ Неаполѣ. Старикъ мой Германъ былъ уже на ногахъ и энергически боролся съ кризисомъ. Шерсть предлагалась намъ въ кредитъ безъ срока и въ какомъ угодно количествѣ; деньги на возобновленіе фабрики можно было выручить отъ продажи части лѣса, и такъ уже давно предназначеннаго Германомъ къ продажѣ...

— А выстроимся лучше прежняго, и машинки новѣйшаго устройства выпишемъ, прибыли увеличимъ, весело потиралъ онъ уже себѣ руки,—только годика на два придется вамъ на пищу святаго Антонія себя посадить.

— И то нѣтъ, говорилъ я, — проживу въ довольствѣ и отъ русскихъ моихъ имѣній.

— Такъ то оброчныя деньги, презрительно поводилъ онъ на это плечомъ; въ его оригинальныхъ понятіяхъ оброчныя, то-есть приносимыя мужикомъ, деньги были какъ бы не тѣ же деньги, что выручалъ онъ отъ продажи сукна и хлѣба...

Но объ этомъ счастливомъ оборотѣ моихъ обстоятельствъ я не упоминалъ въ письмахъ къ Натальѣ Андреевнѣ, боясь, чтобъ это какъ-нибудь не повліяло на намѣреніе ея пріѣхать въ Матвѣево. Я ей писалъ, напротивъ, что „ея женскій инстинктъ“, что ея „практичность“ нужны мнѣ теперь болѣе чѣмъ когда-либо, что „русская метель воетъ и плачетъ“ кругомъ меня еще поэтичнѣе, чѣмъ прежде, и что Италія адъ сравнительно съ тѣмъ раемъ, который ждетъ ее здѣсь...

А въ ожиданіи ея я принялся серьезно знакомиться съ положеніемъ моего состоянія, о которомъ я до сихъ поръ, какъ настоящій русскій дворянинъ, имѣлъ лишь весьма поверхностное понятіе, провѣрялъ конторскія книги за цѣлый рядъ лѣтъ, ѣздилъ по лѣсамъ, ревизовалъ оброчныя статьи, и подолгу—и, какъ говорилъ безцеремонный Германъ, даже „не совсѣмъ глупо“,—толковалъ съ выписанными мною архитекторомъ и механикомъ о планѣ и устройствѣ фабрики, которую предполагалось начать строить съ самой ранней весны.

Все утро проходило въ занятіяхъ и разъѣздахъ. Обѣдалъ я поздно, часу въ шестомъ, почти всегда одинъ, а послѣ

обѣда подремывалъ у камина, или перечитывалъ въ десятый разъ кое-какія книги, привезенныя мною изъ Петербурга еще въ прошломъ году. Въ восемь часовъ приходилъ обыкновенно Германъ и сидѣлъ у меня часа полтора, а за тѣмъ мы расходились по постелямъ; ложился я въ десять, а вставалъ въ шесть, совершенно по-деревенски.

Одинокая жизнь эта длилась уже цѣлый мѣсяцъ. Наступили Святки. Къ этому времени я успѣлъ получить письмо отъ Натальи Андреевны. „Я все разсчитала, писала она, — жди меня между нашимъ Рождествомъ и Новымъ годомъ au plus tard“. И я ждалъ теперь съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ посланца изъ Матвѣева, имѣющаго привезти мнѣ блаженную вѣсть...

Но вотъ уже и канунъ Новаго года, а ея нѣтъ! Съ утра била меня лихорадка. Это былъ послѣдній срокъ; я зналъ, что она *практична*, что она, дѣйствительно, „разсчитала“: если она не ѣдетъ, значитъ, что-нибудь случилось дорогой.

„Что, гдѣ могло это случиться?“ волновался я, сидя послѣ обѣда предъ трещавшимъ огнемъ въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ, принадлежавшемъ еще покойному моему дѣду, и въ которомъ, по семейному преданію, онъ даже и умеръ;—она ѣдетъ на Вѣну, Черновицъ... Оттуда до Полтавы сколько дней?... Дорога теперь установилась... Развѣ что не догадалась она на границѣ велѣть поставить карету свою на полозья?... Въ снѣгахъ завязла? Боже мой, только чтобъ не заболѣла она!... О, какъ мучительна эта тревога ожиданія!..

И, чтобы вырваться хоть на минуту изъ томящаго круга этихъ мыслей, въ которомъ я вертѣлся съ самаго утра какъ бѣлка въ своемъ колесѣ, я взялъ со стола, стоявшаго у камина, рядомъ съ моимъ кресломъ, лежавшій на немъ какой-то томикъ.

Это былъ Лермонтовъ.

— И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли—

прочелъ я подъ пламень камина на первой открывшейся мнѣ страницѣ.

Я задумался... Воспоминанія роемъ замелькали предо мною: прошлые дни, темные и сіяющіе, Сергіевская, Гордонъ, нашъ разрывъ и та встрѣча въ Собраніи, и новая любовь, и... Вѣки мои сомкнулись, голова опустилась на грудь...

Слышу, дверь изъ маленькой залы, отдѣлявшей кабинетъ отъ прихожей, отворилась. Кто-то вошелъ...

Я обернулся въ ту сторону:—Боже мой, что же это?..

Домино, въ бархатной маскѣ, съ капюшономъ, спускавшимся на самые глаза, медленными шагами подвигалось отъ двери ко мнѣ...

— Nathalie! кинулся я ей на встрѣчу,—прелесть моя, ты пріѣхала!.. Но какъ ты здѣсь... и въ этой маскѣ?..

Я схватилъ ея руку, привлекъ къ себѣ... и отодвинулся невольно: рука эта, тѣло подъ шелковыми складками,—были тверды и холодны какъ ледъ.

— Ты смерзла вся, моя милая... Садись къ огню скорѣе! Говори, я ждалъ, что ты пришлешь за мной изъ Матвѣева, а ты сама... Что же молчишь ты?.. Говори! говори, какъ попала ты сюда?

— Я сказала, что буду, и пришла! раздался изъ-подъ маски голосъ, отъ звука котораго вся кровь застыла у меня въ жилахъ.

— Ты... пришла? беззвучно пролепеталъ мой языкъ.

Еще беззвучнѣе скользнула маска и очутилась у камина, опершись локтемъ о его мраморный уголъ, уронивъ голову на руку, черная отъ головы до ногъ и недвижная какъ могильный памятникъ...

— Ты ждалъ *ее?* будто капли горючей смолы падали слова ея мнѣ въ ухо:—Сегодня годъ вашему союзу...

Я вспомнилъ вдругъ:—да, ровно годъ тому назадъ, въ Петербургѣ, я встрѣтился съ нею... и съ *этою!..*

— Грѣхъ и погибель! проронила *эта* слогъ за слогомъ.

— Что ты отъ меня хочешь? въ мучительной тоскѣ могъ только проговорить я, падая какъ подкошенный въ свое кресло.

— Я пришла простить вамъ, послышался мнѣ опять слов-

но стонущій ропотъ ея словъ,—простить, какъ и *онъ* простилъ... за нашу смерть...

— О! воскликнулъ я, исполняясь вдругъ чувствомъ какой-то безконечной жалости и вины моей предъ нею,—развѣ и ты?.. И ты?..

— Я съ нимъ! отвѣчали мнѣ будто изъ воздушныхъ пространствъ уже летѣвшіе звуки,— онъ *тамъ* будетъ со мной... *тамъ*... въ странѣ лучей... Я вымолила его... Я *послана* была за нимъ... Теперь назадъ, назадъ... въ отчизну!.. О, какъ сладко!.. Ты, бѣдный, темный, ходящій во мракѣ,—молись... и помни... Помни!..

Маска свалилась изъ-подъ капюшона домино. Мирра глядѣла на меня недвижными глазами, и изъ этихъ глазъ лился ослѣпительный, всего меня прожигавшій свѣтъ, изсохшія уста съ какою-то страшною красой улыбались неподвижною, неземною улыбкой, шептали какимъ-то нечеловѣческимъ шепотомъ:

— Помни... до свиданія!..

Я закричалъ въ невыразимомъ ужасѣ—и...

И проснулся...

Это былъ сонъ, ужасный сонъ! Холодный потъ обливалъ лицо мое, руки и ноги дрожали лихорадочнымъ ознобомъ...

Я былъ одинъ, почти въ темнотѣ: дрова потухли въ каминѣ; другаго свѣта въ комнатѣ не было. Въ залѣ слышались спѣшные шаги Назарыча.

— Что вы? встревоженно молвилъ онъ входя.

— А что?

— Никакъ кричали?

— Да... кажется...

— То-то!... Свѣчи зажечь?

— Зажги... Приснилось что-то такое... страшное, счелъ я нужнымъ объяснить, въ успокоеніе его.

— Безпокоите вы себя безъ толку! пробурчалъ Назарычъ, ставя на каминъ зажженную свѣчу.—Тьфу ее! Чуть въ огонь не попала! вскликнулъ онъ, какъ бы ловя что-то на лету.— И кладете-ль, вѣдь, на самый уголъ!

— Что такое?

— Да книга вотъ!...

— Какая книга?

— А почемъ я знаю, какія у васъ книги!... Французская, должно-быть?...

И онъ съ мѣста протянулъ мнѣ, не оглядываясь, книгу въ малиновомъ сафьяномъ переплетѣ.

Это была *Серафита* Бальзака, два года назадъ отосланная мною, по просьбѣ Гордона, Маргаритѣ Павловнѣ Оссовицкой для передачи дочери ея... На бѣлой страничкѣ, подъ переплетомъ, написано было одно слово: „помни!“—то слово, что̀ слышано было мною во снѣ.

У меня зазеленѣло въ глазахъ...

— Тамъ еще кто лѣзетъ! крикнулъ въ это время Назарычъ, направляясь въ переднюю, откуда сквозь растворенныя имъ на пути двери достигалъ до кабинета стукъ чьихъ-то вошедшихъ толстыхъ сапоговъ.

— Изъ Матвѣева. Барыня вернулись! доложилъ онъ, тотчасъ же возвращаясь назадъ.

Я не отвѣчалъ.

— Кучеръ ихній, продолжалъ Назарычъ,—говоритъ, приказывали: когда васъ ждать?... Завтра что-ль поѣдете?

— Нѣтъ, сейчасъ, сію минуту! вскрикнулъ я, разомъ вскакивая съ мѣста.—Лошадей скорѣе!

— На дворѣ мететъ страсть, возразилъ мой старикъ,—погодить бы вамъ до утра лучше!

Но я его слушать не хотѣлъ; дома, я зналъ, я бы не спалъ всю ночь.... Тамъ живая душа, здѣсь призраки... страхъ и раскаяніе...

Я поѣхалъ.

Кучеръ Натальи Андреевны, которому приказано было ею вернуться немедленно съ моимъ отвѣтомъ, узнавъ, что я собрался тотчасъ же отправиться, счелъ своимъ долгомъ выѣхать впередъ на парѣ своихъ уже нѣсколько уставшихъ лошадей. Тройка моя нагнала его въ концѣ длинной аллеи тополей, соединяющей Доброволье съ однимъ изъ моихъ хуторовъ. Онъ крикнулъ что-то моему кучеру и погналъ своихъ коней.

— Чего гонишь, чортовъ сынъ! промычалъ мой Филиппъ, приподымаясь на облучкѣ и пристально вглядываясь въ даль.

Снѣгъ залѣплялъ намъ глаза. За околицей хутора небо, земля, окрестность—все слилось въ одну безконечную, мутную, волнующуюся пелену. Дорога шла между пахатными полями; ни деревца, ни плетня ни въ какой сторонѣ не было, или не было видно; только впереди, подъ взрывами свистящаго, остраго вѣтра, проглядывало минутами сквозь сыпавшійся немилосердно снѣгъ темное пятно бѣжавшихъ предъ нами саней. Я покрѣпче запахнулъ шубу и откинулся въ спинку кибитки.

Все безпощаднѣе выла и надрывалась буря... Какіе-то неуловимые, но чудовищные, мерещилось мнѣ, образы вились и сплетались, и проносились „рой за роемъ

Въ безпредѣльной вышинѣ“...

То же жуткое чувство недоумѣнья и страха забирало меня за сердце. Я закрывалъ глаза и долго старался не открывать ихъ... Но тамъ, за сомкнутыми вѣками, еще грознѣе какъ будто представалъ *тотъ* блѣдный, мертвый образъ... Я встряхивалъ головою и опять озирался кругомъ... Та же бѣлая, безконечная, однообразная и сливающаяся пелена неба, земли и окрестности... Только вѣтеръ все острѣе рѣжетъ лицо и забирается подъ шубу, и снѣгъ все немилосерднѣе валитъ подъ полозья, подъ копыта храпящихъ моихъ коней...

— Не сбиться бы намъ, Филиппъ!... Передоваго видишь? спрашиваю я, не дождавшись отъ него отвѣта.

Онъ молчитъ опять... Хлопьемъ несетъ ему прямо въ глаза... Онъ, очевидно, не видитъ ничего и ѣдетъ наудачу впередъ,— слѣдъ дороги давно замело вѣтромъ... Я встаю въ саняхъ и вонзаю глаза мои въ даль:

— Вонъ, вонъ, влѣво... чернѣетъ! кричу я ему,—не отставай!

Но это не Матвѣевскій передовой, а большой, одинокій кустъ, нежданно выкидывающій изъ-подъ пластовъ навалившаго подъ него снѣга свои жидкіе и оледенѣлые прутья... Передовой исчезъ... Филиппъ принимается кликать его... Но его хриплый голосъ пропадаетъ въ визгѣ разсвирѣпѣвшей метели.

— И николи-жь тутъ, ажъ до самаго Веребья, бормочетъ Филиппъ;—ни іеднаго куста не бувало.

— Гдѣ *тутъ*, знаешь-ли ты, гдѣ мы? вскрикнулъ я съ новою тревогой.

Онъ снова не отвѣтилъ, и снова захрустѣли полозья по снѣговой невѣдомой равнинѣ... И опять закрываю я глаза, и надрываетъ мнѣ опять сердце жалобный визгъ и вой безпощаднаго, ледянаго вѣтра.

— Тпру! слышу вдругъ испуганный голосъ моего возницы, и самъ онъ весь наваливается спиною на меня, сдерживая разбѣжавшихся лошадей.

— Что тамъ еще?

— Попримайте кони! передалъ онъ мнѣ возжи и, выпроставъ ноги изъ передка, побѣжалъ впередъ.

— Круча! донесъ онъ возвращаясь,—іихать не можно.

— Какъ круча! Я зналъ, на всемъ пути до Матвѣева не было ни одной балки, ни одного спуска.

— Або я знаю! дернулъ плечомъ мой Филиппъ.—Бисъ цутае! сиплымъ шопотомъ домолвилъ онъ.

Я вздрогнулъ съ головы до ногъ. Та же мысль проносилась у меня въ головѣ...

Мы плутали всю ночь—и на зарѣ очутились въ виду какого-то шинка, одиноко стоявшаго посередь какой-то неизвѣстно намъ куда и откуда ведущей дороги. Мы доплелись до него. Въ этомъ шинкѣ пришлось мнѣ часа три отпаивать водкой и оттирать снѣгомъ полузамерзшаго моего кучера. Оказывалось, что мы съ нимъ заѣхали Богъ знаетъ въ какую сторону и что отъ этого мѣста до Матвѣева оставались все тѣ же двадцать пять верстъ, которыя отдѣляли его отъ Доброволья.

Погода между тѣмъ стихла, и я снова отправился въ путь. На полдорогѣ попался ѣхавшій намъ на встрѣчу вчерашній посланецъ Натальи Андреевны. Онъ пріѣхалъ въ Матвѣево еще далеко за полночь и, въ оправданіе свое, увѣрялъ, что все время ѣхалъ впереди насъ, прямо по *жляху*, оглядывался и видѣлъ, какъ мы слѣдовали за нимъ, и вдругъ будто бы мы исчезли, какъ бы „унесенные вѣтромъ“, что ему „ажно страшно стало“, и онъ, боясь сбиться съ дороги отыскивая

насъ, счелъ за лучшее ѣхать прямо домой и доложить барынѣ, которая очень испугалась и разослала тутъ же ночью людей на лошадяхъ во всѣ стороны отыскивать меня.

Я нашелъ ее въ большой тревогѣ и изъ-за меня, и вслѣдствіе другаго обстоятельства, о которомъ поспѣшила она сообщить мнѣ, какъ только остались мы съ нею вдвоемъ въ новомъ, избранномъ ею на сей разъ углу ея огромнаго Матвѣевскаго дома.

— У меня домовые завелись! говорила Наталья Андреевна,—и душевное смятеніе слышалось сквозь смѣхъ, которымъ считала она нужнымъ сопровождать свои слова:—Вообрази, вчера я едва успѣла разобраться съ дороги и усѣсться въ моей прошлогодней гостиной,—я вся прозябла и грѣлась въ ожиданіи заказанной ванны у только-что зажженнаго камина,—горничная моя, черезъ комнату, раскладывала бѣлье мое въ шкафахъ... Я сидѣла противъ самаго зеркала, что̀ на каминѣ... Подымаю какъ-то глаза... И вдругъ... И вдругъ вижу, оттуда, изъ зеркала, смотрю не я, а глядятъ два глаза,—я только глаза различала, потому что остальное все сливалось въ одинъ какой-то неуловимый контуръ,—глядятъ прямо мнѣ въ глаза эти два глаза. Я ничего не поняла въ первую минуту: мнѣ показалось, что отъ усталости у меня двоится подъ вѣками... Я храбро подняла голову еще разъ... Они все тутъ же были, въ зеркалѣ, и глядѣли на меня, блѣдные, печальные и свѣтящіеся... и все ближе и ближе какъ бы выступали оттуда, будто хотѣли они сжечь меня своимъ невиданнымъ свѣтомъ... Тутъ я не выдержала, крикнула, позвала людей и немедленно велѣла все переносить сюда... И я узнала ихъ, эти глаза... И чуть не умерла отъ страха...

— Вы узнали? черезъ силу проговорилъ я только.

— Да, это была *та*, ты знаешь, которая тогда въ Петербургѣ съ ума свела васъ съ *нимъ* (Наталья Андреевна никогда не называла Гордона).

— Она?... Все она! прошепталъ я.

— Да... Но что̀ съ тобой? воскликнула Наталья Андреевна.—Ты боленъ, простудился въ эту проклятую ночь?...

— Нѣтъ!...

Она вскинулась на меня всѣмъ пламенемъ своихъ страстныхъ искристыхъ очей...

— Но что̀ съ тобой? Ты... Вы мнѣ даже руку не поцѣловали... *Вы*, подчеркнула она,—вы какъ будто не рады, что я пріѣхала?...

Я слабо усмѣхнулся... У меня на душѣ было скверно, очень скверно...

Разсказывать дальше почти нечего, закончилъ Дмитрій Иванычъ,—мы разошлись съ Натальей Андреевной. Она отправилась въ Неаполь; я уѣхалъ въ Кіевъ:—меня влекло... въ келью... Но русская монашеская жизнь не такова, чтобъ алчущіе мира душевнаго могли найти его тамъ... Я принялся странствовать, былъ въ Grande Chartreuse, въ la Trappe... Ни католикомъ, ни аскетомъ я впрочемъ не сдѣлался и возвратился въ міръ, но измѣненнымъ человѣкомъ. Тотъ таинственный свѣтъ, прозрѣтый на мгновеніе мною, какъ бы изъза края откинувшейся завѣсы, влекъ уже меня къ себѣ неотразимо...

Еще въ Кіевѣ получилъ я отъ *кузины*, невѣдомо какъ-то познавшей, что я тамъ, извѣщеніе о смерти ея дочери. Мирра скончалась 31-го декабря, въ восьмомъ часу вечера, то-есть въ тотъ именно день и часъ, когда приснилась она мнѣ. „Она умерла отъ чахотки, писала мнѣ несчастная мать, открывшейся у нея тотчасъ вслѣдъ за извѣстіемъ, что Леонидъ Сергѣевичъ убитъ на Кавказѣ. Она только этого одного человѣка и любила во всю свою жизнь, хоть и знала его такъ не долго, и никогда-то, можно сказать, у нихъ промежъ себя про любовь и рѣчи не было. Только пожелала она остаться ему вѣрною и — осталась. Евстигней Степанычъ былъ ей до смерти братомъ и больше ничего, никогда. На томъ условіи предложила она сама ему жениться на ней, — и онъ согласился, — очень онъ благородный человѣкъ и совсѣмъ убитъ теперь. Я объ этомъ узнала только отъ него послѣ ея кончины и, признаюсь тебѣ, не прощаю того, что онъ тогда все это скрылъ отъ меня. Еслибъ я знала раньше, я бы употребила всѣ средства, потому еслибъ она, ангелъ мой Божій,

сдѣлалась матерью, то, конечно, жила бы до сихъ поръ и не оставила меня на старость лѣтъ сиротой безутѣшной"...

Бѣдная женщина и годомъ не пережила дочери... Скобельцынъ живъ и до сихъ поръ и гдѣ-то губернаторствуетъ, женатъ во второй разъ, и куча, говорятъ, дѣтей...

Лѣтъ пять послѣ этого, я въ Лондонѣ столкнулся съ Натальей Андреевной въ дверяхъ Британскаго Музея. Она была все также роскошно хороша и шла подъ руку съ черно-кудрымъ красавцемъ, котораго я помнилъ еще съ Неаполя, герцогомъ della Torre-Leone. Я поклонился имъ. Кавалеръ ея учтиво приподнялъ шляпу; Наталья Андреевна не отвѣчала на мой поклонъ... Она была права — съ своей точки зрѣнія...

— И все? воскликнулъ я, когда замолкъ Флегонтъ Иванычъ.

— А то чего же еще желаете? усмѣхнулся онъ.

— Не спрашивали вы его: видѣлъ-ли онъ Мирру еще разъ? Вѣдь она говорила ему: до свиданія?...

— Спрашивалъ.

— А онъ что на это?

— „Не видѣлъ еще, отвѣчаетъ, — а увижу". И такъ увѣренно, знаете!... И дѣйствительно... не докончилъ мой спутникъ.

— Видѣлъ?

— Или *думалъ* видѣть, подчеркнулъ *современный* членъ суда,—а только-что какъ я имѣлъ уже честь вамъ доложить, смерть его тоже сопровождалась—или, вѣрнѣе сказать, предшествуема была—довольно странными обстоятельствами.

— Вы можете ихъ передать мнѣ?

Флегонтъ Иванычъ вмѣсто отвѣта полѣзъ, не растегивая пальто, въ боковой карманъ сюртука и вытащилъ оттуда бумажникъ.

— Вотъ-съ тутъ, молвилъ онъ, перебирая въ немъ толстыми пальцами,—тутъ у меня письмецо-съ одно хранится... Надо вамъ сказать-съ, когда вотъ это я жилъ въ городѣ супротивъ *Сосенокъ* и часто посѣщалъ Дмитрія Иваныча, такъ тогда мы къ нему часто компаніей ѣздили, — очень дружный кружокъ, знаете, вокругъ него образовался, — всего-то впро-

чемъ человѣка три: ну, вашъ покорнѣйшій слуга, разумѣется, предводитель уѣзный, отличнѣйшій человѣкъ, Александръ Евграфычъ Дѣвицынъ, русская душа, знаете, въ полномъ смыслѣ, честная и открытая, и третій былъ Константинъ Петровичъ Зеленскій, съ Дмитріемъ Иванычемъ посредниками вмѣстѣ были, и поднесь, должно-быть, посредникомъ остался,—человѣкъ это стараго воспитанія, грамотный, по ученой части долго служилъ... Такъ вотъ-съ они оба присутствовали при его смерти, — я въ то время назначенъ ужь былъ въ Саратовъ; въ 1867 году это было;—и Константинъ Петровичъ, зная, какъ я преданъ былъ покойному, обстоятельнѣйшимъ образомъ изложилъ все это въ письмѣ ко мнѣ... И вотъ-съ, если угодно, я вамъ могу прочесть, договорилъ Флегонтъ Иванычъ, вынимая изъ бумажника конвертъ, а изъ него нѣсколько тщательно сложенныхъ и мелко исписанныхъ почтовыхъ листиковъ.

— Сдѣлайте одолженіе! взмолился я.

— Гм, гм, началъ онъ, отыскивая глазами, — начало не интересно: сожалѣніе, разумѣется, выражаетъ... Потомъ... Да, вотъ оно! крикнулъ онъ, поправилъ pince-nez на носу и принялся читать.

„Онъ умеръ, потухъ, могъ бы я сказать, на моихъ глазахъ; я подымалъ его бездыханное тѣло, а между тѣмъ все, что совершилось предо мною, представляется мнѣ до сихъ поръ тяжелымъ, мрачнымъ сномъ,—такъ все это необыкновенно и необъяснимо. Судите сами!

„Всю прошлую зиму Дмитрій Иванычъ провелъ въ Римѣ, гдѣ съѣхался съ сестрою своей, графинею Бобрищевой-Пущиною, и ея сыномъ, а въ половинѣ мая вернулся въ Сосенки. Онъ привезъ съ собой племянника, молодаго графа (юноша скромный и твердо учившійся; такіе теперь рѣдки;). Здоровье нашего друга, на первыхъ порахъ, казалось, даже и значительно поправилось. Онъ былъ бодръ и веселъ, ѣздилъ верхомъ съ племянникомъ и говорилъ, что чувствуетъ себя помолодѣвшимъ. Однако, мѣсяцъ спустя, онъ сталъ опять жаловаться на сердцебіеніе, которое совсѣмъ было прекратилось въ бытность его въ Римѣ. Графъ послалъ тотчасъ же за док-

торами. Пріѣхалъ Лѣсовскій, пріѣхалъ еще одинъ, изъ сосланныхъ Поляковъ,—продѣлали весь свой обрядъ, раздѣвали больнаго, прикладывали ухо и къ спинѣ, и къ груди, болтали что-то промежъ себя и объявили, что опасности нѣтъ никакой, что больному впрочемъ не слѣдуетъ пить вина,—а онъ его, какъ вы знаете, и такъ не бралъ капли въ ротъ, — ни крѣпкаго чаю, а что затѣмъ лѣкарствъ не нужно никакихъ, и что сердцебіеніе Дмитрія Иваныча слѣдуетъ приписать весеннему воздуху и усиленному движенію, отъ котораго, пожалуй, лучше воздержаться. Затѣмъ поклонились, получили по красненькой и уѣхали. Графъ совершенно успокоился, да и Дмитрій Иванычъ съ тѣхъ поръ болѣе не жаловался. Такъ прошли еще двѣ недѣли.

„27-го іюня, вернувшись домой уже поздно вечеромъ изъ одной волости, нахожу у себя привезенное, говорятъ мнѣ, еще утромъ, письмо изъ Сосенокъ. Молодой графъ извѣщалъ меня двумя строчками, что „съ дядей нехорошо“, и просилъ немедленно пріѣхать. Я тотчасъ же, не раскладывая лошадей, отправился туда. Пріѣзжаю утромъ часовъ въ пять. Весь домъ, вижу, ужь на ногахъ. Провели меня тотчасъ къ графу, у котораго уже сидятъ и чай пьютъ Лѣсовскій и Александръ Евграфовичъ. „Что случилось?“ спрашиваю. На это графъ мнѣ передаетъ слѣдующее:

„Наканунѣ утромъ вошелъ онъ, по обыкновенію, къ Дмитрію Ивановичу звать его завтракать. Къ удивленію его, увидѣлъ онъ, что, несмотря на жаркую погоду стоявшую на дворѣ, въ кабинетѣ пылаетъ каминъ, — но онъ еще болѣе удивился, замѣтивъ, что дядя, небритый и въ халатѣ (чего съ нимъ никогда не бывало: онъ, помните, какъ всталъ, такъ и одѣлся щеголемъ,) сидитъ предъ огнемъ и какія-то письма туда кидаетъ.

„— Здоровы вы, дядюшка? спросилъ встревоженный молодой человѣкъ.—Ничего, живъ пока! отвѣчаетъ ему тотъ такимъ страннымъ голосомъ, что „мнѣ холодно сдѣлалось“, говоритъ графъ. Затѣмъ Дмитрій Ивановичъ взялъ его за руку и говоритъ ему: „надѣюсь, Юрій, что то, что я скажу тебѣ, ты примешь съ мужествомъ?... Первою мыслію того было, что

съ его матерью, которую онъ оставилъ на водахъ за границей, несчастье случилось.—Матушка!... не договорилъ онъ.—Нѣтъ, нѣтъ, слава Богу, перебилъ его очень живо Дмитрій Ивановичъ, она совершенно здорова и, надѣюсь, проживетъ еще долго! Нѣтъ, сказалъ онъ тихимъ, но твердымъ голосомъ,—*я* умру завтра!

„Племянникъ вскрикнулъ и кинулся ему на шею. Дмитрій Ивановичъ взялъ его за голову обѣими руками, крѣпко поцѣловалъ и прошепталъ ему на ухо: *„завтра, въ восемь часовъ утра“*...

„Вы можете себѣ представить ужасъ и недоумѣніе бѣднаго юноши! Ему сначала подумалось, что дядя рехнулся... Что съ вами, говоритъ, — отчего завтра, въ восемь часовъ?... Я *видѣлъ*, отвѣчаетъ Дмитрій Ивановичъ, *знаю!* И съ этимъ указываетъ пальцемъ на письменный столъ, на которомъ лежала раскрытая книга. Графъ подошелъ, смотритъ: книжка стиховъ Лермонтова, раскрыта на стихотвореніи *Ангелъ*, и подъ заглавіемъ спѣшнымъ и слабымъ, но довольно яснымъ почеркомъ помѣчено *28-го утромъ 8*... Что это значитъ? спрашиваетъ онъ.—*Она!* говоритъ на это Дмитрій Ивановичъ.—Кто она?... Но, вмѣсто отвѣта, дядя всталъ съ кресла и говоритъ ему: Оставь меня одного, Юрій, мнѣ надо еще весь этотъ старый хламъ въ порядокъ привести. Онъ провелъ его до дверей кабинета и заперся на ключъ.

„Все это такъ ошеломило графа, что онъ насилу добрался до своей комнаты и долго не могъ собрать своихъ мыслей. На его счастье, пріѣхалъ неожиданно самый полезный для него человѣкъ, а именно Лѣсовскій, которому онъ все и разсказалъ. Докторъ нѣсколько успокоилъ его, а, на всякій случай, посовѣтовалъ послать за Александромъ Евграфовичемъ и за мною, какъ за двумя самыми близкими къ Дмитрію Ивановичу людьми.

„И не разскажи мнѣ всего этого графъ, заговорилъ за нимъ Лѣсовскій, мнѣ бы и въ голову не пришло, что онъ ждетъ себѣ какого-то близкаго несчастья. Вышелъ онъ къ намъ изъ кабинета за часъ до обѣда; милъ былъ и любезенъ, какъ всегда, хорошо ѣлъ за обѣдомъ, шутилъ, по обыкновенію, надъ моею

медициной. На то, что было, или вѣрнѣй, *не было* съ нимъ (докторъ плечами пожималъ все время,), ни намека не было имъ сдѣлано. Часу въ седьмомъ послѣ обѣда, онъ, правда, ушелъ къ себѣ и опять заперся, а отъ Назарыча уже мы узнали, что онъ его ночью за священникомъ посылалъ, исповѣдывался и причастился... Только, повѣрьте вы мнѣ, графъ (утѣшалъ онъ молодаго человѣка,), все это у дяденьки вашего отъ его слишкомъ тонкихъ нервъ происходитъ, отъ крайней воспріимчивости: съ нимъ былъ кошмаръ, галлюцинація, а онъ... Повѣрьте, день сегодня пройдетъ отлично, и ему самому станетъ совѣстно, что онъ всѣхъ насъ перетревожилъ напрасно, отчего мы вотъ съ вами поднялись сегодня не выспавшись, со свѣтомъ.

„Входитъ на эти слова Назарычъ..."

— Потому всѣ мы его хорошо знали, старика, и любили очень, прервалъ на этомъ мѣстѣ чтеніе свое Флегонтъ Иванычъ,—настоящій то-есть типъ, знаете, слуги-брюзги изъ стараго романа...

— Не томите, почтеннѣйшій! взмолился я опять, — продолжайте!

— Да, такъ вотъ-съ...

„И говоритъ на это—Назарычъ, то-есть, счелъ нужнымъ пояснить еще Флегонтъ Иванычъ, — и говоритъ на это: мало его въ дѣтствѣ—то-есть, Дмитрія-то Иваныча, — сѣкли, такъ вотъ и чудилъ весь вѣкъ!... Только слова эти никого изъ насъ не разсмѣшили, потому, видимъ, на старикѣ лица нѣтъ и всего его, лицо и руки, подергиваетъ. — Я, говоритъ, господинъ докторъ, не знаю: будить мнѣ его или нѣтъ, потому 6 часовъ; не разбудишь какъ всегда, осердится, пожалуй? — Докторъ, нарочно, смѣяться началъ: а отчего тебѣ его не будить, онъ совершенно здоровъ!—То-то! пожалъ онъ бровями и пошелъ.—Погоди, старина, крикнулъ ему Александръ Евграфовичъ, до сихъ поръ все молчавшій, мы съ твоимъ чудакомъ штуку сыграемъ: часы во всемъ домѣ часомъ впередъ переставимъ; ты какъ войдешь къ нему, прежде чѣмъ будить, переставь и у него въ кабинетѣ стѣнные и карманные! — Ладно! закивалъ, понявъ, старикъ. Часы такимъ образомъ мы всѣ пе-

реставили въ домѣ, и только что кончили мы съ этимъ, какъ графъ, ходившій слушать у дверей дяди, проснулся-ли онъ, пришелъ намъ сказать, что онъ уже на ногахъ и проситъ насъ въ столовую. Мы всѣ туда и отправились.

„Минутъ черезъ десять вышелъ къ намъ и Дмитрій Ивановичъ. Никогда еще не видалъ я его такимъ свѣтлымъ, нарядным, какъ въ это утро; онъ былъ въ легонькомъ пальто, въ башмакахъ и цвѣтныхъ чулкахъ, красивый,—ну хоть сейчасъ подъ вѣнецъ итти! Увидѣвъ меня, онъ, повидимому, обрадовался и сказалъ страннымъ голосомъ: а, и вы тоже пріѣхали, спасибо! и, обращаясь къ доктору: можно мнѣ сегодня крѣпкаго чаю? спросилъ онъ съ улыбкой. — Ни сегодня, ни завтра, отвѣтилъ тотъ, принимая недовольный видъ, — вы знаете, что это кровь волнуетъ.—Ну, *сегодня* вы мнѣ въ этомъ не откажете, надѣюсь? сказалъ на это Дмитрій Иванычъ, подымая чайникъ надъ своимъ стаканомъ, и улыбнулся опять... Но отъ этой улыбки у меня защемило на сердцѣ, а у бѣднаго племянника навернулись слезы.

„Всѣмъ намъ сдѣлалось очень неловко. Александръ Евграфовичъ поспѣшилъ заговорить о какомъ-то пароходѣ новой конструкціи, который, по его словамъ, долженъ былъ стоять у города, насупротивъ Сосенокъ, и предложилъ идти посмотрѣть на него съ берега. Всѣ согласились и пошли садомъ. Дойдя до Волги, оказалось, что никакого парохода у пристани нѣтъ. Извѣстный обманщикъ! засмѣялся Дмитрій Ивановичъ, кивая на предводителя, а самъ легъ въ траву и долго глядѣлъ на рѣку, не говоря ни слова. Докторъ засвисталъ мотивъ какой-то пѣсни. Наша украинская? не оборачиваясь промолвилъ Дмитрій Ивановичъ. — *А то ни? Родна-жъ!* (то-есть, родная), закивалъ Лѣсовкій, тоже Малоросъ. Они заговорили о той сторонѣ. Дмитрій Ивановичъ поднялся, сѣлъ на скамейку... Глаза его заморгали (помните, какъ мило было въ его лицѣ это морганье!), онъ заговорилъ бойко, живо, горячо, какъ въ лучшія свои минуты. Докторъ изподтишка только подмигивалъ намъ: умирающій де каковъ! Такъ прошло довольно долго времени. Дмитрій Ивановичъ вдругъ какъ бы спохватился: домой, говоритъ, пора!.. Пошли назадъ. Онъ велѣлъ вы-

нести кресла изъ дому, и мы усѣлись на террасѣ подъ его любимымъ старымъ кленомъ. Разговоръ продолжался.

„Вдругъ изъ дому донесся звонъ часовъ.—Тс... заговорилъ онъ,—сколько бьетъ?—Восемь, отвѣчалъ Александръ Евграфовичъ, вынимая свои часы.—Восемь? повторилъ Дмитрій Ивановичъ,—не можетъ быть!—У меня даже двумя минутами за восемь перешло, сказалъ я, показывая ему свои часы.—Точно такъ! подтвердилъ графъ, подходя къ открытымъ дверямъ залы и кидая взглядъ на стоявшіе тамъ большіе столовые часы.—Восемь, и вы здоровехоньки! забасилъ докторъ, подходя къ Дмитрію Ивановичу, и взялъ его за пульсъ:—отличный! протянулъ онъ... Надо признаться, что всю эту комедію разыграли мы превосходно. — Странно! прошепталъ только Дмитрій Ивановичъ, обводя насъ недоумѣвающимъ взглядомъ.

„Страннѣе еще, пожалуй, то, что всѣ мы знали, что играемъ комедію, что часы поставлены нами впередъ, а между тѣмъ всѣ какъ будто забыли въ ту минуту объ этомъ, у всѣхъ у насъ отлегло отъ сердца, будто все миновало съ этой минуты. Какая-то ребяческая радость вдругъ охватила насъ. Александръ Евграфовичъ присталъ къ доктору, сталъ придираться къ каждому его слову, дразнить хохлацкими его *варенуками* да *пампушками*. Тотъ было даже не на шутку разгнѣвался, хотѣлъ возразить, заикнулся и неожиданно расхохотался. Расхохотались и всѣ ему вслѣдъ... Искренность нашей веселости должна была окончательно разувѣрить, кажется, Дмитрія Ивановича, если онъ и имѣлъ какое-нибудь подозрѣніе. Но лицо его среди общаго веселья сохраняло то же выраженіе тайнаго и печальнаго недоумѣнія, будто жаль ему было разстаться съ мыслью о близкой смерти...

„Между тѣмъ время летѣло. За всякими забавными разсказами, которыми угощалъ насъ повеселѣвшій опять докторъ, мы какъ бы забыли Дмитрія Ивановича. Я подошелъ къ нему: „Не утомляемъ-ли мы васъ?“ Онъ отрицательно покачалъ головою, поднялъ глаза и повелъ ихъ кругомъ себя какимъ-то будто жаднымъ и прощальнымъ взоромъ: „Какая тишь, сказалъ онъ мнѣ,—не шелохнется...“ и затѣмъ: „Помните это“, спросилъ онъ:

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

„— Къ чему же, говорю я ему на это, о гробѣ думать? Вотъ она, природа, объ этомъ не думаетъ! Жить, говорю, надо, Дмитрій Ивановичъ, жить да поживать!

„Онъ вдругъ обернулся на меня... Никогда не забуду его лица въ эту послѣднюю минуту! Оно все точно просіяло, точно какіе-то лучи исходили изъ него...—Жизни нѣтъ конца! улыбнулся онъ невыразимою улыбкой;—умирающій человѣкъ, сказалъ Гете, заходящее свѣтило, заря котораго уже блещетъ надъ другимъ мі...

„Онъ не кончилъ, схватился за грудь, судорожно дернулъ ногою и покатился назадъ... Я только вскрикнуть успѣлъ... Докторъ кинулся къ нему. Кровавая пѣна показалась на его губахъ, глаза были открыты, но уже недвижимы... „Разрывъ сосудовъ, кончено!“ могъ только проговорить Лѣсовскій...

„До сихъ поръ не могу безъ содроганья вспомнить эту минуту! Мы всѣ приросли къ своимъ мѣстамъ, какъ окаменѣлые. Среди общаго мертваго молчанія звучно раздался въ это время изъ залы бой большихъ стѣнныхъ часовъ... „Восемь, какъ сказалъ“, дрожащимъ голосомъ пролепеталъ Александръ Евграфовичъ:—„стрѣлки-то я передвинулъ, а бой не успѣлъ перевести“...

Лѣсовскій говоритъ теперь, что у покойнаго былъ аневризмъ сердца и что онъ это зналъ съ перваго разу, какъ слушалъ его, но не говорилъ—„будто чтобъ не испугать больнаго“. Да намъ-то что же мѣшало ему сказать?

„*Что* онъ видѣлъ? *Кто* повѣдалъ ему тайну его смерти? Тотъ же Лѣсовскій увѣряетъ, что помѣтка на томѣ Лермонтова,—который онъ, вѣроятно, сжегъ, потому что мы тщетно искали его повсюду,—могла быть сдѣлана имъ же самимъ подъ вліяніемъ бывшей съ нимъ галлюцинаціи, о чемъ онъ тутъ же забылъ, и при его „спиритскихъ бредняхъ“ объяснена имъ манифестаціей какого-то духа... Все это можетъ быть,

только какъ же выходитъ, что *какъ* тамъ было помѣчено, *такъ* и случилось?

„Нѣтъ, уважаемый Флегонтъ Ивановичъ, какъ ни вертите, а

Есть много на землѣ и въ небѣ, другъ Горацio, и пр.

„Помните, какъ вы сердились на покойнаго за это, говорили вы, *избитое, переизбитое* изреченіе и утверждали, что оно столько же доказываетъ въ пользу его *фантастическихъ* убѣжденій, сколько то, что *ѣдетъ чижикъ въ лодочкѣ въ генеральскомъ чинѣ* доказываетъ необходимость *выпить водочки по этой причинѣ*. Что-то вы теперь скажете?“

— А скажу я, началъ было мой спутникъ, складывая свои листики,—а скажу я то, что положительная наука нашего времени...

— И ничего болѣе въ письмѣ нѣтъ? поспѣшилъ я прервать его.

— Нѣтъ, ничего...

КОНЕЦЪ.

Stanford University Libraries
3 6105 015 016 665

PG
3467
.M327
1885
v.1

DATE DUE

STANFORD LIBRARIES

SEP 1 1987

I. L. L.

Stanford University Libraries
Stanford, Ca.
94305